

Министерство образования Ставропольского края
Ставропольский государственный университет
Ставропольский Дворец детского творчества

Литературно-
художественный
альманах

ВДОХНОВЕНИЕ

Выпуск 7

Ставрополь
2008

УДК 82-1/-8
ББК 84-9 (2Рос)
В25

В25 Вдохновение: Литературно-художественный альманах. – Вып. 7 / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. – Ставрополь: Издательство СГУ, 2008. – 188 с.
ISBN 5-88648-595-3

В альманахе публикуются произведения школьников и студентов Ставрополя: повести, рассказы, стихи, эссе. Авторы очно и заочно участвуют в работе литературно-художественной студии «Вдохновение» при Ставропольском Дворце детского творчества. Их горение, творческое вдохновение нашли выражение в ярких, необычных по форме и содержанию произведениях, которые несомненно заинтересуют детей и взрослых.

УДК 82-1/-8
ББК 84-9 (2Рос)

Редакционная коллегия

Л.Н. Папенина, С.В. Голошубова, Т.В. Тартышева, К.Э. Штайн (ответственный редактор), Д.И. Петренко

Дизайн, художественное оформление

С.Ф. Бобылев

Составление, подготовка текста

К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Корректор

Б.Я. Альтус

Верстка

Д.И. Петренко

ISBN 5-88648-595-3

© Издательство Ставропольского
государственного университета, 2008
© С.Ф. Бобылев, оформление, 2008

Дорогие друзья!

Мы издаем уже седьмой выпуск альманаха «Вдохновение». Каждый год альманах подводит итоги творческой работы школьников, их учителей, студентов, и каждый новый выпуск — срез своего времени, осмысление молодыми людьми нашей быстротекущей жизни. Вы скажете, что года мало для подведения итогов? Оказывается, в самый раз: в нашей стране сейчас все очень бурно меняется, активизируется общение молодежи не только в границах нашего края, всей страны, но и всего мира. Интернет, как новая виртуальная реальность, дает возможности осмысления огромного массива информации, расширения горизонтов коммуникации и мышления каждого человека. Возможности для образования огромные... Но всегда ли мы оказываемся подготовленными к восприятию нового образа жизни, новой информации, новых форм культуры? Наверное, нет.

На взрослых и молодых людей обрушивается множество проблем — не только и не столько материальных, сколько моральных. Моральные заповеди нерушимы: милосердие, доброта, чистота сердца, стремление к правде, — и как трудно порой отказаться от искушений современной жизни, чтобы остаться порядочным человеком!

Нас радует выбор наших авторов. Поэты пишут о любви к своей малой и большой родине, восхищаются своими родителями, мечтают о большом светлом чувстве. Их первые шаги в поэзии еще робки. Мы так и называем этот раздел — «Дуновение поэзии», но стихи идут от сердца, и приоритеты здесь ясны.

Сложнее с прозой. Работа студии «Вдохновение» с учащимися всего края дала хорошие результаты. В разделе «Фантазеры и реалисты» раньше публиковались только небольшие рассказы, а сейчас это уже масштабные произведения, повести. Здесь наши авторы много экспериментируют, порой берут рискованные сюжеты. Они стремятся к художественной правде, не скрывают темных сторон жизни, но радует то, что они против закона волчьей стаи, против законов животной силы. Наши авторы понимают, в чем причина многих трагедий на земле, и ясно, что они против беззакония в современном обществе.

В прозе нельзя ничего декларировать, здесь царит мир художественного вымысла и художественных образов, и многое зависит от нравственной, духовной и культурной подготовленности читателя. Зато публицистика позволяет авторам быть более определенными. В этом выпуске публицистический блок особенно многопланов, полемичен. Наши авторы спорят о современном образовании, экологии, культуре. Их тревожит распространение компьютерной зависимости в среде молодежи, круг развлечений, проблемы в сфере семьи. Во всем этом много молодого задора, иногда и категоричности, но самое главное — много позитивных идей, желание выбрать верную дорогу в жизни, принести пользу обществу.

Альманах «Вдохновение» позволяет вступать в творческий диалог ребятам нашего края, его с интересом прочтут студенты и школьники всей страны. В добрый путь под парусом вдохновения!

*Министр образования Ставропольского края
Алла Федоровна Золотухина*

Дорогие читатели!

Каждый год в Малой академии наук Дворца детского творчества проводится конкурс на лучшие произведения поэтического, прозаического, публицистического творчества среди школьников города Ставрополя и Ставропольского края. На конкурс, который мы ежегодно объявляем, приходят уже не десятки, а сотни произведений юных поэтов, начинающих писателей и публицистов. Так что совсем не правы те, кто считает, что школьников сейчас интересует только компьютер или развлечения, — совсем не так. Обратите внимание на то, что вы держите в руках уже не первый, а седьмой выпуск альманаха «Вдохновение», который составлен по материалам работы литературной студии «Вдохновение» во Дворце детского творчества и краевого конкурса на лучшее поэтическое, прозаическое и публицистическое произведение.

В прошлом году в альманахе «Вдохновение» были опубликованы произведения более тридцати авторов — практически из всех районов Ставропольского края и даже из республики Кабардино-Балкария. В этом выпуске особенно обширная география и большое количество новых авторов — их более семидесяти. Это значит, что работа нашей студии «Вдохновение», конкурса на лучшее произведение получила широкое признание в крае и за его пределами. Но конечно же, нас радуют не только цифры, но и то, что юные авторы живут проблемами нашего края, нашей большой страны. Их беспокоит рост преступности, можно сказать, они глубоко переживают то, что в обществе нет еще гражданского согласия, стабильности, взаимопонимания людей разных возрастов, социальных сословий. Их волнует то, что все больше и больше молодых людей уходит в виртуальную реальность Интернет от проблем текущего дня, что есть трудности с получением образования, сложности в семье. Самое главное, они умеют смотреть правде в глаза и ищут решения социальных проблем, хотя активно участвовать в жизни нашего общества, строящего демократию.

Проблем много. В прозе и публицистике, даже в стихах, ребята ставят перед собой и перед нами вопросы, на которые всем нам предстоит находить ответы. Но радует то, что наши авторы полны любви, вдохновения, оптимизма, а значит, нам есть на кого опереться в будущем, ведь тот, кто говорит о серьезных проблемах в своих произведениях, совершает большой труд души. А научиться трудиться в юности — значит уже сделать шаг в лучшее будущее. Мы верим в наших авторов и ждем от них новых и новых произведений.

В добрый путь, друзья!

*Директор Ставропольского Дворца детского творчества
Любовь Николаевна Папенина*

Предисловие составителей к седьмому выпуску альманаха «Вдохновение»

Седьмой выпуск альманаха оказался самым проблемным, но, наверное, и самым интересным из всех предыдущих. Если в прошлых выпусках мы печатали короткие произведения, чаще всего рассказы, эссе, то в сейчас мы печатаем повести Игоря Пржиленского, Дарьи Моздор, цикл рассказов Георгия Туза, фрагмент романа Николая Головки и др. Раздел публицистики составляет тридцать восемь произведений, в которых, как правило, поднимаются насущные проблемы нашего времени, связанные компьютерной зависимостью, отсутствием гражданской жизненной позиции. И даже в стихах нет благостного, умильного настроения, витания над жизнью. Будто вновь актуальными стали слова М.Ю. Лермонтова, которые он написал в предисловии к «Герою нашего времени»: «Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?.. Вы скажете, что нравственность людей от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сладостями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины».

Мы постарались отнестись честно к тому, что пишут наши авторы, и не изменяли в угоду конъюнктуре ни содержания, ни формы. Речь идет о том, что юных авторов тревожит несправедливость в обществе, то, что произведения литературы, кино, передачи по телевидению пестрят сценами насилия. Тревожат их и более глубокие вещи: все это имеет место не только на экранах, в книгах, но и в реальной жизни. Наши авторы, мучительно переживая противоречия времени, предлагают лечить подобное подобным. В их произведениях ставятся проблемы жестокости в обществе, но это не тот иллюстративный показ, с которым мы чаще всего встречаемся и в литературе, и в кино. Это крик боли, гневный протест против того, что беззаконие стало привычным в нашей жизни.

Игорь Пржиленский в фантазийной повести «Awaken» («Пробуждение») рассказывает фантастическую историю, связанную по сюжету с Кавказской войной XIX века. Место действия — удивительные края, которые находятся рядом с нами, — Архыз. Главному герою — русскому офицеру Владиславу Ишлицкому — поручено найти аул, в котором скрывается предводитель горских враждебных отрядов Мусса, и убить предводителя горцев. В ходе выполнения задания офицер почти теряет человеческий облик, а в конце концов превращается в волка-оборотня. Как понимает и сам герой, работа его такая: убивать, больше ничего он в жизни не умеет. Это приводит к «эффекту длинной руки», когда ожесточение доходит до предела, и разум не контролирует инстинкты. Надо уметь остановиться, научиться решать свои проблемы не с помощью оружия, а с помощью дружелюбия, мира, осваивая культуру друг друга, привыкая видеть в другом, в первую очередь, человека, а не врага. В финале повести старый Алан и офицер приходят к такому пониманию:

«— Знать мало, — сказал старик, — нужно иметь силу, чтобы остановиться. Ты же не захотел. Ты и получил то, что заслужил. Теперь иди с миром. И не желай зла. Помни, что оно не бывает во благо.

<...>

— Все? — спросил я.

— Да. Иди. Я знаю, ты вернешься. За крупными душами, которые навеки останутся тут. Они памятью будут тянуть тебя сюда. Но ты не освободишься от памяти. Она будет твоим проклятием...

— Нет, Алан, ты ошибаешься, я не вернусь сюда никогда. В ад не возвращаются.

Алан совершенно неожиданно и нелепо расхохотался:

— Из ада и не выходят, потому не спеши чернить эти места! Разве не ты привез сюда свой же ад?»

В повести много таинственного, фантастического, но тайнами овеван и реальный Архыз — замечательное место на Кавказе, где на каждом шагу — следы прежней жизни людей, полуразвалившиеся фундаменты строений, полуразрушенные православные храмы, к сожалению, не восстановленные и в настоящее время. Повесть Игоря Пржиленского — предупреждение об опасности разжигания конфликтов в многонациональном регионе, но это не пустые лозунги и воззвания — мы обретаем мысль о нелепости войны и вражды, о необходимости дружеского диалога через переживание тех событий, о которых ярко, образно пишет молодой автор.

Рассказы Георгия Туза так и называются «Жестокими», и в них даже и нет внешней резюмировки автора по поводу недопустимости жестоких расправ, самосуда, беззакония. Они наполнены внутренним гневом и протестом против тех сторон жизни, которые уродуют и старых, и молодых людей. Отсутствие действенных законов в обществе порождает новые и новые витки необузданной вражды. «Остановитесь!» — взывает к людям автор.

Если уже и девушки сочиняют детективы социального характера, то уж, наверное, что-то серьезное происходит в нашем обществе, и многое надо менять. Надо искоренять зависть к богатству, мнимой легкости жизни за границей, умению легко зарабатывать деньги. Детективы, детективы, бесконечные детективы... В кино, по телевидению, в книгах. Героиня повести Дарьи Моздор решила в жизни реализовать детективную историю, к которой подтолкнула ее зависть к успешной и обеспеченной подруге матери — детективу, наподобие Эркюля Пуаро или, как она сама говорит, героев Акунина. Подруга матери разжигает интерес девочки к детективной литературе: «Моя страсть — это детективы, — мисс Джеймс опять «случайно» натолкнулась на свою любимую тему разговора, на так называемый «пунктик», — я обожаю разные детективы, самых разных авторов, но моя любимая писательница — Агата Кристи, она — королева детективного жанра, ещё мне нравится Конан Дойл, а в последнее время я заинтересовалась Борисом Акуниным. Это очень помогает мне в работе. Если хочешь почитать детективы, обращайся ко мне, я привезла целый чемодан — там самые разные, всякие, всякие. И известные авторы и неизвестные, но от этого их творения не становятся хуже».

Зависть затмевает глаза. Не успев понять людей, осмыслить действительность, не имея в реальности положительного примера, героиня конструирует свой детективный сюжет, но уже в жизни: «Ваше признание и популярность не давали мне покоя. Осознав, что мне не суждено повторить вашу судьбу, я решила идти по своему пути, создавать свою жизнь. И тут вы, сами того не подозревая, помогли мне в этом, подкинув идейку — почитать детектив. И тогда я поняла, что самый лучший способ переиграть вас — играть по своим правилам. А как это сделать с детективом — да очень просто, дать ему такую головоломку, чтобы он никогда не смог справиться с ней. Чтобы люди признали вас неудачницей! Я решила совершить убийство!».

Конечно, в антидетективе Дарьи Моздор многое преувеличено, сгущено, но она права: нельзя смешивать подлинное с мнимым, терять нравственные ориентиры, отступать от собственного лица. Человеку многое дано, но многое с него и спросится. Каких же истин придерживаться, чтобы не ступить на скользкий путь сомнительных благ — богатства, власти и других преходящих ценностей? Они заповеданы нам еще древними. Те десять заповедей, о которых мы все знаем, вроде и просты, но как же трудно быть верным им в жизни! «Возлюби ближнего, как самого себя», «не убий», «не укради»...

В нашей жизни в период молодой демократии еще много того, с чем не может мириться не только взрослая, но и юная душа, особенно нацеленная на чистое, ясное, светлое. В публицистике много портретов замечательных людей, которыми держится земля и которые противостоят тому, с чем не хотят мириться молодые авторы.

А какая вдохновенная поэзия! И столько надежд у наших авторов на светлое завтра, что понимаешь: молодежь справится с тем, что мешает нам сейчас, выстоит перед трудностями жизни, научится не только преодолевать их, но и совершать яркие, бескорыстные поступки, а их первые произведения — это первые шаги в гражданской жизни.

К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Часть 1 Фантазёры и реалисты

Георгий Туз

КАК Я ОТМЕЧАЛ СВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Друг у меня вообще-то один, Мишка, и поэтому я собирался праздновать свой день рождения в компании с ним. Но тут возникла проблема: мама явилась домой с радостной, как ей показалось, вестью: ко мне на именины она пригласила своего знакомого писателя дядю Сашу со своей, как она сказала, очень хорошенькой и интеллигентной дочкой Ньюшей. А мы с папой сразу же поняли: Мишку и Ньюшу нельзя сводить в одном помещении: во-первых, Мишка не испытывал никакого почтения к девочкам, он обожал, не стесняясь взрослых, орать во все горло плохие слова и дрался, а однажды даже плюнул одному мальчику на спину, во-вторых, он сразу бы на меня обиделся: чего это я равняю его, старого надежного друга, с какой-то девчонкой. Мы заволновались, и мама дотумкала, что сделала большую ошибку. Тут умный наш папа сказал: «Есть идея! Ньюшу мы пригласим на субботу, а Мишку — на воскресенье, тогда он не сможет научить Ньюшу плохим словам и мы не ударим лицом в грязь перед дядей Сашей». Мы с мамой очень обрадовались и стали делить на две части предназначенные для именин деньги. В этот момент позвонила моя крестная тетя Лена и сказала, что зайдет к нам вместе с дядей Юрой в пятницу — поздравить меня, потому что на выходные они уезжают кататься на яхте. Папа схватился за голову и закричал: «Чем же мы всех будем угощать? Откуда нам взять столько денег на продукты?!» — «Ничего, — сказала наша легкомысленная мама, — мы поделим деньги на три части, и все будут довольны». Но так, наверное, у мамы не получилось.

В назначенный день мы накрыли стол для тети Лены и дяди Юры. Еды было мало, но крестная захватила с собой большой торт, и мы его съели, запивая пивом (они) и лимонадом (я).

В субботу к нам пришла Ньюша. Этот день рождения мне понравился больше всего, потому что она оказалась лучше любого мальчишки: мы сражались с ней на мечах и наряжались рыцарями. Наверное, мама разделила деньги не на равные части, потому что еды нам хватило — на целый день. И когда мы проводили Ньюшу с дядей Сашей на электричку, нам остался последний день рождения, который отмечать уже не очень хотелось.

Мишка в воскресенье был в своем репертуаре, мы, конечно, с ним бесились, но приготовленный мамой один-единственный салат из кальмаров нам с ним не понравился, и мы остались немножко голодными.

В результате на мой настоящий день рождения, который наступил наконец-таки в понедельник, родители смогли подарить мне только воздушный шарик.

Вот какой грустный конец рассказа получился.

ЖЕСТОКИЕ РАССКАЗЫ

НОЖИ

Лёва Зарков увлекался метанием ножей. Причем делал он это весьма своеобразно: на внутренней стороне калитки была нарисована мишень, куда Лёва, собственно, и метал ножи. У людей, услышавших об этом, отвисала челюсть: мол, чокнутый парень. У виска пальцем крутили. Жители посёлка (который, кстати говоря, носил название Жужуевка) шушукались, причитали, но в милицию, как это ни странно, никто не стал доносить. Нонсенс...

И в этот вечер Лёва занимался своим любимым занятием. Пока тяжёлые ножи один за одним впились в крепкую, но уже весьма искореженную калитку, к дому Зарковых приблизился персонаж, всем своим видом изрядно походивший на панка: высокий ирокез, хаки, футболка с надписью «Пурген», рваная куртка, накинутая поверх футболки, и не менее рваные джинсы. (Для тех, кто не в курсе: «Пурген» — это одна из самых авторитетных идейных панковских групп (из подпольных), известная, однако, в весьма узких кругах). Панк приблизился к забору Заркова и ловко перемахнул через него. Оказавшись внутри двора, тип осмотрелся и, заметив Лёву, подошёл к тому и поздоровался:

— Здорово, Лёва! Я уж через калитку не хожу к тебе, а то угасишь ещё тесаком своим.

— О, здорово, Димон. Ну, как жизнь? На концерте как отыграл?

Дело было в том, что Димон играл в местной панк-группе «С-Адам-С» на барабанах, и совсем недавно у них состоялся первый «крупный» концерт в сельском клубе.

— Да, отыграли по полной. Сначала наши песни пели, потом «Пургена» парочку, а добились всех «Гр.Обом». На сцену даже Кит, ну, этот, который крутой, выскочил, у Севы, солиста нашего, микрофон отобрал и орать начал. Петь, падла, не умеет, а выёживается. Чуть весь кайф не испоганил. Угомонился потом, к счастью, микрофон вернул. Под конец больше всё наши новые песни пели, но народ от них особо не орал. И всё-таки зря ты не пришёл...

— Не зря, — резко возразил Лёва — ты знаешь, что я не хожу НИ НА КАКИЕ тусовки. Даже на ваши, хотя ваше творчество мне нравится. Да и вообще — я работаю.

— Но почему? Вот чего ты боишься? Человека ты убить ножом не боишься, а в клуб ходить боишься.

— Да не боюсь я, ё-моё. Я просто не люблю толпу. Да нет, я просто НЕНАВИЖУ толпу! Мне легче жить одному.

— Вот поэтому-то ты по жизни изгой. Я — единственный человек на Земле, который с тобой общается. И не скучно тебе?

— Нет, Дима, мне легко наедине с собой. Умному человеку никогда не бывает скучно одному. Да ведь и ты меня изредка навещаешь, так что мне есть кому выговориться. Пойдём, посидим, побеседуем, пивка попьем... Я тут запасся.

— Вот это клёво! — сразу же оживился Дима.

Друзья допоздна пили пиво и разговаривали. Ушёл гость лишь тогда, когда на улице совсем стемнело.

Лев Зарков и Дмитрий Рыбакин были знакомы с пелёнок, семьи Зарковых и Рыбакиных крепко дружили. Когда мать маленького Лёвы погибла в автокатастрофе, отец сильно запил. Как только Рыбакины не пытались вытащить отца Лёвы из бесконечного запоя, всё было бесполезно. В конце концов тот траванулся палёной водкой, и его положили в больницу. Заркову Лёве как раз исполнилось восемнадцать, как и его лучшему (и единственному) другу Диме Рыбакину. И Лёва принял решение: он уезжает в захолустную деревню Жужуевку на постоянное проживание, там у Зарковых был старый домик ещё с незапамятных времён. Этот дом был, наверно, единственной вещью, которую не пропил Зарков-

старший, да и то, наверно, потому, что просто-напросто забыл о существовании этой дряхлой хижины. У Рыбакиных же в той Жужуевке была шикарная дача, куда Дима приезжал отдыхать летом. Звал и Лёву, но тот отказывался — в отличие от Лёвы Дима не был замкнутым парнем. В селе у него была своя панковская тусовка, к которой Лёва не хотел иметь никакого отношения, хотя панк-рок уважал. Отца, слесаря, Лёва ненавидел, и когда тот лёг в больницу, сын не испытал ни малейшей жалости к чуть живому отцу. Но теперь в семье не было заработка, а Лёве надо было за что-то жить. Сидеть на шее у Рыбакиных он резко отказался и поэтому уехал в Жужуевку работать: в родном городе Лёвы найти работу для бедного студента было нереально. А в Жужуевке была типография, в которую и устроился Лёва. Теперь он там работал на станке и между делом учился заочно на филфаке госуниверситета родного города Лёвы — поступить ему помогли Рыбакины, и эту помощь ему пришлось принять.

Дело было в июле, когда Лёва эмигрировал в Жужуевку. В это время там как раз отдыхал Дима Рыбакин. И так пошло дело — днём Лёва работал, Дима отдыхал. Вечером друзья собирались вместе, беседовали о былом и пили пиво. Если же Дима не объявлялся (а происходило это нередко), Лёва просто метал в калитку тяжёлые старинные ножи, которых оказалось на удивление много в старом домике Зарковых.

Однажды Лёва вышел из дома за продуктами. Сделав несколько шагов, он заметил, что к нему приближается небольшая компания явно не сулящих добро парней. Поворачивать назад было поздно, и Лёва попытался проскочить мимо, но это ему не удалось.

— Эй, ты, поц, стой, побазарить нужно!

Всё это Лёве ужасно не понравилось, но он подошёл, стиснув зубы.

— Чего? — буркнул Лёва, не отрывая взгляда от своих кроссовок.

— Ты, ..., в глаза смотри, когда с тобой люди базарят.

Лёва с трудом поднял глаза и увидел здорового быка со злой и тупой мордой. Это было всё то же быдло, от которого Лёва натерпелся в своё время в школе. Только это уже было быдло деревенское.

— Ты, ..., что в нашей деревне делаешь, поц? Я тебя тут раньше не видел.

— Я тут работаю, — ответил сквозь зубы Лёва, опять опуская глаза.

— В глаза, ..., смотри! Ты знай своё место, поц. Чтоб в деревне я тебя больше не видел. Ясно?

— Ясно. Только я всё равно тут останусь, мне работать надо.

— Да ты, ..., тупой что ли? — удивился бычара и так толкнул Лёву, что тот упал, подняв тучу пыли.

— Га-га-га-га-га-га! — заржали остальные быки.

— Я тебя предупредил, ..! Чтобы завтра тебя здесь не было.

И, пнув напоследок лежащего Лёву ногой, бык со своей компанией неспешно удалился. Лёва полежал, пережидая, пока утихнет боль от нанесённого удара, затем поднялся и заковылял обратно к дому. В магазин ему идти резко расхотелось.

В тот вечер Лёву в очередной раз навестил Дима. Он выслушал всё рассказанное Лёвой и крепко призадумался.

— Блин, Лёва, это всё очень хреново, то, что ты мне сейчас рассказал. Это по ходу Кит был с братвой. Я против этих ребят ничего не могу сделать. Попытаюсь, конечно, поговорить, но даже не знаю... Против него никто здесь не пойдёт. Он же уголовник, страшный человек, у нас его все боятся. Блин, чувак, это очень плохо, то, что он до тебя так жёстко докопался!

— Дим, помолчи, а? Мне и так хреново.

Друзья немного помолчали.

— Может, в милицию на него..?

Дима выпучил глаза:

— Ты что, дурак? Да он тебя тогда точно в землю зароет! А доказать ты всё равно ничего не сможешь, в селе все думают, что ты сумасшедший, а даже взрослые мужики у нас Кита побаиваются. Это отморозок, каких мало.

Друзья ещё помолчали.

— Ладно, Лёвка, не дрейфь, что-нибудь да придумаем. Ты пока лучше из дома не выходи, позвони на работу, возьми отгул. У меня авторитета, конечно, недостаточно, чтобы поладить с Китом, но что-нибудь сделать я всё-таки попытаюсь. Попытаюсь...

Попытался.

На следующий день Дима пришёл к Лёве с печальным и разбитым лицом:

— ..! Против Кита... никто не пойдёт, так я и знал! Ссут все!

— А ты нет? — мрачно спросил Лёва.

— И я боюсь. Жуть до чего боюсь, Лёва! Но одного тебя я не брошу. Уедем обратно в город! Я попрошу, предки найдут тебе работу. Тут тебе оставаться опасно. Он и убить может!

— Нет, Дима, братан. Твои родители и так слишком много для меня сделали, каждый раз они меня из задницы вытаскивали. Хватит! На этот раз разберусь сам.

— Да ты, Лёвчик, по ходу и впрямь сдвинулся. Ты Кита не знаешь!

— Шёл бы ты, Дима, уже домой...

— Ага! Прям сейчас! Нет, брат, пойдём вместе. У меня переночуешь, а завтра с утра на поезд. В городе будет спокойно. А то этот чокнутый уголовник... Может, он просто подшутил над тобой, бьют же такие идиоты! Но лучше не рисковать.

— Я сказал, Дима: иди. Дай мне побыть одному.

— Да не уйду я! Ты даже и не представляешь себе, насколько это серьёзно! Он тебя покалечит на всю жизнь, и ему за это ничего, абсолютно ничего не будет!

— А такое вообще возможно? — мрачно усмехнулся Лёва.

— В этой деревне в последнее время очень неспокойно. Боже, как хорошо здесь было десять лет назад! Ни алкашей, ни гопников всяких. Все друг друга знали, в гости по вечерам ходили. Сейчас все нормальные люди разъехались, одни вот мы остались. Говорил я предкам: продать эту дачу надо к чертям!..

— Так тут же твои друзья, Димка, ты что, забыл? Как же твоя панк-рокерская тусовка?

— Не знаю даже. Я сюда уже не в первый раз приезжаю, и про Кита слышал, но сталкиваться как-то не приходилось. А теперь такие дела! В общем, уезжать тебе отсюда надо. Я абсолютно серьёзно.

— А теперь ты меня выслушай, братец. Я долго жил один как перст, сам по себе. Никого не трогал и хочу, чтобы меня никто не трогал. Но вот только всегда находятся люди, которые портят мне жизнь. Таких людей надо просто убивать! Гасить и не закапывать. А то это что за дерьмо?! Среди бела дня с таким наездом! И управы на этого быка никакой нет! Да пошёл он! Я останусь тут.

— Да ты и впрямь сдвинутый, каким тебя тут считают. А жить ты как собираешься? Тебе понравилось, как они тебя ногами били? Так это они ещё не били, это даже не цветочки! А будут и цветочки, и ягодки! А ты с ними не сладишь, силы не равны. За ним тут толпа таких же уголовников, как он, пойдёт. Они стадо, а Кит — их вожак.

— Дима, давай я сам разберусь, ладно? Шёл бы ты пока домой. А то я перед сном ещё ножички пометать хотел.

Дима уставился на собеседника вытаращенными глазами и покрутил пальцем у виска:

— Ну-ну. Тут его зашибить хотят, а он ножи пометать хочет.

— Иди, Димка...

— Хорошо. Я уйду. Но скоро вернусь, из дома пока не выходи вообще. Завтра вернусь.

Дима ушёл. А Лёва достал из старой кухни охापку ножей и занялся своим любимым занятием, ножи один за другим впивались в многострадальную калитку. Метание продолжилось до поздней ночи. Потом Лёва сел на скамейку и крепко призадумался. Размышления его, однако, закончились весьма быстро. Спал в эту ночь Лёва спокойно, как никогда. Теперь он твёрдо знал, что делать.

С утра, вопреки обыкновению, Лёва встал рано и тут же кинулся метать ножи. Метал он их часа два, затем ушёл точить. Точил он их в своём дворе, сидя на скамейке метрах в двадцати от калитки, пока мощным ударом ноги та самая калитка не была выбита. Острый, специально заточенный под это дело нож впился между маленьких злобных глазёнок озверевшего Кита. Разинув рты, смотрели на рухнувшего предводителя остальные быки. Полетел второй нож...

— ...имя, фамилия, отчество?

— Рыбакин Дмитрий Александрович.

— Дата рождения?

— 1989, 29 марта.

— Хорошо знали убийцу?

— А он, с вашего позволения, не убийца, а подозреваемый. Прежде чем назвать человека убийцей, нужно доказать его виновность.

— А чего тут доказывать? Весь состав преступления налицо. Парень совершеннолетний. Теперь всю оставшуюся жизнь на зоне проведёт.

— Всё равно! Он пока ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ!

— Ну что ж, ладно, раз вы такой настырный, Рыбакин Дмитрий Александрович, но хорошо ли вы знали подозреваемого?

— Мы друзья детства.

— Что вы можете сказать об убийстве семерых людей, которое совершилось сегодня утром? Как вы думаете, почему подозреваемый мог совершить такое преступление?

— Скажи честно, майор, — Дима наклонился через стол, — у тебя была когда-нибудь такая ситуация в жизни, когда на тебя очень сильно давили? Так, чтобы хотелось убиться или убить всех остальных, но лишь бы прекратить всё это? Было?

Майор удивлённо уставился на Рыбакина.

— Вообще-то я тут задаю вопросы, гражданин Рыбакин Дмитрий Александрович...

— Нет, майор, ты мне ответь. А этот человек, которого ты хочешь на всю жизнь за решётку посадить, избавил мир от семерых подонков, уродов, которые бы загубили немало нормальных людей, жизнь... То есть какая жизнь! Существование этих уродов оскорбляет саму сущность человека. А они дадут соответственное потомство, которое будет портить жизнь следующим поколениям. Так не кажется ли тебе, майор, что этот парень, которого ты норовишь назвать убийцей, преступником..., герой? Я тебя уверяю: мир стал лучше этим утром, на теле многострадальной матушки-земли были вскрыты семь гнойных нарывов. Так кто же этот парень? Преступник, да?

— А ты знаешь, Рыбакин, что в нашей стране есть такое понятие, как «закон»? И этот закон, батенька, надо соблюдать. Каждый человек, будь он хоть сволочь, хоть урод, имеет право на жизнь! А твой друг, «герой» так называемый, на самом деле просто-напросто маньяк-убийца. Я поспрашивал местных старожилов — они говорят, что этот парень днями и ночами только и делал, что метал ножи в калитку и затем точил эти ножи. А калитка-то с внутренней стороны и впрямь раздроблена. Вот ты говоришь — уроды, подонки... Но эти уроды никого не убили, правда? А ведь это самое главное, Рыбакин. Человек может быть каким угодно, но если он убийца — для него всё кончено, это уже не человек. Вот кем стал теперь твой друг детства. Понимаешь?

— Закон? Ах, да, знаю такое слово. Но вот только в нашей стране оно ничего не значит.

— Эй, Рыбакин, полегче на поворотах. А то сам по этапу со своим другом детства пойдёшь. Твой друг — убийца. За это надо отвечать. И он ответит.

— Ладно, майор. Я вижу, тебя не переубедить. Но знай: ты сейчас губишь жизнь врачувателю Земли. Он заслуживает наказания не больше, чем садовник, вырывающий сорняки с корнем.

— ...имя, фамилия, отчество?

— Зарков Лев Васильевич.

— Дата рождения?

— 1989, 8 апреля...

Составив рапорт, участковый посадил Лёву в машину и повёз в город. Лёва смотрел в решётчатое окно и улыбался. В его глазах блестели тысячи бликов остро заточенных ножей...

Через неделю Лев Васильевич Зарков был освобождён из заключения. Выяснилось, что семейных парней в Жужуевке зарезал старый пьяница Матвей, которого нашли повесившимся в собственном домике. Рядом с опрокинутой табуреткой была обнаружена записка с признанием.

ДЕД ПРОХОР

— Убью! — закричал дед Прохор в открытое окно, — а ну, вернись, окаянный!

Но парней и след простыл. Дед надел тулуп и, ругаясь себе под нос, вышел во двор — подсчитать сумму причинённого мальчишками урона. Три окна были разбиты вдребезги, сломана яблоня и растоптан участок огорода. Хулиганы в последнее время стали появляться часто: то воровали яблоки, то разбивали стёкла. Но такого еще не было. Вся беда в том, что дед Прохор не сразу понял, что мальчишки пришли, а когда наконец услышал звон разбитого стекла, то было уже поздно: хулиганы успели накуролесить. Дед, вздыхая, принялся собирать битые стёкла.

— Доброго здравия, Прохор Игнатьевич! Что это у вас там? Неужто опять хулиганы стёкла поразбивали? — подошла к забору местная бабулька.

— Они, окаянные, они! Поймал бы — убил, Александра Семёновна, честное слово! Третий день за неделю стёкла бьют! А сейчас, смотрите, яблоньку сломали, негодяи! Такая хорошая была яблонька, а они... Ух, зла не хватает!

— Ай-ай-ай! — покачала головой Александра Семёновна, — что делается-то, Прохор Игнатьевич! И что, ни разу не смогли узнать, кто безобразничает?

— Куда там! — махнул рукой дед. — Я старый за этими молодчиками гоняться. А хулиганят они вечером обычно, когда темно! Куда там!

— Я вам вот что скажу, Прохор Игнатьевич, — пожевав губами, произнесла бабулька, — вы, раз уж они часто вечером приходят, засаду на них устройте. Да не один, действительно, куда уж вам. Вы к нашему участковому новому идите. Он мужик хороший, честный, поможет! А вы уж потом поблагодарите его как следует.

— Вот спасибо за совет, Александра Семёновна! Я сам, старый дурак, и не догадался бы! — оживился дед. — А чего это мы тут на морозе стоим? Может, пройдёмте, чайку с вареньем попьём?

— Спасибо, Прохор Игнатьевич, зайду с удовольствием.

— Ну, давайте, проходите, я сейчас только стекло уберу...

На следующее утро дед Прохор, завернув в старую газету жареного гуся, пошёл в дом к участковому. Тот встретил деда приветливо:

— Здравствуйте, Прохор Игнатьевич! Какими судьбами? Проходите, присаживайтесь. Извините, много времени уделить вам не могу, через час в город должен ехать по служебным делам. Итак, я вас слушаю.

— Товарищ участковый! — начал было дед.

— Да что вы, Прохор Игнатьевич! — замахал руками участковый. — Я же вам во внуки гожусь! — называйте меня, пожалуйста, на «ты», и, если можете, просто Саша.

— Хорошо... Саша, — с трудом произнёс дед, — я бы хотел у тебя попросить о помощи. Видишь ли, ко мне во двор в последнее время стали часто хулиганы какие-то лазить! Стёкла бьют... Вчера вон, мерзавцы, мне яблоньку сломали! Поймать их мне, старику, невозможно. Я тебе даже имён не могу назвать, так как и в лицо даже не успеваю никого узнать. Они по вечерам обычно ко мне приходят, окаянные. Не могли бы вы мне помочь... э-э-э, засаду на них устроить, чтобы, так сказать, прямо на месте застать, а? А я бы уж и поблагодарил вас как подобается.

— Конечно, я согласен, Прохор Игнатьевич! И что же вы опять «выкаете»? Вы ко мне на «ты» обращайтесь, вы же уже всю запахивали, когда меня и в планах не было. И не надо никаких благодарностей. Долг нашей милиции — помогать гражданам, защищать их от всякого хулиганья и бандитизма. Ишь, что затеяли, мелкие паршивцы! Пожилого человека обижать! Вам, Прохор Игнатьевич, нужно сразу было ко мне идти. Сегодня же я к вам приду, как из города вернусь, будем обсуждать, как засаду лучше организовать. Приблизительно во сколько появляются хулиганы?

— Да часов в девять-десять. Только вот, видите ли... видишь ли, они сегодня скорее всего не появятся... Они ещё два дня подряд ни разу не приходили.

— Ничего! Не придут сегодня, — устроим засаду завтра, и так далее. Поймаем нахалов, не беспокойтесь, Прохор Игнатьевич!

— Ну, спасибо, милоч. Вот, возьми в благодарность, — дед протянул гуся.

— Что вы! — воскликнул участковый. — Я же говорю: это наш долг. Вы не обязаны мне ничего давать взамен.

— Да я и не... Саша, это подарок, это просто так, от души...

— Ну а если подарок, то давайте уже этим гусём отпразднуем поимку хулиганов. А пока ни-ни! Соблюдайте порядок, гражданин Елисеев!

— Ладно, хорошо, хорошо. Ну, я пойду?

— Идите, — смягчился участковый, — не прощаемся, Прохор Игнатьевич.

Участковый явился к старику в полседьмого.

— Ну, Прохор Игнатьевич, показывайте, где тут они у вас стёкла бьют?

— Да вот там вот, вчера три окна разбили, окаянные! Ещё и вставить не успел! А у нас, батенька, денег не столько, чтоб я мог себе каждый день новые стёкла вставлять. Это, знаете, по карману бьёт!

— Не беспокойтесь, Прохор Игнатьевич, и давайте вы всё же на «ты» ко мне. Поймаем подлецов — все деньги вам будут возвращены, плюс моральный ущерб! Вы сохраняете бумаги, во сколько вам замена стёкол обходится?

— Да, конечно! У меня тут всё указано, всё подсчитано...

— Вот и хорошо. А теперь давайте выбирать место для засады. Ну-с, тут у вас просто идеальное местоположение! Только вот заборчик маловат, из-за него и все беды. Был бы у вас высокий забор, хулиганы так быстро выбраться бы не успели. Ну ладно! Я вот здесь вот за углом избушки спрячусь. Почую подлецов, так сразу и хватать! Ну, ладно, Прохор Игнатьевич, идите к себе в избу и делайте всё как обычно. Я тут сидеть буду.

— Может, чайку принести, Саша?

— Нет-нет, Прохор Игнатьевич, все чаи будем распивать после поимки преступников. Идите... И будьте на подхвате.

Хулиганы, видимо, вконец обнаглели после своего разгромного налёта на двор деда Прохора, потому что и в этот вечер, когда участковый Саша устроил на них засаду, они появились опять. Один за другим перемахнули через хлипкий забор. Судя по шуму, парней было четверо. «Многовато, — подумал Саша, — могут некоторые ускользнуть, надо было ещё человека взять. Ну да уж поздно пить

боржоми... Надеюсь, дедок не оплошает». Услышав звон разбивающегося стекла, участковый проворно выскочил из укрытия и с ходу поймал за ширки двух хулиганов. Оставшиеся двое кинулись было перелазить через забор, но неизвестно откуда взявшийся дед Прохор накинул на них рыбацкую сеть. Мальчишки запутались и упали.

— Вот и попались, голубчики! — злорадно воскликнул дед. — Ух, достанется же вам на пироги!

Пойманными оказались три сына деревенского слесаря и их товарищ сирота Димка, находящийся на попечении у спятившей старушенции. На допросе сирота плакал и говорил, что ничего не знает и не понимает. Его сумасшедшая попечительница таскала подопечного за волосы и ругалась самыми последними, почему-то немецкими ругательствами, отчего дед Прохор, знавший немецкий, даже морщился. Старуху еле отодрали от сироты, но клочья его волос она всё же унесла с собой. Трое братьев сидели насупленные и наотрез отказывались отвечать на какие бы то ни было вопросы, как слёзно ни умоляла их мать. Но партизанское молчание братьев закончилось, как только появился отец хулиганов слесарь Василий. Первое, что он сделал, — зарядил старшему оплеуху, да такую, что тот отлетел на пару метров. Участковый был вынужден сделать Василию замечание:

— Вы, гражданин, сдержаннее. Бить детей — это непедagogично и, более того, наказуемо.

— Мои дети, — пробасил слесарь, — мне решать, бить их или не бить.

— Ошибаетесь, гражданин. Законом предусмотрено, что родители...

— Ладно, товарищ милиционер, довольно тут умничать, — грубо оборвал слесарь участкового. — Разъясните мне тут поподробнее лучше, что мои болваны натворили.

Саша подумал и решил не развивать дальнейший конфликт с Василием.

— Мы не виноваты, отец! — захныкал вдруг младший из братьев. — Мы хотели всего лишь по яблочку себе взять, а нас за шиворот схватили...

— А ну, молчать, балбес! — замахнулся слесарь. — Я не тебя спрашивал!

— Ваши сыновья с этим, как его... сиротой... В общем, четырежды проникали на частную территорию к Елисею Прохору Игнатьевичу и били стёкла. Вчера сломали яблоню и растоптали огород.

— Поймали нас сегодня, мы сегодня приходили, — пробурчал старший брат, — а кто раньше приходил, знать не знаем. Мы только сегодня.

Слесарь Василий не выдержал и дал сыну очередную затрещину.

— Гражданин! — повысил голос участковый Саша. — Если такое повторится ещё раз, я буду вынужден вас задержать по статье «Жестокое обращение с детьми». Держите же себя в руках! Я вас предупредил!

— Понял, начальник. Ну и на сколько рублёв мои обалдуи стёкол набили?

— Прохор Игнатьевич, скажите, на какую сумму вы оцениваете причинённый вам ущерб?

— А чего тут оценивать? Всё как есть, по бумагам. Значит, в первый день они набили стёкол на тысячу шестьсот рублей. Во второй — на три тысячи двести. В третий, ого, на четыре тысячи восемьсот стёкол, яблоньку сломали, я её в три тысячи пятьсот оценил, и это ещё по-божески, какая яблонька была! И участок мне потоптали, считай, овощей ещё рублей на триста. И сегодня одно окно разбили — ещё тысяча шестьсот. Итого... ровнёхонько пятнадцать тысяч! Ну и моральный ущерб я оцениваю в пять тысяч рублей. Двадцать тысяч. Вот.

— А пусть он докажет, что это мы раньше приходили! — выпалил средний сын.

Слесарь только глянул, как парень тут же замолчал.

— Но вы, — продолжил участковый, — обязаны выплатить лишь три четверти данной суммы, так как с вашими сыновьями действовал заодно ещё один... С его опекунами будет взыскана оставшаяся часть.

— Так сколько я тебе должен, дед? — хмуро спросил слесарь. — Пятнадцать тыщ?

— Так, Василий, так, — заулыбался дед.

— Ты меня, дед Прохор, извини за моих обалдуев. Видишь, какие нынче детишки пошли. Совсем совесть потеряли, родителей ни во что не ставят. Попробовал бы я в своё время такое натворить, так мой батька бы, царство ему небесное, на заднице бы живого места не оставил. Куда деньги приносить?

— А прямо сюда вот ко мне утром в десять часов подходите, — сказал участковый, — оформим все документы...

Дети шли домой молча. Отец то и дело ругался и отпускал оплеухи сыновьям.

— Так, какого чёрта вы окна били, мерзавцы? — рычал слесарь.

— Мы же уже тебе говорили, папа... — загалдели вразнобой все трое.

— Хватит! Мне надоело слушать эти ваши байки про Вторую мировую! Вы совсем не жалеете отца! Я с раннего утра запахивал, надеялся вечером отдохнуть, а пришлось в ментовку тащиться! У меня сейчас нет сил вас пороть. Придём домой — спать! А вот утром я вам покажу!

Дети лежали в кроватях и шёпотом переговаривались:

— Утром он отойдёт, поболеет...

— Пороть не будет, раздумает...

— Не об этом говорите! — вдруг оборвал всех старший. — Мы теперь к деду проклятому не подберёмся. Эх, поскорее бы Ромка из армии вернулся! Вернётся — убьёт эту фашистскую сволочь.

Ромкой был самый старший из братьев, находившийся в данный момент в армии.

— Да, Ромка долго разбираться не станет...

— Да, пацаны, а папаша-то у нас тупой, как бревно...

— Нехорошо так про батю говорить, — проворчал старший, — но почему он нам верить не хочет? Дедушка наш нам всю правду как есть рассказал, а отец не верит. Говорит — маразм. А какой маразм? Да дедушка соображал лучше, чем он. Раз у него такой сын, значит, внуки должны отомстить!

— Сволочь этот дед...

— Как земля таких держит...

— У меня есть идея! — вдруг опять воскликнул старший. — Нам надо обратиться к нашему участковому дяде Саше.

— И это после того, как он нас за шиворот на месте преступления поймал? — с сомнением спросил средний. — Да он вряд ли нас теперь даже слушать станет.

— Нет-нет, — возразил старший, — он нас поймал, потому что думал, что мы беззащитному деду стёкла бьём из хулиганских побуждений. А мы ему всю правду расскажем! Он поймёт, он хороший дядька. Может быть, он нам поможет!

— А если нет?

— Попытка не пытка, как сказал товарищ Сталин, — усмехнулся старший, — так что завтра днём к нему ходим, чтобы утром случайно с папашей не столкнуться.

— О, а вот и граждане хулиганы явились, — заулыбался участковый, — как же так можно, товарищи? Ваш отец за ваши безобразия пятнадцать тысяч рублей заплатил! Это немало, ребятишки. Вообще я не понимаю, как он вас после этого на улицу выпустил? Уж случаем не сбежали?

— Нет, дядя Саша, он нас в магазин послал, — поспешно заговорил старший брат, — мы к вам с серьёзным разговором. Вы знаете, кто вообще такой этот дед Прохор?

— Ну, знаю, что старожил он тут деревенский, знаю, что в деревне поселился ещё тогда, когда я пешком под стол ходил...

— А знаете ли вы, что деду уже далеко за восемьдесят?

— Да? Неужели? Нет, вот этого не знал, на дряхлого старика наш дед Прохор явно не тянет. Я думал, ему лет шестьдесят.

— Так вот, дядя Саша, этот дед воевал. И воевал он на Великой Отечественной войне на стороне немцев. Полицаем он был, одним из первых.

Участковый вытаращил глаза:

— Да вы хоть понимаете, что вы говорите, ребята? А ну-ка, марш отсюда!!!

— Да нет, дядя Саша, это правда. Наш дедушка партизанил... И он про эту гниду, про деда Прохора много чего знал и завещал нашему старшему брату Ромке, чтобы тот, когда вырастет, отомстил предателю. Ромка, когда мне исполнилось десять лет, рассказал всё нам. А наш отец... Отец считал дедушку выжившим из ума, и у дедушки на отца не было никаких надежд. К счастью, Ромка оказался умнее. Он в армии сейчас...

— И что же вы хотите от меня? — спросил участковый. — Чтобы я арестовал старика? Даже если он и совершил это ужасное предательство, то прошло уже слишком много лет. Он наверняка отсидел своё и теперь хочет дожить последние годы спокойно.

— Эта сволочь недостойна доживать свои последние годы спокойно!

— Почему вы так уверены, что дед на самом деле был полицаем?

— Мы верим своему дедушке. Он не был в маразме и вообще соображал на редкость хорошо...

— Значит так, ребята. Поезд ушёл. Войне уже исполнилось шестьдесят лет, а рассказы вашего дедушки — недостаточный повод для осуждения человека. Я вам ничем помочь не могу.

Дети помолчали. Наконец старший произнёс:

— Ну что ж... Спасибо, что хоть выслушали нас, дядя Саша. Мы надеемся, что наш разговор останется между нами.

— Конечно, — с серьёзным лицом произнёс Саша, — и, ребята... Бросили бы вы эту затею.

Ребята молча удалились. Участковый немного подумал, затем облачился в милицмейскую форму и пошёл к дому деда Прохора. Тот, увидав своего спасителя, радостно заулыбался.

— Здравствуйте ещё раз, Прохор Игнатьевич. Ну и каково оно?

— Ох, спасибо тебе, Саша. Спасибо огромное! Теперича я забор высокий, крепкий поставлю, чтобы никакое хулиганье не проникло!

— Да тебя теперь ни один забор не спасёт, предатель Отечества.

Дед побледнел.

— Не понял. Что такое, Саша?

— А то! Ты стрелял в своих соотечественников, воевал на стороне фашистов. Было?

— Не понимаю, Саша, что ты такое говоришь!

— Хорош притворяться, дед. Я всё знаю. Не спрашивай, откуда.

— Да это и неважно, — нахмурился дед, — зачем ты мне напоминаешь об этом? Я своё в лагерях отсидел. А вспоминать это никто, кроме меня, права не имеет. Зачем ты лезешь, мент?

— Как тебе не стыдно, дед? Знал бы я, что дело так... Я б тебе ни за что помогать не стал. Как тебе ещё земля носит?

— А что ты знаешь? — повысил голос дед Прохор. — Ты, мент, ничего-то не знаешь! Знаешь, как я предателем стал? Да меня перед выбором поставили — или с ними буду сотрудничать — или моих детишек... совсем ещё малюсеньких... того. Тебе не приходилось выбирать между жизнью своих детей и верностью Родине? А, у тебя, мент, наверное, нет детей? Ну, тогда ты меня не поймёшь. Вот уже и Родины-то нашей, Советской нету. Да и детей нету. Свои же сапогами тогда забили. И жена в лагере сгинула. А за что? Я в людей не стрелял...

— Что ж, Прохор Игнатьевич, — смущённо произнёс Саша, — извините меня, пожалуйста, если можете.

У деда Прохора были абсолютно сухие глаза, хотя в голосе отчётливо слышались истерические нотки. Все слёзы, видно, дед выплакал в молодости. Участковый тихо удалился. Дед Прохор достал из ящика стола старую пожелтевшую фотографию. На ней были изображены улыбающиеся молодые мужчина и женщина с двумя детьми на руках. На фотографию упало несколько капель.

Значит, смог-таки участковый Саша выжать из деда Прохора последние, прибережённые на чёрный день слёзы.

Николай Головко

ВОЙНА ЗА МИР: НАСЛЕДНИКИ СВЕТА

ПРОЛОГ

— Призывающий, — сообщил вошедший в зал человек.

— Пусть войдет, — ответил воин, сидевший за массивным столом.

Страж отошел в сторону, пропуская посетителя, после чего скрылся за дверью. Визитер уверенным шагом приблизился к столу; воин встал ему навстречу.

— Призывающий! Рад приветствовать тебя, — проговорил он, отвечая на рукопожатие. — Ты давно не посещал нашей школы.

— Были на то причины, Тесхор. — Названный Призывающим помрачнел. — С каждым днем сила Хундара прирастает — по крайней мере, именно такое у меня сейчас ощущение.

Словно из воздуха Призывающий извлек огромный двуручный меч.

— Опять? — Тесхор, похоже, едва не пошатнулся.

— Снова, — прокомментировал Призывающий, скрывая оружие. — Фэлкар.

— Проклятие. Он даже не дошел?

— Да.

— И что же делать?

Призывающий опустил взгляд, видимо, вынося какое-то решение.

— Выбора нет. Нам нужен Наследник Света.

— Ты уверен? — осторожно спросил воин, как бы случайно касаясь висевшего у него на шее крупного рубина с изображением меча. — Ведь это...

— Да, мне это известно. Но Вилфир под угрозой, и я не могу поступить иначе, Тесхор. Даже зная о том пророчестве. Время появиться Посоху Бесконечности.

— Ты уже говорил с Аллентвайном и Ферхасом?

— Разумеется. Они совершенно со мной согласны.

— Мне передать Амулет тебе? — со вздохом спросил воин. Призывающий покачал головой.

— Нет. Наследник должен лично получить его из твоих рук после обучения и квалификации. Надеюсь, все получится должным образом...

— Но кто?

— Станет Наследником? — Воин кивнул. — Я уже определился. Но этот человек не из Вилфира. Наш мир свои ресурсы уже исчерпал, здесь больше нет достойных.

— Но откуда он в таком случае?

— Мы называем этот мир Фориэлом.

— Родина Посланника Дара?

— Именно. Скажу тебе больше — этот человек принадлежит к его роду, хотя и сам не знает об этом. Надеюсь, что кровные узы помогут ему на этом пути.

— Потомок Дарвиана Лефицианского? — Тесхор удивленно посмотрел на Призывающего, не спеша, похоже, верить ему. — Как такое могло случиться?

— Напротив, мой друг, в этом нет ничего удивительного. — Призывающий загадочно улыбнулся. — Однако мне пора. Вилфир нуждается в Потомке, Преемнике и Наследнике Дарвиана.

Призывающий покинул зал. Тесхор устало опустил в кресло и только в этот момент обнаружил, что его рука по-прежнему сжимает рубин на цепочке...

Война за мир началась.

ЧАСТЬ 1. ОБУЧЕНИЕ

Любой в Арсане, если бы его спросили, знает ли он Кина Лефтера, ответил бы утвердительно, не задумываясь. Несмотря на то, что потерять в толпе этого высокого молодого человека с каштановыми волосами и карими глазами было проще простого, при повторной встрече Кина узнавали мгновенно. Кин был незаурядной личностью, избравшей для себя образ рыцаря. К острому уму добавлялся воистину рыцарский кодекс чести и значительная внутренняя сила, проявлявшаяся во всем — в поступках, в словах, в общем облике. Кин всегда импонировал большинству девушек, потому как от него исходила мощная аура уверенности, рядом с ним можно было ничего не бояться и ни о чем не беспокоиться. Вот только самому Кину понравиться было гораздо сложнее, потому Арсанский Рыцарь, как шута называли его друзья, до сих пор был один. Кин искал девушку под стать себе... и не находил. А искал он активно.

Его требования всегда были достаточно высокими, но на тот момент они были особенно высокими, потому как Кин подверг их серьезной корректировке. Дело было в том, что его первая любовь показала ему именно той девушкой, которую он искал, но, как выяснилось позднее, он жестоко в ней обманулся...

Именно он, Кин Лефтер, являлся тем самым дальним потомком великого вилфирского воителя Дарвиана.

Этим утром Кин никого не ждал, и стук в дверь его дома оказался для него неожиданным. Открыв дверь, Кин увидел высокого молодого человека в белом одеянии, напоминавшем военную форму или что-то подобное. Человек был ему совершенно не знаком.

— Приветствую, — сказал человек. — Вы Кин Лефтер?

— Да, — отозвался Кин, не двигаясь с места. — Я бы желал услышать ваше имя.

— Меня называют Призывающим Миры. Это, разумеется, титул. У меня имеется срочное дело, и дело это — к вам.

— Что ж, проходите, — жестом пригласил посетителя Кин. — Пройдемте в главную комнату, дабы вам удобно было говорить, а мне — слушать.

Хозяин и гость разместились в креслах, и Призывающий начал свою речь.

— Итак, как я уже сказал, мой титул — Призывающий Миры. Это значит, что я способен перемещаться из мира в мир посредством порталов, которые создаю.

— Из мира в мир? — переспросил Кин. — Наш мир не один во Вселенной?

— Далек не один, друг мой. — Призывающий слегка улыбнулся. — Говоря откровенно, я ожидал с вашей стороны большей осведомленности в этом вопросе. Ведь ваша реальность тоже имеет магию.

— Незначительную, — пожал плечами Кин. — Говорят, что несколько тысячелетий назад наши маги владели поразительной силой, но сейчас уже нет никого, кто мог бы по крайней мере сравниться с ними. Единственное, что осталось у нас от тех великих времен — это щиты.

— Щиты? — Призывающий, судя по всему, удивился. — Какие?

— Они защищают от проникновения извне. Ах да! Видимо, об этом и речь — от проникновения из чуждых реальностей! — В глазах Кина зажглась искра понимания. — Теперь вы видите, что нам далеко до былого. Мы даже не до конца понимаем послания, оставленные древними магами.

— Я никогда не слышал, чтобы в Фориэле были щиты, — признался Призывающий. — Я всегда проходил сквозь ткань миров беспрепятственно. Какое же свойства эти щиты?

— Они читают устремления сердца, — ответил Кин. — Несущий зло не сможет пройти сквозь них. Тот же, кто странствует с добрыми намерениями, не встретит никакого противодействия.

— Вот оно что. Интересно получилось — вообще-то предполагалось, что я сейчас должен рассказывать вам, а вышло, что вы меня просвещаете. — Вилфирец улыбнулся. — Однако же позвольте мне вернуться к цели моего визита.

Мир, откуда я пришел, именуется Вилфиром. Мощь магии этого мира еще не рассеялась, поскольку он сравнительно невелик и не имеет соседей, которые могли бы влиять на его культуру и развитие таковой. Честно говоря, Вилфир — скорее просто страна, и небольшая при этом. Однако с двух сторон Вилфир отграничен барьером, созданным посредством магии, и проникнуть сквозь барьер невозможно физически — только через ткань миров. Остальные две стороны закрыты гигантской горной цепью, перевалить через которую не менее невозможно. Говорят, что и там, по вершинам цепи, проходят барьеры. Потому и приходится считать Вилфир не страной, а отдельным миром.

Примерно тысячелетие назад Вилфир делили между собой воины смерти и воины жизни, иначе темные и светлые маги. Длительное время им удавалось сохранять подобие мира, но в какой-то момент все перевернулось, и началась война. Ее так и называют Великой Вилфирской Войной. Две культуры, чисто магические, сражались несколько лет, но ни одна не могла взять верх. Светлые маги развивали магию вечности, холодную, как звездный свет, и постоянную, как бесконечность; темные культивировали магию преобразования, подвижную, как ртуть, и коварную, как дьявольское искушение. Не один лишь Вилфир владел этими двумя магиями: и по сей день существуют люди и артефакты, имеющие ту или иную сторону этой силы. Маги породили бесчисленные заклятия, основанные на этих силах, но ни одна сторона не могла взять верх.

И в этот момент из вашего мира в Вилфир пришел воин, чье имя вошло в легенды. Светлые маги называли его Дарвианом, что на древневилфирском языке означает «посланник Дара». Дар — имя вилфирского бога, всевышнего создателя и творца. Воитель так и остался в истории Вилфира как Дарвиан Лефицианский — его настоящее имя давно забыто. Дарвиан возглавил светлые силы и практически в одиночку повернул ход всей войны благодаря своему сокрушительному оружию. Имел он с собой несколько артефактов, которые являются одними из наиболее мощных во всей мировой системе.

В первую очередь это, конечно же, было его магическое орудие, известное как Посох Бесконечности. Его молнии, обладавшие сокрушительной мощностью, стали истинным кошмаром темной армии, поскольку убивали с первого удара, невзирая ни на какие щиты. Посох был создан посредством магии вечности и был потому несокрушим; та же сила неизменности переходила и на его молнии. Именно Посох Бесконечности поверг в решающей битве предводителя темных сил Хункаэля.

Другое орудие, везде сопровождавшее Дарвиана, было его огненное тетракольцо, не менее жуткое оружие со своим собственным боевым разумом. Оно именовалось Дух Пламени. Представляло оно собой четыре острых как бритва кольца, закрепленных в разъемах четырехлучевой рукояти. Летало это сооружение как целиком, так и отдельно, отпуская кольца из разъемов; кольца и лучи рукояти соединялись нитью магии, позволяя поддерживать связь. Кольца были окружены магической сетью огня, сжигавшей сраженного кольцом воина. В битвах это оказалось чрезвычайно полезным — ведь абсолютное большинство бойцов темных сил представляли собой так называемых Мертвых Магов, или, говоря проще, были телами без души. Заклятия могли уничтожить их ауру, но через некоторое время аура восстанавливалась, тело поднималось и шло дальше. Чем больший урон наносили заклятия Мертвых Магов, тем более возрастала их магическая мощь — это был некий род энергетического вампиризма. Остановить эту машину смерти можно было двумя способами — изрубить на куски или сжечь. Дух с удовольствием занимался и тем, и другим.

В конце концов в решающей битве армия темных сил была наголову разбита. В Вилфир вернулся мир. Злокозненных магов более не осталось, а над их замком-городом по имени Мертвая Обитель взвился светлый штандарт. Дарвиан был убежден, что нельзя судить детей за грехи их отцов, и потому приказал светлым силам не трогать тех, кто не участвовал в кровопролитии. Светлые были, должны сказать, несколько озадачены, но подчинились.

Убедившись, что мир прочен, Дарвиан покинул Вилфир, оставив там оба орудия Света и предписав назначать своих Наследников — тех, кто в его отсутствие представлял бы в Вилфире его волю и нес бы Посох Бесконечности. Первый Наследник Найтэкс Канн был призван им из соседнего мира, из страны под названием Астия, где существует единственная династия магов — семейство Каннов. Найтэкс был одаренным магом и рассматривал силу как источник творения, потому он уверенно составлял и реализовывал мощные заклятия, одно из которых однажды наложил на боевой комплект доспехов — мантию и шлем. Аура этого заклятия отражала какие бы то ни было магические и физические воздействия на носившего доспех — даже боевые молоты врезались в незримую преграду, не долетев до цели самую, казалось бы, малость, а заклятия отлетали от ауры в того, кто их создал.

Именно Найтэкс Канн взял на себя всю ответственность, когда сам же и отменил звание Наследника Дарвиана. Он приказал магам южного форпоста светлой силы — города Галфера — найти способ уничтожить Посох Бесконечности, опасаясь, что он попадет в злые руки. Если бы это произошло, темная власть обрела бы неслыханную мощь. Поиски длились невероятно долго — несколько десятилетий, но все же некто Аар обнаружил в дальних закутках подземной библиотеки Галферского университета тщательно охраняемую могучими щитами комнату, где едва ли не с момента основания университета хранилась Книга Забвения, уникальный магический артефакт, столетиями хранивший на своих страницах заклинания разрушительной мощи. Наиболее страшным из них было то, которое так и называлось — Заклятие Забвения. Пучок магической энергии, в ударе концентрировавшийся на человеке или предмете, попросту стирал его с лица земли, не оставляя даже напоминания о его существовании. Найтэксу сообщили, что только эта сила способна преодолеть нерушимость магии вечности, и, если она не сможет ничего сделать, то вся магия этого мира будет бессильна перед Посохом.

Канн лично присутствовал на обряде, и он же, когда настало время, провозгласил Заклятие Забвения. Гром магического разряда разлетелся по всему Вилфиру, возвещая об ударе сверхъестественной мощи, обрушившемся на легендарное оружие... Когда погасли вспышки и маги обрели зрение, они увидели, что Посох исчез. На треснувшем алмазном постаменте, где он покоился перед ударом, лежали друг за другом четыре камня, четыре амулета. Не в силах уничтожить тело Посоха, Заклятие сокрушило его суть. Сущность бесконечности. В результате выделились четыре составляющие бесконечности, четыре главные сущности этого мира и Посоха, выкристаллизовавшиеся в драгоценные камни.

Перед магами лежали Амулеты Силы, Магии, Веры и Души. Рубин, сапфир, корунд и алмаз. На Амулете Силы было выбито изображение меча, Магии — звезды, Веры — облака, а на Амулете Души запечатлелся магический знак, известный как знак ключа.

За время, прошедшее с войны, многое изменилось. Светлые маги смешались с темными, и рождавшиеся у них дети имели уже неоднородную силу, включавшую как элементы преобразования, так и частицы вечности. По привычке их все еще именовали магами, хотя были они скорее уже колдунами или волшебниками. Найтэкс Канн основал на расстоянии дневных переходов от Галфера новые города, Айенмир и Карст, причем именно последний стал новым центром боевых магов. Возглавил волшебников верховный колдун, руководивший теперь и их подготовкой. Вилфир обрел новую ключевую фигуру. В Айенмире взметнула к небу башни воинская школа, где боевые маги учились владеть мечом и прочим холодным оружием, и там же расположился Круг Сражений, предназначенный для проверки их знаний и навыков боем. В Галфере по соседству с университетом была воздвигнута башня магии, ставшая школой магической. Маг с мечом, сочетавший владение оружием с мощью магии, и был колдуном или волшебником.

Тренировали в Вилфире и профессиональных воинов, не владевших магией от рождения, но их было относительно немного.

Найтэкс Канн передал Амулет Силы воинской школе, Амулет Магии — магической, Амулет Веры — Карстианскому Храму Дара близ резиденции боевых магов, а Амулет Души оставил себе. Незадолго перед уходом в иной мир Найтэкс ввел звание Преемника Дарвиана, человека, который хранил бы Амулет Души и, подобно Наследнику, представлял бы волю Дарвиана. Для Преемников был выкован Огненный меч, оружие из алмазной стали, способное сокрушить любое препятствие на своем пути.

Но уже через столетие после ухода Найтэкса Преемнику Дарвиана Лифару пришлось вести бой. Бывший во время войны ребенком темный адепт Хундар, считавшийся мертвым, вырос в селениях гномов и вошел в силу. Единственным заклятием он обрушил смерть на весь город-замок Мертвая Обитель, чем, по сути, объявил войну всему остальному Вилфиру. Никто не успел ничего предпринять, и уже через несколько дней Мертвая Обитель вновь стала Мертвой и оказалась населена целой армией Мертвых Магов. Лифар ушел на бой с Хундаром, рассчитывая уничтожить воскресавшие темные силы на корню, и... не пришел обратно. Вилфир потерял и Амулет Души, который Хундар укрыл под надежной охраной в главном дворце Обители, и доспех Найтэкса Канна. Лишь Огненный меч и Дух Пламени по какой-то случайной причине не попали в лапы темного мага.

— Случайности? — поднял бровь Кин.

Призывающий улыбнулся.

— Подозреваю, это Дух. Он вполне на такое способен.

После непродолжительных совещаний первые люди Вилфира передали мне право называть Преемников Дарвиана. Видит Дар, я делал все, что мог, и названные мною Преемники храбро сражались, но мощь Хундара росла с каждым днем. К тому же произошло самое страшное — армия Хундара захватила погребальный комплекс времен Великой Войны, где покоились бесчисленные погибшие в последней битве. Стоит ли говорить, чем это закончилось?.. Комплекс принадлежит теперь темной силе, и Хундар тренирует там новых Мертвых Магов.

Призывающий посмотрел Кину в глаза.

— Рано или поздно Хундар задумается о Посохе Бесконечности — ведь его можно создать вновь. Для этого нужно собрать все амулеты, выполнить кое-какие ритуальные действия и провозгласить над ними Заклятие Забвения. Его задача облегчается наличием у него одного из Амулетов. Счастье еще, что он не может использовать Амулет.

— Почему?

— Просто — не может. Амулет не подчиняется ему. Возможно, дело в том, что Хундар — наследник чистой магии преобразования, а Амулет — составляющая вечности, и темный маг не может им управ-

лять. Амулеты Силы и Магии постоянно висят на шее — не фигурально — у главы воинской школы и высшего мага школы магической, придавая им дополнительные силы, которых Хундар пока что опасается. Амулет Веры хранится в Карстианском Храме Дара, а точнее, в его подземельях. Стражи, оберегающие его, сильные и опасны, а верховный жрец Храма лишь немногим уступает в силе верховному колдуну.

Тем не менее я чувствую, что пришло время Посоху Бесконечности засиять в руке истинного Потомка, Преемника и Наследника Дарвиана. Только мощь Посоха способна теперь сокрушить темные силы.

Ты, Кин Лефтер, — потомок Дарвиана Лефицианского. И я прибыл сюда, чтобы провозгласить тебя Наследником Дарвиана в Вилфире и вручить тебе Огненный меч Преемников. Ты согласен принять это звание?

Несколько мгновений Кин раздумывал, после чего уверенно сказал:

— Я принимаю звание Наследника Дарвиана, несмотря на то, что не связан с Вилфиром кровно, и готов помочь в борьбе с темной силой. Здесь, в Фориэле, я в любом случае добьюсь меньшего.

— Отлично, — удовлетворенно сказал Призывающий. — Вилфир рассчитывает на тебя, Наследник Дарвиана. Не забывай об ответственности, возложенной на тебя.

Словно из воздуха Призывающий извлек тот самый меч, что показывал Тесхору. Вилфирец встал, Кин поднялся следом.

— Я передаю тебе Меч вместе со званием Наследника и Преемника, — произнес Призывающий. — Носи его с честью.

Кин принял оружие. Двуручные мечи были, скажем так, не совсем в его стиле, как и молоты и подобные орудия смерти, однако Меч был более легок, чем обычное двуручное оружие, и, вероятно, Кин смог бы биться даже одной рукой. Надев перевязь, Кин разместил ножны за спиной — так ему было привычнее. По его оценке, клинок был достаточно коротким, чтобы его можно было извлечь без задержки.

Призывающий одобрительно кивнул и тем же образом явил свету еще одну вещь.

Взгляд Кина остановился.

Такое оружие он видел в первый раз в жизни. Призывающий уже описывал его, но одно дело — услышать, а увидеть — совершенно другое. Вилфирец, заметив удивление Кина, улыбнулся.

— Многие годы оружейники спорят, что это, но решить так и не могут. Все, что они могут — это признать его метательным оружием, что ясно и без их оценки. Это Дух Пламени.

Кин осторожно принял тетракольцо. Дух, оказавшись в его руке, внезапно окутался белым сиянием, вспыхнул и погас.

— Будь осторожен, — спокойно посоветовал Призывающий, будто вспышка была чем-то самим собой разумеющимся. — Кольца остры, как бритва. Собственно говоря, для того Дух и имеет рукоять — дабы он не принял кровь хозяина за кровь врага.

Увы, ничего более я не могу тебе передать. Все прочее, что должно сопровождать колдуна на его боевом пути, ты получишь самостоятельно. Теперь же позволь завершить мою речь описанием того, что тебе следует осуществить в обучении.

Первоначально твой путь проляжет в Карст, так как верховный колдун должен принять тебя и открыть твою силу для приема заклятий. По сути, это род посвящения. Из Карста колдун направит тебя на обучение сначала в Айенмир, а затем в Галфер — сей путь проходит каждый волшебник. Однако в силу того, что ты Наследник и Преемник, я полагаю, что верховный предложит иной путь развития событий. Хундар не спит, и заняться Посохом следует как можно быстрее; времени на полноценное обучение у тебя просто нет.

Точно так же нет у тебя времени и на изучение вилфирского языка. — Призывающий усмехнулся. — Как правило, этого времени нет ни у одного из Преемников. На этот душевный случай я и создал заклятие, которое уже успел на тебя наложить. С его помощью ты сможешь свободно говорить с любым иномирцем на твоём языке, он же будет слышать слова своего. То же самое произойдет и с тобой.

Запомни три имени, прежде чем я начну создавать портал. Верховного колдуна зовут Аллентвайн. Он самый могущественный человек в Вилфире. Чуть ниже его — глава воинской школы Тесхор и главный маг школы магической Ферхас. Есть и другие высшие лица, с ними ты познакомишься на своем пути.

Теперь все. Соберись и следуй за мной.

Кин ушел в дальнюю комнату, где уверенно собрал дорожную сумку — путешествовал он довольно часто и много времени на сборы не тратил. Дух Пламени скрылся у него под плащом, Кин поправил Меч за спиной и вернулся в главную комнату. Призывающий уже закончил, и посреди комнаты возвышался голубовато-синий проем портала. Оглядев в последний раз дом и проверив запоры, Кин следом за Призывающим скрылся в портале.

Выход из ткани миров разверзся у подъемного моста Карста. Оплот силы боевых магов стоял на достаточно крупном полуострове, окруженном с трех сторон рекой, а с оставшейся стороны упиравшемся в горную цепь, которая простиралась почти до самого горизонта. Кин смерил взглядом мощные стены города и мысленно похвалил строителей крепости — сооружение было воздвигнуто талантливим фортификатором.

— Река называется Грок, — сказал Призывающий за спиной у Кина. — Она протекает практически через весь Вилфир. Здесь она узкая, поскольку ближе к истоку, но к югу она значительно расширяется. Есть и другие реки, но эта основная. Горная цепь, что за крепостью — Викстийские горы, в их кольце расположен Храм Дара в Карсте. К сожалению, не могу сказать, здесь ли верховный. Он часто отлучается по делам. Надеюсь, ты сможешь его найти.

Пока что моя миссия на этом завершается. Ступень обучения ты должен пройти самостоятельно, без моего содействия, иначе ты просто не докажешь, что достоин звания колдуна. Удачи тебе.

— Спасибо, — кивнул Кин... и тут же ощутил, что за спиной у него уже никого нет. Оглянувшись, он убедился, что остался один.

Мост был опущен, и Кин беспрепятственно смог проникнуть в крепость. Само собой, что ворота города и дверь в них охраняли два лучника, но, видимо, рукоять Меча им обо всем сказала — они лишь слегка наклонили головы, когда Кин прошел мимо.

От ворот веером расходились улицы, направляясь во все концы города. Кин видел такое впервые. Как правило, от ворот города начиналась главная улица, ведущая в административный центр или что-то подобное; здесь же улиц было несколько, и определить, какая из них главная, являлось делом положительно невозможным. В конце концов Кин решил, что по крайней мере три улицы, расположенные ближе к середине ворот, точно направлены в центр города, и соответственно можно выбирать любую. Улица, которую избрал Кин, через некоторое время существенно расширилась, позволяя уже разъехаться двум всадникам и пропустить при этом пешехода. Дома вдоль улицы недвусмысленно свидетельствовали о значительном достатке их владельцев — похоже, это действительно была либо главная, либо одна из основных артерий Карста.

Взгляд Кина случайно зацепился за крупную вывеску справа, на которой значилось «Постоялый двор Хаграма». Гостиница, причем, похоже, одна из лучших. Движимый внезапным желанием войти, Кин открыл массивную дверь и проник в здание.

Внутри было довольно темно, потому оценить размеры зала Кин не мог. Свет факелов выхватывал из темноты лишь несколько столов; некоторые были заняты, некоторые пустовали. Появления Кина будто бы никто и не заметил. Маг направился к стойке посреди зала — там было светлее всего и, не исключено, безопаснее. Управителя гостиницы или его работников видно не было, но в комнате за стойкой кто-то возился, и Кин решил подождать появления неизвестного.

Возня прекратилась, и из комнаты появился крупный мужчина в темном костюме. Завидев нового посетителя, он подошел к стойке и не без интереса посмотрел на Кина.

— Приветствую в нашем заведении, — сказал мужчина. — Я Хаграм. Наши двери всегда открыты для Преемника Дарвиана. Чем могу служить?

— Я только что прибыл в Карст, — отозвался Кин, — и хотел бы кое-что у вас узнать. Что-то заставляет меня думать, что вы знаете больше других.

— Не исключено, — усмехнулся Хаграм. — Но и вы отличаетесь от прочих Преемников, которых я повидал на своем веку. Вы от Аллентвайна?

— Нет, я лишь направляюсь к нему.

— Вот даже как? — хозяин потер подбородок. — Тем более. Я действительно видел многих Преемников, поскольку Аллентвайн направляет их сюда из раза в раз, неизменно. Но вы отличаетесь от них. Вы сами посетили мою скромную обитель. Это немного иной случай.

— Иной?

— Формально да. — Хаграм усмехнулся. — По сути, это еще одна проверка — того, насколько хорошо ориентируется Преемник в незнакомой для него ситуации. Преемнику, посетившему меня без указания Аллентвайна, я передаю Книгу Вилфира.

Кин оперся на стойку.

— Книга Вилфира? Звучит многообещающе.

— О да, — засмеялся Хаграм. — Эта книга знает все о Вилфире... да и не только о нем, насколько я подозреваю. Я уже вижу в ваших глазах попытки представить себе ее размер.

— Вы правы, — не стал отрицать Кин. — И каков же он?

— Таков, — отозвался Хаграм, выкладывая на стойку... кожаную обложку. Листов внутри, похоже, не было и не предполагалось.

— Книга общается с хранителем посредством магии и хранит в своей памяти все необходимое. Если вы просите ее что-либо сообщить, она отвечает вам вслух или показывает на своем единственном развороте.

Кин взял Книгу со стойки и открыл. Разворот был чист, попыток наладить контакт с хранителем Книга явно не производила.

— Книга, где сейчас Аллентвайн? — спросил маг для проверки. Результат не заставил себя ждать: Книга на мгновение засветилась мягким белым сиянием, после чего сообщила:

— Приветствую тебя, Кин Лефтер. Аллентвайн пока что в Галфере, но уже завтра, полагаю, будет здесь. Искренне тебе советую остановиться на этом постоялом дворе. Если этот барыга будет утверждать, что у него нет комнат, покажи ему Меч Пламени.

Хаграм, к которому, видимо, и относилось слово «барыга», наградил Книгу испепеляющим взглядом. Кин готов был его понять. Не так-то просто, должно быть, хранить артефакт, который все про тебя знает.

— Благодарю тебя, Книга, — ответил Кин, убирая ее в сумку. — Ну так что, почтенный Хаграм, следует ли мне показывать вам Меч Пламени?

— Не стоит, — вновь засмеялся хозяин. — Пойдемте, я покажу вам комнату. Если вас доставил сюда Призывающий, то, полагаю, прямо сейчас отдых после дороги вам не требуется, однако вам нужно оставить вещи, прежде чем начать добывать информацию.

Комната оказалась большой, чистой и светлой, вполне устроив Кина. Оставив сумку в комнате, маг запер ее и спустился обратно в зал. Хаграм в ожидании его возвращения устроился за одним из столов ближе к стойке.

— Итак, что мне следует вам сообщить, — начал хозяин, когда Кин разместился в кресле напротив него. — Аллентвайн живет ближе к центру города — его дом вам укажет любой. Верховный передаст вам главные заветы колдуна, и, если они вам подчинятся, можете считать себя посвященным в это высокое звание.

— Если они мне подчинятся? Что это значит?

— Это значит, что заклятия колдуна коварны и могут обратиться против самого волшебника. Необходимо уметь проконтролировать их на начальном этапе, чтобы они признали вас хозяином и в дальнейшем беспрекословно подчинялись. Этот момент устойчиво отвращает многих от пути колдуна, заставляя обращаться лишь к магическим формам силы.

Кин кивнул, принимая информацию к сведению.

— Затем потребуется отточить ваше воинское искусство. Для этого Аллентвайн направит вас в Айенмир, в воинскую школу. Меч для волшебника традиционно не меньшее подспорье, чем магия. Как правило, Преемники имеют время для краткого обучения, но для вас, думаю, Тесхор измыслит нечто иное. После Айенмира ваш путь проляжет в Галфер, где верховный маг школы займется направлением вашей силы в магическую форму. Заклятия волшебника — не то, что заклятия мага, и мощь свою они черпают из разных источников.

Со временем вы получите и традиционные доспехи колдуна. Как вы, думаю, знаете, у нас в ходу разные виды доспехов, в том числе с наложенными на них чарами того или иного свойства. Что же касается оружия — думаю, ваш взгляд даже не обратится на все то, что наши оружейники в состоянии вам предложить.

— Ну почему же. — Кин пожал плечами. — К примеру, меня может заинтересовать лук.

— Обычно Преемники не интересуются луками и арбалетами, — усмехнулся Хаграм. — Абсолютное большинство из них всегда считало, — по крайней мере на моей памяти, — что лук не есть оружие рыцаря.

— Полагаю, столь же многие из них погибли в ситуации, когда лук вполне мог бы их спасти.

Хаграм поднял бровь.

— Говоря честно — не все, но некоторые, падая на плиты склепа или Мертвой Обители, когда заклятие передачи выпивало последние искорки их жизни и передавало магу врага, отдали бы, думаю, очень многое за возможность вонзить в противника стрелу и оборвать заклинание.

— Неужели пример предшественников никого ничему не учил?

Хозяин рассмеялся.

— Бросьте, Кин. Вы же знаете, что люди не переносят учиться на чужих ошибках. Они просто считают, что их предшественникам не повезло или они были глупее.

— Это да, — улыбнулся маг.

— Тем не менее в Карсте есть площадка стрельбы. Не совсем легальные торговцы постоянно находятся где-то поблизости от нее, чтобы предложить желающему относительно недорогой лук. У известных купцов луки несколько лучше, зато гораздо дороже.

— В моем мире примерно то же самое, — заверил его Кин. — Не обязательно с луками.

— Люди везде одинаковы, — усмехнулся хозяин. — Но позвольте продолжить. Помимо прочего, следует упомянуть посохи магов — орудия зачастую редкостной мощи и жути. Колдунам не разрешается их носить — только магам дозволено их использовать. Это своего рода компенсация за односторонность их боевых умений. Тем не менее вам следует знать, что такие посохи существуют и могли попасть даже в руки Мертвых Магов. По виду подобный посох, к сожалению, ничем не отличается от обычного орудия, какое можно нередко видеть в руках учеников из Башни. Увы — никогда не знаешь, чем может быть заряжено такое творение.

— А например?

— Да что угодно. Это зависит исключительно от фантазии создателя и его способностей. Наиболее ценны посохи, могущие восстанавливать магическую энергию, но большинство из них после истощения силы становятся обычными дубинками. Чаще всего в посох вкладывают молнии или огненные шары. Реже это заклятия защиты.

Игорь Пржиленский

AWAKEN¹

Повесть

Master of Time	High Vibration go on
Setting sail	To the sun,
Over all our lands	Oh let my heart dreaming
And as we look	Past a mortal as me
Forever closer	Where can I be... ²
Shall we now bid	Awaken (YES)
Farewell farewell...	

ПРОЛОГ

В 2003 году, когда я почти три недели провел в горах на Кавказе, при загадочных обстоятельствах нашел старинную тетрадь, текст которой спустя некоторое время я все же решил полностью опубликовать. В дополнение к публикации я добавлю историю моей находки, а после заключение. Впрочем, хотя они и второстепенны, я все же рекомендую уважаемому читателю не пропустить их — не столько из интереса к личным моим переживаниям, сколько в попытке связать все таинственные факты в единую цепь событий.

В то жаркое лето, побывав в Приэльбрусье, Теберде, Домбае и Архызе, я возвращался в Зеленчукскую, чтобы оттуда отправиться в аэропорт Минеральных Вод. Однако ехавший со мною приятель, который знал эти места гораздо лучше меня и многими тропами исходил карачаевские пред-

¹ Пробуждение.

² Владыка Вечности, // Плывущий под парусами // Вокруг света! // Все, что мы видим — // Видим в последний раз. // Можно ли нам теперь узнать // Цену расставаний? // Просветленное сознание, // Направленное к солнцу, // Позволь моей душе вспомнить себя! // По ту сторону жизни, // Где я могу оказаться..

горя, посоветовал мне не пожалеть времени и сделать остановку в Нижнем Архызе, где, по его словам, полагался древний аланский город, недавно обнаруженный археологами.

Этот город, по мнению историков, прекратил существование в XIII веке нашей эры, а установить точную дату его основания было невозможно. Возможно, его история насчитывала свыше тысячи лет. Конечно, в первоначальном виде он практически не сохранился, и судить о поселении можно было лишь по фундаментам, дожившим до наших дней. Однако даже они давали представление о том, сколь грандиозным был город по меркам древности. Протяженностью до четырех километров, он являл собою три длинные улицы, на которых располагались несколько храмов, огромное здание, которое, по всей видимости, служило для собраний всех жителей города, а также множество крупных построек, которые совсем не были похожи на дома местных горцев, живущих здесь сегодня. Выложенные из камня, с основательными фундаментами, в те времена постройки аланов, видимо, имели надежные деревянные кровли и были достаточно велики и просторны, что говорило о высоком развитии цивилизации легендарного народа.

Я согласился сделать остановку в Нижнем Архызе, и когда мы проезжали мимо знака, говорившего о пересечении границы поселка, я попросил водителя остановить автомобиль. Тот затормозил у зеленоющей в лучах летнего солнца поляны, вышел, осмотрелся вокруг, смерил взором солнце, катившееся к взгорьям, помог мне выгрузить сумку, а после вернулся в салон. Машина завелась, двигатель недовольно заурчал. Когда автомобиль остался далеко за спуском и даже рокот мотора не доносился до меня, я разглядел за поляной, в тени высоких берез, раскинувшихся шапкою на тоненьких белых ножках-стволах, невысокий дом. Крыши его из-за крон деревьев было не видеть, но я увидел фрагмент стены и два маленьких квадратных окошка.

Подойдя к дому, я выяснил, что там находился придорожный магазин, который, однако, своим странным расположением скорее походил на секретный пункт, чем на заведение, желавшее привлечь побольше клиентов. Как я позже справился у хозяина, магазин этот тут один на все село, а потому те, кому он бывает нужен, спрашивают о его расположении и в итоге всегда находят его, пусть даже и в столь укромном месте.

Когда я поинтересовался, почему же этот дом построен на отшибе, вдали от поселка, хозяин что-то недовольно забормотал, сказав загадочную фразу:

— Тут никто не хочет жить... Раньше, сто лет назад, один нехороший человек здесь жил. Старик говорили, что то был шайтан, который в обличии человека и зверя пришел в наш аул за Муссой... Много крови пролилось, это наверное. Во всех окрестных аулах даже помнят. Потому я тут держу лавку, но жить здесь нельзя... Плохое место.

Затем старик перекрестился...

— Вы... извиняюсь, — недоуменно поглядел на него я, — вы не мусульманин? Вы христианин?

— Православный, — кивнул хозяин лавки-ларька, — Алан. Я из Осетии. Но еще мой прапрапрадед возил по Георгиевскому тракту продовольствие в эти места. Потому и я живу тут по сей день.

Чего не бывает на Кавказе! Как тут все сплетено и перепутано...

— И вы, Алан, верите в шайтана?

— Боги разные, да зло одно, — ответил он. — Кровь уходит глубоко в землю, и столетние деревья, питающиеся из этой земли, в соке своей молодой зелени смешивают горечь старых смертей. Не надо об этом думать. Кровь должна уходить под землю...

Меня передернуло от услышанного, но я и впрямь попытался об этом больше не думать.

Сейчас эта проблема меня интересовала гораздо в меньшей степени, потому как я искал старинный город, что должен был находиться где-то поблизости. Продавец сразу, лишь только услышав вопрос, ответил мне, что и развалины, и аланский храм находятся на северо-востоке, и что я должен миновать чашу, выйти к реке и пройти совсем немного, чтобы набрести на искомый мне объект. Благо, как заверил меня старик, я не смогу не заметить столь видную постройку.

Я отправился по пыльной тропе туда, куда указал мне Алан. Как и думалось, его «совсем недолгий» путь на деле оказался гораздо более значим, нежели на словах, однако этого я ожидал и не боялся. Проведя месяц в разъездах по Кавказу, я приучил себя к мысли о том, что тут, над цивилизацией, среди исполинских гор, где человек ощущает себя совсем маленьким и беззащитным существом, все несколько больше, чем в обычном мире. И в первую очередь сей тезис относился к расстояниям.

Миновав рощу и выйдя к Большому Зеленчуку, я пошел по каменистому склону, что нависал над самой рекой, бурлящей внизу. Через полчаса я наконец-то увидел вдали бурую круглую башню, увенчанную почти что плоским конусом крыши. Полукруглые башенки поменьше, сливавшиеся в единую постройку, образовывали старинный православный храм, который стоял в этих предгорьях уже, поди, тысячу лет и взирал своими черными узкими оконцами, более напоминая бойницы, на неумолимый ход времен.

Я прошел еще двадцать минут, прежде чем очутился на поляне, на которой, укрытая лесом со спины, полагалась древняя постройка. Я несколько минут ходил кругами, осматривая ее снаружи. Затем все же решил попасть внутрь.

Дверей или иных преград, которые мешали бы мне это сделать, тут не обнаружилось. Я поднялся на три ступеньки, и бурые камни, из которых они были сложены, закачались под моими ногами.

Внутри непроглядный мрак уже рассеивался, по мере привыкания моих глаз к темноте, сменившей яркий и лучистый день, я оказался в помещении, где воздух был холодным и сырым, а атмосфера таила в себе тайну древности, архаичной архитектуры и следы канувших в Лету цивилизаций.

Я заметил, что свет из высоких щелевидных окошек все же пробивается внутрь, образуя на противоположных стенах оттиски солнечных пятен.

— Эй! Э-ге-ге-е-е-й! — крикнул я, и мой голос потонул в сырой пучине храма, практически не ответив мне эхом. Лишь гул ударился о стены.

Я прошел к центру, где раньше, по всей вероятности, полагалось святилище. Плиты, уложенные на полу, закрывали пустоты. Как рассказал мне мой приятель, под ними археологи в начале тридцатых обнаружили целый клад. Золотые украшения и реликвии в миллионы рублей лежали под ногами посетителей святилища почти тысячелетие. Мне было интересно посмотреть, что же кроется под плитами и как устроен хитрый тайник. Тогда я попытался сдвинуть одну из плит. Как мне показалось, я сумею сделать это в одиночку. Вряд ли, разумеется, руками, но вот рычаг сумел бы мне помочь.

Тогда я нашел недалеко от храма, в пролеске, прочную палку, которая должна была выдержать вес плиты и послужить мне плечом в подъемном механизме. Однако сколько я ни пытался, мне так и не удалось сдвинуть с места плиту. Благом было уже то, что я сумел вставить конец палки в узкую щель, разделявшую плиты.

Везение вознаградило мое упорство лишь в случае со второй плитой, когда я сначала потеснил ее в сторону, а потом сумел приподнять один край на десяток сантиметров. Когда дело было сделано, я подпер палкой плиту, и в таком положении она повисла над пустотой, что черный провал открылся внизу. Тогда я взялся за плиту руками, уперся ногой в выступ и навалился всем своим телом, дабы поднять точеный камень. С огромным трудом я добился желаемого, и наполовину плита съехала со своего места.

Я поднялся, разминая спину и отряхивая с ладоней каменную пыль. Там, внизу, как я и думал, была ниша. Я всмотрелся в нее и, вероятно, по наитию судьбы, увидел какой-то рисунок или знак, выбитый в камне. Как мне тогда показалось, это была какая-то надпись. Тогда я наклонился к камням и сильно подул, разметая пыль во все стороны.

На мгновение зажмурившись, я вновь открыл глаза и увидел, что надписи или знака тут вовсе нет. То была обыкновенная выбоина в камне, оставленная наверняка случайно. Однако не случайна была вся та цепь событий, ибо следующая находка явила собой то, из-за чего я и веду этот рассказ.

Пыль, что закупорилась в щелях между двумя нижними камнями, плотно уложенными друг к другу, теперь рассеилась, открыв моему взору корешок какой-то книги. Вначале мне показалось,

что передо мною просто глина, однако когда я стал очищать ее руками, то действительно выяснил, что это был корешок книжного переплетения, вероятно, из кожи и, стало быть, древнего. Тогда я попытался извлечь книгу из щели меж камнями. Увы, ни к каким результатам это не привело. Книга была столь плотно сжата кирпичами, что даже пошевелить ее корешок не представлялось возможным.

Затем я попытался вставить в щель ту палку, что послужила мне рычагом. Утопив ее между камнями, я попытался раздвинуть их. Это вышло лишь с пятой попытки, и кирпичи сначала хрустнули, а потом один из них переместился буквально на сантиметр. Но этого хватило, чтобы я сумел просунуть палец и извлечь книгу на поверхность.

Каково же было мое удивление, когда на обложке с тиснением я обнаружил русское слово: «Дневник». Открыв его, я увидел перед собой с две сотни листов, исписанных убористым почерком на дореволюционный манер. Весь текст был написан по-русски, а когда я нашел даты, то понял, что записи велись в 1893-м и завершались в 1894 году, то есть ровно 110 лет тому назад. Древность, хотя и не была того характера, которого я ожидал распознать, но все же вызвала во мне живой интерес, и я бережно упаковал неизвестный дневник более чем вековой давности в сумку.

После я отправился на руины старинного аланского поселения и бродил там еще с два часа, пока не начали сгущаться сумерки. Я беспечно перешагивал через старинные кладки, не замечая, как солнце уходит за хребет. Оно закатилось очень скоро, и я не успел сообразить еще, что мне пора возвращаться в Нижний Архыз. После я покинул руины и направился в сумеречную рощицу, которая теперь была черной и пугающей, совершенно не такой лучезарной, как это было днем, при солнечном свете.

И вот тогда произошло событие, очень сильно меня напугавшее и потрясшее, а особенно значимое после того, как я перечитал найденный дневник. Прямо передо мной, в двух или трех метрах, неожиданно появился волк.

Он был невелик, ростом не более чем с немецкую овчарку, а, пожалуй, и поменьше, но я, впрочем, моментально различил в звере именно волка, а не бродячую собаку. Он был сгорблен, шея его была немного сдвинута набок, будто бы он был покалечен...

Не помню уже, как он очутился передо мною, и, быть может, я его просто не заметил, но впечатление складывалось такое, что он просто собрался из воздуха, из ниоткуда.

Я остановился и не мог пошевелиться, усиленно и бестолково пытаюсь вспомнить, как себя вести, чтобы хищник не бросился на меня. То ли смотреть ему в глаза, то ли не смотреть... То ли стоять, то ли идти неспешно в сторону...

Волк же поглядел на меня пару-тройку секунд и убежал. Я вздохнул и услышал, как колотится мое сердце. Еще несколько секунд я не мог тронуться с места, а после быстрым шагом пошел прочь, обойдя пролеску и моля Бога, чтобы он помог мне не попасть более в подобную передрыгу.

В Нижнем Архызе мне пришлось искать нового частного, согласившегося бы довести меня до Зеленчукской. Однако, признаться честно, я уже без внимания и того особого трепета отнесся к дальнейшей своей экскурсии, ибо всеми моими помыслами напрочно завладел таинственный дневник в кожаном переплете, а также испуг, пережитый при встрече с волком. Я знал, что волки практически не нападают на людей, однако, согласитесь, встреча моя вышла не из приятных, тем более, в сумеречном пролеске и вдали от единой живой души...

Позднее я никому не рассказывал об этом, равно как не показывал и дневника до тех самых пор, пока сам его не прочитал. Нужно сказать, что все походило скорее на фантастическую повесть, нежели на правдивые записки военного офицера, получившего секретное задание на Кавказе, однако в некоторых моментах меня и впрямь посещали сомнения в достоверности событий, упоминавшихся в дневнике. Так, описания во многом были очень реальны, а историческая точность и, к тому же, те странные вышеизложенные обстоятельства, при которых книга попала в мои руки, не давали шанса усомниться в том, что передо мною была отнюдь не подделка.

Я перечитал письма дважды и получал оба раза неизгладимое впечатление. Литературный навык автора был налицо, а философская глубина, которая, даже при вероятной надуманности некоторых фантастических событий, заставляли меня задуматься о многом, не могли оставить читателя равнодушным к тексту.

Однако, дорогой читатель, именно тебе я доверяю решать, что в этой истории правда, а что ложь, ибо для каждого существует своя правда, и порой чья-то ложь может перевернуть все представления о добре и зле с ног на голову. Впрочем, изложив читателю историю моей находки, я опущу свои философские изыскания и лишь приведу здесь текст того странного дневника.

В конце концов именно он, а не мое вступление, надеюсь, будет интересным как факт переплетения истории и вымысла, описания войны и любви, а также того ужаса кошмарных снов, которые во всех нас присутствуют, но никогда не должны брать верх над нашим сознанием, ибо в этом и только в этом находится залог спасения души.

Дневник Владислава Ишлицкого Записи в походной тетради

26 ноября 1893 года

Сегодня, этим промозглым утром, когда туман повис над степью, а поезд мчит меня по этим кривым и шатким рельсам в Воды, я начинаю свой дневник. Не знаю еще, почему именно с этого момента я намереваюсь записывать все происходящие со мною события, но чувю, что задание мое, из-за которого я отправлен в эту степную, а выше — горную местность, сюда, на Кавказ, заставляет меня менять привычный мне ход мыслей и стремиться к какой-то отчетности, которая сейчас выглядит для меня как средство предоставления отчета начальству, трезвости и точности памяти и, наконец, собственной внутренней стройности.

Туман не позволяет увидеть ничего над жухлой осенне-вялой травяной гладью степи, а потому не видать и гор, которые совсем уже близко. Но я всматриваюсь в белесую дымку в надежде разглядеть хотя бы какой-то смутный силуэт. Быть может, это нормальное желание любого, кто прибывает в эти края?

Вместе со мной в поезде едут еще пятеро офицеров, командиром которым я прихожусь. Тот нелепый и смертельно-опасный приказ, какой получил я от полковника Большаковского, предполагает выполнение нашей «специально направленной группой» тайного задания. Быть может, явная авантюризм и опасность мероприятия, на которое пустился я отчего-то с неоправданной лихостью и куражом, заставляет меня хоть как-то делиться мыслями с дневником. Или, скорее... Именно невозможность выговориться, поделиться с кем-либо, даже с друзьями моими, с которыми бок о бок придется рисковать жизнью через считанные дни, своими мыслями и подтолкнула меня все записывать в походную тетрадь.

Эта невозможность хотя бы с кем-то делиться сокровенным лежит даже не в тайности мероприятия и уставных отношениях, а скорее в элементарном слабосилии и нежелании, чтобы страхи мои перешли к друзьям. Ведь я командир, и мне вести их в этот непонятный бой. А посему я не имею права давать слабину.

Из всех пятерых офицеров, кандидатура каждого из которых была подобрана в штабе с особой тщательностью, ближе всего мне Олег Поверько. С ним я уж давно как знаком, и вместе мы, плечо к плечу, прошли балканскую кампанию, где нещадно били турок и видели, как один за другим ложились в землю наши друзья. Теперь судьба свела нас вместе и в сим мероприятии, и именно он один, не считая меня, из всех знает об истинной цели кавказской командировки. Четверо же других солдат, которых я тоже знаю и в коих не имею предлога усомниться, хотя и полагают о задаче, но все же и перед ними до сих пор не раскрыты все карты хитрого плана.

Хотя план, надо сказать, не столь хитер, как я преподношу. Теперь, когда я пишу эти строки, я знаю, что дневник мой останется при мне, и кто-то другой сможет прочесть его лишь после моей смерти, когда все потеряет смысл, а потому я могу изложить для полноты картины и суть задания. По крайней мере то, что сказал мне в Петербурге полковник Большаковский.

Он рассказал мне об карачаевском бандите, некоем Муссе, который со своей бандой представляет угрозу безопасности городов в Водах. Своими дерзкими вылазками он уже порядочно измотал местные регулярные части, а поймать его в его родной стихии очень сложно, потому как в горах придется воевать с расчетом — один бандит на трех русских солдат. Ибо вести масштабные бои в той местности — сущее безумие. Именно потому штабные решили собрать отряд из нескольких солдат, которым и поручить боевое задание. Командование группой предоставили мне.

В мою задачу входит убийство Муссы любой ценой, что обезглавит его шайку, в которой, по примерным расчетам, находится не менее двух сотен горцев. Что ж, теперь я направляюсь к нему в тыл, рискуя всем и, честно сказать, с малым шансом на успех, но, впрочем, с фатальной надеждою.

Мусса живет в предгорном селении Низкий Ариу Кыз, который в полутора днях верховой езды от Черкесска. Есть еще Вышний Ариу Кыз, и я слышал, что Ариу Кыз с карачаевского переводится как «красивая девушка», а оба аула так зовутся во имя пика Псыжа, что именуется промежду их народом таковой красавицей. Что ж, узнаем, принесет ли нам удачу встеча с чужими красотоми.

С черкесами, которые сами ненавидят карачаев, имеется договоренность, что проводник укажет нам путь почти что до поселка, а после, когда мы сумеем убить Муссу, они отобьют нас в случае погони и помогут нам вернуться назад. Черкесские и карачаевские села и аулы там перемешаны и расположены в непосредственной близости, что может сослужить хорошую службу нам в нашем деле.

Однако сам визит к Муссе обставлен отнюдь не как враждебная акция. Мы должны пробраться к нему якобы для переговоров. Черт побери, но я надеюсь, горцы нам поверят, ибо шесть человек, прибывших в логово врага, будут похожи либо на самоубийц, либо на бедных переговорщиков. Вряд ли Мусса и его прихвостни заподозрят в нас отчаянных бойцов, что при их чванливой гордости они способны приписывать разве что себе самим.

Все эти переговоры, конечно, полнейшая авантюра, и мы должны добиться встречи с главарем, после чего убить его. Да, шансов выжить после этого останется не так много, но они будут и, стало быть, потому нам не стоит унывать. Особенно мне.

Итак, проводник извещает, что поезд подъезжает к вокзалу на Водах. На этом мое сегодняшнее повествование обрывается. Не знаю, когда в следующий раз мне представится возможность внести в дневник новые записи, но, видит Бог, теперь я постараюсь, насколько это возможно, отражать все события на бумаге, и при первом случае я вернусь к изложению.

30 ноября 1893 года

Двенадцать верст южнее Хусы-Кардоника. Тут берет начало источник Ужум. Наступил вечер, и все вокруг засыпал снег. Мы сидим в лесу, за огромными валунами, с которых струйками крошечных водопадов стекает в котлован вода родника. Из котлована берет начало речка Ужум. Темнота пришла длинной тенью с западных взгорий.

Отогрев руки так, что можно писать без дрожи в пальцах, я вновь взялся за труд. Три с половиной дня, что мы провели в пути, я не возвращался к дневнику, и лишь теперь мне выпала возможность описать дорогу из Вод до сих взгорий.

Мы сошли с поезда, и нас встретил гарнизонный разъезд, после чего мы очутились в захолустной двухэтажной гостинице. В холодном номере и в уютной обстановке я заночевал, после чего в раннее утро нам нашли лошадей, и мы отправились в Черкесск. Прибыли мы туда затемно и особо ничего не рассматривали. Ночлег там оказался еще хуже прежнего, а наутро, когда свет дня осветил городок, стало ясно, что это куда как большее захолустье, чем на Водах.

Жуткого вида сакли, какие-то кривые улицы, размешанная в центральных местах грязь. Все удручало и, к тому же, ухудшилась погода. Навалился густой горный туман, который облаками наседавал на холмы и взгорья и кое-как рассеивался лишь над Кубанью, что вилась в низинах и вдоль которой мы все время двигались. Температура упала едва ли не до заморозка, а дорога была столь отвратительна, что лошади двигались медленно и натужно.

С нами всю дорогу был проводник, какой-то черкес по имени Ренат, который временами начинал гнать кобылу вперед, куда-то в туман, а минуты через две возвращался и вновь ехал чинно, вровень со всем отрядом.

Холмов и гор из-за низкой облачности было теперь совершенно не различить, а вот стада коз или коров все время встречались нам по пути. Чабаны, народ темный и пугливый, по преимуществу уже глубокие старики, сидели на пнях и как один глядели из-под своих бурок на нас с недоверием и страхом. Черкес кричал им что-то по-своему, и те кивали ему, после чего еще колотили палкой по камням и пристукивали каблуками сапог, пока те не утопали в размокшей хляби черных прогалин. Я не понимал по-черкесски, потому как мог изъясняться лишь по-карачаевски. А черкес скакал кругами вокруг чабанов, подымая за собою комья земли, и все что-то им кричал, а те что-то ворчали и стучали ногами. На второй или третий раз эта картина, повторявшаяся с постоянной неизменностью, начала меня уж веселить и забавлять, а чабаны, наверное, завидя мою улыбку, нервничали еще более.

За целый день мы преодолели сравнительно малое расстояние и очутились теперь в грязном ауле, который назывался Сары-Тюз, или просто, как говорили местные, Тюзы. Там мы ночевали и весь вечер рядом с саклей, где нас разместили, ходили какие-то грязные абреки, глядели исподлобья и что-то бормотали себе под нос. Вся эта дичь вряд ли меня пугала, однако вызывала вполне объяснимое раздражение.

Из Тюз мы выбрались под утро, скушав каких-то безвкусных лепешек и запив жирным козьим молоком.

Далее мы ехали через лес или через холмы, но не по тропам, которые вели в карачаевские села. Тут уж черкесские земли закончились, а черкес — наш проводник — был особенно осторожен, будто был готов кого-то встретить в этих проклятых горах.

Объехав множество сел, мы выбрались на какой-то холм, с которого открылся далекий обзор. Туман теперь забрался ввысь, а видимость тут, в предгорьях, была сносной.

— Вон там! — крикнул мне черкес по-русски. — Видишь? — он показывал пальцем на три десятка крыш, вылезавших из-за лесов, обступивших аул со всех сторон.

Я кивнул в ответ.

— Что это?

— Хусы-Кардоник, — ответил черкес, — за спиной Марухи, впереди Хусы-Кардоник! Мы — посреди. Нам — туда! — и он указал пальцем вверх, в леса, на юг.

— Дальше ты с нами не едешь?

— Еду! — крикнул черкес. — Только до ключа Ужума.

Мы тронулись на юг и через полтора часа прибыли к роднику, который бил посреди валунов — каменных глыб.

Тогда он нам объяснил дальнейший путь:

— До Низкого Ариу Кыза часа два. Тут заночуйте, это будет безопасно. Сюда нет троп и никто не придет. А завтра с рассветом двигайтесь строго на запад, пока не выедете к Иркизу¹. И от реки — вверх по течению. Пока не доедете до Низкого Ариу Кыза. Там увидите каменную церкву. За ней сразу.

¹ Так на старых картах обозначалась речка Большой Зеленчук.

На том черкес, который, хотя и помог нам в нашем деле, но все же вызывал в глазах моих некое недоверие, ускакал обратно в лес. Предварительно мы еще раз обговорили время отступления, и он сказал, что именно в том месте, где мы должны будем выехать к Иркизу, будет караулить отряд человек из двадцати. Убив Муссу, мы должны будем продвинуться вниз по течению, после того черкесы прикроют отступление, дабы оторваться от преследования бандитов.

Все казалось очевидным и простым, а выбор был небольшим. Лишь два пути оставались — смерть или успех.

После того как мы остались у родника вшестером и развернули палатку, пришло утерянное ощущение уюта. Не сказать, чтобы в этот морозный вечер условия у нас стали предпочтительнее, чем в три последние ночи, однако мы понимали, что уют и удобство связаны с тем, что поблизости нет чужаков, а черкесский проводник, хотя и приходился нам в этом деле союзником, все же не был для нас своим, и недоверие в его присутствии не уходило.

Теперь, когда мы были наедине, мы могли свободнее разговаривать и чувствовать себя легче.

— Много ли у нас шансов? — спросил Коля Степнов, самый молодой и высокорослый из нашей компании. Его белые кудри по дороге вызвали наибольшую тревогу у местных чабанов, которые попадались нам по пути.

Я знал, что имеет в виду солдат. И мог бы ответить ему, что шансы есть, и что мы победим. Это, наверное, было бы правильно с моей стороны. Но я так не сказал. Я вообще ничего не сказал в ответ. Промолчал и взглянул на запад, куда ползло красное солнце, утопая в рваных клочьях тумана и сизой дымке, распарывающей эти клочья прямыми горизонтальными полосами.

Он тоже смотрел туда. На его лице красноватый оттиск оставляли закатные лучи низкого светила.

— Туман, — сказал, выходя из-за буруна, Олег.

— Да, — кивнул я и указал на спуск в небольшую падь.

— Дым не заметят. Можно уже сейчас жечь огонь.

— Разводите, — сказал я, — но только не делайте костер большим. Как можно меньше. Свет не будет виден ниоткуда, а дым будет подниматься и смешиваться с туманом.

— В той же пади и палатки ставить? — спросил Коля.

— Да... Заночуем там.

Тени от холмов и взгорий сделались длинными, а после совсем смешались с багряными бликами и исчезли. Солнце очутилось скоро за горою и холод сразу же дал о себе знать. Поднялся ветер, порывавший блуждавший меж камней и мешавший развести огонь. Лиловые тучи с заснеженных вершин растеклись по всему небу, и вскоре начал падать снег.

Хлопья были огромными, каких я еще ни разу в жизни не видывал. Они кружились в рваном танце и покрывали сырую землю сначала прозрачным, а потом уже широким белым ковром. Так пришла ночь, а мы устроились у костра и почти весь вечер провели молча. Подходящей темы, какая могла бы положить начало разговору, не находилось.

После того как мы съели припасенную солонину с лепешками, я достал дневник.

Теперь, когда путь пройден, а до развязки, какой бы она ни была, остается одна-единственная ночь, я не чувствую в себе ничего похожего на страх или желание вернуться назад, дабы отказаться от опасного поручения.

Я не смогу отказаться, потому что убивать я умею лучше всего, и если я умею делать это, я должен это делать. В конце концов, иначе я не смогу сосуществовать в мире с самим собой.

Скорее, меня мучает ответственность за тех, кто теперь оказался в моем распоряжении, а, стало быть, их жизнь или, быть может, смерть, теперь в моих руках. Однако я понимаю, что они, как и я, офицеры, и вряд ли находятся здесь по приказу. Обычно на такие задания берут проверенных людей, которые идут на это осознанно. А потому даже не груз ответственности, а обычный страх не столько своей, сколько их смерти, давит на меня теперь и не дает мне вдохнуть полной грудью сырой горный воздух.

Время позднее, а руки мои коченеют и не могут более писать. Не знаю, вернусь ли я вообще хоть когда к своему изложению, но, если судьба предоставит мне возможность, я вновь возьмусь за перо, ибо эта тетрадь в кожаном переплете стала для меня единственным собеседником, с которым я могу делиться своими мыслями.

5 декабря 1893 года

О ужас! Именно эти и никакие иные слова не в состоянии вывести моя слабая рука. Злая судьба играет человеком! Я возвращаюсь к дневнику через восемь дней, и эти восемь дней стали для меня самыми неожиданными, ужасными и неподвластными пониманию днями за всю мою жизнь. Однако возможно, лишь за одну эту жизнь, которая еще не оставила меня вопреки всем обстоятельствам, я должен благодарить судьбу. Как я и обещал себе, при первой возможности, преодолевая боль, я опишу все события в дневнике. Мою летопись жутких воспоминаний, что, к горю, остались со мною. Но, впрочем, я не стану предвосхищать рассказ и изложу все по порядку, с того самого вечера 30 ноября, когда я сделал последние записи.

Беда случилась, когда я уже задремал в палатке. Костер еле горел — так, чтобы свет его был совсем не виден. Володя Алешко не спал до трех часов, неся караул. В три часа ночи его должен был сменить другой караульный.

Снег валил сплошной пеленой и усыпал уже толстым слоем всю землю. Видимость из-за этого была плохую, однако неприятности пришли оттуда, где и предположить их было трудно.

Еще с заходом солнца мы слышали, как со стороны восточных холмов, скрытых лесом, доносятся визгливые звуки, переходящие после в вой. Мы не думали, что волки решатся напасть на нас, потому как эти звери, хотя и охотятся стаями, но на человека нападают лишь в крайних, чрезвычайно редких случаях. Тем более огонь, разведенный нами, должен был их отпугнуть.

Я и не помышлял о том, что злая стая осмелится атаковать наш лагерь. Однако, уже засыпая в палатке, я вновь услышал этот протяжный и одинокий вой. Сложно было судить, как далек от нас был его источник, ибо горы тут совершенно искажают звук. Быть может, волк в десятках верст, однако его вой гулким эхом отдается в долине, отражаясь от холмов. Возможно, хищник лишь заскулил, а до нас донесся протяжный стон. Верить звуку тут, в горах, нельзя. Я даже не был уверен, что вой слышался с востока, а не с севера или запада...

Но я не думал тогда и, даже не знаю, насколько опрометчиво игнорировал тревожное предчувствие, что зародилось в моем сердце. Да, честно сказать, и что бы я мог сделать? Велел бы развести большой огонь? Так, чтобы отблески его завидели бы в Низком Ариу Кызе? Или приказал бы сесть всем по кругу, не спать всю ночь и изготовить свои ружья к стрельбе, ожидая кровожадную стаю? Наверное ни я, ни кто другой на моем месте так бы не поступил. Я оставил караульного, и этого, как мне казалось, было достаточно. Хоть бы я поставил не одного, а, скажем, двоих — в той жуткой видимости, за стеною снега, при тихом свечении огня, даже двое и трое вооруженных людей не предотвратили бы угрозу.

Однако даже все мои сегодняшние рассуждения — лишь отговорки. Для дневника, но не для меня. Я не снимаю с себя вины за то, что лишь я сумел выжить после событий той ночи. Впрочем, и это стало чудом.

Я засыпал и, помню, открыл глаза и очнулся от дремы, которая заволокла мои мысли, из-за того, что услышал храп лошадей. Не одна, а несколько кобыл разом недовольно, испуганно и тревожно захрапели.

Прислушавшись к звукам ночи, я более не услышал ничего. Я еще толком почти не успел понять, но какой-то подсознательный голос сообщил мне о неминуемой угрозе. Холодок пробежал по спине, и я попытался вылезти из походного мешка, который хоть как-то согрел меня от наступившей в горах зимы. Однако было уже слишком поздно.

Лошади, чей храп стал для меня предупреждением, теперь испуганно заржали. В мгновение я понял, что одна из них дернулась, натянула поводья, и ветка, к которой они были примотаны, сломалась. Я услышал стук лошадиных копыт, что удалялся от нашего лагеря.

Я пытался выбраться из мешка, однако наспех ничего не выходило. Времени все равно было крайне мало. Тень на палатке, отбрасываемая костром, плясала меж желтоватыми бликами. Я увидел, как чей-то силуэт метнулся по брезенту, но сразу понял, что это караульный. Я крикнул:

— Володя! Что-там?

— Лошади беспокоятся! — услышал я голос Володи в ответ. — Одна ускакала!

— Подъем! — закричал я, что было не так обязательно. Все в палатке и так уже проснулись и, почуввав неладное, пытались выбраться из походных мешков.

Но прошла еще секунда, и хриплый рев, рык нескольких разъяренных глоток и человеческий крик, смешавший ужас и страх, донеслись до нас. Все поняли, что вряд ли наш караульный сумеет спастись. Кровь в тот момент похолодела в моих жилах, а палатка как-то мгновенно свернулась, упала, и брезент повалился на нас. Я попытался подняться, но это было очень сложно. Ноги мои все так же еще были спутаны мешком, из-за чего я лишь беспомощно барахтался, желая высвободиться из плена тяжелого полотна.

После свист разорвал пространство над правым ухом, и тьма озарилась полоской света. Я схватил револьвер, который даже во сне был всегда при мне. Я не знал, что делать и, нужно признать, совершенно растерялся, чего со мной давно уж не случалось.

Над ухом теперь кто-то зарычал, а потом я увидел в просвете вспоротого брезента два круглых огонька... Будто две бусинки, отражавшие свет тухнувшего костра.

Я догадался, что на меня глядит волк. Я что было сил рванул руку наверх и попытался нацелить револьвер на зверя. Увы, слишком поздно. Морда пронеслась над моим лицом, я почувствовал смрад, донесшийся из пасти, а затем меня обожгла острая боль ниже шеи. Хищник вонзил свои челюсти мне аккуратно между плечом и шеей...

Я увидел над собой его морду, почувствовал его лапы, которыми он скреб брезент, разрывая когтями ткань.

Рядом со мной я услышал крики. Еще и еще...

А затем грохнул выстрел. Я даже не помнил о том, что в руке моей револьвер, потому выстрел меня несколько удивил. Палец сам, скорее в приступе конвульсивной боли, нежели осознанно, нажал на спуск. Я держал револьвер ровно вверх, направив его дуло на наседавшего на меня хищника.

Выстрел слегка пошатнул зверя. Волк взвизгнул и закинул голову, а в лицо мне хлынула горячая струя. Видимо, крови.

Окровавленная шерсть, по которой струилась кровь, припала теперь ко мне, и на своих губах я ощутил неприятный вкус волчьей крови. Затем зверь пошатнулся и свалился с меня.

Я наклонил голову и понял, что все перед глазами начинает искриться и мутнеть от малейшего движения. В плече моем будто бы жил рой ос, нещадно жаливших меня и будто выгрызавших все изнутри. Потому я более не мог пошевелить головой, а лишь смотрел немного в бок и пытался оставаться в сознании. Волка я, впрочем, не убил. Он приподнялся на передних лапах и, шатаясь, брел теперь куда-то прочь.

Крики же вокруг, как и рык зверей, стихли. Я вообще не слышал поблизости никаких звуков. Зловещая тишина и стук сердца в висках...

Я хотел бы посмотреть по сторонам, чтобы увидеть все вокруг, но это было невозможно. В любом случае, в те секунды меня посетила мысль, что лучше бы волки убили меня, потому как если в лагере все были мертвы, то у меня не оставалось шансов на спасение.

Теперь, когда я уже знаю, что был не прав, все же до сих пор не понимаю, к добру ли судьба сохранила мне жизнь.

А волк, тем временем, брел к бурунам, в сторону леса. И я знал, что достойно ответил ему кровью за кровь. Можно сказать, что мы с ним побратались как противники. Он испробовал моей крови, а я испил его, ибо на губах моих все еще чувствовался этот отвратительный солоноватый привкус.

А после я услышал, как ночная тишина прервалась оглушительным воем десятков волков, доносившимся со всех сторон. Завывания наполнили весь воздух и провозгласили какой-то скорбный гимн своему раненому собрату. Я уже ничего не боялся, даже смерти, однако даже меня проняла дрожь от этой злобной ночной арии.

Мой кровный враг тем временем уже скрылся в зарослях ельника, а я остался лежать так, не в состоянии пошевелиться и без надежд на спасение. Я только смотрел в это черное небо, с которого на мое лицо падали серые снежинки. Все мое существо наполнила адская боль, так что я даже не мог о чем-то думать. Не помню, сколько времени прошло, прежде чем меня накрыло забвение. Однако с тех пор я ничего не помнил, а сознание мое оказалось в плену бреда и тьмы.

Очнулся я лишь спустя три дня, но те обстоятельства, при которых это случилось, а также события моего спасения я изложу в следующий раз, ибо письмо теперь, в таком состоянии, в каком пребываю я сегодня, отнимает у меня много сил, и я не могу записать все разом. Теперь я надеюсь, вскоре силы вернуться ко мне и я продолжу свое повествование.

6 декабря 1893 года

Это утро очень морозно, а сквозняки продувают насквозь ту саклюшку, в которой я очутился волей providения, так, что бесконечные потоки холодного воздуха блуждают по всем углам, выметая тепло и заставляя меня не высовывать и носа из-под шерстяных одеял, которыми я укрыт.

Под тряпьем, которым перевязали мое раненое плечо, боль порою и возникает, однако переходит в неприятное нытье и дергает весь бок тупыми толчками. Того роя ос нет уж и в помине, и я с трудом верю, что не только сумел спастись, но, к тому же, очень быстро иду на поправку.

В моих условиях, однако, это отнюдь не означает, что я буду жить дальше. Ибо на жизнь мою теперь влияют совершенно иные силы. Очень зло и иронично, если действительно после чудесного исцеления меня все равно неотвратимо настигнет смерть.

Я очнулся от забвения и с трудом сумел открыть глаза. Какое-то время ушло для меня вообще на то, чтобы вспомнить, кто я такой. Я по фрагментам восстанавливал свою жизнь, и последними всплыли воспоминания про события того вечера в горах. По крайней мере вечера, который сохранился в голове. Последние секунды были прозрачны и четки, и я знал, что оставался лежать в лесу. А теперь...

Теперь я не был уверен даже в том, что живу, не говоря уже о том, где я и каким образом мне удалось спастись. Все это время, пока ко мне возвращалось сознание, глаза мои оставались закрытыми, и я плыл куда-то во тьме, пока наконец не понял, что могу поднять веки.

Я увидел, как расплывчато передо мною начинает разгораться мутное свечение, разливаясь серыми красками по обступившей мгле. Затем увидел перед собою крышу, лежащую на толстых балках. Пошевелив головой и ощутив боль в плече, я все же увидел, где заканчиваются длинные доски. Увидел кусочек косою белой стены и, кажется, проем. Еще сильнее наклонив голову, я понял, что справа находится дверь.

Само помещение оказалось невелико, стены были сложены из неровных булыжников разного склада, которые поверх того были обелены. В косом проеме помещалась деревянная дверь, которая была так же крива, а потому в толстые ее щели бился свет с улицы. По всей видимости, на дворе был день.

Помещение было холодным, неудобным, но, благо, я был укрыт тяжелыми пледами, которые отлично сохраняли тепло.

Я вспомнил нападение волков на наш лагерь, то, как умерли все мои друзья. Как волк прокусил мое плечо, а я в ответ ранил того в шею и странным образом отвел угрозу. Мне было непонятно, почему другие волки, а их было не меньше пяти, не убили меня. Когда я выстрелил в навалившегося на меня зверюгу, других уж и след простыл.

Я вспомнил тот полминутный вой, который заполнил всю округу сразу после исчезновения раненого зверя в чаще ельника. И подумал, что, видимо, отозвавшись на этот вой, либо же по случайности, в пади, где мы разбили лагерь, оказались люди, которые и спасли мне жизнь.

Однако главный вопрос заключался в том, кто же они?

Друзья или враги?

Бандиты или же черкесы?

В любом случае, в самое ближайшее время мне предстояло это узнать, как узнать и многое другое. Например, как много времени прошло с тех пор, как я потерял сознание и сколько дней и, быть может, декад я был без сознания. Я задумался об этом, и мне стало не по себе. Тогда я попытался пошевелить рукой, предплечье которой было цело. Любое движение сразу же отдавалось болью в рану, однако боль эту было не сравнить с той, когда волк набросился на меня. Тогда я едва не терял сознание, а теперь все же болезненные ощущения были для меня весьма терпимы. Конечно, попытаюсь я пошевелить левой рукой, мышцы плеча и предплечья пришли бы в непосредственное движение, а затем последовала бы острая боль. Впрочем, правая рука была в полном порядке.

Тогда я дотянулся ею до лица и провел по подбородку, пробуя бороду, насколько она отросла и, стало быть, сколько я тут лежал без сознания.

Судя по всему, времени прошло не так уж много, ибо я не сильно зарос. Трудно было предположить, но, видимо, прошло дня три — четыре, ибо бородой мою щетину назвать было сложно.

Я подумал, что оправился сравнительно быстро.

Впрочем, я сейчас уж и не помню, какими вопросами терзался в момент пробуждения. То время, что я лежал, глядя на стены и потолок и ожидая чьего-то появления, я и сейчас не рискнул бы измерить. Кто знает, может, прошло несколько минут, а может — часов. В любом случае эти часы или минуты стали для меня целой жизнью, какой-то новой и неизведанной.

Точнее даже, это была переправа меж двумя жизнями: той, старой, в которой я до ранения воювал, любил, верил, сокрушался и, собственно, был самим собой, и новой — которая была для меня таинственной и неопределенной, выплывающей из тумана. Я и предположить не мог, в каком месте я оказался. Я не мог судить о своих шансах на дальнейшее существование, я был беспомощен и болен.

И именно эта переправа, на которой я еще оглядывался назад, в мир прожитого, однако уж не мог вернуться обратно, и ждал, что же выглянет из тумана неизведанного, показалась мне отдельной, совершенно отделенной от другого времени жизнью.

Однако прошло и это время, после чего я услышал шорох шагов за дверью. Спустя еще мгновение дверь слегка скрипнула, открылась, и из проема мне в глаза ударил яркий свет, который на секунду ослепил меня и заставил зажмуриться. Я несколько раз моргнул, после чего попытался вновь всмотреться в проем.

Там вычерчивалась из белой пелены чья-то темная фигура.

Мне понадобился лишь миг, чтобы понять, что передо мною женщина. Я взглянул на ее лицо, которое теперь обрело форму, и увидел совсем еще молодую девушку, с большими черными глазами, локоном черных, как сажа, волос, выпадающих из-под платка. Одного взгляда было достаточно, чтобы различить в ней кавказскую красоту, а, стало быть, предо мною стояла горянка.

Черкешенка или карачаевка.

Эх, знать бы — кто?

Это бы помогло и с выбором языка. Хотя по-черкесски я практически не говорил, карачаевский-то знал, почему меня сюда, вестимо, заслали.

Я увидел, что девушка очень удивилась и даже испугалась, заметив, что я в сознании. Видимо, ожидала найти меня без сознания. Она вздохнула и нерешительно замерла на месте. Затем подошла к низкому столику, стоявшему тут же, недалеко от моей кровати, если, конечно, называть мою лежанку кроватью.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она по-карачаевски.

Ну что ж, вот я и получил ответ на один из вопросов: спасением своим я обязан карачаевцам... Но, впрочем, в округе было достаточно аулов, а потому нельзя было однозначно утверждать, что меня подобрали жители именно Низкого Ариу Кыза. Быть может, я оказался в совершенно другом ауле, например, в Марухах или в Хусы-Кардонике?

— Хорошо, — сказал я на ее языке, что, впрочем, как мне в тот момент вздумалось, ее совсем не удивило. Она держала в руках блюдо, на котором стоял кувшин и тарелка с едой.

— Поешьте, это поможет вам набраться сил, — сказала девушка.

Она поставила столик прямо к кровати и помогла мне немного приподняться.

— Скажи, где я? — задал я ей интересовавший меня вопрос.

Девушка мгновение молчала, будто бы не решаясь выдать мне название своего аула. Затем сказала:

— Вы у нас в гостях. Вы ранены. Не говорите много.

Я прищурился и взглянул на нее столь пристально, что той ничего не оставалось, кроме как отвести взгляд. Я ждал, что, быть может, получу более вразумительный и ясный ответ, однако его не последовало.

— Вам надо поесть, — повторила она, после чего добавила, — я скоро вернусь.

Засим она вышла из помещения и закрыла за собой дверь.

Я посмотрел на какие-то мучные лепешки, что она принесла, на кувшин с молоком. Есть мне не хотелось, ибо мысли мои были заняты совершенно иным, однако организм требовал питания, а потому я попробовал взять хлеб, а потом и кувшин. Было это тяжело, потому как у меня оставалась лишь одна здоровая рука, а боль при каждом движении отдавалась в раненом плече. Однако я немного поел и почувствовал некий прилив сил, но бодрости. Даже мысли на полный желудок выглядели куда как стройнее и связаннее, нежели до того.

Думая тогда о скрытности девушки, я не особо боялся этого, ибо ее реакция была вполне нормальной и предсказуема. То, что она ничего мне не сообщила, кроме, конечно, языка, выдавшего ее племю, объяснялось тем, что ей, в принципе, не положено было говорить с чужаком, рассказывать ничего о своем ауле, о своей семье. А потому я не насторожился ее неразговорчивости, ведь я сам для спасших меня людей представлялся незнакомцем. Более того, мое появление в горах наверняка воспринималось ими со страхом, а сам я был для горцев скорее врагом, чем другом.

Благо, находясь тут, в этом ауле, я приходился гостем, а значит, пользовался кавказским гостеприимством. Утешение в том состояло небольшое, хотя это по крайней мере вселяло надежды на спасение. Как бы то ни было, пока я был у них в гостях, я мог не волноваться за свою жизнь.

Другой вопрос — что станет со мною после моего выздоровления?

Но множество вопросов сейчас смешивались в моей голове со столь стремительною скоростью, что я не мог даже спрясти их в единую нить, не говоря уже о том, чтобы развязать запутанный узел на конце этой нити, где могли найтись все ответы..

Тем временем дверь открылась, и та же девушка вновь зашла ко мне. Она посмотрела на посуду и, увидев, что я не отказался от еды и удовлетворенно кивнув, взяла блюдо и направилась к выходу.

— Погоди, — обратился я к ней, — пожалуйста, погоди. Я..

Она остановилась и оглянулась.

— Скажи, — продолжил я, обнадуженный ее вниманием, — сколько времени прошло? И где я теперь?

Она подошла и ответила:

— На тебя напали волки. Ты был почти мертв. Но мы тебе помогли. И теперь ты быстро выздоравливаешь, — все это она говорила почти скороговоркой, мягким и тихим голосом, — мы нашли тебя три дня назад.

— Но где я? Как называется ваше село?

— Прошу, — сказала девушка, — не задавай мне больше никаких вопросов. Позже к тебе зайдет мой отец. Он с тобой хочет говорить. Я ему сказала, что ты пришел в себя. Он ответит тебе на все вопросы, если будет на то его воля, — на том она развернулась и поспешила к двери.

— Но хотя бы скажи свое имя! — попросил я.

Однако и этого узнать мне было не суждено. По крайней мере тогда. Она будто и не слышала вопроса, а лишь отворила дверь, скрылась в проеме, после чего я вновь оказался наедине со своими мыслями.

Что ж, теперь мне хотя бы было чего ожидать. Не зная тогда, что принесет мне встреча с ее отцом, я все же предполагал, что неясное мое положение разъяснится, а туманное будущее обретет хоть сколь-нибудь уловимые черты.

В те минуты, когда я ждал появления ее отца, я уж почти ни о чем не думал, ибо строить предположения в моем случае было бессмысленно. Оставалось набраться терпения перед разговором, который мог многое в моей жизни решить.

Однако теперь силы вновь оставляют меня, и я прекращаю запись в тетрадь. Вскоре, когда я продолжу дневник, я расскажу о том разговоре, которому, вне всяких сомнений, следует посвятить отдельную главу в моем повествовании.

7 декабря 1893 года

Каким-то серым вихрем теперь пронесется предо мною время, и дни бесчисленной вереницей уходят вдаль, оставляя меня пленником карачаевцев и с единственным — неизвестным читателем — моим собеседником — дневником.

Как я уже упоминал, в тот вечер ко мне должен был зайти отец девушки, приносившей еду. И он действительно появился совсем скоро. За окном уже стемнело, и вся комната погрузилась во мрак. Черные своды потолка и серые стены, которые в призрачном сумрачном свете выделяли неровную кладку, сдавливали пространство. Я вслушивался в долетавшие до меня звуки и различал пару раз чьи-то шаги, которые быстро затихали. Еще пару раз мне слышались далекие голоса, однако доносившиеся звуки никак не хотели складываться в слова, потому я не мог определить даже язык и национальность тех, кто их произносит.

Когда щели дверного проема озарились слабым мерцающим свечением, я понял, что к двери приближается кто-то, в чьих руках свеча. Я приподнялся повыше, хотя это и было сопряжено для меня с невероятными усилиями и резкою болью в ране.

Я услышал, как с той стороны двери кто-то поднял доску, служившую засовом и запиравшую ее снаружи. Затем петли скрипнули, и дверь открылась. Комнату осветило неровное и дрожащее желтое пламя свечи, в котором я разглядел невысокого человека. Лицо его было вполовину скрыто густой черной бородой, какие есть у всех горцев, маленькие глаза оказались посажены глубоко, а орлиный изогнутый нос выдавался вперед. Сам он был одет в какой-то наряд, который я почти не успел разглядеть.

Он прошел к кровати и сел на стул, который стоял напротив, наклонившись надо мною и поставив свечу в сторону, на пол, так что свет ее сразу же стух и лицо горца оказалось во тьме. Мое лицо, впрочем, он видел не лучше.

— Ты говоришь по-карачаевски? — спросил он.

— Да, — ответил я по-карачаевски.

Горец помолчал, а потом сообщил:

— Дочь сказала мне, что ты хорошо знаешь мой язык. Что ты много слов сказал. Вопросы задавал.

— Да, — вновь повторил я.

— Кто ты? Урус¹? — спросил он.

— Да.

— Те — другие... Они тоже твои друзья?

— Друзья.

Ненадолго повисло молчание, и я решил этим воспользоваться. Я сам спросил у него:

— Они живы? Хоть кто-то?

Горец отозвался довольно резко:

— Урус, я говорю! Ты — отвечаешь! Понятно? Что тебе надо знать, я сам решу и сам скажу.

Я промолчал. Он тоже помолчал и, убедившись в том, что я усвоил его правила, продолжил:

— Пять человек мы нашли там. Все были убиты. Ты был еще живой.

Я почувствовал боль, вернувшуюся в мое сердце. Боль за моих друзей. Я и так не верил, что кто-то из них уцелел, однако в глубине души продолжал надеяться на маленькое чудо. Теперь же все надежды были потеряны, и это вновь взбудоражило мне память.

— Как твое имя? — спросил карачаевец.

— Владислав, — честно ответил я ему. Скрывать имя или называться кем-либо другим смысла не было, а потому я даже не раздумывал о том, говорить ли ему правду.

— Владислав. Из России. А что ты делаешь тут? Зачем оказался в горах? Так высоко, в лесу? — спрашивал горец с какой-то издевкой. — Ты не знал, как здесь бывает опасно? Что тут водятся волки? Они на тебя и напали.

Я промолчал, ибо отвечать что-то было бессмысленно.

— Знал, наверняка знал, — продолжал он, отвечая на свой же вопрос за меня, — и шел не налегке. Оружие было. Много. У всех по ружью, по пистолету, а еще ножи. Так ведь? Владислав? Что же вы с оружием не отпугнули волков?

— Мы спали, когда стая напала... — не выдержал я его расспросов.

— А что, неужели вам спать больше негде, кроме как в лесу? Не могли до моего аула доехать? Почему ко мне в гости не приехал со своими друзьями? Приехал бы, все рассказал, я бы вас накормил, напоил, как гостей принял! — горец говорил все громче и громче, будто все больше раздражаясь. — Нет! Ты в лесу спать предпочел! А кто прячется в лесу и не хочет быть моим гостем? А? — уже кричал карачаевец. — Нет! Друзья так не делают! Так делают враги, которые хотят, чтобы их никто не заметил!

На минуту повисло молчание. Горец все выплеснул и теперь то ли ждал моего ответа, то ли сам переводил дух.

— Я расскажу, почему все так случилось... — пробормотал я. — Но только я тоже хочу кое-что узнать. Я же назвал свое имя. Скажи и ты мне свое. И скажи, где я нахожусь?

Карачаевец недовольно фыркнул, а я мог лишь догадываться о выражении его лица, которое полностью было для меня скрыто тьмою.

— Хорошо. Я скажу, — промолвил он наконец, — меня зовут Мусса.

От этих слов мурашки пробежали по моей спине, а руки и ноги похолодели. Я не раз думал, что это и есть тот самый Мусса, и что судьба именно так и распорядится, вопреки здравому смыслу и назло мне, но все же, одно дело — предполагать, другое — знать. Теперь я понял, что фортуна смеется надо мною и будет смеяться еще долго. Я готов был к любым сюрпризам, но действительность превосходила все мои ожидания, круто поворачивая мою жизнь то в одну, то в другую сторону.

Теперь выходило, что тот самый Мусса, которого я должен был убить и ради чего уже погибли пятеро моих друзей, разговаривает со мной, но только возможности убить его у меня нет. Напротив, моя собственная жизнь находится в его руках, и его право решать — жить мне или умирать.

¹ Русский.

— Это Низкий Ариу Кыз? — простонал я, не в силах даже вымолвить это ровным голосом.

— Да, — ответил Мусса, — оказывается, ты знаешь то место, в котором оказался?! Уверен, что и имя мое тебе было известно ранее, много ранее! Просто теперь мы познакомились с тобою лицом к лицу!

— Ты прав, — пробормотал я почти беззвучно.

— Прав? Хвала Всевышнему, что он хотя бы не послал мне труса и что ты довольно смел, чтобы сказать мне верную правду! — разразился криком карачаевец. — Ты шел сюда, и, наверное, за мной! Хотел со своими друзьями меня убить? Или пленить и отвезти к своему господину? В северный город?

— Нет, — взмолился я, — послушай! Я действительно разыскивал тебя, но не для того, чтобы убивать! Мы шли, чтобы вести переговоры... — я знал, что это единственный мой шанс на спасение. Он был невелик, однако я должен был стоять на своем. Шанс этот теперь был не больше, чем раньше, если бы мы и действовали по плану, не напали на нас той ночью волки.

— Переговоры? — переспросил горец.

— Да! Поверь... Наш отряд — шесть человек! Подумай сам, неужели мы бы вшестером собрались с тобой воевать?! Это же глупость! Самоубийство! У тебя сотни воинов, что бы мы сделали вшестером? Мусса на секунду задумался и, кажется, не знал, верить моим словам или нет.

— Мы хотели сказать, что полковник Большаковский, о котором ты наверное слыхал...

— Слыхал, — кивнул карачаевец.

— Так вот он предлагает вам мировую... Чтобы вы не нападали на села ниже Подкумка, а мы не разыскивали ваших воинов и сняли продовольственную блокаду с ваших сел...

Мусса, как мне лишь показалось во мраке, недовольно сморщился, но твердой уверенности в том, что я его обманываю, у него уже не было.

— И почему же вы прятались в лесу? — повторил он свой вопрос.

— Мы двигались по карте, в основном по реке, и прошли уже несколько дней. Мы не знали толком, как долго предстоит нам добираться до Низкого Ариу Кыза.

— Почему же вы продвигались без проводника?

— Потому как мы не нашли человека, знавшего эти леса... Черкесы нам не помогли, да мы и не просили, — сказал я, — они бы никогда не стали помогать русским, а тем более в переговорах с вами. Им же выгодно наше противостояние, ибо мы взаимно ослабляем друг друга. Им такое положение на руку. Но нам и вам — нет. Потому я и был направлен к тебе, Мусса. Чтобы договориться об уступках.

Тут я намеренно помянул черкесов, которых те не терпели и сами. Времена, когда гарнизонные держали в узде черкесские банды, минули, теперь же гораздо более столкновений случалось с карачаевцами. И Мусса понимал, что сделка, предложенная мною, будет выгодна для него. В противном случае сюда могут прийти войска, и тогда ситуация для бандитов станет совсем плохой.

В то же время я специально сыграл на его самолюбии и нежелании в чем-то уступать воинственным соседям.

— Все, что ты мне говоришь, звучит очень складно и хорошо, однако ты чужак и мне всегда будешь врагом, — сказал Мусса, — потому полной веры к тебе и твоим словам у меня не будет никогда.

Услышав эти слова, я понимал, что это — первый шаг к переговорам. Именно так, а не иначе они и могли проходить. Он никогда не побратается со мной и сделает так, что все останутся при своем мнении, но во имя общего блага он должен согласиться со мною и пойти на уступки. Однако я ждал его дальнейших слов, ибо он мог все повернуть обратно.

— Я забочусь о благе своего народа, — продолжил горец, — о благе моей семьи. И я не могу не думать о будущем. Я еще подумаю над твоими словами, однако и ты помни — твоя жизнь на волоске... Если ты хоть что-то предпримешь без моего ведома и, не дай Всевышний, против меня или кого-то из моей семьи, то ты пожалеешь о том дне, когда родился на свет.

Я промолчал.

— Пока живи. Там видно будет. Хочет твой господин мира, будет мир, а хочет войны — будет смерть. И первым окажешься ты...

Затем он неожиданно тихо и властно сказал не по-карачаевски, а по-русски:

— Убью...

Засим он взял почти прогоревшую свечку и вышел из комнаты, а я мог надеяться на спасение, ибо Мусса близок был к тому, чтобы поверить мне. Тогда, возможно, когда силы вернутся ко мне, быть может, уже через несколько дней, он меня отпустит, оставив послание для полковника Большаковского. Что ж, приходилось надеяться на то, что мой организм окажется достаточно крепким, чтобы заживление раны прошло быстро.

Я остался лежать во мраке комнаты, сгустившемся вокруг и не дававшем мне возможности хоть что-то разглядеть. Впрочем, сил у меня оставалось совсем мало, и я не смог бы долгое время раздумывать над всем случившимся со мной после пробуждения.

Разговоры, раздумья и минуты томительного ожидания так вымотали меня, что я практически сразу погрузился в сон. Мгла заполонила все пространство и некоторое время я просто дремал, пребывая где-то на границе между сном и явью. До меня доносились отдаленные звуки с улицы, однако я не реагировал на них, зная, что сегодня никто не зайдет в мою обитель.

Затем мое сознание пронеслось над темной, скрытой ночной пеленой равниной. Где-то она изгибалась руслами рек, где-то уходила в пади либо же вздымалась холмистыми грядами... Я видел все это во сне и в то же время чувствовал, что то не сон, и это место есть на земле. Меня не покидало чувство, будто в этих краях я уже бывал, и что чем дальше мое сознание будет смотреть с ночных небес на эти земли, тем быстрее я узнаю знакомые места.

За степью же стали вздыматься все более высокие хребты и взгорья, а в некоторых местах начинались густые леса. Мой взор приближался к какому-то ущелью, которое было скрыто лесом. По центру его струилась бурная горная река, а над ним начинали выситься бледные ледники, затянутые низкими шапками облаков.

В горах выпала зима и все поляны, а также леса стояли, скрытые белым покровом снега. Луна была ярка, и в тех местах, где над горами не засели облака, свет ее падал до земли и, встречаясь со снегом, превращался в серебряное искрящееся полотно. Тихие горные аулы стояли под шапками крыш, заваленные снегом. Лишь крутые склоны и скалистые отлогости гор, имевшие почти вертикальное расположение, не были скрыты белой пеленой, а их изгибы черными пятнами врезались в полотно серебряного света.

Затем взор мой спустился к поляне, которая, будто чей-то горб, была аккуратно скругленной и осталась лежать, будто ровное и блестящее белоснежное блюдо, перевернутое кверху дном.

Я разглядел, как по этой поляне кто-то медленно идет, и темный силуэт, пересекающий ее на прямой, оставляет в снегу дорожку глубоких следов. Было видно, что каждый шаг дается человеку с огромным трудом, ибо снег был высоким, а ноги глубоко проваливались в него.

Чем ближе я видел ночного путника, тем больше очертания его силуэта менялись, пока я вдруг не осознал, что это вовсе не человек, а какой-то зверь. Он двигался на четырех лапах, и по силуэту я распознал как будто волка.

Вид во сне сменился и теперь я глядел на него сзади, будто бы шагая по им же протоптанной дорожке следов. Я глядел на эти следы и видел в глубоких снежных провалах отпечатки волчьих лап. Более того, на снегу я смог различить какие-то темные пятна, будто бы следы какой-то крови. Наконец, я враз догадался, что вижу того самого волка, который напал на меня и которому я выстрелил в шею... Я понял, что рана на нем до сих пор еще кровоточит, и кровь по капельке струится в свалявшейся грязной шерсти. Так вот что оставляло эти темные пятна на снегу! Кровь...

Я смотрел на зверя теперь уже с другой стороны, глядя на его морду, склонившуюся к земле, на его потухшие глаза. И я различил, что в зубах его находится какая штука... Что-то, что он нес, сжав челюсти и не желая выронить. Я всматривался в него и различил, наконец, что в зубах волк сжал какую-то тетрадь. Я ужаснулся и понял, что волк несет мой собственный дневник!

Подсознательный страх сразу же сделался явным, и я тут понял, чего так боялся! Мусса знал русский язык и, возможно, мог читать по-русски. И единственная улика, свидетельствовавшая о моих истинных намерениях убить карачаевца, теперь была не при мне. Мои собственные записи раскрывали мои планы, а теперь я вспомнил про дневник и даже не хотел представлять себе, что станет со мной, если мои письма попадут в руки Муссе.

Однако еще во сне я подумал о том, как бандиты не нашли дневник, и он остался лежать где-то там, среди камней. Станным было то, что волк почему-то разыскал этот дневник... Зачем раненый зверь несет куда-то мою тетрадь?

Но все странности во сне быстро тают и забываются, а объяснения им находятся очень простые, так что потом сам диву даешься, что тебе что-то казалось странным... Так и тут: я смотрел на своего кровного врага и благодарил Бога, что дневник не попал в руки к Муссе.

Что ж, как это часто случается во сне, все очень быстро и незаметно разменялось. Теперь я в ужасе смотрел на то, как волк прошел к пролеску, а затем оказался у какого-то аула. Сакли затонули под снежным покровом так, что напоминали холмики, из-под которых выглядывали куски стен и маленькие окошки, запертые ставнями.

Я никогда не знал прежде Низкого Ариу Кыза, но теперь отчетливо понимал, что вижу перед собою этот аул.

Волк ступал по главной улице, которая хотя и была истоптана следами, но все же тоже утопала в снежной каше. Наконец, остановившись недалеко от низкой закосившейся сакли, он бросил тетрадь в снег, после чего поднял голову к луне и завыл. Его завывание, напомнившее мне плач, а после хриплый лай, заморозило в жилах кровь...

Я не знал, что делать! Злобный хищник будто бы ведал, что этот дневник станет свидетельством моих планов, после чего смерть неминуемо настигнет меня. Я понял, что зверь специально принес этот дневник, а воем своим он хочет разбудить село и привлечь к этому внимание.

Действительно, уже через несколько мгновений распахнулись двери, и на улицу высыпали мужчины, наспех одетые и державшие в руках ружья. Увидев волка, они стали целиться в него, и свистевшие пули стали фонтанами взрывать снег, разбрасывая гулкое эхо по склонам гор.

Волк развернулся и, перескакивая каким-то неуклюжим манером сугробы, застревая в глубоких рывтинах следов, бросился наутек. Удары выстрелов разрывали наст совсем рядом с его лапами, но ни одна пуля не достигла цели. Зверь семенил по глубокому снегу, и на шее его виднелось черное кровоточащее пятно...

Я очнулся ото сна и, как мне показалось, даже услышал волчий вой и хлопки ружей. Выстрелы эхом повторились в ушах, после чего я окончательно вынырнул в правдивую жизнь, сковавшую меня пространством черной комнатки.

Я перебрал весь сон и, как казалось, думал о дневнике, который мне приснился. Я действительно лишь теперь — от момента пробуждения из многодневного забытья — вспомнил про рукописи, которые, как я рассчитывал, никому уж в руки наверное не попадут. Сейчас я жалел о своей опрометчивости, которую никак не должен был допускать, записывая все так явно в дневник.

Что ж, теперь пришло время расплаты за нее, и я не догадывался даже, видели ли карачаевцы мою тетрадь среди прочих вещей, а если и видели, то смогли ли прочесть по-русски?

Теперь было поздно думать о возможных последствиях, а разговор с Муссой доказывал хотя бы то, что до сего момента дневник ему не попался. Оставалось надеяться, что так оно будет и дальше, хотя сон вселил некоторую тревогу.

До того раньше я никогда не верил в вещи сны и какую-то чудотворную силу сна, связывающего душу с небесами. Однако именно тот случай стал для меня первым поводом задуматься над этим.

Я лежал в темноте, слушал ровное и частое биение собственного сердца и не мог уснуть... Кроме того, мои ноги под несколькими шерстяными пледами стали замерзать, и я не знал, связано ли это со страхами, пережитыми во сне, либо же с тем, что мороз крепчал и подымался ветер, выхолаживавший саклюшку.

На улице я слышал чьи-то шаги. Какие-то громкие голоса и, как мне показалось, даже крики донеслись до моих ушей. Впрочем, они были столь отрывочны, что я не сумел разобрать не единого слова, пусть я и знал карачаевский язык.

Я лежал в темноте минут двадцать... Пока сон вновь не стал накрывать меня своим тягучим омутом, окуная в илестые потоки мглы и воспоминаний, которые были столь размыты, что вряд ли могли сложиться в целостный сюжет. Вновь ныло плечо, которое до этого еще не болело столь сильно и продолжительно, однако эта боль могла значить и медленное заживление раны...

Уже передо мною маячила волчья морда с каким-то грустным взором. Будто проклятый волк пустил в мою кровь необычный яд, что вызывал у меня подобные видения и заставлял чувствовать все его телом. Моя и его раны были сравнимы, и даже боль нам давалась одинаково.

Во сне я более не знал себя самим собой. Этот сон придавал другие, не просто новые, а иные, неизведанные силы. Будто бы я попадал в чужое тело. Тело этого зверя. Я видел его издали и одновременно был им самим.

Быть может, забавлялся я над собственными страхами тогда, я превращался в волкулака? Или, как говаривал один заезжий румын из нашего гарнизонного полка за Дунаем, становился вриколаком или стриголем? Сейчас, когда я вспоминал те времена и бесконечные попойки, мне казалось, что я навеки забыл все потешные байки, выплывавшие из хмельного тумана и там же терявшиеся, уходящие за занавеси стремительных юных дней.

Но нет!

Теперь мне вспомнились вечерние рассказы румына, которые тогда казались мне одновременно жуткими и забавными.

Он рассказывал про своих аристократов, которые будто бы еще в Средние века были очень жестоки и доводили собственных же крестьян до сумасшествия пытками и кровавыми обрядами.

Румын всегда говорил, будто бы сам не верит во все эти рассказы, а распространены они в крестьянской среде, потому как темные селяне все еще живут старинными историями. Впрочем, после он всегда начинал рассказывать какой-то таинственный случай из якобы собственной биографии, когда он и сам сталкивался с ужасными чудовищами, а вера его ослабевала. Всегда, доведя нас до высшей точки сосредоточения и глядя на наши серьезные лица, он потом начинал дико хохотать и заливать глотку вином, радуясь тому, что вновь купил нас своими рассказами.

Я запомнил, что у них там есть вампиры — «*cadaver sanguisugus*»¹, и «*vrikolakas*»².

Конечно, я не верил, что мог стать оборотнем от волчьего укуса. В конце концов, даже согласно рассказам румына, в которые тоже верилось с трудом, укус обычного волка не мог сделать человека оборотнем. Тут нужен был настоящий оборотень, а таковые если и водились, то, наверное, в Буковине, за Карпатским хребтом, откуда родом был румын. У нас же за все кавказские войны никто не встречал подобных вриколаков.

Однако, понимая, что не превращусь в волка и вряд ли обрасту шерстью, я чувствовал какую-то мысленную связь с тем самым зверем, что напал и ранил меня, что явился мне во сне и почему-то с моим дневником.

¹ Кровососущий труп.

² Волк-оборотень.

О чем мог сказать мне тот знак, оставалось загадкой, хотя я и не склонен был искать в нем какие-то скрытые и тайные символы...

Теперь, когда я гляжу на ту ночь с высоты прожитых дней, вижу все иначе, а вера моя в чудеса все больше и больше. Однако я вновь не стану предвосхищать события и расскажу все в том порядке, в котором их расставила жизнь.

Погрузившись в сон, я уже потерял связь с внешним миром, как в тот же час меня разбудил стук. Я услышал, как засов на двери пошатнулся и поднялся. Затем дверь со скрипом отворилась.

Проем представился мне прямоугольником снежного света, залитого лунной пылью. В этом прямоугольнике чернела фигура человека.

В одной руке человек держал ружье.

По силуэту я узнал Муссу.

Во второй руке он держал что-то еще.

За спиной его стояли еще несколько мужчин, и тоже с ружьями.

Один из них был со свечой.

— Казбек! — крикнул Мусса, и тот быстро подошел. Оба зашли в мою саклю, и тот, кого Мусса называл Казбеком, поднял свечу высоко над головой, так, что комната озарилась ровным желтым свечением.

Я разглядел лицо Муссы, которое было искажено страхом и злостью.

И понял в тот же момент, что, похоже все мои кошмарные сны сбываются наяву, и что это, возможно, последняя минута в моей жизни.

Все это я осознал в тот момент, как только в свете дрожащего огонька различил предмет, что держал Мусса в своей второй руке.

Сомнений быть не могло.

Это был мой дневник...

8 декабря 1893 года

Как мне помнится, в момент, когда Мусса возник на пороге с моим дневником, два очень ярких чувства вытеснили во мне все прочие ощущения. Первое — весьма объяснимое и естественное любому — страх за свою жизнь и страх, что, быть может, через минуту меня не станет...

Второе чувство — куда как необычнее, ибо оно заключало в себе веру во что-то колдовское и непонятное, что случилось со мной. Мне казалось, что сон чудесным образом вернулся и я вижу продолжение, где люди, нашедшие тетрадь, принесенную волком, теперь вошли в мою саклю... Но это было не продолжение сна!

Однако человек так создан, что не может не чувствовать, особенно в минуты острой опасности, грань между явью и сном. Я прекрасно понимал, как это не похоже на сон, однако же я не сплю, а, стало быть, тот сон, что я видел давеча, был не простой фантазией. Значит, сквозь дрему мне действительно слышались выстрелы и волчий вой, а у Муссы на самом деле оказался мой дневник.

В эту минуту я совершенно бездоказательно уверовал в какую-то связь с волком, пусть и не такую мифическую, какая мне грозила превращением и способностями оборотня, но, впрочем, надеяла возможностью смотреть на мир его глазами, с его стороны...

И этот мир представлялся мне кошмарным сном, переживать который мне отнюдь не хотелось. Кошмар, что самое страшное, заключался не в ужасе содержания, а в жуткой реальности всех этих событий, которые оказывались былью по пробуждении.

Мусса подошел ко мне вплотную и указал на тетрадь в кожаном переплете. В глазах у меня все потемнело, когда я различил на обложке оттиск волчьих зубов — очень мягкий и совсем не повредивший листов, но точно отразивший два мощных клыка, которыми зверь сжимал дневник.

— Тебе это знакомо, не так ли? — спросил Мусса с какой-то дьявольской улыбкою, так, что зубы его в сухих гнездах десен оголились и хищно блеснули в огне свечи.

Я предпочитал молчать, но потом подумал и о том, что, быть может, Мусса так и не прочел со-держимое... С одной стороны, он мог не знать языка, а с другой, на то ушло бы время. Время, которо-го в распоряжении у карачаевца явно было не так уж и много.

— Это моя походная тетрадь, — сказал я.

— Интересно, но мне еще никогда не доводилось видеть, чтобы волк носил за человеком его тетрадь! — недоуменно молвил Мусса.

Я попытался изобразить удивление, ведь я видел сон, однако Мусса о том и не подозревал. Он думал, что я и не догадываюсь о тех обстоятельствах, при которых в его руки попал дневник. Удивле-ние мое, насколько я мог судить, выглядело не очень искренним, но главаря бандитов мало в тот мо-мент интересовала моя реакция.

— Да, именно! — гневно произнес он. — Волк только что разбудил наш аул проклятым воем, да и ты это, наверное, слышал. И этот дневник был в его зубах. Он бросил его на снег и убежал в лес еще до того, как мы успели зарядить ружья... — похоже, у горца не хватило сил признать, что время заря-дить ружья было, однако же им не хватило отнюдь не времени, а скорее меткости.

И тут я задал вопрос, который мог бы меня выдать, однако разговор был столь прям и столь не упирался в мелочи и нюансы, что и этого Мусса не заметил. Я спросил:

— А у этого волка на шее было кровавое пятно? Рана? Или, быть может, след крови на снегу остался?

— Нет, — отрезал Мусса.

— Значит, это не тот, что меня укусил. Тому я прострелил шею, хотя он и остался жив...

— Если бы это был тот же волк, он или бы давно сдох, или же кровотечение прекратилось в тот же вечер. Сколько дней прошло! — сказал Мусса, не понимая, к чему я веду расспросы о звере.

Я знал, что это было действительно так. Кровь столько не течет. Она сворачивается за минуты, если то позволяет рана... Однако, значит во сне я видел то, что символизировало ранение, но и то, че-го не существовало на самом деле.

— Забери свою тетрадь, урус... — Мусса швырнул дневник мне на колени. — Это все странно! Вы с этим волком, что братья.

— Действительно, может, и братья... — прошептал я, однако горец того не услышал. Он только добавил:

— Я не читал твой дневник. Я не знаю русского письма, но ты мне не нравишься. Ты будто бы в сговоре с шайтаном... Что-то в тебе нечисто. Я буду рад, чтобы ты скорее выздоровел и убрался из этих мест, ибо даже кровью твоей пачкать родные земли я не собираюсь, чтобы не наслать на себя и на род свой проклятье! — затем Мусса почему-то приложил ко рту два пальца и плюнул между ни-ми на пол, уходя прочь. Это значило что-то вроде пренебрежения к моему дому, а точнее обители, ибо сакля эта не была моей и не я ее строил...

Казбек, что все это время стоял рядом и держал свечку, вышел следом за главарем и захлопнул дверь. Я услышал грохот опустившегося засова и облегченно вздохнул.

Мне было страшно думать о всех тех вещах, которые неописуемым образом приключились со мною и, похоже, лишь набирали ход, однако я чувствовал, что смогу выбраться из этого непонятно-го плена. Слова, сказанные бандитом, обнадеживали. Сейчас я не думал о выполнении задания и да-же не знал, буду ли убивать Муссу, рискуя вновь потерять жизнь, либо же сохраню ее, но не испол-ню слово, которое давал полковнику, поручившему мне это задание.

Я вложил тетрадь под одеяло, сжав ее в руке так, чтобы никто не смог достать ее, не разбу-дивши меня. Сейчас, в кромешной тьме, я не имел возможности даже что-то прочесть из собствен-ной летописи событий, однако я положил себе обязательно вернуться к дневнику и попросить за-втра мои письменные принадлежности, которые, как я надеялся, карачаевцы забрали с другими вещами.

Я надеялся уже завтра, если позволят силы, начать записывать все вновь. Все то, что произошло со мною сегодня и что случится в будущие дни. Теперь это было единственное занятие, которым я мог бы заполнить время и, можно сказать, которое помогло бы мне выразить собственные тревоги и сомнения моему молчаливому собеседнику — этому дневнику. Быть может, кто-то потом прочтет эти записи, а потому именно с этим незримым лицом я и веду свой странный диалог.

9 декабря 1893 года

Дни летят так стремительно и однообразно, что единственным моим утешением является дневник и возможность делать эти записи, описывая события, со мной происходящие.

Итак, мой незримый читатель, теперь я поведал все о происшествиях, случившихся со мною после того, как я пробудился от забвения и очутился пленником в Низком Ариу Кызе — ауле, в который меня привело военное задание и которое я теперь не был готов исполнить.

На следующий день после загадочного обнаружения этой тетради я справился у дочери Муссы, которая под утро принесла мне еду, о том, не сохранились ли у них какие-то мои вещи, которые могли оказаться в палатках.

Девушка с каждым разом была все разговорчивее. Она сказала, что в привезенном мешке было оружие, которое забрал отец: ружья, пистолеты. И еще какие-то вещи. Еда, одежда, военные походные мешки, чернила, часы и разная мелочь.

Когда я услышал про чернила, я был неописуемо счастлив, но виду не подал, а спокойно попросил:

— Пожалуйста, а не могла бы ты принести мне перо и чернила?

Девушка, похоже, знала уже про мой дневник и догадалась, что я хочу вести записи.

— Дело в том, — продолжил я, видя сомнение, отразившееся на лице карачаевки, — что это единственное для меня спасение. Мне нечего делать, а так я мог бы писать днем, при свете солнца.

Девушке, нужно признать, сложно было принять самостоятельное решение, не советуясь с отцом. Однако она, к моему неописуемому счастью, согласилась принести мне письменные принадлежности.

С того самого дня, а было это пятого декабря, я и начал описывать все произошедшее со мною. Вначале письмо давалось мне с большим трудом, хотя вскоре я стал поправляться.

Не только я, но и девушка стали замечать, что рана заживает очень быстро, и мое выздоровление — дело нескольких дней.

— Могло быть и хуже, но ты, видно, очень везучий и сильный человек, — сказала она однажды, после чего смутилась. Я вообще часто стал обращать внимание на то, что она относится ко мне очень хорошо. По крайней мере, как мне казалось, отец ее был большим трусом и попросту боялся меня. То ли что-то чувствуя своей звериной интуицией, то ли памятуя о случае с волком. Но Мусса почитал меня, пожалуй, если не за главного шайтана, то за одного из его прихвостней.

Девушка же помнила, как я был слаб и как добр всегда бывал с нею. Она, напротив, не боялась меня, а даже, как казалось иногда, привязалась ко мне. Об этом свидетельствовало множество ее поступков и хотя бы то, что она втайне и без разрешения на то отца назвала мне свое имя. Наверняка Мусса запрещал ей вообще разговаривать со мною, однако она не выполняла его наказов, потому как не разделяла его страха и ненависти.

Случилось это после того, как она принесла мне чернила и перо. Она спросила, как можно писать этой «стальной штукой».

Тогда я вывел аккуратную надпись, показывая, как можно, изменяя силу нажима, делать след чернил толще или тоньше. Она заворожено смотрела на этот обыкновенный процесс, будто бы я не писал слово, а творил бессмысленные чудеса.

И тогда она неожиданно произнесла:

— Я знаю, что тебя зовут Владислав... Верно?

— Верно, — сказал я, переведя взгляд на ее большие и красивые глаза. Да, похоже, именно тогда я заметил, как красивы ее глаза и как вообще она красива, что заключалось именно в острой отточенности черт ее лица, которые были настолько правильны, насколько можно было того желать.

Наши взгляды встретились, и она, смутившись, сразу потупила взор.

— Неприлично, что я знаю твое имя, а ты — не знаешь моего, — сказала она спустя несколько секунд, — отец запрещает мне говорить свое имя, ведь он тебе не доверяет. Но ты доверяешь мне. А значит, я не могу не верить тебе... Ведь так? — задав последний вопрос, она напомнила мне ребенка, что спрашивает какую-то истину — какую только открыл для себя — у взрослого, ожидая, что тот столь же серьезно согласится с ним.

— Так, — кивнул я.

— Стало быть, ты не причинишь мне вреда, — продолжила она, — я знаю, что ты добрый человек. Помолчав еще мгновение и будто бы собираясь с мыслями, она сказала:

— Меня зовут Аминат.

Я не знал, как реагировать на такое доверительное отношение девушки, но она сама развеяла некоторое неловкое молчание, продолжив:

— Ты можешь называть меня просто Амина...

— Спасибо, Амина, что ты мне доверяешь, — сказал я, — и спасибо тебе за доброту... Карачаевка улыбнулась скромной улыбкой и вышла.

Я даже не знал, чем заслужил такое доверие, потому как, учитывая нравы и обычаи ее дикого народа, ее поведение было очень откровенным и непозволительным для девушки. Впрочем, вряд ли кто-то мог узнать о наших беседах. Отношения наши, как мы пообещали друг другу, складывались на доверии, которое между нами возникло и в которое мы взаимно верили, как ни странно это звучит.

Однажды Аминат сказала мне столь уверенно и важно, что я не мог даже отказать ей в ее просьбе, что она желает научиться писать. Я посмотрел в ее глаза и вновь восхитился ее смелостью и красотой. Она так настойчиво смотрела на меня, что я не знал, что и ответить.

— Ты будешь учить меня. Пока ты здесь.

— Но ведь ты и говорить-то по-русски не умеешь! — возразил я. — И вряд ли научишься, если не окажешься в обществе русских. А писать и того сложнее. Я же не знаю карачаевской письменности, а ты не знаешь русского... Получается, что это невозможно...

— Неужели? — сказала она, побледнев и расстроившись. Глаза ее сделались влажными от подступающих слез, а я даже не мог придумать чего-нибудь в утешение.

— Даже если бы ты и могла учиться, у вас ведь нет больше ни бумаги, ни пера, а чернил у меня осталось совсем мало, боюсь, может не хватить и на мои собственные записи.

— Да, — грустно сказала Аминат, — я, наверное, так никогда и не научусь так же выводить слова на бумаге, как это делаешь ты.

— Это не страшно... — попытался приободрить ее я.

— Почему же? Это плохо.

— Видишь ли, все человеку бывает нужно для чего-то. Я пишу, чтобы потом помнить об этих днях. О тебе, как о самом приятном, что нашел я тут, — сказал я, и девушка улыбнулась, — об этом месте, и чтобы мне не было так одиноко. Ведь у меня нет рядом друзей и родных. Я вдали от дома и от семьи. А ты, Амина, в своем родном доме, с родителями, братьями и сестрами, потому тебе не о чем грустить.

Она кивнула, но потом неожиданно произнесла:

— Иногда мне кажется, что это не мой дом.

Я недоуменно уставился на нее, а она продолжала:

— Да, я люблю и отца, и мать, и родных, но порою мне кажется, что я здесь чужая. Они все — другие. Ты никогда не бывал столь одинок? — она перевела любопытный взор на меня.

Я подумал о том, о чем привык уже не думать, потому как то, с чем все время живешь и от чего пытаешься бежать, лучше вообще стараться не замечать. Я ответил:

— Да, мне знакомо это чувство...

— А я, — сказала Аминат, — я порой думаю, что ты — посланник на наши земли. Но не злой, как считает отец, а добрый...

Я не знал, что ответить. Она же продолжала:

— И я хотела бы, чтобы ты остался, хотя это невозможно, я знаю.

— А хочешь ли ты сама здесь остаться? — неожиданно для себя спросил я, однако еще более неожиданным оказался ответ:

— Нет... Мне иногда кажется, что я сама готова сбежать из этих мест. Не знаю почему, но что-то влечет меня вдаль, туда, где я не была. Я слыхала когда-то, что есть место, где воды так много, что не видать конца и края. Неужели на краю земли, где заканчивается мир, есть столько воды?

Я улыбнулся наивности горянки:

— Конечно... Но это не край земли. Это море. Там, за горами, плещется море. Это огромное озеро, по размерам как тысячи горных озер. Вода в нем соленая, и ветер, что дует с него, тоже соленый.

— Соленый? — не поверила Аминат. — Как же люди пьют из него воду?

— Они не пьют из него. Они берут воду из рек и озер, где вода обычная...

Аминат смотрела на меня круглыми неверящими глазами, представляя себе этакую невиданную доселе картину.

— Что ж, как бы прекрасно было мне увидеть море... — мечтательно произнесла она. Но в следующий момент опомнилась и встала:

— Мне пора. Вечером я принесу ужин, — сказала она и вышла.

Что ж, а я продолжаю записи. За эти дни мне более не с кем общаться, кроме как с Аминат и с тобою, мой незримый читатель. Надеюсь, вскоре в моей жизни произойдут новые события, которые не будут связаны с этим местом, которое я хотел бы поскорее забыть, хотя пока я до сих пор захожусь в нем.

Хочу упомянуть еще, что за последние дни я стал подниматься на ноги и ходить по дому. Вначале с трудом, а сейчас, когда позади пять дней, уже увереннее. Если так дело пойдет, я, быть может, через два-три дня смогу убраться отсюда. Хотя Мусса еще не сказал последнего слова, а потому я до конца не уверен, выпустит ли он меня живым. С того злополучного вечера, когда он принес мне дневник, он более не появлялся, и я его не видел.

У входа в саклю стоит тот самый Казбек, что заходил с Муссой. В их понимании я, выздоравливая и набирая силы, становлюсь опасен, и карачаевец просто охраняет меня, чтобы я не вышел.

Откровенно сказать, даже если Казбека бы и не было, я все равно не открыл бы дверь, потому как сил у меня совсем еще немного, а засов крепок.

Что ж, я надеюсь на то, что карачаевцы меня отпустят, ибо сбежать отсюда мне будет сложно.

А тем временем я терплю и жду. Господь помогает мне выздоравливать, и я верю, что весь этот кошмар скоро закончится. Единственное, что меня мучает, — это мысли о моих друзьях, которые так нелепо погибли. Я и сам-то выжил чудом, а потому не чувствую вины, однако получается, что Мусса так и будет жить дальше, а смерть их, как вся наша операция, напрасны.

Сегодня я не исключаю возможности, при которой мне представится случай, чтобы убить Муссу. Хотя специально делать это, отдавая за то любую цену, я не стану. Тем более теперь мне стыдно будет совершить этот поступок, потому как он причинит боль единственному дорогому мне здесь человеку — Аминат. Я не прошу себе, если отплачу ей за ее доброту и наивность убийством ее родителя.

Впрочем, теперь я гоню все дурные мысли прочь. Время, думается, все покажет и расставит по своим местам. За последние дни я понял, что судьба бывает жестока, а планировать что-либо бессмысленно, так как поток событий сам подхватит и понесет тебя по бурной, будто бы горной реке времени.

10 декабря 1893 года

Я не верю в чертей, но, похоже, со мною происходит суцая чертовщина. Сердце мое до сих пор еще колотится с бешеной скоростью, но я попытаюсь все записать сейчас, как можно скорее и сразу, чтобы по горячим следам не забыть ни малейшей детали, которая со временем бы могла стереться из памяти, и завтра, а может, и еще позднее, я буду перечитывать дневник и не верить, что такое со мною произошло. Однако прошествие некоторого времени даст мне возможность трезвее все взвесить и оценить, ибо теперь мои раздумья не приведут к чему-либо путному. Теперь все мои помыслы я заключу в узы бумаги, которая иногда бывает лучшим источником разума и хранителем тайн.

И первое — в цепи событий, которые косвенным способом были связаны друг с другом, — это ночь.

Ночь, в которую я видел жуткий сон. Который был гораздо насущнее первого. Если тот, когда волк нес тетрадь, был сном просто совпавшим с действительными событиями, что я каким-то образом смог увидеть, то теперь он был очень похож на правду. Все чувства, цвета и действия были будто бы еще одной жизнью, которую я прожил во сне. Будто бы я поменял свое тело и увидел все глазами другого...

Трудно подобрать слово.

... существа. Пожалуй так. Ибо и зверем его не назвать.

Хотя это был тот же волк. Шея его была прострелена и кровоточила, как и в предыдущем сне. Он вновь явился в мое сознание, и я боюсь его теперь больше всех. Это не может оказаться правдой. Тем более это не может оказаться сумасшествием, ибо все произошедшее оставило неизгладимый след в действительности.

Во сне я видел волка уже не со стороны, как то было раньше. Теперь я смотрел его глазами и сам будто бы слился с ним... Однако я осознавал, что я не тот, кем являюсь в жизни, и что теперь я стал хищником.

Трудно сказать, смог бы я что-то изменить, ибо я не умел отдавать себе отчета в действиях, но все же я сам делал то, что считал нужным... Самое интересное, что сознание мое совершенно изменилось и теперь было сознанием зверя, жаждущего крови.

Я видел все в цвете... Не знаю, различают ли цвета обыкновенные волки, но во сне я не был обыкновенным волком... Мне трудно сказать наверное, однако ж во мне оставалось что-то человеческое. Что именно — надо поискать. Видимо, оно зарыто очень глубоко.

Я перескакивал через какие-то коряги, утопал в снегу, но не увязал, а, напротив, был полон сил и мощи. Я мог одним прыжком преодолеть огромное расстояние, а затем подпрыгнуть столь высоко, как не летают птицы. Дьявольская хмель делала меня всесильным в этих лунных и снежных угожьях. И весь смысл существования заключался в одном: найти жертву, найти кровь...

Вдали, за склоном и у бурной речки, что не замерзала в мороз, я увидел дым, серой лентой вздымающийся к небесам из трубы. Сакля утопла в снегу, однако я различал крышу и темные каменные стены.

Я преодолевал расстояние столь быстро и такими огромными прыжками, что не чувствовал под ногами-лапами земли. Очуввшись около дома, я почуял запах молодого человеческого тела и уже не мог контролировать свои действия.

Волк-демон, в которого я превратился в этом сне, подошел к дому и принюхался к ставням, за которыми было скрыто оконце. Я взглянул на свои лапы и увидел, что когти мои были словно стальными, а размер их был очень велик. Острые, будто мощные крюки, они способны были в тот момент сокрушить любое препятствие.

Тогда я одним взмахом лапы ударил по деревяшкам, и те хрустнули, а одна едва ли не развалилась на моих глазах.

И я ударил вновь, и ставни разлетелись на куски, после чего я просунул морду в окно и различил в крошечной мгле, в которой обыкновенный человек был бы слеп, какое-то движение. Мои глаза окрашивали все в зеленые цвета, и я мог видеть в абсолютной тьме.

Я посмотрел по сторонам и понял, что в углу сидит женщина и держит на руках ребенка... В сторону метнулся мужчина, кажется, к коробу, за оружием. Тогда я одним прыжком преодолел разделявшее нас расстояние и оказался рядом. Мужчина испуганно взглянул на меня и попытался открыть крышку деревянного ящика, служившего сундуком. Однако сделать он этого не успел. Мои когти легли на его руку и, проткнув плоть насквозь, пригвоздили ее к деревяшке. Кровь хлынула из раны, мужчина закричал, а волк-врикотак очутился напротив пронзительно кричавшей женщины.

Мои руки-лапы сами потянулись к ребенку, и я выхватил его тело за одно мгновение... Женщина попыталась удержать дитя, но одного быстрого движения челюсти мне хватило, чтобы отхватить той руку по самый локоть...

Резкая боль и удар мгновенно повлекли за собою потерю чувств, и мать повалилась на пол. Ребенок плакал в моих лапах, а на языке моем разливалось соленое тепло человеческой крови...

Затем я, схватив ребенка зубами за шею, так, что шея его мгновенно сломалась, а движения прекратились, выскочил из дома...

Лунный свет заливал все вокруг, а снежные холмы, разорванные редкими туманными клочьями и покрытые лесом, громоздились предо мною. Однако я не чувствовал движения. Став волком, я мог бежать сколь угодно быстро и сколь угодно долго, но, оказавшись в чаще, я почувствовал, что силы начинают оставлять меня. Я разжал челюсти и бросил свою жертву в глубокий снег, но в тот же момент ужаснулся увиденному. Передо мною, вместо мертвого ребенка, в снегу утопал волчонок... Его шея была сломана и окровавлена.

В этом странном сне я стал волком, и мертвый человеческий ребенок рождал во мне жажду крови, но не вызывал никакой жалости, как то было бы наяву. В таком мире я был хищником, но, увидев волчонка, которого я в каком-то наваждении сам же и убил, я познакомился с совершенно новым для себя чувством... То было ощущение, далекое от скорби, боли или совести, однако оно заменяло все эти чувства. Оно разрывало грудь непонятым страхом, и я не знал, что ждет меня дальше. Я терял свои силы и становился слабым, беспомощным. Я сам чувствовал, будто бы смертельная рана разъедает мой организм, приближая скорую и неминуемую смерть.

Я чувствовал, как, нарушив какой-то запрет, теперь расплачиваюсь за это. Из шеи моей струилась кровь и вместе с ней, горячей струей в холодный снег, утекала моя жизнь...

И тогда я завыл что было сил и почувствовал, что должен переродиться, что должен сменить свой лик, иначе окровавленный волк в тот же миг умрет в лесу, и не будет ему никакого спасения.

Пробуждение...

Мое сознание, просветленное лунным светом, теперь оборачивалось в неизвестной скорлупе... Оно уходило от лунной своей половины и наполнялось солнцем... Мое сознание, на момент сна забытое душой, позволь вновь вспомнить себя душе! Душе, что скиталась в эти мгновения по неизвестным просторам в лике страшного зверя...

Сон оставался по ту сторону жизни, где я мог оказаться вновь... В любой момент.

Но теперь душа и сознание нашли друг друга. И скитание мое в мире кошмаров прервалось...

Пришло Пробуждение...

Я увидел этот мир... Мир, в котором я был пленником. Я посмотрел на потолок и вспомнил весь свой сон, который до сих пор казался мне чем-то большим, нежели обычным кошмаром. Это была вторая жизнь, которая начиналась, когда я засыпал...

В этой жизни я был кровожадным зверем...

И самым страшным было то, что кошмар вряд ли кончался при пробуждении... Ибо каждый следующий мой сон мог вновь открыть мне обратную сторону кошмарного сна.

Увы, тогда я еще не знал, что вторая жизнь была не менее реальна, чем первая...

11 декабря 1893 года

День после пробуждения принес мне чрезвычайно убийственные сведения, ибо, когда в дом вошла Аминат и по обыкновению принесла мне завтрак, я мгновенно различил на лице ее горе и испуг, которые отчетливо проступали в детских еще глазах. Эта перемена была для меня столь очевидна, что я ни секунды не сомневался, что произошло что-то нехорошее... Я, правда, даже самому себе не мог предположить, что происшествие связано со мною, а первая мысль, пришедшая на ум, говорила, что Мусса как-то узнал о моих разговорах с его дочерью и выразил ей свое недовольство. Столь дипломатичная формулировка, разумеется, скрывала в себе определенные предположения, о которых говорить и думать мне не хотелось.

Сама Аминат мне ни за что не сказала бы ни слова о подобном, если такое имело место, впрочем, я и не ждал ее слов. Я сам спросил у нее о том, что случилось...

Когда я услышал ответ, к горлу моему подступила тошнота а в глазах нарисовались радужные круги. — Сегодня ночью пришла беда... — сказала девушка.

Я насторожился.

— Волки, то ли один, то ли несколько, напали на дом Мустафы... — девушка с трудом говорила, и я чувствовал, с каким трудом дается ей каждое слово... — Они унесли его сына, маленького Мамеда, и ранили его и его жену, Зухру...

Я побледнел и начал осознавать очередное совпадение, которое вряд ли таковым приходилось.

— Маленький мальчик, ему было лишь четыре года! — сказала Аминат, и голос ее сорвался, а в глазах появились слезы.

Я испуганно обдумывал все услышанное и вспоминал свой жуткий сон, который, кажется, начинал потихоньку оживать. Тогда, с дневником, мой сон мог быть случайным наваждением, и я не придал тому случая особого значения, но теперь совпадений быть не могло... Я понял наверное — все, что я видел во сне, случилось на самом деле и что именно я, хотя и косвенно, неосознанно, стал убийцей ребенка... Ребенка, который в конце сна оказался для меня своим... Обратившись волчонком.

Я собрал все силы и, пытаясь скрыть дрожь в голосе, спросил:

— Как же волк... волки... как пробрались в дом? Они что... держали дверь открытой?

— Нет, — покачала головой карачаевка, — самое странное в том и заключается... Волки как-то разбили ставни, так, что доски буквально разломаны в щепки...

— Как это возможно? — услышал я собственный голос откуда-то издалека, когда сам-то я прекрасно знал, как это возможно.

— Все удивляются... Но так и было. Это вообще очень страшно и непонятно.

— А еще кому-то нанесли увечья? — спросил я, ожидая полного сходства рассказа девушки и своего сна.

— Да, — сказала Аминат, — Зухре откусили руку...

Фраза эта, прозвучавшая из уст девушки столь буднично, повергла меня в ужас... Я не мог осмыслить все услышанное и соотнести это со сном. Я сказал уже, что не знаю даже, что и думать до сих пор, а потому просто записываю все подряд, буквально дословно, как все и произошло. Но я и теперь не могу поверить во всю эту чертовщину...

— Действительно, не каждый день Зухре откусывают руку... — пробормотал я по-русски, так, чтобы Аминат не поняла смысла моих слов. Увы, мне было не до смеха, и тот злобный сарказм, что сорвался с моих уст, менее всего был сарказмом, а более выражал панику, столь странно проявившуюся во мне. Я соображал, как же это возможно. Соображаю и по сей час. Но мысли упорно не идут в голову.

В конце концов, не мог же я превратиться во сне в натурального волка, обрасти шерстью и выйти из дома. Даже если бы мне удалось сделать это незаметно, я в любом случае должен был бы обнаружить какие-то следы столь чудовищного превращения после пробуждения. Остались бы следы крови, клочья шерсти... Что угодно.

Нет, это исключено.

Как бы ни реален был сон, он оставался сном.

Я вспоминал того волка, что напал на меня, и почти уверился в том, что нападение совершил он. Как ни сказочно это выглядит, иных объяснений у меня не находится. Приходится верить в легенду, что если человек и волк взаимно пьют кровь друг друга, то между ними устанавливается какая-то связь.

Быть может, во сне моя душа вселилась в волка, и именно он напал на Низкий Ариу Кыз, убив при том ребенка... В таком случае, я в состоянии был что-либо изменить, хотя и не смог этого сделать...

Сегодня же случилось еще одно событие, имевшее для меня особенное значение. Я, наконец, после нескольких дней, проведенных запертым в сакле, вышел на улицу. Я попросил Казбека разрешить мне прогуляться на свежем воздухе хотя бы несколько минут. Тот откликнулся на просьбу неохотно, впрочем, на помощь мне пришла Аминат. Она убедила карачаевца в том, что я не опасен. Я на самом деле вряд ли представлял какую-то угрозу, по крайней мере в человеческом своем облике. Оружия у меня не было, убежать я бы не смог, ибо и ходил я с некоторым еще трудом. Наконец, я был столь слаб, что и обыкновенная прогулка отнимала у меня много сил.

Я оделся и вышел за дверь, где увидел навес на манер наших сеней, за ним деревья, теперь совершенно голые и занесенные снегом. Наст был чистым и ровным, лишь в некоторых местах размеченный дорожками следов. Казбек шел рядом, ступая со мною в шаг и следя, видимо, как бы я чего не выкинул.

Хотя мне и не думалось о побеге.

Я осмотрелся кругом и понял, что сакля, в которой меня держали, полагалась на самой окраине аула, будучи отстроенной отшибе. Лишь вдалеке, за вздымавшимся от реки бугром, я различил несколько других крыш. Возможно, среди них была сакля, на жителей которой ночью напал жуткий волк. Очень может быть...

Нельзя сказать, чтобы меня это не интересовало, однако я не хотел вглядываться туда и пытаться отличить какие-то сходства. Даже идти туда мне было сколь ненужно, столь и нежелательно.

Через миг я увидел вдали какого-то человека, который пересекал снежный покров и направлялся от речного рукава к аулу. Фигура была далека, но я различил, что человек обратил голову в мою сторону и заметил меня. После продолжил свой путь, пока силуэт его не скрылся из моего обзора за бугром.

Видимо, он после досказал другим, что видел меня. Еще спустя пару минут я распознал четверых человек, шагавших в мою сторону. Когда они оказались на достаточном расстоянии, я разглядел в облике одного из них уже знакомого мне Муссу. Другие трое были мне неизвестны, ведь никого, кроме Муссы, Казбека и Аминат, я тут вообще не знал.

Главарь подошел ко мне и недобро взглянул, не произнеся ни слова. Затем недовольно уставился в Казбека, и тот начал что-то лопотать в свое оправдание, хотя Мусса быстро его оборвал и обратился ко мне:

— Я тебе не доверял и не доверяю, однако я спасу твою жизнь...

Я молча так и стоял.

— Сегодня ночью произошла беда. Волк напал на ребенка и убил его... Все говорят, что виною тому ты! Ты, русский, оказался тут, и за тобою приходил тот волк! Он хочет твоей крови и не успокоится, пока не получит ее. Ты назвал проклятие на всех нас, но... — тут Мусса запнулся, соображая, видимо, стоит ли говорить мне о каких-то вещах, либо мне их лучше не знать. Наконец, он продолжил:

— Наш старейшина Мехмет говорил сегодня мне, что ты должен умереть. И тогда проклятие оставит наш аул. Но он... Он думает, что это волк.

Здесь Мусса понизил голос и склонился ко мне так, что все стоявшие рядом должно не разобрали этих слов. Их слышал я один:

— Это не волк, — говорил главарь бандитов, — это... Это Див... Я видел следы на снегу. И это не следы волка. Это следы огромного зверя, который своими когтями разрезал ствол дерева как трос-

тинку... который... который не уйдет никогда. И я думаю, что он ищет не тебя. Я думаю, что он с тобой заодно... Это шайтан, с которым ты в сговоре.

Я вначале похолодел, потому как уверился в том, что Муссе все известно. Потом, когда сообразил, что он ничего не знает, а лишь предполагает, кроме того сердце его наполнено страхом и боязнь заставляет его быть не столь смелым, я отвлекся от своих подозрений.

— Господи, — пробормотал я в ответ, — какой шайтан? Этот волк убил всех моих друзей, а теперь убивает вас. Я такая же жертва! Какой у меня может быть сговор с шайтаном?

Мусса неуверенно покачал головой:

— Как бы то ни было, благодари меня... Благодарю, урус, ибо я сохраню тебе жизнь... Помни это. Ты уже почти здоров. Еще малость окрепнешь, и убирайся... И унеси это проклятие с собой.

Я безнадежно покачал головой, а Мусса с какими-то непонятными ругательствами ушел прочь, велел Казбеку внимательно присматривать за мною.

Что ж, теперь я жду этой ночи со страхом и ужасом, боясь спать и видеть сон, который вновь может навлечь на кого-то беду. Вновь и вновь вспоминая последние события, я боюсь поверить в то, что для меня теперь все более очевидно... Какая-то сила, и — вероятнее всего — темная, несущая смерть, преследует меня по пятам.

12 декабря 1893 года

Ничего особенно страшного в том не нахожу, однако теперь уверяюсь, что схожу с ума. Сомнения уж лишь в том и сидят: будет ли это помешательство временным или даже после этих кошмаров я не излечусь?

Случилось так, что я стал убийцею, и самое пугающее уже в том, как я убиваю, а не сам факт убийств. Меня страшит моя новая сатанинская сила. Она меня страшит и вместе с тем временами завладевает сознанием, будто некий кураж, что будоражит мозги и заставляет верить во всеобщий успех необъяснимой чертовщины. В любом случае, я убиваю, как солдат. Я отношусь к жителям Ариу Кыза, как к врагам. А стало быть, и пощады им не будет...

Единственное исключение — Аминат. Девушка, к которой у меня не только нет неприязни, но и напротив — подсознательная симпатия. Она для меня — лучик света. Но она совсем не такая, как все тут. Она иная, какая-то отличная, и в том-то и причина.

Однако что до других, у меня нет и не может быть к ним жалости. Я убиваю, и это меня не страшит. Страшно то, как я убиваю. А убиваю я ночами. Когда все спят, я оборачиваюсь волком. Оборачиваюсь, конечно, образно. Просто мое сознание завладевает хищником, и вместе мы становимся стократно сильнее.

Однако эти кошмары не могут преследовать меня долго. Иначе я действительно перестану быть собою и превращусь в демона, дорога которому одна — в ад...

Прошел еще один день, и теперь я был совершенно отрешен. После вчерашнего у меня уж не осталось поводов чему-либо удивляться. Тем лучше, ибо, как я имел слабость упомянуть, ежели я еще не помешался, то обязательно это случилось бы в дальнейшем.

Весь Низкий Ариу Кыз теперь пребывает в смятении, а люди готовы бежать прочь, лишь бы спастись от проклятия. Утром, когда несколько человек из банды во главе с Муссой собрались отправиться вниз долины по реке, наверняка для какого-то набега и грабежа, они первоначально направились в дом к старейшине — седовласому старцу Мехмету, который сидел в овечьей папахе и в бурке в своем дворике сразу за бревенчатой избой и каменным домом, которые переходили один в другой. Там он бывал всегда по утрам. Там или в загоне — разваленной кошаре. Я намедни слышал про старейшину от Муссы, но сам не видал. Знал я это все не наверное, хотя и наверняка. Я видел его во сне. И не сомневался, что на самом деле все обстоит именно так.

Впрочем, сон мой и реальность тоже мало в чем различны.

Мусса, по обыкновению своему, перед очередной вылазкой обращался к старику за благословением. Так было и сегодня, однако Мусса обнаружил дворик и дом Мехмета совершенно пустым и как будто покинутым. Найти старейшину удалось чуть позже, в кошаре. Тот валялся в углу, среди запуганных баранов, жмущихся по углам и подозрительно молчаливых.

Позвоночник старика был изломан будто соломинка, попавшая в мельничные жернова. Лицо было не различить из-за кровавой маски, а борода, некогда седовласая и пышная, теперь мокрыми ключьями утопала в красной влаге.

Большинство этих фактов, за исключением, конечно, столь страшных деталей, я узнал от Аминат, которая в это утро оказалась бледной пуще прежнего. Однако сию жуткую картину я дополняю уже из того, что помню по яркому и цветному сну, который только и отливал багряными тонами...

— Будь ты проклят, шайтан... — кричал старик перед смертью, перед тем самым мгновением, когда огромных размеров волк одним движением челюсти сломал шею Мехмету.

Но у меня не было жалости к тому, кто благословил бандитов на грабеж и убийство и кто требует расправы с безоружным пленником, а именно со мною самим.

Я помнил, как хлынула кровь, и как красное смешалось с черным, образуя причудливый узор боли, танцующей в схватке со смертью. Я проснулся и ощутил себя слабым и беспомощным, слыша при том крик. Я до сих пор не способен ответить, был ли тот вопль отголоском сна, или я услышал его как есть, ибо он мог донестись откуда-то неподалеку.

Но крик, который я слышал будучи слабым и больным, был свидетельством моей безграничной силы и власти, которую обрел я в минуты единения с волком, который сейчас уже был где-то далеко. У меня не возникало сомнений, что он вернется и что я вновь буду способен видеть его глазами, мерить мир взором беспристрастного судьи...

И в тот самый миг в голове моей зародился адский план, который был отнюдь не прост для исполнения, впрочем, мог бы многое решить.

Я собрался убить Муссу, однако сделать это не самолично, а в очередном кошмаре, где мне просто нужно будет вспомнить об этом. И если мой кровный брат, который теперь обитает в волчьей шкуре, выкажет на то свое согласие, то я смогу выполнить свое дело и остаться в живых.

В конце концов, трусливые бандиты, живущие тут, на склонах гор, очень боятся всего происходящего, а потому мне необходимо суметь лишь правильно обернуть этот страх, направив его в нужное мне русло. Если так, то власть моя окажется безграничной... Единственным ограничением будет, пожалуй...

Нет, я не хочу думать об ограничениях, ибо чем более ясна мне эта мысль, тем более сильны эти ограничения, и тем меньше и меньше моя власть.

Сегодня ночью я увижу снег, посеребренный лунным светом. А может, густые клубы облаков, что спустятся с гор и распластятся над равниной. Тогда они скроют лунный свет, и его блестящие кончики более не посеребрят перламутр наста.

Но это меня не страшит, ибо моя история, которую я доверяю сему дневнику и могу именовать «vrikolakas», теперь не похожа на сказки про оборотней. Вот она — обратная сторона кошмарного сна. Без превращений и обрастаний шерстью. Обычный сон, который означает явь. И то, что могу я сотворить, находясь в далеком месте.

В этом сне нет лунного света, который рождает кровожадного убийцу. Фаза луны тут совсем ни при чем. Лишь моя воля, которая сможет все без ограничений. И чем более крепнет моя вера в отсутствие границ, тем расплывчатее и незаметнее сами эти грани, разделяющие мою мечту с действительной жизнью.

Сегодня утром, как я уже упомянул, в дом мой вошла Аминат. Она принесла еду, и по ее виду я понял, что она испугана так сильно, как никогда прежде. Я знал, конечно, о том, что она мне расскажет, но не мог подать виду.

— Что случилось? — начал я, разыгрывая полнейшее неведение.

Аминат то и дело всхлипывала, рассказывая мне жуткую историю, а я слово за словом слышал из ее уст свой давешний сон.

— Я не знаю, — говорила карачаевка, — что именно вызвало это проклятие, но ты стал не единственной жертвой жуткого волка. Хотя отец считает, что ты каким-то образом навлекаешь на нас беду, приманивая убийцу, — тут она столь невинно и строго посмотрела на меня, что сердце мое необъяснимо сжалось, — однако я не верю ему. Он очень нервничает последние дни. Он будто бы что-то знает, но от всех это скрывает, будто боится, что произойдет что-то скверное. И молчит. Молчит так, что становится страшно. Он мудрый человек, и не даром он — глава в Низком Ариу Кызе... Но теперь кажется, что он сам чем-то так испуган, что вся его сила растаяла, а в глазах тлеет губительный страх.

Когда Аминат закончила свою речь, я поразился, сколь многословно и искренне она передала свои чувства. Раньше я не замечал за ней умения выражаться столь витиевато, но, быть может, голос, рвущийся от сердца, забывает о словах, и именно он правдив и точен.

— Амина, — сказал я столь неожиданно даже для себя самого, что сердце застучало сильнее прежнего, — ты другая... Ты веришь мне?

Она вдруг послушно мотнула головой в знак согласия и стерла рукавом слезу, что оставила желтоватую борозду на ее бледной щеке.

— Верь мне, ты другая. Ты не такая, как они все. Ты родилась тут и ты их дочь, но не они твои родители... Ведь ты понимаешь, о чем я?

Я не ждал с ее стороны согласия с этими моими безумными речами, но она вновь кивнула.

— Этот мир... — теперь я не мог подобрать слов и говорил кратко, отрывисто, боясь не донести до нее смысла. Однако она внимательно ловила каждое из слов и будто бы ждала их, желая услышать то, что я почему-то должен произнести... — весь мир огромен. И не твой удел быть пленницей этих гор. Этим людей вокруг. Я же вижу, что ты не такая!

Аминат почему-то грустно улыбнулась и собралась уж было уходить, как вдруг обернулась в мою сторону и сказала очень тихо, так, что я даже не понял, слышал ли я голос, или просто прочитал по губам:

— Что же мне делать, если судьба моя такова?..

Мое сердце сжалось еще сильнее, и я сказал:

— А что, если я заберу тебя с собой? Ты не хочешь изменить судьбу, а не быть дома в плену? Ты поедешь со мной?

В следующий момент дверь открылась, и я увидел лицо разгневанного Муссы, ворвавшегося в помещение. На щеках играл румянец, а в глазах были лишь страх да ненависть. Поднос, на котором стоял кувшин и миска, выпал из рук Аминат. Грохот наполнил комнату, и далее я услышал слова Муссы, прямо над своим ухом. Дрожь в его голосе была особенно отчетлива в минуты, когда он понижал тембр до шепота:

— Не смей, негодяй. Ни слова... Ты уедешь завтра утром. А до тех пор ты будешь сидеть здесь, взаперти... Пока я не вернусь.

Затем он перевел взгляд на Аминат:

— Я тебе не велел с ним говорить! Вон!

Девушка испуганно выбежала, и я услышал ее плач. Не страх, а отчаяние было в нем. И в этот миг я пообещал себе, что убью Муссу. Что не пожалею ничего, чтобы отомстить ему и попробовать спасти девушку.

Он же выбежал из сакли и больше не появлялся. Зато появился еще один его человек, который теперь вместе с Казбеком охраняет меня... Я даже не знаю его имени.

Но теперь одно мне известно наверняка — что Мусса меня боится.

Что ж, и правильно делает.

Я узник своей комнаты, и окно в другой мир — только мой дневник. Но теперь и писать не о чем. Я все изложил и жду прихода ночи.

Эта ночь все решит. И я не могу обещать, что продолжу повествование, ибо что будет после, загадка, ответ на которую известен одному лишь Богу. Однако Он свидетель, что если у меня будет возможность, то я вернусь к рукописи, чтобы закончить свое повествование.

19 декабря 1893 года

Случилось многое. Очень многое.

Прошла лишь неделя, а кажется, будто вечность минула и махнула в памяти прозрачным крылом, окунув меня в пучину страха и ужаса и вернув обратно. Да. Я вернулся в свой старый мир. Я выбрался из ада. Но мир поменялся. Теперь он уж не тот, и причина отнюдь не в мире, а во мне и в том, что я пережил. Случилось так, что эта жизнь уж никогда не станет для меня такой, какой была раньше. Ибо воспоминания не стираются даже временем. Лишь боль притупляется, но не забывается.

Прошла всего неделя с того момента, когда я, находясь в плену у Муссы, в карачаевском ауле Низкий Ариу Кыз, давал клятву убить главаря бандитов и отца той, которую, как мне понятно уже теперь, я любил. И вот, ровно через неделю я вновь держу в руке перо и вывожу летопись этой страшной истории в своей походной тетради. Я обещал это сделать, и я доведу рассказ до конца. Благо, финал мне известен. Вместе с дневником я постараюсь оставить все воспоминания, чтобы окончательно не сойти с ума, ведь любой другой, кому бы я рассказал это, счел бы меня сумасшедшим. Порою я и сам почитаю себя за сумасшедшего, в борьбе с памятью. Лишь бумага молчалива, и ей я доверю секреты, которых сам страшусь.

Итак, со страхом и болью я мысленно возвращаюсь в тот вечер.

Я погрузился в совершенную тьму, где не было даже теней, потому как не было света, способного стать их источником. Черный мир вокруг меня был лишен всяких чувств и звуков. Косбоочная сакля, окна которой были закрыты ставнями, а щели не пропускали даже лунных лучей, была моей темницей, но минуты полной тьмы и отрешения дарили мне освобождение.

Теряя всякую связь с миром, я забывал о нем и не мог достоверно утверждать, существовал ли тот вообще. Это была тьма, наполненная моими мыслями. Некоторые из них сверкали и искрились, будучи проворными и меткими. Они открывали воображаемые двери терзавших вопросов, обнаруживая за ними ответы или — гораздо чаще — новые вопросы, которые плодились и разрастались в моем воображении бесконечным древом, что уходило ветвями вверх, теряя из виду последние вопросы, которые в свою очередь распадались искрами в фиолетовое свечение. И вот я уже видел не дерево, а многоликого спрута. Он щупальцами своими покрывает огромное пространство и таит под собою что-то очень близкое, почти различимое, но и невероятно далекое. Оно все сильнее отталкивает меня от истины и заставляет цепляться за какие-то молнии, которые электрическими разрядами обвивают мое тело и наполняют его благоговейной дрожью сна, что еще не стал видением высвободившейся души, но уже не подконтролен уснувшему телу. Молнии все более и более ярко начинают сходиться в единую сферу, обращаясь в итоге в яркий белый диск, маячащий во мраке. Этот диск, как становится ясно сознанию, то самое светило, которое осыпает серебром всю землю и разбивает своими серебряными лучами облака, заставляя их расступаться и делаться прозрачнее и тоньше.

Я глядел на этот диск, пока не понял, что он дрожит и рассыпается мелкою рябью. И лишь тогда стало понятно, что я вижу не луну, а ее отражение на водной глади. Абсолютный мрак вокруг, отсутствие даже неба, и лишь отражение бледного диска под ногами... А еще звон капель или ледяной пыли, который равномерным звуком заполняет все вокруг и тысячи раз отражается эхом, ударяясь о каменные стены непонятных чертогов.

Перед собою я вижу огромную пещеру, в которой есть лишь один ход. За спиной — мрак. Предо мной — выход. И именно через него, чудным образом преломляясь и не затухая, проникает лун-

ный свет, дарящий мне это отражение. Повинуясь ему, будто путеводной звезде, я шагаю следом и ощущаю мороз, который охватывает ноги. Бултыхание ледяной, но еще не замерзшей воды говорит о том, что все дно наполнено ею. Я не страшусь этого, а лишь делаю несколько шагов. Отражение из-за моих движений вначале вздрагивает, а потом рассыпается серпантинном ярких бликов. Но мне его не жалко. Потому как перед моим взором очерчивается синяя арка, увешанная бахромою сосуллек и открывающая мне выход из пещеры. Теперь я встречаю настоящую луну, яркую и чистую, которая ровным светом заливают все окрест.

Выход из пещеры находится на краю утеса, а под ним я вижу реку и открывающуюся за нею долину. Огромным рукавом река забирает вправо, а выше валунов мостится тропа. За тропой лес, вздымающийся вверх на гору и уходящий к небесам, куда-то в туманные шапки, за которыми не видать уж острых пиков.

Далее со мною произошло чудо, ибо иных слов, более точно отразивших бы суть случившегося, я не сумел подобрать. Весь лунный свет, что был рассеян по округе, стал вдруг собираться в одной точке. Я увидел луну, и она увидела меня. Лучи и отблески стали окружать меня, стремясь накрыть серебристой сферой. Все вокруг мрачнело, а свет тянулся ко мне, будто бы к магнитному самородку, притягивавшему металлическую пыль.

Наконец я понял, что начинается то, чего я ждал и боялся...

...Превращение...

Это не было страшным и не причиняло боли, ибо колдовству лунного света не требовалось ломать кости и ускорять рост шерсти. Я всего лишь видел два ярких и блестящих глаза, круглыми стеклышками глядевших на меня из пустоты. Я глядел в них, а между мною и волком происходил какой-то обмен... Я и сейчас, вспоминая о тогдашнем сне, не могу описать его природу. Лишь ощущения.

Процесс этот не был превращением. Это было скорее слияние. Я сливался с волком, и вместе мы образовывали новое животное, которое могло стать сильнее нас же обоих поодиночке. Я понимал, что эта перемена не случайна и что сон отнюдь не тот, какой легко забывается поутру, потому я знал, что существую в этом сне очень похоже на волкулака, хотя и это имя, как любое другое, не могло бы объяснить природу моего создания.

Однако когда луна вновь обрела свою яркость и сфера вокруг меня... нас... рассеялась, то я вновь увидел перед собой спуск к реке, а за ним горы и лес. Вот только теперь я разглядел внизу, что по занесенной снегом тропе, что пролегла крутым склоном над рекою, движутся несколько всадников. Они были достаточно далеко, но зрение мое в эти минуты стало столь сильным, что я мог разглядеть все, что мне потребуется. Я видел их лица. Это были бандиты из Низкого Ариу Кыза.

Тропа над рекой была столь узка, что всадники растянулись цепочкой, следуя аккуратно друг за другом. Третий спереди оказался мне очень хорошо знаком, ибо под надвинутую на лоб папахой я разглядел лицо Муссы. Других я совсем не знал, потому раньше не видывал, однако они меня совершенно и не интересовали.

Теперь мне видна была причина, по которой они в столь поздний час отправились в горы... Они не собирались заниматься грабежом и нападать на соседние аулы.

Нет.

Они вели полуночную охоту. Так вот куда так спешил Мусса, когда покинул мой дом после того, как застал нас с Аминат за разговором о побеге! Вот, значит, кого он так боялся и кого преследовал!

Он боялся волков, что совершают убийства в его ауле...

Последняя в веренице лошадь была без седока, и тянула сани, на которых были уложены волчьих туши. Пожалуй, что с десяток волков и даже волчат были убиты и связаны. Неплохие трофеи собрал Мусса в эту ночь. Он думал, что спасет себя и других от страшного Дива.

Что ж, в этом он ошибался, и, если бы знал, что настоящий убийца, которого и волком то не назовешь, сейчас наблюдает за ним с другого берега реки и собирается убить в этот раз не кого иного, как самого главаря бандитов, наверное очень пожалел бы о своих кровавых проделках.

Тем временем, судя по виду Муссы, он хоть и не знал всего этого, впрочем, чувствовал что-то нехорошее. Что и говорить, у предводителей всегда должна быть нечеловеческая, а именно звериная интуиция, что и позволяет им выживать.

Мусса был хмур и все равно чего-то опасался. Его тревогу подтвердили собаки — с десяток огромных породистых кавказских волкодавов-овчарок — все они разом вдруг заскулили, неуверенно таякая и испуганно прижимаясь к лошадям. Самих их что-то сильно испугало, и они были теперь беспомощны, будто маленькие щенки. Они увидели меня. Я понял это и спрятался во мраке пещеры. Не от них, а от случайного взора охотников. Вряд ли тогда мне было страшно, однако же я не хотел раскрываться так спешно и дожидался столь удобного случая, когда смог бы наверняка подкрасться к Муссе и убить его.

Конники стали озираться по сторонам, не понимая, чего такое сделалось с собаками. Те же продолжали жалобно скулить и из охотников, еще совсем недавно выслеживавших волков, теперь сами превратились в щенков, искавших спасения. Впрочем, собак я трогать и не думал. Только если в том возникнет необходимость.

Я дождался, пока вереница удалится достаточно далеко и скроется за скалистым подъемом, где тропа сворачивала от реки в пролесок. С высоты своего утеса я разглядел, что за пролеском видны теперь крыши. Значит, бандиты уже подъехали к Низкому Ариу Кызу.

После я начал спуск к реке, перескакивая через глыбы и прыгая со скалы на скалу. Завидев старый ствол повалившейся давно сосны, который теперь служил мостиком на другой берег, я перебрался на другую сторону и побежал следом по тропе.

Пролесок был хотя и невелик, но столь густ, что свет луны сюда почти не пробивался... Это было мне на руку. Я мог бы подкрасться незамеченным достаточно близко, после чего напасть. Собаки, конечно, меня заметят, но вряд ли мне помешают. Они чувствуют, что я сильнее их, быть может, даже мнят меня своим вожаком.

Но вот то, что произошло далее, стало делом нескольких мгновений, в которые мой разум будто бы покинул кровожадного зверя. Я видел все со стороны, и скорее даже не видел, а как-то чувствовал. Знал...

Увы, я не мог управлять им. Дух волка в эти секунды был сильнее. И я понял, что жажда крови ведет его вперед...

Массивная тень метнулась через пролесок к тропе. Собаки бешено и испуганно взвыли. Серым призраком огромных размеров волк пронесся по глубокому снегу, вздымая облака ледяной пыли... Один прыжок был метра в три. Зверь прыгнул на наездника и ударил того, как бьет наверняка пушечное ядро. Тот свалился в снег, да не один, а вместе с лошастью, что начала катиться под откос, пытаясь встать, но тщетно...

Две или три собаки сорвались с привязей и рванули вперед, к селу, забыв про своих хозяев. Остальные же не находили себе места и тоже пытались высвободиться. Среди людей еще никто толком и не сумел сообразить, что именно произошло... Они только вертели головами и испуганно озирались во мраке, видя какое-то адское движение совсем рядом.

Волк тем временем уже вцепился в круп другой лошади... Та от бешеной боли дико захрапела и поднялась на дыбы. Наездник не удержался в седле и выпал в глубокие сугробы, кубарем скатившись под откос. Лошадь же попыталась рвануть вперед, да не смогла. Волк тянул ее на себя, а огромные лапы, впившись когтями, волокли ее назад, к земле. Тогда кобыла предприняла последнюю попытку спастись. Оперевшись на передние ноги, она попыталась вывернуться и лягнуть задними напавшего хищника, сбросив того с крупа. Но то ли у животного не хватило сил, то ли волк был хитер и проворен, но маневр оказался запоздалым. Он, напротив, погубил лошадь, ибо зверь уже запрыгнул ей на спину и впился огромными, не по-волчьими огромными челюстями в шею. Через секунду лошадь упала. Потонув в клубах снега, она не в состоянии более была состязаться со смертью.

За эти несколько секунд лишь двое или трое сообразили наконец, в чем же дело. Действительно, для охотников из Низкого Ариу Кыза самым достойным продолжением охоты была встреча с истинным убийцей — волком людоедом. Даром-то ловить лесных хищников, ежили настоящий убийца — вот это чудовище, страшный и огромный зверь, которого убить не так-то легко. Даже псы кавказцы — сторожа овчарен и настоящие волкодавы, способные один в один уложить любого волка, были испуганы и готовы были бежать прочь.

Те, кто сообразил, достали ружья, начав палить наугад, ориентируясь лишь по слуху. Другие же, коих было большинство, а во главе их — трусливый Мусса, поступили подобно испуганным собакам, а именно — бежали прочь. Благо, их собственные кони, почуяв запах хищника и крови, без того были чрезвычайно проворны.

Волк уже свалил третьего конника, заставив того погибнуть под тяжестью упавшего скакуна. Испуганная кобыла, замыкавшая вереницу, тащила сани, на которых были уложены тела убитых волков. Теперь она, также учуяв близость смерти, рванула с места. Сани были тяжелы, и потому сильно ускориться она не смогла. Она лишь протащила полозья несколько метров и, ничего не различая, ринулась в лес. Однако тропа тут не была ровной, и за каменистым выступом резко обрывалась. Кобыла споткнулась и покатила под откос вместе с санями. Деревяшки начали разбиваться о скалистые пороги каменных уступов, веревки размотались, и с десятков мертвых волков очутились внизу, в глубоком снегу, где склоном начинался густой лес.

Волк поднял голову и увидел, что оставшиеся в живых наездники скачут прочь, не желая расплачиваться за смерть его сородичей. Тогда огромная тень вихрем вывалилась из сугроба и предстала новым зверем. Он был столь же страшен на вид и столь же силен, огромен и зол. Единственная в нем перемена сидела в том, что теперь я вновь был сознанием хищника. И теперь волк забыл о своей кровавой жажде. Теперь у нас обоих была единая цель — прикончить того, кто был труслив и заслонял свой страх злобой, того, кто бежал от истинного убийцы своих соплеменников теперь, когда представилась возможность одним метким выстрелом избавить мир от этого кошмара. Вместо этого он убивал обычных волков, в глубине души зная, что этим он не избавится от кровавого проклятия... И он наверное подозревал, что проклятие в нем самом — в его страхе и трусости.

Тот, кто не хотел быть героем и не хотел уничтожить свой кошмар, не был достоин избавления от одного кошмара. А потому я, вновь ощутив силы зверя, вновь узнав, что есть неземная скорость, и видя вдали силуэт конника, в котором угадывался Мусса, бросился следом.

Он был уже в Низком Ариу Кызе, где, заслышав звуки близких выстрелов, на улицу выскочили испуганные люди.

— Назад! — кричал Мусса.

Все удивленно и испуганно смотрели на своего главаря и пятились обратно к дверям. Мусса проскакал по центральной улице и оказался около своей сакли. Там он встретил свою дочь Аминат, стоявшую в дверях, а за спиной ее — жену. Обе испуганно глядели на Муссу.

Тот же, в момент прыгнув с лошади, кинулся к дверям, руками показывая им, чтобы и те прятались внутрь.

Тогда-то с гор упал туман. Не туман, конечно, а облака, спустившиеся низко-низко, и млечной дымкой затянувшие все вокруг. Все неожиданно стихло. Какая-то зловещая тишина испугала Муссу еще более жуткого волка, преследовавшего их в лесу. Он обернулся назад, но теперь все утонуло в белом мареве. Исчезли домишки аула, исчезли небеса, исчезли горы...

Все наполнила тишина и туман.

Как будто весь аул сгинул, а его собственная сакля очутилась где-то неизмеримо высоко.

Моему волчьему зрению не мешал даже густой туман, который навалился на землю и скрыл все в густой массе... Я видел Муссу. Видел, как он велел зайти дочери и жене в дом, и как сам спешил там оказаться, заперев дверь на засов.

Я видел его издалека. Он же меня — нет. Но он, будто бы зверь, чья жизнь теперь висела на волоске, чувствовал мое приближение. Уловив тишь, которую принес туман, он понимал, что туман отделил его от всего мира. Мусса держался одной рукой за дочь, пытаясь втолкнуть ее в дом, а во второй держал ружье, которое, как понимал и он сам, мало чем ему способно помочь.

До него было несколько прыжков.

Раз, два...

Три.

Четыре.

И вот я уже на совсем маленьком расстоянии.

Он не слышит меня. Мои прыжки даже в снегу беззвучны...

Но он видит мое приближение.

Волк появляется из тумана и обретает очертания.

Мусса попятился назад, нацелил на меня ружье и с диким воплем выстрелил. Что? Выстрел взорвал сугроб фонтаном серебряных искр, но вот только где волк?

Незадачливый охотник обернулся и увидел, что волк стоит прямо перед ним... Его морда наравне с лицом Муссы. Волк огромен...

Только теперь главарь бандитов осознал, на какого зверя открыл охоту. Серый Див в холке оказался выше самого карачаевца. Одной лапой он мог проломить дверь, несмотря ни на какой засов...

Его когти, что кинжалы... утопают в снегу и одним движением способны снести голову с плеч. Но вот... Глаза.

Наши взгляды встретились.

И Мусса все понял. Все прояснил для себя в момент. Вспомнил про дневник, который мне принес раненый волк, вспомнил про давешние убийства. Теперь он все знал.

Я видел по его глазам, что он все понял... Он же прочел в моих глазах ту же ярость, которая недавно еще скрывалась от его самоуверенности, покрывавшей страх.

Далее случилось самое страшное и непредвиденное, чего я никак не ожидал. Мусса рванул назад и закричал:

— Урус... Не подходи!

В этот же миг он рванул к себе Аминат, схватив рукою за плечо. Никто не успел ничего понять, и даже девушка не поняла, что ее родной отец, вместо того, чтобы заслонить ее от угрозы, сам закрылся ею, будто заложником...

Он выставил Аминат перед собою и кричал:

— Бери ее! Она твоя... Ты этого хотел!

Вот же злобный сукин сын! Пожалуй, большего подлеца я не встречал, да и не встречу в своей страшной жизни...

Я дал зарок убить его. А он знал, что на нее моя рука не подымет.

Что ж... Он был прав, но ошибка сидела истинно в одном: я сам был себе не властен и не мог полностью подчинить себе зверя.

Я лишь был его половинкой, его яркими глазами. И так оно оставалось до мига пробуждения.

Волк же жаждал крови и готов был первым же ударом убить девушку...

Пробуждение!

Я обдумал все очень быстро. Что это сон и что сон этот жив, пока я сплю. Мой дух, воспари же над равниной, потеряйся в сумеречной мгле и воссоединись с разумом! Прерви этот сон!.. Пусть лучше я не исполню клятвы, и не прольется кровь Муссы. Но я спасу жизнь Амине. Тогда Мусса убьет меня, но пусть лучше я умру, чем буду убийцей любимого человека.

Я понял это именно в тот момент. Когда осознал, что готов отдать свою жизнь ради нее. Тогда-то я и сказал себе, что любил ее. И верю в это по сей день, хотя сейчас, когда я вспоминаю те мгновения, тот сон и наваждения, мне все более кажется, что я помешался рассудком.

Пусть. Пусть моя летопись — тот же сон, и даже лучше, если бы ничего этого не было на самом деле. Но, увы, это было, и свидетель тому не я один.

В тот момент я понял, что страх и огромное желание остановить этот кровавый путь оборотня заставляли меня пробудиться.

Просветленное сознание...

...направленное к солнцу...

...позволь моей душе вспомнить себя!

И уже миг спустя я вырвался из плена волчьей шкуры. Я вскочил с кровати и понял, что нахожусь в той же сакле, где провел последние несколько дней выздоровления и заточения.

Я не знал, что теперь с волком, что с Аминат. Хотя чувствовал, что срочно должен бежать отсюда. И что моя помощь необходима. Первым делом я спасу Аминат... эх бы не опоздать... а потом убью Муссу.

Я нашел свою одежду. Оружия, как и денег, в ней не было. Но зимний тулупчик, армейский мундир, сапоги — все было на месте. Наспех оделся, думая, что это мой последний шанс все окончательно разрешить, неведомо в чью пользу... Но иных выходов боле не имелось.

Когда оделся, я подумал, что нужно найти оружие и... Как-то обойти Казбека, если тот все еще сторожил мой дом. Впрочем, за дверью было тихо. Быть может, во всеобщем переполохе он снялся с места и побежал к Муссе? Хотелось бы в это верить.

Теперь, после пробуждения я был здоров и чувствовал себя гораздо лучше давешнего. Впрочем, единственной мыслью, терзавшей меня, оставалась надежда, что после моего пробуждения волк растеряет свою необычайную силу и не убьет Аминат.

Я осмотрелся вокруг и в почти сплошной тьме различил очертания двери. Оставалось выбраться наружу. Как я понимал, снаружи дверь подпирает засов и от того, хватит ли во мне силы выломать дверь, несмотря ни на какие препятствия, зависела моя судьба. Я попробовал толкнуть дверь, обвел руками, но не нашел замков, которые могли бы как-то фиксировать вход.

Тогда я ударился в дверь плечом. Не сильно, а лишь для пробы.

Дверь держалась.

Хотя и измученно затрещала. Доски были сбиты и подогнаны совсем плохо, а ржавые петли должны были дать слабину ранее засова.

Я отступил на пару шагов назад, затем ударил вновь.

Дверь держалась.

Но только теперь щели разрослись настолько, что бледный ночной свет, а в его лучах и белый туман, просочились в отверстия меж досок.

Тогда я собрал все силы, которые, как показалось, еще не покинули меня после сна... Разбежался и высадил дверь, так что петли с хрустом вылетели промежду булыжников, дверь очутилась на снегу, а две крайние доски треснули и отлетели вовсе в сторону...

Я вгляделся в зиявший пустотой дверной проем и шагнул в облако тумана, серым водоворотом обступившего меня. Казбека у дверей не было. Видать, и впрямь умчался на подмогу, заслышав крики и стрельбу.

Тогда я побрел по тропке следов, которая явно вела от моего домика к центральной улице аула. Я то бежал, то останавливался и вслушивался в тишину, бывшую спутницей навалившегося тумана. Потом вновь бежал, спотыкаясь и увязая в глубоком снегу.

Пока кровь в жилах моих не похолодела. Отнюдь не от мороза... Скорее от того, что нарушило колдовскую тишь...

Пронзительный крик раздался совсем близко. Ближе лишь проклятый туман, который не дает мне разглядеть ничего и на расстоянии вытянутой руки. А тут этот крик.

Я не испугался.

Просто понял, что опоздал. И еще, что мое пробуждение не предотвратило беду.

Это был голос Аминат. Голос, почти не оставивший уже надежд...

Тогда я бросился в сторону крика. Сделал несколько шагов и уткнулся ногами в какое-то препятствие. Взглянул вниз и отступил: под ногами моими лежало тело Казбека. Посиневшее лицо и алое, уже чернеющее пятно крови, с шеи на плечо. Рана была такой, что выжить было невозможно...

Я осмотрелся по сторонам, не понимая, что же случилось со мною... Когда был убит Казбек?! Я не помню этого во сне... Кто же мог напасть на него? Но в следующую секунду я сообразил, что это, быть может, весьма не случайно. Прямо на поясе, с оголенным лезвием, висел у убиенного кинжал. То самое оружие, которого мне столь не хватало...

Господи! Неужели это все загадано какими-то высшими сферами? Все эти совпадения... Весь этот ужас. Будто бы я специально иду к этой цели... Через кровь товарищей, через жизнь любимой девушки! Неужели такова цена расплаты за убийство Муссы?! Кто же он? Святой или демон?

Я выхватил кинжал Казбека, сделал еще несколько шагов и увидел, как очертилась из тумана фигура Муссы. Подлец стоял на коленях... На руках держал Аминат.

Нет. Он не святой и не демон.

Он трус.

Волк стоял напротив. Самый обычный, меньше кавказца — волкодава... Только с кровавым пятном на шее. Точь-в-точь, где пришелся мой выстрел. Волк глядел в землю, как-то понурился и всем своим видом выказывая чрезвычайную вину свою...

Теперь к этому зверю... брату по крови... я более не испытывал ненависти. Лишь жалость.

Бедное животное — он стал разменной картой в борьбе неведомых даже мне сил.

Что ж, если волк не нападет на Муссу, наверное, тот сам не простит себе своей подлости, умрет смертью шахида, как это у них, чертей... Но нет. Я ему не позволю... Слишком благородно выйдет.

Я вышел из тумана, а Мусса и не взглянул на меня...

Он плакал над мертвой дочерью.

В дверном проеме лежало тело его жены, матери Амины. Та, наверно, была в обмороке. Интересно, видела ли она, как муж прикрывался их же собственным ребенком? Пожалуй, лучше бы, чтобы не видела. Для нее же. Не так горек будет век и без того безутешной женщины.

Я подошел к Муссе, занес кинжал и... даже не ударил. Неточно получится сказать так.

Вонзил ему в спину лезвие. То вошло где-то между ребер, наверное достав до сердца. Я разжал пальцы, и оставив так рукоять, толкнул его, хрипящего и беспомощного, того, за чьей жизнью я пришел.

Я прошел через все жертвы и сделал это.

Он свалился в снег, не отпуская дочь, и утонул в сугробе... А волк заскулил и неожиданно прижался к моей ноге.

До того я много раз убивал. На войне. Будучи солдатом. И бывало, что видал кошмарные сны. Но только этот кошмар, а главное — пробуждение после него, стали для меня первым и последним ужасом, когда я понял — причинять смерть — это забирать часть собственной жизни... Отдавать ее в лапы дьяволу. Это ведь тоже была война. Но я узнал это... Понял даже про войну, которая сделала из меня, обычного человека, убийцу.

Теперь я узнал, какова расплата. Часть жизни, что отбирает каждый убитый тобой враг — это еще и часть тебя. Или часть твоих близких. Ради Муссы я пожертвовал очень многими. Столь многими, что вряд ли захотел бы согласиться на такое заранее. А ведь я согласился на это убийство...

Вряд ли мне были оправдания. Но таковы люди. Мы всегда понимаем многое, когда не в силах что-то изменить.

Когда я закрыл глаза, предо мною возник образ... Будто бы чье-то лицо. Кто-то звал меня в путь. Под свою защиту. И я понял, что нужно уходить. Пусть жизнь для меня меркла в те мгновения, но я всегда верил и в то, что всякое зло, каковым бы оно ни было, лучше искупать добром, нежели слабо-сильно отстраняться и расставаться с жизнью. Не для того эта жизнь дается.

Не для того!!!

Я подошел к лошади Муссы, что послушно стояла рядом и не думала бежать от волка... Запрыгнул в седло и услышал, как хищник вдруг завыл... Завыл на луну и...

Та появилась. Туман будто бы воронкой рассеивался, очищая чернь неба и яркий диск ночного светила. И показались из-за клубов его горы, зубьями оцетинились ряды сосен, очистился от марева аул. Теперь я наконец-то собственными глазами взглянул на Низкий Ариу Кыз.

Длинная улица, сакли, за ней кошары, сады, какие-то огромные белые стволы берез. Действительно красивое место... Испуганные люди, кто спешившись, а кто верхом, до того будто бы замершие, теперь озирались по сторонам. Что-то сообразив, они глядели на меня, на волка, что стоял рядом, на Муссу, раскинувшегося в сугробе, на Аминат, что все так же была в его руках...

И рядом со мною ударил выстрел. Едва не зацепив кобылы, которую я развернул и погнал прочь от аула, в сторону пролеска. Я знал, что дорога вдоль реки Иркиз вела в Даусуз, но раньше надо было свернуть к Хусы-Кардонику и выехать к Марухам. Оттуда путь я знал и смог бы доехать аж до Черкесска.

Я что было сил гнал лошадей, а вслед мне стреляли уже все, у кого были ружья. Благо, я уходил все дальше и дальше. Конечно, они будут гнаться за мною и, возможно, нагонят. Впрочем, они уже упустили возможность достать меня прицельным выстрелом. Может, даже пустят собак, что окажутся проворнее лошадей, утопающих в сугробах, а потому не очень быстрых. Если только собаки оправятся от пережитого испуга.

Я обернулся назад и увидел, как за спиной карачаевцы уже запрыгивали на коней и пускались в погоню. Я подумал, что уйти будет сложно. Более чем. Они смогут различить мой путь по следам на снегу, даже если я сумею скрыться из их видимости. И будут преследовать... Лошадь же не сможет долго скакать так быстро, ибо сугробы глубоки и она очень быстро вымотается.

Рядом, не отставая, семенил раненый волк, будто жалкий слуга, все еще служивший королю во искупление грехов. Что ж... На этом чудеса и ужасы ночи не были исчерпаны. Волк действительно сослужил мне хорошую службу, будто бы то была сказка, а не жизнь.

На середине пути через пролесок, как раз там, где я... мы... в жутком обличии напали на Муссу и его бандитов, я увидел два лошадиных тела, неподвижно застывших в снегу. Полосы красных кровавых брызг, чуть дальше — распростертого в сугробах человека.

Еще один чернел пятном внизу, за склоном... Он скатился с дороги и очутился в рытвине.

Мне стало жутко от увиденного. Так жутко, как не было во сне. Оно и понятно. Сейчас не тогда.

И наконец в конце я увидел сани, разбитые и застрявшие в валунах, там же, где дорога круто скатывалась вниз, к лесу. Лошадь как-то выбралась из-под саней, сумела высвободиться и ускакала...

Но меня поразило не столько это, как то, что сани пусты. Нигде даже рядом не было видно убитых волков, которых до того на санях был десяток, а то и боле.

Я всмотрелся во мрак и понял, что небо становится светлее.

Что ж, ночь на исходе, и через какое-то время станет совсем светло.

Я подгонял лошадей, как вдруг та испуганно остановилась и стала пытаться развернуться назад, туда, откуда неслись за нами мои преследователи... Я хлестал ее сильнее, но она кружилась на месте, будто чего-то боялась. И в следующий момент я понял, чего именно.

Волк остановился, задрал голову к розовеющему небу, очерченному в просветах густых ветвей над головами, и издал долгий, протяжный стон. А потом я увидел свет. Яркий, будто солнце, очутившееся в ста шагах от меня. Слепящее соцветие лучей било откуда-то с поляны, где кончался пролесок и выросал новый лес, по правую руку от реки.

Я всмотрелся в источник, но ничего, кроме самого свечения, не увидел...

А в следующую секунду я понял, что преследователи не могут смотреть на этот свет. Все они как один, а были они уж совсем близко, а я их прекрасно видел, стали отворачиваться, закрывать лица руками и испуганно кричать, лишь только яркие лучи ударили в их глаза.

Странно, но я, хоть и был удивлен непонятному свечению, все же не назвал бы его невозможным и непереносимым, чтобы подобно реагировать.

Они же были испуганы, они боялись этих лучей, этот свет их гнал прочь. Один из всадников опрометчиво вскинул обе руки, да так, что не удержался в седле и кубарем скатился в сугроб...

Другие развернулись, закрылись тулупами, слезли с лошадей и начали убегать врассыпную. Тогда я увидел последнее и самое жуткое зрелище.

С десяток волков вышли из свечения и бросились на карачаевцев.

Я увидел их и сразу понял, какой природы эти звери.

Все были окровавлены и измяты, будто бы действительно ходячие мертвецы. Они, собственно, и были мертвецами.

У одного, совсем еще молодого волка, и даже почти волчонка, половина морды была рассечена увечьем. То ли выстрелом, то ли кнутом...

Все они сворою ринулись на моих преследователей, и то, что было после, вспоминать мне не хочется в особенности. К слову, я и не смотрел подробно на ту расправу, которая состоялась с бандитами. Думается, у зверей, вернувшихся *оттуда* за одним-единственным, было право так поступить с этими людьми.

Зверю — звериное...

Я обернулся и увидел, как свет сходит на нет. Он ореолом расплзался по пролеску и собирался вокруг какого-то строения...

И вот тогда я впервые узрел Храм. Тот самый, который сохранился с незапамятной старости и был основной приметой Низкого Ариу Кыза и этой дороги вдоль Иркиза.

Я узрел вдали бурую круглую башню, увенчанную почти что плоской закругленной крышей. Вровень — башенки поменьше, сливавшиеся в единую постройку. Они и образовывали старинный православный храм. Я вспомнил, как черкес Ренат говорил нам, что на подъезде к Низкому Ариу Кызу мы увидим поляну и этот храм над рекой. Все точно...

Яркое сияние обрамляло контуры строения и пробивалось из щелевидных окошек, чем-то схожих с бойницами, и из высокого сводчатого входа. Я спешил и пошел к храму. Утопая в снегу и ловя слабые отсветы священного огня, я шел к нему, будто путник, ведомый далекой, но яркой звездой.

И когда я оказался достаточно близко, чтобы увидеть, то я увидел...

Он вышел на пороги, и его силуэт очертился в огне.

Он протянул мне руку, а я лишь немо взглянул на него и спросил:

— Кто ты?..

Я почему-то наверное знал, что вся эта история как-то связана и, быть может, подстроена этим... человеком.

— Алан... — молвил он тихо, будто шепотом, но в то же время так громогласно, что голос его разнесся по округе.

— Это твое имя или племя? — спросил я.

— Меня так зовут. Так звали моих предков.

— За что? — спросил я. — Почему все так случилось?

— Ты пришел на эту землю за кровью. Ты ее получил. Эта земля хранима мною и моими предками тысячу лет. И всякий, кто приходит сюда, получает то, что заслуживает.

Я стоял и молча глядел в глаза Алана. Лучистый свет ослабевал, и я мог теперь разглядеть его лицо. Оно было рассечено морщинами и скрыто под лохмами седых волос. Борода спадала на грудь,

а на груди висел на какой-то нити бронзовый крест, совсем небольшой, но очень причудливый, напоминавший формой скорее греческий, чем обыкновенный наш.

— Неужели я не заслужил смерти? Так было бы легче всем, и мне, наверное, тоже... — прошептал я.

— Значит, не заслужил. Если бы душа твоя была черной, то ты не смог бы устоять перед яростью моего светила. Ты бы пал, как пали твои преследователи. Но ты понял то, что должен был. Значит, есть еще надежда на твое спасение.

Я оглянулся и увидел, как за моей спиной появились волки, что чудесным образом воскресли. Они были окровавлены, но спокойны и тихи.

Всего их было не десять, а, как успел я перечесть, двенадцать. Тринадцатым появился тот зверь, с которым у нас произошло кровавое братание.

— Тринадцать волчков, — ласково произнес Алан, будто бы обращаясь к детям. Тринадцатый, чья шея не заживала по сей час от моего же выстрела, подошел к старику, а тот ласково провел рукой по ране, будто сгребая ладонью воздух. Я уставился на шерсть, которая теперь стала чистой и ровной, не будучи готовым поверить в увиденное.

Рана исчезла!

Исчезло черное засохшее пятно, не было больше красной струйки, стекавшей на снег.

Я обернулся и взглянул на других волков. Все они тоже были здоровы и ни на одном не замечались следы смерти, что видны были совсем еще недавно.

— Тринадцать волчков, — повторил Алан, — нечего вам оставлять эти края. Хорошая стая уже много лет хранит эти леса. Пусть же это не закончится и теперь. Больше не будет отмщения.

— Зачем же? Неужели ты все знал? — воскликнул я. — Почему все случилось именно так?!

— Знать мало, — сказал старик, — нужно иметь силу, чтобы остановиться. Ты же не захотел. Ты и получил то, что заслужил. Теперь иди с миром. И не желай зла. Помни, что оно не бывает во благо.

Я испуганно поглядел вдаль и увидел, как тринадцать волков ревно мчат к лесу, туда, где я их больше никогда не увижу.

— Все? — спросил я.

— Да. Иди. Я знаю, ты вернешься. За крупными души, которые навеки останутся тут. Они памятью будут тянуть тебя сюда. Но ты не освободишься от памяти. Она будет твоим проклятием...

— Нет, Алан, ты ошибаешься, я не вернусь сюда никогда. В ад не возвращаются.

Алан совершенно неожиданно и нелепо расхохотался:

— Из ада и не выходят, потому не спеши чернить эти места! Разве не ты привез сюда свой же ад?

Я испуганно посмотрел по сторонам, а потом взгляделся в себя. И понял, что старик прав. Тогда мне стало страшно и одиноко. Так, как не бывало еще раньше.

Я вскочил на лошадь и погнал ее прочь, по глубоким снегам и за взгорья, за взгорья... Не обращившись, пока храм не остался далеко за спиной. Над горами же тем временем расцвело небо. Тумана не было, облака ушли ввысь, и день должен был стать ясным. Справа, с востока, поднималось солнце. Оно положило первый луч на противоположную скалистую грядку. По ней луч пополз вниз, осветив долину, реку и заснеженные поляны.

Я ехал без остановок, долго, не меньше часа, пока не оказался в Марухах. Объехав селение стороной, чтобы не будоражить любопытство жителей, я сделал передышку и отправился дальше.

От Марух до Черкесска было с полсотни верст, и с учетом того, что я почти не останавливался на привалы, а лишь только давал лошади периодические передышки, я довольно быстро преодолел это расстояние, очутившись в городе с приходом темноты.

В Черкесске я нашел нужный адрес и встретился с черкесом Ренатом, который был нашим проводником и вел нас до Хусы-Кардоников. Когда он меня увидел, он был одновременно испуган и ошеломлен.

— Ты жив? — вскричал он... — Не может быть! Как ты спасся?

— Долгая история, — сказал я.

Черкес не унимался и спрашивал у меня о подробностях. Он знал лишь, что на нас напали волки, и что никто из шестерых не выжил. Однако я не стал рассказывать ему и половины всей правды. Не потому, что кого-то боялся, и думал, как бы меня не сочли за сумасшедшего, а потому как сам боялся все это вспоминать.

Я сказал, что мне удалось убить Муссу. Как тот пленил меня, но я его зарезал и смог бежать. Я даже не рассказывал, сколь сильно был ранен.

Ренат смотрел на меня как на героя и не мог поверить в то, что я вышел живым и здоровым из всей этой передраги.

— Мы ждали ниже по реке два дня. Где Иркиз идет рукавом на восток, за гряды. Пока не пришел слух, что все вы найдены в лесу убитыми, — сказал черкес, — кое-кто из Ариу Кыза нам донес весточку. Мусса, как сказали, еще больше обозлился... Как же все так вышло?

Я лишь качал головой и говорил что-то несуразное, мол, сам не знаю, как все случилось.

Следующую ночь в доме Рената я спал крепко и спокойно. Наконец силы вернулись ко мне, потому как я не увидел ни одного сна. По пробуждении я собрался и отправился в Воды. Ренат отправил со мною двух нарочных, которые должны были сопроводить меня до гарнизона.

Так я оказался в Водах и оттуда поездом возвращался в Москву. Теперь, когда я дописываю эти строки и дневник с повествованием о моем нелепом и ужасном путешествии близится к концу, я понимаю, что память останется со мною навечно. И хранить ее будут именно эти страницы, ибо, взяв перо, я стал откровенен и рассказал все, во что и сам теперь с трудом верю. Я был честен прежде всего с самим собой.

13 июля 1894 года

Полгода спустя возвращаюсь к своему дневнику, чтобы расставить теперь все точки, как говорят, над «і». Двадцать четвертого декабря прошлого года, еще до Рождества, я скоро был вызван к полковнику Большаковскому, который поздравил меня с новым званием и вручением императорской грамоты.

Он хотел услышать от меня больше подробностей, чем донесли слухи и отчеты, впрочем, мой рассказ был все так же туманен. Не мог же я, в конце концов, рассказать ему всю правду такой... такой, какой я ее знал.

Он остался недоволен скупостью комментариев, но был рад тому, что я справился с заданием. Он пытался утешать и соболезновать в связи со смертью всего отряда, кроме меня. Вина та была и на мне, как на командире кампании. Впрочем, зная полковника, я мог ручаться, что соболезнования шли от сердца, он на верное искренно переживал их смерть.

Что ж, история уходила в прошлое, а я теперь стал совершенно другим человеком и сам в себе заметил разительные перемены.

В конце разговора я просил отставку.

Полковник был удивлен, но с пониманием отнесся к моему решению и не стал противиться. Сказал, что время передумать у меня есть, и он будет ждать меня. Но я разуверил его, сообщив, что решение окончательное.

Ужас, но ведь что мне оставалось? Другой работы я не знал, кроме убийства, ничего не умел делать. Ведь я был солдатом.

Однако и убить снова я бы не смог.

Шло время, а я стирал в памяти детали, но помнил главное.

И еще. Я с тех пор более не видел снов. Никогда. Сон мой не был тревожен, но душа больше не желала вспоминать себя по ту сторону, и более ей не было пути в царство сна. Она была нема и не манила меня вдаль.

Я надеюсь, что хотя бы один раз за всю жизнь я увижу сон, в котором ко мне явится Аминат. Но пока этого не случилось. Я не видал ее более, и даже ее образ в памяти стерся совершенно. Не стерлась лишь любовь. Любовь, что искупила во мне ненависть и дала шанс жить.

Жить ради одного. Однажды увидеть ее лицо во сне. Больше мне ничего и не надо.

Быть может, ради этого одного я отважился на изменение в жизни. Может, избавление от дневника освободит мою память?

Я зарекся возвращаться в Низкий Ариу Кыз. Но Алан был прав. Я собираюсь туда вернуться. Я хочу вновь с ним поговорить. Теперь, когда прошло время и как-то все сгладило.

В это лето я отправился знакомым поездом в Воды, а оттуда взял путь в Низкий Ариу Кыз. Сейчас, находясь в Черкесске, я делаю последние записи в свой дневник. Я попытаюсь найти Алана и могилу Амины. А еще я распрощаюсь с единственным свидетелем пережитого мною ужаса — с этой тетрадью, которая верно хранит все мои воспоминания. Нет, я не буду сжигать ее. Я хотел бы, чтобы мои строки жили. Но не со мной. Ибо это слишком тяжкий крест.

Я спрячу этот дневник где-то там, в храме или неподалеку. Так, чтобы его было трудно найти. И если теперь мои записи кто-то читает и он сумел отыскать эту тетрадь, то я лишь уверю его, что все слова тут — искренни. Пусть в это и с трудом верится. Главное не в ужасе жизни. Главное в том, что жизнь всегда бывает права.

Владислав Георгиевич Ишлицкий,

13 июля, 1894 года.

Конец тетради.

ЭПИЛОГ

Эта история, слово в слово перепечатанная здесь, содержалась в известном дневнике, который я нашел в Нижнем Архызе. Как видно из текста, даже путь попадания тетради в тайник между плитами старинного храма теперь прояснился.

Я не хотел бы навязывать читателю своих собственных выводов и умозаключений, ибо каждый должен найти в повествовании нечто свое, сугубо личное, однако я не могу опустить те события, которые случились после и которые имели прямое отношение к дневнику.

Пока я читал записки автора, я менял представление и о нем, и обо всей истории. Сначала думалось, что передо мною — обычная походная тетрадь, интересная разве что для музейного архива. Когда же я ближе ознакомился с текстом, то понял — это не просто дневник, а еще и настоящая повесть, ибо стиль и обороты выдавали в авторе человека умного, образованного, владеющего словом и даже талантливого.

Затем мне стало казаться, что человек этот либо специально пишет свои выдумки, выдавая их за действительность, либо же просто сходит с ума.

И, наконец, когда я дошел до последних страниц, я понял, что это не мемуары и не мистический рассказ... Что передо мною исповедь!

Человек, который привык убивать людей, и это стало его профессией, каялся в этом, и я не берусь судить, насколько правдивы все упомянутые факты, однако в искренности исповеди я не сомневался...

Наконец, я с ужасом понял, что если дневник и был написан сумасшедшим, то в таком случае я сам перенял часть его безумия. Иначе я не могу объяснить те таинственные и странные события, что приключились в дальнейшем уже со мною.

Перед тем как привести текст дневника, я обрисовал читателю историю его находки. После прочтения я вновь и вновь вспоминал ее, и мне не давали покоя те фантастические совпадения, которые я обнаружил. Если, конечно, то были совпадения...

В магазине, который я посетил, очутившись в Нижнем Архызе, я беседовал со стариком. Он и указал мне дорогу к храму. Когда я читал дневник, я все время вспоминал этот разговор.

Помнится, как я поинтересовался, почему же этот домишко, в котором находился магазин, построен на отшибе, вдали от поселка. Хозяин что-то недовольно забормотал, обронив загадочную фразу:

— Тут никто не хочет жить... Раньше, сто лет назад, один нехороший человек здесь жил. Старик говорили, что то был шайтан, который в обличии человека и зверя пришел в наш аул за Муссой... Много крови пролилось, это наверное. Во всех окрестных аулах даже вспомнят. Потому я тут держу лавку, но жить здесь нельзя... Плохое место.

Затем старик перекрестился...

— Вы... извиняюсь, — недоуменно поглядел на него я, — вы не мусульманин? Вы христианин?

— Православный, — кивнул хозяин лавки-ларька, — Алан. Я из Осетии. Но еще мой прапрапрадед возил по Георгиевскому тракту продовольствие в эти места. Потому и я живу тут, по сей день.

— И вы, Алан, верите в шайтана?

— Боги разные, да зло одно, — ответил он, — Кровь уходит глубоко в землю, и столетние деревья, питающиеся из этой земли, в соке своей молодой зелени смешивают горечь старых смертей. Не надо об этом думать. Кровь должна уходить под землю...

Первое, что обратило мое внимание, так это имя. Ведь в дневнике таинственный хозяин храма тоже звался Аланом. Совпадение? Или, быть может, один из предков человека, с которым я говорил, встречался сто с лишним лет назад Ишлицкому?

Все это сразу же меня насторожило. Затем слова о доме на отшибе... Господи, выходит, магазин был той самой саклей, где провел свои дни в Низком Ариу Кызе, а сегодня — Нижнем Архызе — автор дневника!

... Сто лет назад один нехороший человек жил здесь...

... Шайтан, который в обличии человека и зверя пришел за Муссой...

Тогда я не знал, кто такой Мусса.

Теперь мне все стало ясно... Как иначе могли объяснить жители села случившееся сто лет назад?

... Кровь уходит глубоко в землю...

Я вспоминал все эти слова, и меня пробирала дрожь... Значит, все это было правдой! Если не все, то большая часть...

Затем мне вспомнилось, что с сумерками я возвращался в село. Я шел со стороны храма, через рощицу...

... тот самый пролесок...

... и навстречу мне вышел волк. С секунду смотрел и потом скрылся.

По моей спине пробежали мурашки.

Во что только не поверишь после таких невозможных совпадений!

С содроганием я вспомнил, как слегка свернута, будто старой раной, была его шея.

Такое невозможно подстроить!

Я уже не говорю о столь реальных описаниях тех мест, по которым я сам прошелся, будучи на развалинах и в храме. Все сходилось один к одному, а потому я сам уже сомневался, поверят ли мне, расскажи я кому про волка и про дневник. Дневник сочтут за бред, а мой рассказ посчитают выдумкой.

Но был лишь один вопрос: кто же этот Алан? Тот, кого видел я, и тот, что таинственным образом возник в повести Ишлицкого.

И я решил, несмотря ни на какие страхи, терзавшие меня от сопоставления всех фактов, вернуться в Нижний Архыз и попытаться побольше разузнать о той истории и поговорить с Аланом. Ведь именно за тем же самым в свое время вернулся в Низкий Ариу Кыз Владислав Ишлицкий. Я не знал, чем закончилась его встреча с Аланом, и состоялась ли она вообще...

Я отправился в горы спустя год, на майские праздники.

Погода установилась теплой, а дни, что я провел в Архызе, выдались солнечными и яркими. Цветом набиралась весенняя зелень, изумрудом на солнце горела трава полян, а я стоял все там же, у дороги, рядом с указателем «Нижний Архыз», и всматривался в тень раскинувшихся берез. Различив там белую стену с квадратными окошками, я вспомнил про повесть, однако страха у меня не возникло, ибо яркий день и умиротворенная природа располагали к хорошему настроению.

Я пересек поляну и, подходя к магазину, обомлел...

Куски стен торчали из земли. Разбитые кирпичи были разбросаны вокруг. Крыши не было вовсе.

В сырой тьме стены обросли мхом и источали запах гнили. Пустотой глядел на меня квадратный оконный проем. Я вздрогнул и обошел домик. Я не мог поверить, что еще год назад здесь полагался магазин Алана...

Сакля была разрушена и, похоже, давно.

Что же за проклятье ее преследует? Неужто все то же?

Тогда я отправился в сам поселок, намереваясь расспросить о магазине и Алане кого-то из жителей.

Домишки тянулись вдоль улицы, а мне живо представлялись картины ужасной истории из найденного дневника. Никого не было видно, и лишь под одним навесом я разглядел человека, что лениво сидел в тени и рассматривал даль за отрогом.

Подойдя, я различил в нем совсем еще молодого парня:

— Уважаемый, — обратился я к нему, — не подскажите ли вы мне, что стало с магазином Алана?

— Каким магазином? — переспросил карачаевец.

— Там, на отшибе, разрушенный домик. Там еще недавно был магазин. Что с ним теперь и где его хозяин?

— Хозяин? — удивился парень. — Какой еще хозяин?

— Он мне представился Аланом, тому год назад.

— Э-э-э... Какой Алан? Тэбэ магазин нужен? В доме напротив, у Фариды, ларек...

— А... извиняюсь... — пробормотал я, — неужели вы не знаете про магазин в том домике?

— Нэту там магазина, э-э-э!.. — возмутился карачаевец.

— И не было? — изумился я.

— Нэ-э-эт! Там сто лэт никто нэ живет... Руина! — и парень многозначительно поднял указательный палец.

Все ясно... Стало быть, Алана тут нет.

Неужели теперь уже я сам схожу с ума?

Или все-таки эти события действительно фантастичны настолько, что я попал в их водоворот и не могу понять в них ничего? Может, Алан какой-то колдун, жрец, монах?.. И живет действительно в храме. А тогда лишь притворялся. Но был же в том домике магазин! Я это наверное помнил!

После я отправился к храму. Проходя через пролесок, я боязно озирался по сторонам и холодел от мысли о том, что случилось здесь более ста лет назад... Даже теперь, днем, в этой рощице было столь тенисто, темно и прохладно, что кровь стыла в жилах и заставляла ускорять шаг, дабы вновь поскорее очутиться на солнечной поляне.

Наконец я вышел к храму. Обошел его вокруг. Затем направился в главный вход, что полагался лицом к реке, и очутился в каменном мраке. Свет едва пробивался сюда сквозь высокие узенькие оконца. Я огляделся и крикнул:

— Алан!

Эхо отлетело от стен, разрослось зычным вибрато и затихло.

— Алан! — повторил я.

Тщетно.

— Что ж... — я прошел к месту, где обнаружил тетрадь. Достал ее и спрятал точь-в-точь так, как и нашел. Засыпал пылью и сдвинул на место плиту.

Теперь вряд ли этот дневник кто-то найдет в ближайшее время. Пусть хранится тут.

Наверное, так оно и должно быть...

Затем я развернулся и вышел прочь, в яркий и солнечный майский день, к щебету птиц и шуму бурной реки. Я озирался по сторонам и не мог поверить в прочитанное. Не мог поверить в то, что случилось уже со мной...

Ведь я разговаривал с этим Аланом!

Осматривая долину, которую с одной стороны обступили Синие горы, а с другой — хребет Второй Ужум, я не заметил, как в сотне метров от меня, там, где поляна уходила во мрак леса и стеною вырастали прямые и толстые стволы деревьев, появились несколько зверей.

Когда я увидел их, то сразу же похолодел и замер. Издалека на меня глядела стая волков. Все смотрели пристально, как один. Я и считать не хотел, теперь уж наверное знал, что тех — тринадцать. Причем мною не овладел страх, и я не думал, куда мне лучше залезть в случае чего, на стену храма или на дерево... Я просто оцепенел.

... Тринадцать волчков...

А они с мгновение глядели на меня, а потом разом рванули прочь и спустя секунду скрылись из виду в тенистом лесу.

... добрая стая хранит эти места от зла...

Я еще некоторое время смотрел вдаль, ничего не понимая и слушая быстрое биение собственного сердца. Затем скорым шагом отправился к шоссе, искать машину или автобус, дабы как можно скорее покинуть эти края и никогда сюда не возвращаться. Эти горы таили в себе слишком много сюрпризов и тайн, в которые у меня не было желания лезть. В конце концов, всякая кровь уходит в землю, а после перерождается в новую жизнь.

Теперь лишь один вопрос не давал мне покоя. Пришло ли прощение к автору дневника? Приснился ли ему хотя бы однажды в жизни настоящий сон? Сон, в котором он увидит лицо своей любимой Аминат...

Владыка Вечности,

Плывущий под парусами

Вокруг света!

Все, что мы видим —

Видим в последний раз.

Можно ли нам теперь узнать

Цену расставаний?

Дарья Моздор

ТАЙНАЯ ЗАВИСТЬ

Глава 1

Россия! Сколько могущества, силы и красоты в одном этом слове, в одном понятии! Именно эта страна была Родиной великой детективщицы — Кетлин Джеймс.

Пятьдесят два года назад в небольшом подмосковном городке N в семье плотника и домохозяйки родилась девочка, которую назвали Катей. Катя Джейралова прожила в России всего пятнадцать лет, а после развода родителей переехала на родину своей матери — Америку. И таким образом Катя Джейралова превратилась в Кетлин Джеймс...

Россия была давней мечтой мисс Джеймс. С тех пор, как она уехала отсюда, она верила, что обязательно вернется. И вот, наконец, этот момент наступил, и мисс Джеймс выходит из самолета, садится в первое попавшееся такси и едет в свой родной и любимый городок N.

Кетлин не знала, к кому именно она едет, наверное, все-таки к отцу. Детективщица не видела его с пятнадцати лет и очень боялась их встречи. Но в их расставании не следует винить нашу героиню — на то были свои причины: во-первых, её мама была против этого, она даже не разрешала дочке переписываться с отцом, во-вторых, у учительницы просто не было на это средств. Но прошло время — много времени, ситуация изменилась: её мать давно умерла, а, став знаменитой, у мисс Джеймс «завелись» лишние деньги, которые она легко могла потратить на эту поездку.

Всю дорогу она волновалась, подбирала слова, которые скажет отцу. Она даже посоветовалась с водителем, так как отлично знала русский язык и просто была очень общительным человеком.

— Остановите, пожалуйста, здесь, — попросила Кетлин, когда они только въехали в город.

— Что-то случилось, мисс Джеймс? — удивился водитель, хотя покорно исполнил её просьбу.

— Да нет, что вы, все в порядке. Просто понимаете, я не была здесь уже очень давно, жители отвыкли от меня. Они наверняка думают, что я обыкновенный сноб, думающий только о славе и деньгах. Сами подумайте, если я приеду на такси, которым они никогда не пользовались, они подумают, что их мнение обо мне правильное, а я хочу доказать, что оно ошибочно.

— Я не очень-то понимаю вас. Да и ладно, это ведь не мое дело. Подождите, я помогу вам выйти. Водитель быстро вышел из машины, открыл дверцу и галантно помог мисс Джеймс выйти. Потом так же быстро достал чемодан и опять же очень галантно передал его владелице.

— Честно признаюсь, не знала, что в России такие почтительные люди, — Кетлин была очень удивлена.

— Спасибо, мисс Джеймс, но, по правде говоря, я делаю это для того, чтобы вы не подумали, что Россия напичкана грубиянами, которых, поверьте мне, вы ещё встретите.

— Америка тоже не идеальна, Сергей, — за время поездки водитель и детективщица успели познакомиться, — скажу больше, не только в России и Америке есть невоспитанные люди, весь мир наполнен ими. Сколько я должна вам за поездку?

— Мне было очень приятно подвезти вас, мне не нужны деньги. Единственное, что я хочу попросить — оставьте, пожалуйста, автограф. Моя жена обожает вас, вы не представляете, как она обрадуется. Знаете, у неё даже есть специальная папка, в которой она хранит статьи о вас.

— Мне очень приятно. И я, конечно, распишусь, но, Сергей, я не могу не заплатить вам. Поверьте, для меня это очень важно. Вы привезли меня из Москвы, а это несколько тысяч километров. Я не хочу, чтобы вы работали бесплатно.

— Мисс Джеймс, даже не думайте об оплате, моя жена никогда не простит мне, что я взял деньги у её кумира! Своим поступком вы просто уничтожите мое семейное счастье!

После длительных переговоров мисс Джеймс согласилась и признала, что благополучие семьи выше всяких предрассудков. И, оставив автограф — с пожеланиями долгой семейной жизни Сергею и его жене, пошла по узкой тропинке навстречу к прошлому.

В городе все осталось по-старому. Вот и озеро, в котором Кетлин и её друзья любили купаться, вот яблоня, откуда они постоянно воровали яблоки, а вот то самое поле, где маленькая Катя и её подруга Лена устраивали пикники. Ничего не изменилось... На улице играли какие-то дети, они даже не посмотрели на мисс Джеймс, потому что были очень увлечены игрой. При виде их на Кетлин опять нахлынули воспоминания, она грустно вздохнула и поплелась дальше.

Мисс Джеймс шла, как замороженная, по знакомой улице: мысли и время вдруг перемешались у неё в голове. Видя все те же маленькие деревянные домишки с давно облезлой краской, детективщица представляла, что она никогда отсюда не уезжала.

Кетлин не сразу решила пойти к отцу. «Сначала, — думала она, — нужно все хорошенько разузнать о его жизни». А кто мог все это поведать? Конечно же, её лучшая подруга Лена Черикова.

Уехав из России, мисс Джеймс некоторое время переписывалась с подругой, но мать Кетлин в скором времени запретила это дочери, решив, что девочка, таким образом, общается с отцом.

Подходя к дому подруги, мисс Джеймс увидела старичка. Его вид был жалок. На исхудалом бледном лице не было ни капли собственного достоинства. Он сидел на небольшой табуретке около ржавого облезлого забора, потирая рукой запотевший лоб, пил из бутылки какую-то белесую жидкость, смутно напоминавшую русский напиток — водку. В этом человеке мисс Джеймс с трудом узнала своего бывшего соседа — дядю Леню, самого скупого и жадного человека прошлых лет. Именно около его дома некогда находилась детская площадка, в которой мисс Джеймс с друзьями любила отдыхать после утомительных уроков. Всем жителям района нравилось, что дети «не путаются под ногами», проводя почти все свободное время не где-нибудь, а рядом с домом. Но дядя Леня никак не мог отнестись к этому позитивно: или дети забрасывали мячик к нему в огород или ещё хуже: своими криками они мешали наслаждаться дневным сном. Все ребята ненавидели его, придумывая разные шалости (конечно, безобидные), чтобы навредить этому злому старикашке. Поэтому между детьми и дядей Леной всегда происходили так называемые «междоусобные войны». Но в них, к сожалению, победу одержал дядя Леня, и площадку убрали, это оставило темный след в неокрепших детских умах.

Сейчас мисс Джеймс не ощущала ненависти к старику, наоборот — она почувствовала, как комок жалости подступил к её горлу. Она быстро подбежала к нему и принялась обнимать. Слова застряли где-то чуть выше груди, поэтому детективщица ничего не говорила, а лишь обливалась слезами. Дядя Леня тоже сначала молчал, оглядывая «ненормальную». Своими пьяненькими глазками он смотрел на неё и никак не мог понять, что же все-таки происходит. Мисс Джеймс, осознав всю нелепость ситуации, смогла, наконец, выдать из себя хоть какую-то фразу:

— Дядя Леня, вы не представляете, как я рада вас видеть, — поняв, что её слова не произвели на слушателя никакого эффекта, она продолжила, — это же я — Катя... Катя Джейралова.

Старик продолжал свою «игру в молчанку». Мисс Джеймс перестало это забавлять, и она «отцепилась» от него:

— Да, прошло много времени, изменились вы, изменилась я, но я не верю, что вы меня не узнаете.

— Катенька... ты очень изменилась, это правда, но не так, как я. Ты очень ... похорошела, — еле выдавил из себя старик.

— Дядя Леня, ну как вы? Как жили, чем занимались?

— А ты не видишь? — тяжело вздохнул старичок.

Мисс Джеймс промолчала.

— Я превратился в ничтожество... полное ничтожество. Чем занимаюсь? Да ничем. Продаю вещи из дома, а на «заработанные» деньги пью. Вот и вся моя жизнь... А ты выглядишь хорошо... очень хорошо. Я всегда знал, что ты особенная. Ты отличаешься от всех остальных людей, да и раньше всегда отличалась от всего того сброда грязных ребятишек.

Своими комплиментами дядя Леня явно намекал на что-то, но мисс Джеймс не сразу поняла, на что именно.

— Но как вы начали пить? Когда я ещё здесь жила, вы и капли в рот не брали.

— Все когда-то начинают в первый раз. Вышел на пенсию... заниматься нечем: ни семьи, ни друзей, вот и стал пить, чтобы как-то скоротать последние деньки. Но эти «последние» деньки явно затянулись...

Его голос был очень тихим. Он как будто не говорил, а с большим усилием воли вытягивал из себя слова. Медленно произнося каждую букву, дядя Леня тяжело дышал, делая большие паузы. Поняв, что намеками здесь ничего не добиться, он перешел прямо к делу:

— А ты теперь богата ... помоги старику.

Мисс Джеймс кивнула и потянулась за кошельком... Подняв глаза, она увидела грязную ладонь, поднесенную прямо к ней. Кетлин положила в неё зеленую бумажку, и ладонь быстро захлопнулась.

— Ну ладно, мне некогда, иди куда шла, — и это была вся благодарность дяди Лени, который, к слову сказать, совсем не изменил своим принципам.

Мисс Джеймс покорно взяла сумки и пошла дальше. Подойдя к дому подружки, она обернулась — дяди Лени на месте не было, он уже заковылял к ближайшему ларьку — утолять свою «жажду».

Мисс Джеймс постучала по забору — к ней вместо подружки с громким лаем подбежала миниатюрная лохматая дворняжка. Кетлин всегда удивлялась, когда люди заводят себе такого маленького питомца с целью охраны. Любой человек может запросто оттолкнуть такого «охранника» ногой и без труда зайти в дом.

— Кетлин! — послышался знакомый голос.

— Лена! — в ответ отозвалась мисс Джеймс.

Лена совсем не изменилась, ну может, немного подросла и чуточку набрала в весе.

Зайдя в дом, подружки долго плакали, обмениваясь любезностями, типа «Ты так хорошо выглядишь!» или «Я бы никогда не поверила, узнав, что тебе уже за пятьдесят. Тебе-то и тридцать с трудом можно дать!». А потом принялись вспоминать прошлые проделки:

— Помнишь, как твои родители купили шкаф с большим-пребольшим зеркалом внутри. А мы маленькие смотрелись в него, корча рожицы, а потом ревели и жаловались маме, что какие-то девочки за нами повторяют.

— А помнишь, как мы думали, что в нашем озере живет чудовище, и не купались целое лето, страшно завидуя храбрости других ребят.

— А помнишь, помнишь...— и так до бесконечности. Когда одна замолкала, в памяти другой тут же всплывали истории давних лет. Ну что можно сказать: «Подружки есть подружки!».

Первой в реальность вернулась мисс Джеймс:

— Я сейчас увидела дядю Леню, даже не сразу узнала его. Он так опустился.

— Да, это так. Ты заметила изменения его внешности и поведения, но ты не заметила, что некоторые черты его характера ничуть не изменились? Он все ещё ругается с соседями, устраивая им всевозможные козни. Например, вчера натравил соседскую овчарку на мою Жучку. Если бы я вовремя не поспела, от собачки бы и мокрого места не осталось. А позавчера — сорвал цветы тети Вали и продал на рынке. Тетя Валя стала с ним ругаться, а он принялся убеждать её, что если цветы растут на улице, а не во дворе, то они общие. И так постоянно. Поэтому здесь никто не жалеет его, все продолжают его ненавидеть.

— А как мой отец? — мисс Джеймс, наконец, смогла произнести вопрос, который давно мучил её.

— Вы не встретились? — удивилась подружка.

— В каком смысле — «не встретились»?

— Ну ведь он давно не живет в нашем городе. Через год после твоего отъезда, он собрал вещи и уехал в Америку — на твои поиски. Больше мы ничего о нем не слышали. Так вы не встретились? — по выражению лица мисс Джеймс Лена поняла ответ, — значит — нет, но не расстраивайся, Америка ведь большая. Тем более он мог поехать не в Северную, а в Южную Америку, ведь он плохо в этом разбирается, как, впрочем, и я. Ты погости у нас, а по приезде домой объяви в розыск. Я не сомневаюсь, что вы найдете друг друга.

— Будем надеяться, — волнение мисс Джеймс быстро растворилось, но она немного взгрустнула. Лена, заметив это, решила немедленно перейти на более позитивную тему:

— Ну, почему ты не рассказываешь про свою жизнь? Хотя не стоит, я и так все знаю. Ведь ты очень популярна. Вся наша улица, да, что там улица, весь город гордится тобой. Ты молодец! Известная детективщица, это так замечательно! Моя дочь просто обожает тебя.

— У тебя есть дочь, а где она? — сказать по правде, услышанное заставило мисс Джеймс немного позавидовать подружке. «У неё есть дочь...». Кетлин все бы отдала, лишь бы иметь семью.

— Она на озере. Должна скоро прийти.

— Я очень рада за тебя, — мисс Джеймс всеми силами пыталась скрыть подступавшие слезы.

— Да с дочерью мне повезло, хотя её отец — настоящее ничтожество, подлец. Я развелась с ним год назад. Представляешь, после стольких лет семейной жизни стала замечать что-то неладное. Лучше бы пил, а то, представляешь, изменял. Стал приходить домой пахнущий женскими духами. Это я ещё терпела, думала, ну мало ли с кем приходится общаться на работе. Но мое терпение лопнуло, когда я нашла в кармане его куртки записку совсем не дружеского содержания: «Костик, любимый. На днях я разведусь, но почему же ты медлишь. Неужели ты не хочешь жить со мной? Побыстрее бросай жену и переезжай». И подпись — «Твоя Ларисочка». Этот негодяй даже не удосужился замести следы и уничтожить любовное послание. Ну, я и помогла ему не медлить, взяла и выгнала из дома. Он, конечно, кричал, что не понимает, откуда взялась эта записка, её подбросили, короче, нес ахинею, которую в подобных случаях несут «обиженные» мужа.

Всхлипнув, подружки обнялись и залились горькими слезами.

Их идиллию прервали шаги, доносившиеся из коридора. Вскоре в дверях показалась девочка, лет пятнадцати, с темными волосами, собранными в хвост. Одета девочка была по-летнему, но поче-

му-то очень «по-мальчишески» — в коротких джинсовых шортах и зеленой майке. Самым ярким пятном в её имидже был какой-то сумасшедший макияж, если так можно назвать её размалеванную мордашку. Мисс Джеймс сразу догадалась, что это и есть дочь...

— Кристина, ты пришла. Хорошо, потому что я хочу познакомить тебя с...

— Мисс Джеймс, — выдохнула девочка.

— Да, она погостит у нас.

— Здравствуй, Кристина, — улыбнулась мисс Джеймс и вытерла слезы, — я очень рада с тобой познакомиться. Ты очень похожа на маму, когда она была в твоём возрасте.

Девочка стояла на месте, не шевелясь, даже ресницы не двигались — она пристально смотрела на мисс Джеймс.

— Кристь, что с тобой? — сказала Лена и подошла к дочке.

— Очуметь!!! — завизжала девочка. — В моем доме будет жить сама мисс Джеймс, ребята обзавидуются, можно, я возьму у вас автограф и сфотографируюсь, — не дождавшись ответа, Кристина выбежала из комнаты.

— Я же говорила, она обожает тебя, — шепнула Лена.

Не прошло и минуты, как Кристина вернулась. В руках она держала тетрадку и фотоаппарат.

— Можете расписаться несколько раз? Сначала в тетради, а потом на фотках, — девочка дала мисс Джеймс ручку и открыла тетрадь.

Детективщица покорно расписывалась, а Кристина со словами «не отвлекайтесь» стала фотографировать её со всех сторон. Когда мисс Джеймс закончила, Кристина просмотрела тетрадь и поднесла мисс Джеймс альбом с фотографиями — вырезками из журнала.

Наконец, мисс Джеймс, вдоволь нафотографировавшись и расписавшись, сидела на кухне с чашкой горячего чая вместе с Леной и Кристиной. Кристина больше не кричала и не заставляла мисс Джеймс позировать, вместо этого она засыпала Кетлин кучей разных вопросов.

— Какую музыку вы слушаете?

— Знаешь, я не увлекаюсь современной музыкой — предпочитаю классику, хотя и слушаю её очень редко. Моя страсть — это детективы, — мисс Джеймс опять «случайно» натолкнулась на свою любимую тему разговора, на так называемый «пунктик», — я обожаю разные детективы, самых разных авторов, но моя любимая писательница — Агата Кристи, она — королева детективного жанра, ещё мне нравится Конан Дойл, а в последнее время я заинтересовалась Борисом Акуниным. Это очень помогает мне в работе. Если хочешь почитать детективы, обращай ко мне, я привезла целый чемодан — там самые разные, всякие, всякие. И известные авторы и неизвестные, но от этого их творения не становятся хуже.

Лена и Кристина смотрели на детективщицу со взглядом полного равнодушия (опять мисс Джеймс промахнулась и не нашла родственную душу), они лишь только ожидали момента, когда она замолчит. Но этого не происходило, мисс Джеймс называла свои любимые книги, их авторов и даже год издания. Кристина и Лена стали переглядываться, но не знали, что делать. Просидев так около часа и выслушав все, что мисс Джеймс знала о детективном жанре (а она, поверьте мне, знала немало), наконец, отправились спать.

Глава 2

Этой ночью Кетлин долго не могла заснуть. Её мучили страхи, что она никогда не встретится с отцом. Он уехал в Америку, но так и не нашел её. Сейчас ему где-то за семьдесят, а вдруг его уже нет на земле. Вдруг он, как и её мама, покинули Кетлин... навсегда... Если это действительно так, то это означает только одно — у неё больше нет родных, она осталась одна в этом ужасном мире, полном

ещё стольких нераскрытых преступлений. Но эти мысли не заставили и никогда не заставят мисс Джеймс опустить руки, пока есть тайны, которые нужно раскрыть, — Кетлин будет жить.

— Мам, давай договоримся, что больше не будем спрашивать у мисс Джеймс о детективах, — когда сон потихоньку стал покидать детективщицу, а лучик солнца попадал прямо в глаза, Кетлин стала различать знакомые голоса, — вчера я думала, что она никогда не замолчит.

— Кристь, ты должна понимать, что Кетлин живет одна, ей даже не с кем поговорить, а приехав сюда, она может высказать все, что так давно накопилось.

— Но ведь она может говорить и о чем-то другом, ведь так? — девочка, похоже, твердо стояла на своем.

— Ну ладно, договорились, только, пожалуйста, «не затыкай» ей рот, если она вдруг опять начнет говорить об этом.

Мисс Джеймс медленно поднялась с кровати и теперь отчетливо слышала разговор мамы и дочки. «Неужели они думают, что стены здесь звуконепроницаемые и она ничего не слышит?» Это очень некрасиво обсуждать человека «на весь дом». Хотя Кристина права, сейчас мисс Джеймс было очень стыдно за свое вчерашнее поведение. Сколько раз она ловила себя на мысли, что детективы интересны не всем, поэтому не надо каждому рассказывать про них, но обычно в такие моменты она просто не могла заставить себя замолчать.

Кристина и Лена продолжали обсуждать эту тему, совершенно не замечая, что героиня их разговора давно стоит за дверью, тем более за открытой дверью. Недолго думая, мисс Джеймс закашляла, и на нее, наконец, обратили внимание.

— Кетлин, доброе утро! — как ни в чем ни бывало заговорила Лена.

— Надеюсь, мы не разбудили вас, — Кристина последовала примеру матери.

— Доброе утро, — ответила мисс Джеймс Лене, — конечно, нет, — обратилась она к Кристине.

— Хорошо, что ты встала, завтрак давно на столе, мы только тебя ждали.

Разговор за завтраком больше не переходил к детективам, что очень радовало Кристину, и она болтала без умолку.

— Я прямо не знаю, что у вас ещё спросить, — после различных «провокационных» вопросов расстроилась Кристина.

— Давай лучше я теперь поспрашиваю у вас что-нибудь, — предложила мисс Джеймс и, заметив ленивый кивок, начала, — вчера я не успела спросить, но сейчас думаю подходящий момент — Чем вы занимаетесь?

— Мама шьет на заказ, а я ничем, — быстро ответила Кристина и пристально посмотрела на Кетлин в ожидании нового вопроса.

— Ты, наверное, не поняла меня, Кристина. Какое твое увлечение — хобби?

— Ах, вы об этом, но я все равно правильно ответила, у меня нет увлечения. Кроме школы, я ничем не занимаюсь.

— Но ведь сейчас лето, в школу ходить не надо. Что ты делаешь?

— Да ничего, с друзьями гуляю, давайте уже следующий вопрос, — Кристину, похоже, стало изрядно раздражать упорство детективщицы.

— Извини, но это плохо, что тебя ничто не привлекает, тебе сколько лет?

— Шестнадцать.

— И ты ничем не увлекаешься? Я не буду сейчас говорить, как это любят делать женщины в моем возрасте — «...а вот я в твои годы...». Кристин, но ты должна чем-то увлекаться, чтобы в дальнейшем выбрать себе профессию. В твоем возрасте надо задумываться о будущем, — мисс Джеймс, сама того не замечая, стала пересказывать книгу известного американского психолога.

— Я живу сегодняшним днем, в мое время тинейджеры не любят смотреть в будущее.

— Знаешь, Кристь, а ведь Кетлин права. Тебе стоит чем-нибудь заняться, — наконец в разговор вклинилась Лена, до этого упорно молчавшая, — может, считаешь что-нибудь.

«Ох, зря она это сказала», — именно эта фраза промелькнула на лбу Кристины, и девочка оказалась права, так как на лице мисс Джеймс, в свою очередь, тут же отразилась такая радостная улыбка, как будто она только этого и ждала.

— Насчет чтения — неплохая идея. Я ведь уже говорила, что привезла много книг, после завтрака я отберу парочку для тебя.

После завтрака мисс Джеймс, как и обещала, достала один из своих чемоданов, который оказался самым большим, и принялась рыться в куче разных книг. Найдя томик Агаты Кристи, детектившица протянула его девочке.

— «Большая четверка», — прочитала Кристина, похоже, название не очень-то её впечатлило, потому что она продолжила, — мисс Джеймс, давайте договоримся, что если я прочту эту книгу и она мне не понравится, мы найдем другое хобби.

— Конечно, но мне почему-то кажется, что, когда ты прочтешь эту книгу, поиски твоего хобби закончатся, доверься моему опыту.

Кристина осталась дома — «искать» хобби, а Лена и Кетлин пошли на рынок — покупать продукты к обеду.

— Ты на Кристину не обращай внимания, она очень эмоциональная и прямая, всегда говорит то, что думает, не знаю, в кого она такая, но ничего не поделаешь, такая уж выросла, — стала оправдываться Лена, смекнув, что мисс Джеймс слышала их утреннюю беседу.

— Знаешь, я и сама такая — слишком уж эмоциональная. Наверное, поэтому мне так интересно общаться с Кристиной, мы сразу нашли общий язык. Она у тебя замечательная.

Проходя по улице, мисс Джеймс встречала много знакомых и незнакомых людей. Кто-то узнавал её, а кого-то узнавала она.

Первым человеком, которого они встретили, оказался дядя Леня. Он как будто и не уходил и даже не двигался, потому что все ещё сидел в своей вчерашней позе. Образ жалкого пьяного старичка не покидал его и сегодня. Он махнул подружкам рукой и захрапел в следующую же секунду.

— Леня никогда не теряет своих привычек, — послышался голос сзади, — вот и сейчас после нескольких бутылочек спиртного, «ушел» в сон. А вы, наверное, мисс Джеймс? Лена, познакомь нас, — эта фраза принадлежала невысокой полной женщине, а именно, тете Вале, которая недавно уже упоминалась.

— Да, конечно, — и Лена принялась представлять их, хотя этого, по сути, и не требовалось, потому что обе женщины имели очень хорошее представление друг о друге.

Тетя Валя — это именно тот человек, который разрушил всю жизнь Кетлин. Именно эта тетя Валя когда-то явилась причиной расставания её родителей. Мисс Джеймс сразу узнала её, так как часто в детстве смотрела на фотографию, лежавшую в столе отца, на фотографию его так называемой коллеги. Когда отец заставлял Кетлин за этим занятием, то тут же всегда произносил слегка извиняющимся голосом одну и ту же фразу «мы просто вместе работаем», при этом он, действительно, думал, что дочь верит в их «дружбу».

— Я слышана о вас, — с неподдельной иронией проговорила тетя Валя.

— Я тоже, — подхватила её иронию мисс Джеймс.

— Я не в том смысле, — поняв намек Кетлин, сказала женщина, — вчера Леня всему району доложил о вашем приезде, да что там району, всему городу. Вы ведь купили ему водки?

— Я не покупала ему водки, он просто попросил денег...

— И вы, конечно, не заставили себя долго упрашивать, хотя и знали, к чему это приведет, — стала грубить Валентина.

— Хватит, тетя Валя, мы сейчас не можем разговаривать, потому что очень спешим, давайте в другой раз вы обсудите, что хорошо, а что плохо для дядь Лени, — Лена решила «разрулить» неприятную ситуацию.

— Спасибо, Лен. Я бы не выдержала и накричала на неё. Как у неё только совести хватает предъявлять мне какие-то претензии, когда она увела из семьи моего отца? — в голосе мисс Джеймс явно слышались нотки ненависти и презрения, как у маленькой обиженной девочки.

— Катя, я твоя подруга, не надо благодарить. Ты бы на моем месте поступила точно так же.

— Но что она делает в городе? Она не уехала с моим папой?

— Господи! Ты же ничего не знаешь. Почти после самого вашего отъезда она переехала к нему. Но долго они не прожили — начались постоянные ссоры. А через полгода твой отец уехал в Америку, а она так и осталась здесь жить. Но, Кетлин, она неплохая, хотя и очень любопытная, но ведь у каждого человека есть свои недостатки.

На рынке они встретили ещё пару знакомых, все, как один, безумно радовались приезду мисс Джеймс, брали автографы и приглашали в гости. Подружки накупили кучу самых разных продуктов, поэтому сумки оказались на редкость тяжелыми и просто неподъемными. И тут им на помощь пришел молодой парень, снимающий квартиру по соседству с Леной.

Он приехал сюда из окраины Франции, чтобы познакомиться с культурой и традициями России, а заодно попрактиковаться в русском языке. Очень скоро деньги стали заканчиваться, их не хватало даже на оплату жилья в Москве, поэтому парню пришлось переехать в подмосковный городок N. Паренек оказался на редкость общительным и гостеприимным, потому не прошло и двух минут, как он пригласил мисс Джеймс, Лену и Кристину, а заодно и всех соседей к себе на ужин.

— Францис, вы отлично знаете русский язык, вы учили его в школе? — по примеру этого парня, который ко всем обращался очень вежливо и исключительно на «вы», спросила мисс Джеймс.

— Нет, в школе мы учили английский. Я дополнительно учил русский на специальный курсах. И, кстати, так и не выучил и иногда делаю ошибки.

— Но это не так страшно, ведь у вас впереди ещё вся жизнь для практики, — успокоила его Кетлин, — вот я, например, до сих пор делаю некоторые грамматические ошибки, когда говорю по-английски.

— Знаете, я думаю, что главное в общении — это чтобы тебя понимали другие люди, а именно твои собеседники, — Лена очень деликатно закончила разговор. — Спасибо, Францис, что помогли нам, — сказала она, когда они подошли к дому, — если вам понадобится какая-то помощь, то непременно обращайтесь к нам.

— Пожалуйста, мне это не составило никакого труда, я думаю, что соседи должны помогать друг другу. Непременно приходите сегодня ко мне, особенно вы, мисс Джеймс, я познакомлю вас со всеми соседями.

Зайдя в дом, женщины чуть в обморок не упали, потому что во всех комнатах толпились какие-то дети. Увидев мисс Джеймс, они с диким криком подбежали к ней. Прося автографы, они не переставали кричать. Мисс Джеймс и Лена не знали что делать. Но тут на помощь пришла Кристина:

— Молчать!!! — завизжала она, в доме воцарилась тишина. — Все проходите в ту комнату, указала девочка, — усаживайтесь там, а мисс Джеймс скоро придет к вам, — немедленно приказала она.

Когда дети направились в гостиную, Лена набросилась на дочку:

— Что ты здесь устроила? Откуда взялись все эти дети?

— Мам, успокойся, это фанаты мисс Джеймс из всего города, а некоторые и из соседних городов. Они нормальные ребята. Я тоже сначала разозлилась, увидев их, но потом вспомнила своё вчерашнее поведение.

— Но что им нужно? — спросила мисс Джеймс.

— Как это что? — удивилась Кристина. — Пообщаться, сфотографироваться, кстати, им вы можете рассказать о своем пристрастии к детективам. Обещаю, для них это будет, действительно, интересном.

Фанаты забрасывали мисс Джеймс разными, порой даже странными вопросами. Приведу несколько из них:

— Мисс Джеймс, расскажите, пожалуйста, о том, как вы стали детективом.

— Никакой особо интересной истории у меня нет. Все произошло как-то внезапно, но я думаю, что я готовилась к этому долгое время. Сейчас объясню, — сказала Кетлин при виде удивленного взгляда ребят, — долгое время я работала учительницей истории в школе «Бейкер Ролл-с». Знаете, я очень любила свою профессию, обожала своих коллег и учеников. Работа для меня была не работой как таковой, для меня это было хобби. У меня не было и нет семьи, поэтому даже свое свободное время я тратила на репетиторство. Но радостное время быстро закончилось, и я вышла на пенсию. Сначала для меня это было шоком. Я сидела дома и плакала, плакала, просматривая альбомы со школьными фотографиями. Я не могла поверить, что мое «школьное» время закончилось. Хотя я и продолжала заниматься репетиторством, но это было уже не то, и мне это быстро наскучило, поэтому пришлось бросить его. Тогда я думала, что мне незачем жить, что у меня нет цели.

Я вышла из депрессии только благодаря чтению книг и не любых, а детективов. С каждым героем я проживала новые и новые жизни, попадала в новые и новые истории. И скоро моя депрессия закончилась, она просто исчезла бесследно. Я вдохнула побольше воздуха и снова ощутила вкус жизни. Я читала всегда и везде, и это доставляло мне огромное удовольствие. В то время я даже хотела написать небольшой детектив, но с этим как-то не заладилось.

А однажды в моем городе совершили убийство, это было очень странно, и страшно напугало всех жителей, так как мой город — самое спокойное место во всей Америке. Полиция не знала что предпринять. Не было никаких свидетелей и улик, не за что зацепиться. Мой хороший друг, комиссар Рекот, тогда занимался расследованием этого дела, поэтому я была в курсе всего происходившего. Он с удовольствием рассказывал мне об этом, потому что дело было очень интересным. Я провела свое расследование и нашла убийцу. С тех пор меня стали уведомлять обо всех преступлениях нашего штата, и я помогала полиции и помогаю до сих пор. Я думаю, что это мое призвание.

— Мисс Джеймс, расскажите о своем детстве, а именно о переезде в США.

— Я была очень домашним ребенком — тихим, спокойным, но, как и все дети, иногда затевала какие-то проделки. Поэтому, когда мы с мамой уехали из России, я была очень расстроена и подавлена. Мама даже обращалась за советом к психологу, так как я сильно страдала от одиночества. Я ни с кем не общалась, потому что меня очень пугала Америка и все её жители. Моим главным комплексом было то, что я совершенно не знала английский язык. Дело в том, что дома мои родители предпочитали разговаривать на родном языке отца — русском, поэтому английский я совершенно не знала. Какое-то время у меня не было друзей. Мои одноклассники издевались надо мной. Я очень часто меняла школы, потому что иногда их жестокие шутки переходили все границы. Они считали ниже своего достоинства общаться со мной. Они смеялись над моим именем и фамилией, поэтому мне пришлось поменять их на более звучные американские — Катю Джейралову на Кетлин Джеймс — Джеймс — девичья фамилия моей матери.

Но через какое-то время все поменялось, все встало на свои места. Я усовершенствовала свой английский и нашла друзей.

Во время фотосессии и беседы с фанатами мисс Джеймс заметила, что Кристина что-то записывает, и когда она спросила девочку об этом, то Кристина сначала отнекивалась, а потом призналась, что собирается написать книгу про мисс Джеймс.

Глава 3

Собираясь на ужин к Францису, мисс Джеймс спросила у Кристины о детективе Агаты Кристи. Девочка, как, в общем-то, и ожидала мисс Джеймс, была в полном восторге.

— Сначала я стала читать исключительно ради вас. Я хотела во что бы то ни стало доказать, что это не мое хобби. Но, читая страницу за страницей, я не могла остановиться. Знаете, вы были правы, когда сказали, что, читая детектив, проживаешь все новые и новые жизни, это, действительно, уникальный шанс быть на месте другого человека.

— Ничего себе, как ты заговорила! — сказала Лена, красящая себе глаза. Мисс Джеймс заметила пристрастие и матери и дочери к вызывающему макияжу, просто кричащему. В отличие от них мисс Джеймс не красилась, предпочитая естественность и внутреннюю красоту.

— Ну, а что тебе понравилось больше всего? — мисс Джеймс несказанно обрадовалась мнению Кристины. Может быть, эта девочка и есть её родственная душа, которая впоследствии сможет продолжить её дело, занимаясь расследованиями?

— Да все, все эти тайны большой четверки такие потрясающе захватывающие, — начала Кристина использовать различные эпитеты, — всегда ждешь чего-то. Эркуль Пуаро, действительно, высокоинтеллектуальный человек. Я, конечно, понимаю, что он только вымышленный персонаж, а вдруг нет? Вдруг Агата Кристи не выдумала его, а списала с реального прототипа?

— То есть из твоей речи я понимаю, что Эркуль Пуаро понравился тебе больше, чем Агата Кристи, — засмеялась Кетлин.

— Да нет, Агата Кристи, безусловно, стала моим кумиром, ведь это она придумала такого великого сыщика. Знаете, а ведь именно это произведение привело меня на мысль написать книгу про вас, мисс Джеймс. Конечно, я не могу писать от лица вашего помощника, как, например капитан Гастингс у Пуаро, но это и не так важно. Я напишу вашу биографию и опишу все ваши дела, как вы раскрывали преступления и тому подобное.

Францис не лукавил, когда говорил, что на ужине познакомит мисс Джеймс со всеми соседями. Здесь, действительно, были все...

Эдуард Федорович Заботин — мужчина средних лет, недавно приехавший в городок N, поэтому мисс Джеймс не знала его. Но Францис рассказал, чем занимается этот человек: он бизнесмен, уставший от быстрой и пыльной Москвы. Он регулярно ездит в столицу на совещания и референдумы, а также для решения разных деловых проблем.

Аделаида Алексеевна Грозина и её восемнадцатилетний внук Петр — их Кетлин также не знала. Они переехали сюда уже довольно давно, поэтому вели себя в доме Франциса раскованно и непринужденно. Аделаида Алексеевна была пожилой женщиной, на первый взгляд ей можно было дать лет шестьдесят, но это только на первый взгляд. На самом деле эта особа была далеко не первой свежести, как хотела бы казаться. Ей было уже за семьдесят, а внук Петр был для неё всем. «Моя гордость» — именно так она окрестила этого высокого худощавого парня. Гордиться особо было нечем, потому что Петр был самым обычным, но Аделаида Алексеевна так не думала.

Она взяла его на воспитание в семилетнем возрасте, когда родители мальчика попали в автомобильную катастрофу. Сначала Петя замкнулся в себе, комплексовал по любому поводу, плакал по ночам (это было до боли знакомо мисс Джеймс). Но бабушка быстро привела внука в состояние «своей гордости». Со временем все наладилось и пришло в норму. Вскоре у Пети появились друзья и любимое занятие — мальчик стал учиться в авиамodelьном кружке. С тех самых пор мальчик души не чаял в любимой бабушке.

Семья Разумовых — Наталья Степановна, Аркадий Васильевич и их дочь, шестилетняя Маша. Довольно обычная среднестатистическая российская семья. Единственной характерной чертой Разумо-

вых, отличавшей их от всех остальных обычных среднестатистических семей, являлось то, что они все делали вместе — сообща. Это кажется невозможным, но им это удавалось. Например, если отец семейства вдруг решал поехать на рыбалку, то мать и дочь безоговорочно собирались на озеро. Если мама увлекалась какой-нибудь бразильской мыльной оперой, то вся семья, как по взмаху волшебной палочки, каждый вечер в одно и то же время «увлекалась» этим сериалом. И так постоянно. Но главным хобби этой «странной» семейки вот уже несколько лет была Кетлин Джеймс. Покажется невероятным, но они даже в город N приехали только из-за неё, «чтобы быть поближе к своему кумиру» (на переезд в Америку они даже не рассчитывали, так как не имели достаточно средств на это).

Марианна Бяльковская — «звезда с хорошим чувством юмора» — именно так называла она себя. Марианна была актрисой, и этим все сказано. Она была ветреной блондинкой двадцати шести лет. Приехав в Москву из Ставрополя, девушка намеревалась найти здесь все: успех, славу, деньги и обеспеченного мужа. Успех пришел, но ненадолго. Проработав какое-то время в театре, она подалась в «широкое плавание», а именно в большое кино. Здесь почти сразу не заладилось, но у Марианны твердый и упорный характер, поэтому она не оставляла надежду и трудилась не покладая рук. Сначала снималась в массовке, а потом ей даже дали главную роль в сериале, но съемка быстро закончилась — как ей потом объяснили, из-за отсутствия интереса у зрителей. Назад в театр её не брали, так как время было упущено безвозвратно, на её место взяли другую подающую надежды «звездочку» из провинции. Денег всегда не хватало, да и обеспеченного мужа в столице оказалось не так-то легко найти, поэтому девушка, недолго думая, переехала в городок N.

Федор Федорович Павловский — бывший ученый, сдающий комнату Францису. Мисс Джеймс знала этого человека очень давно, поэтому несказанно обрадовалась, увидев его.

Федор Федорович, или попросту дядя Федя, был хорошим другом её отца, он был добрым, общительным, веселым. И несмотря на свой преклонный возраст, всегда любил шумные компании.

Также в числе гостей была замечена тетя Валя, уже хорошо известная читателю.

Гости общались на самые разные темы, при этом никто не чувствовал дискомфорта. Хотя компания была разновозрастная, им довольно быстро удалось найти общий язык. Даже тетя Валя вела себя дружелюбно и больше не ругалась с Кетлин.

Когда я писала, что были все, я имела в виду всех, кроме дяди Лени, которого на ужин не пригласили. Но он не позволил присутствующим забыть о себе. Когда гости усаживались за стол, он вдруг появился...

Дядя Леня всегда любил пустить пыль в глаза и появиться неожиданно и необычно. Он был довольно своирливым стариком, грубым и злопамятным, поэтому при его появлении никто не сомневался, что стоит ждать настоящего «шоу».

— Я так и знал, что вы что-то замышляете. Этот французишка никогда мне не нравился, — закричал он прямо с порога.

— Прошу без оскорблений, Леонид Павлович, — возмутился Францис.

— Ты хоть помолчи, — огрызнулся дядя Леня, — тебя здесь никто не спрашивает. Молодцы, хорошо устроились, — обратился он сразу ко всем, — больше никому не интересен дядя Леня. Конечно, старый чахлый старик, ни гроша за душой, кому я только нужен!

Все продолжали молчать. От дяди Лени за версту разило алкоголем, поэтому присутствующие решили не мешать ему высказывать свои эмоции.

— Неужели вы думаете, что вы идеальны? Как бы не так. Вы — эгоисты, лицемеры и обманщики, — дядя Леня продолжал свои оскорбления, увеличивая эффект употреблением нецензурной лексики, при этом он ещё дополнительно подчеркивал её интонацией.

После таких заявлений гости не выдержали. Тетя Валя даже вступила с ним в перепалку. Эдуард Федорович, в свою очередь как истинный джентльмен не стал опускаться до его уровня, и молча вывел старика из дома.

После ужина Кристина сама высказала желание почитать какой-нибудь детектив:

— Агата Кристи писала только про Эркюля Пуаро? — поинтересовалась она у мисс Джеймс.

— Конечно, нет. За свою долгую литературную жизнь Агата Кристи опубликовала, по меньшей мере, семьдесят пять произведений — детективные романы, романтическую прозу с разнообразными героями.

— Тогда дайте мне для сравнения какой-нибудь детектив Агаты Кристи не с Эркюлем Пуаро.

— Я хочу предложить тебе почитать мою самую любимую книгу «Смерть в «странном» доме».

По моему мнению, этот роман — одна из лучших работ Агаты Кристи. Он понравился практически всем читателям и почитателям её творчества.

Глава 4

На следующий день мисс Джеймс проснулась в самом хорошем расположении духа, и это несмотря на вчерашний инцидент с дядей Леной. Сегодня день обещал быть самым хорошим, светлым и добрым, заполненным лишь позитивными эмоциями. Дело в том, что Эдуард Федорович пригласил мисс Джеймс на ужин в ресторан (если вообще можно было так назвать это заведение, но ничего лучшего в городе не было).

«Это свидание?» — вертелось в голове у мисс Джеймс. Кетлин уже очень давно не была на свидании, поэтому она даже не знала, как себя следует вести. Эдуард Федорович объяснил свое приглашение желанием познакомиться поближе и пообщаться с глазу на глаз.

После обеда Кристина зашла в комнату Кетлин, чтобы попросить новый детектив (да, эта девочка, действительно, «запала» на них, щелкая, как семечки). Но, заметив, что Кетлин куда-то собирается, решила почитать книгу позднее, а сейчас заняться выяснением обстоятельств.

— Я вижу, мисс Джеймс, вы куда-то идете? — начала Кристина, сделав вид, что ей это совсем не интересно, и спросила она только лишь из вежливости.

— Да... — Кетлин ну очень не хотелось рассказывать Кристине о своей встрече, тем более не хотелось вдаваться в подробности. Если честно, мисс Джеймс очень стеснялась.

— И куда вы собираетесь? — с первого взгляда мисс Джеймс поняла, что Кристина очень упорная девочка и всегда добивается всего, чего хочет. Поэтому, естественно, что сейчас от неё будет не так-то просто уйти.

— Кристь, понимаешь, Эдуард Федорович пригласил меня поужинать с ним, чтобы поближе познакомиться. Мне кажется, он хочет предложить мне какое-то дело в Москве. Я думаю, что там совершили какое-то преступление, и милиция надеется на мою помощь, — соврала мисс Джеймс.

— А я думаю, что это свидание, — ничуть не смутившись, отозвалась Кристина, которая, похоже, поверила глупой лжи детективщицы.

«Не только мне на ум приходит это слово — «свидание», может, мы не ошибаемся», — подумала мисс Джеймс, но, посмотрев на Кристину, промолчала.

— Нет, это точно свидание, потому что Эдуард Федорович не имеет никакого отношения к преступлениям, а тем более к милиции. Он же бизнесмен, и его интересует бизнес. Но не волнуйтесь, я помогу вам собраться и суперски выглядеть на этом свидании, — подытожила свои размышления Кристина.

«Опять это слово», — мисс Джеймс очень хотела промолчать, но сейчас это выглядело бы глупым и неуважительным по отношению к Кристине.

— Ладно, наверное, это свидание. Но в чем ты хочешь помочь мне?

— Во всем: одежда, прическа, макияж. Для начала скажите, а лучше покажите — в чем вы пойдете.

— В этом, — Кетлин рукой показала на себя, то есть на платье, которое одела перед приходом Кристины.

— Да? — скривилась девочка. — Не обижайтесь, но это платье больше подходит для дома, ну на крайний случай в нем можно сходить в магазин, но категорически не на свидание. Давайте посмотрим, что у вас есть, — с этими словами Кристина подошла к чемодану мисс Джеймс и, не задумавшись ни на секунду, стала рыться в её вещах.

Кетлин ничего не сказала, в тот момент она вообще ничего не могла бы сказать. Она стояла без движения и смотрела на действия Кристины. Во-первых, Кетлин обидело её заявление по поводу платья. Да, платье было не ново — далеко не ново. Но оно так подходило детективнице, прикрывая почти все недостатки её пухленькой фигурки.

Не найдя ничего подходящего в гардеробе мисс Джеймс, Кристина пошла в комнату своей матери — порыться в её вещах.

Через каких-нибудь два часа мисс Джеймс было не узнать. В комнате стояла размалеванная женщина в ярко-красной юбке и белой прозрачной блузке. Кристина хотела убрать также седину с волос мисс Джеймс, перекрасив её в блондинку или жгучую брюнетку, но Кетлин вовремя отказалась, но чтобы не обижать девочку, объяснила это тем, что уже опаздывает.

Ровно в шесть вечера мисс Джеймс заходила в ресторан, находившийся неподалеку. Снаружи, как, впрочем, и изнутри его сложно было назвать рестораном. Обычная забегаловка фаст-фуда — именно так подобные заведения называются в Америке. А здесь это помещение носило гордое имя «Ресторан», да ещё не какой-нибудь обыкновенный, а с тремя звездочками.

Она не сразу заметила столик, за которым сидел Эдуард Федорович, поэтому мужчине пришлось самому встать и подойти к ней. При этом он поцеловал её руку и подарил букет прекрасных алых роз — любимых цветов великой детективницы. Мисс Джеймс засмушалась, но с удовольствием приняла букет. Эдуард Федорович оставался галантен и дальше, сначала он помог ей сесть, а потом налил бокал шампанского. Затем официант предложил меню. Мисс Джеймс долго не могла выбрать блюдо. Хотя это место и не было типичным рестораном, но блюда здесь стоили втридорога. Ещё она не знала, кто будет за все платить. В Америке, как правило, мужчина и женщина платят поровну, а как дело обстоит в России? Это был главный вопрос, который мучил её во время ужина. Она забыла спросить это у Кристины и Лены, поэтому сейчас ужасно волновалась. Как ей нужно поступить, когда официант принесет счет?

Разговор, как и предполагала Кристина, не имел никакого отношения к детективам, милиции или убийству. Но, как это ни покажется странным, эти три слова были самыми любимыми и желанными для мисс Джеймс. А этот разговор все больше касался личных тем — об увлечениях и историях из жизни.

За этот вечер мисс Джеймс узнала об Эдуарде Федоровиче Заботине практически все: он родился и вырос в Москве. Живя без отца, мать и маленький Эдик обитали в небольшой однокомнатной квартире. Денег постоянно не хватало, но мама верила, что из еёмышленного мальчугана вырастет умный, порядочный, а главное обеспеченный молодой человек. Так, впрочем, и получилось. Когда Эдуард учился в школе, все заметили его ум, харизму, чувство юмора и нескончаемое обаяние. С первого класса мальчик понял, что должен приносить деньги в семью — что он и делал, подрабатывая везде: на стройке, на рынке и даже в школе. Но его тяга к знаниям никогда не угасала, и мальчик все свое свободное время проводил за книгами. Лучше всего ему удавалась математика. Она была его самым любимым предметом. Решая примеры и задачи, он совершенно не напрягался, прочувствовал их — проживал.

Уже с третьего класса он стал принимать участие в различных математических олимпиадах. Обыграть своих соперников в школе оказалось довольно простым, но победить в городе ему не удалось. И это стало действительно глубоким разочарованием как для матери, так и для её сына.

Именно тогда, увидев ее разочарование, Эдуард решил, что это был его первый и последний проигрыш. Победа — вот главное в любой игре. И мальчик стал побеждать. Он не спал ночами — решая всевозможные задачки и «зубря» математические формулы, но главная цель была достигнута — он побеждал.

Эдуард знал, что у его матери нет денег для его поступления в университет, поэтому мальчик усердно трудился и поступил бесплатно. Вскоре он стал лучшим на своем курсе, а затем лучшим во всем университете. К нему пришла слава, оказавшаяся настолько сладкой и приятной, что Эдуард больше не смог от неё отказаться. Он просто не мог быть хуже кого-то, он был лучше всех. Со временем он стал побеждать и в других странах. Парень стал популярен не только на своей Родине, но и во всем мире. В каждой стране ему предлагали работу, одна лучше другой, но Эдуард отказывался, потому что не мог бросить свою мать одну.

После окончания университета он создал свою фирму, стал заниматься любимым делом, и деньги потекли к нему рекой. У него не было промахов и неудач, его дело продвигалось в гору, чему он был несказанно рад. Он как будто чувствовал наживу, поэтому никогда не брался за какие-то провальные проекты.

Ещё в институте Эдуард познакомился с понятиями «жадность» и «зависть» — ведь у него почти не было друзей, но это нисколько не смущало парня, ведь он был любимчиком всех преподавателей и, не обращая ни на кого внимания, шел к своей цели семимильными шагами.

Став мультимиллионером, он, наконец, понял, что, работая день и ночь, он так и не смог насладиться жизнью по-настоящему. Сейчас, имея миллионы на своем счету, он осознал, что оказался совсем один. У него не было никого, ни одного близкого человека: его мать умерла, а он так и не завел семью.

Однажды он познакомился с женщиной и тут же влюбился. Но женщина оказалась аферисткой, и ей нужны были только деньги новоявленного ухажера. Она украла почти все в его доме и испарилась. Эдуард Федорович долго тосковал, ведь теперь не верил никому. Работа больше не радовала его, и он принял решение — «уйти» и переехать из Москвы.

После услышанной истории мисс Джеймс считала своим долгом поделиться с этим человеком чем-то сокровенным и таким же печальным, поэтому, недолго думая, рассказала историю своего детства во всех подробностях: со всеми слезами, горестями и страданиями юной девочки.

Когда они выходили из ресторана, было уже довольно темно, поэтому мисс Джеймс не могла отказать Эдуарду Федоровичу проводить её. Сейчас она была абсолютно спокойной и ничуть не нервничала, тем более что заплатил за ужин все-таки он. Подходя к дому Лены, они заметили дядю Леню, который, как оказалось, даже ночью не покидал своего излюбленного места. Вокруг него валялась куча бутылок, а он мирно посапывал на своей табуретке.

— Ну и как там было? — из комнаты высунулось заспанное лицо Кристины.

— Все хорошо, — ответила мисс Джеймс, а потом уже без смущения добавила, — и, Кристь, ты права — это было свидание.

Глава 5

На следующее утро мисс Джеймс проснулась от какого-то крика. Ничего не понимая, она поднялась с кровати, накинула халат и собралась выходить, но тут в комнату вбежала запыхавшаяся Лена. Белая и взволнованная, она сообщила:

— Кетлин, дядю Леню убили!

Дальше все происходило как во сне. Мисс Джеймс незамедлительно оделась и вышла на улицу, где собрались все, даже успела приехать милиция. Вокруг излюбленного места дяди Лени собралась толпа людей. Все кричали, совещались и мешали следствию. На земле лежал дядя Леня, он не шевелился, только изо рта шла пена.

Вскоре приехала скорая помощь, и тело дяди Лени увезли. Пожилой милиционер сообщил присутствующим, что убитого забрали на вскрытие, но сомнений нет, что его отравили, так как на теле нет никаких следов насилия.

— Здравствуйте, мисс Джеймс. Я следователь Михаил Петрович Ухабов. Я очень рад, что вы оказались свидетелем этого происшествия, но не поймите меня превратно — дело в том, что я наслышан о вашей работе и очень надеюсь на помощь. Случай, действительно, интересный. Ну, так что, вы будете принимать участие в расследовании?

— Да, конечно, — только сейчас мисс Джеймс смогла прийти в себя и осмыслить ситуацию.

Кетлин и следователь Ухабов сидели на кухне в доме Лены и обсуждали свои дальнейшие действия.

— Для начала я введу вас в курс дела. Леонида Павловича Нахлабыстина, или попросту дядю Леню, нашли убитым сегодня около шести часов утра, именно в это время нам позвонили в участок. Тело обнаружила Валентина Сергеевна Мурская — наши люди уже допрашивают её. Мы тоже сможем присоединиться к ним, когда я допрошу вас. Не беспокойтесь, вас я, естественно, не подозреваю, это всего лишь формальности.

— Да, я понимаю, но что именно вы хотите узнать?

— После вскрытия мы скажем точнее, но пока врач определил время смерти Нахлабыстина между тремя и пятью часами утра. Меня интересует, что вы делали в это время, да, знаю, что это глупый вопрос, — улынулся следователь, увидев удивленный взгляд мисс Джеймс, — но как я и сказал — это простые формальности.

— Я спала, — грустно ответила мисс Джеймс и замолчала. Хотя она занимается детективной деятельностью уже давно, все равно никак не может привыкнуть к смерти.

— Я и не сомневался, но у вас есть свидетели?

— Только Лена и Кристина, но они тоже спали, поэтому утверждать не могут.

— А когда вы видели Леонида Павловича в последний раз? — не унимался мужчина.

— Вчера вечером.

— В котором часу это было?

— Около одиннадцати, — мисс Джеймс было сложно свыкнуться с ролью «допрашиваемой», хотя и формально, — я была вместе с Эдуардом Филипповичем Заботиным, в это время дядя Леня спал на своем стульчике.

— Хорошо, наш допрос закончен.

Сидевший в конце комнаты молодой паренек, наконец, закончил записывать «допрос», и они втроем отправились собирать улики или, другими словами, допрашивать соседей. Перед этим следователь наконец-то представил мисс Джеймс этого парня:

— Это Артур — мой помощник.

Как и обещал следователь Ухабов, они присоединились к допрашиванию Валентины Сергеевны Мурской, или попросту тети Вали.

— Валентина Сергеевна, для начала расскажите о себе, — следователь произнес уже давно заученную фразу.

— Я Валентина Сергеевна Мурская, живу на этой улице в доме номер 4, — сказала тетя Валя и замолчала.

— Хорошо, это все, что вы можете рассказать о себе? — в допрос вникла и мисс Джеймс.

— Да, это все. Я просто не понимаю, что вы хотите услышать? Убили дядю Леню, при чем тут вообще я?

— Вы правы, ни при чем. Мы просто должны узнать, с кем имеем дело. Ведь это вы нашли тело, — пробасил следователь и просверлил тетю Валя взглядом.

— Да, я.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее, — мисс Джеймс было жутко неприятно любезничать с этой «ведьмой», но ничего не поделаешь.

— Я всегда просыпаюсь рано. Сегодня день не стал исключением. Я, как обычно, вышла на улицу, чтобы заняться цветами на моем газоне. Я всегда делаю это рано утром, так как только в это время никто

не мешает. Я начала вырывать сорняки, когда заметила дядь Леню. Он лежал на земле, но это не удивило меня. Он постоянно напивался и укладывался там. Я подошла к нему, только, чтобы убрать ноги.

— Ноги? — удивился следователь.

— Да, ноги. Он лежал таким образом, что его ноги были на дороге. А вдруг проедет какой-нибудь пьяный и не заметит его? Поэтому я и подошла. Я увидела пену во рту дядь Лени и дотронулась до него, чтобы разбудить. Но он не дышал, и я закричала. Затем собралась толпа, и приехали вы. Вот все, что я знаю. Я могу идти?

— Пока нет, — мисс Джеймс обрадовалась, ощутив власть над ней, — расскажите о дядь Лене и о вашем отношении к нему. Вы подозреваете, кто мог его отравить?

— Отравить его мог любой, даже я сама. Мы все ненавидели его. Он доставлял столько неприятностей, постоянно всем мешал и вредил. И знаете, не буду скрывать — я очень рада, что у кого-то хватило смелости убить его!

Следующим допрашивали Франциса. Услышав крик тети Вали, он проснулся и вышел на улицу, где и обнаружил дядю Леню.

— Францис, расскажи, каким, по твоему мнению, был дядя Леня, — задала свой излюбленный вопрос мисс Джеймс.

— Я живу здесь недавно и почти ничего не знаю, так, только незначительные факты.

— Францис, в подобных случаях не бывает незначительных фактов. Убийство в девяти случаях из десяти совершается при обстоятельствах, имевших самое прямое отношение к убитому, — проговорила мисс Джеймс давно заученную фразу из детектива Агаты Кристи «Зло под солнцем», при этом она опять ощутила эффект, который произвела ее реплика на присутствующих.

— Леонид Павлович плохо ко всем относился, очень плохо. Грубил, ругался мат. Я думаю, никто не любит его. Но я даже не знаю, кто бы мог решиться и убить бедного старика. Бедного, потому что он был совсем один. Знаете, я думаю, что он очень хотел иметь друзей, но его «имидж» не позволял этому сбыться.

Семья Разумовых — Наталья Степановна и Аркадий Васильевич не изменяли своим принципам и согласились на допрос только в случае, если будут допрошены все вместе, но в этом случае без Маши, так как девочка и так перенесла большое потрясение. Они, как и Францис, услышали крик тети Вали и вышли на улицу, поэтому об убийстве сказать чего-то нового не могут. С дядь Леной они не общались, потому что он был «ужасным стариком, вечно пьяным и грязным», а они ну никак не могли позволить себе хоть какой-нибудь контакт с ним. Да он и не хотел с ними общаться, и когда они проходили около его дома, то слышали только ругательства в свой адрес. И вообще они согласились на допрос только потому, что захотели посмотреть на мисс Джеймс в работе, и сказать им нечего.

Аделаида Алексеевна Грозина и её восемнадцатилетний внук Петр также не сообщили ничего нового — вышли на улицу, услышав крик тети Вали. Как и остальные соседи, они не общались с дядей Леной, относясь к нему как к умалишенному.

Марианна Бяльковская постоянно смеялась, поправляя волосы и строя глазки. Сразу чувствовалось влияние её псевдонима «звезда с хорошим чувством юмора». На вопрос о дяде Лене, она, ничуть не смутившись, спросила: «А кто это?» А потом громко засмеялась и сказала, что была не знакома с ним, потому что он ну совсем не подходит под роль её знакомого, а тем более «задушевного товарища».

Эдуард Федорович Заботин вел себя, как всегда, очень серьезно и сдержано, отвечая по существу. С дядей Леной он, к огромнейшему удивлению, общался, даже дружил, если это можно так назвать. Они обменивались приветствиями и всевозможными новостями. Эдуард Федорович никогда не делал акцент на том, что старик пьет. «Ну и что, — говорил бизнесмен, — кто в наше время не без грешка?»

Федор Федорович Павловский вообще ничего не рассказал, объяснив это тем, что из-за болезни давно не выходит из дома. А новости узнает от Франциса, который, к слову сказать, и сообщил ему о смерти дяди Лени.

Последними допрашивали Лену и Кристину. Они, словно повторяя слова большинства соседей, описали все самые плохие качества дяди Лени.

— Что у нас есть? — пробасил Ухабов слегка расстроенным голосом и сам же ответил, — ничего. Все, как заведенные, повторяют одно и то же — он был злым, грубым и жестоким стариком.

— Всем мешал и вредил, — поддержал его Артур.

— А меня больше всего смущает то, что ни у кого нет алиби, и, по сути, каждый мог совершить это, даже я, — сказала мисс Джеймс.

— Ну, мисс Джеймс, вас мы, конечно, не подозреваем, поэтому себя вы можете вычеркнуть из списка. Улик у нас нет, поэтому остается ждать вскрытия, завтра я приеду и сообщу вам результаты.

Глава 6

Вскрытие доказало мнение следователя об убийстве дяди Лени — его, действительно, отравили и не чем иным, как крысиным ядом, который был подмешан в самый любимый напиток погибшего — в водку.

Ни у милиции, ни у мисс Джеймс не было никаких идей по поводу того, кто же все-таки это сделал. Улик не было, не было даже отпечатков пальцев на бутылке, кроме, конечно, тех, что принадлежали самому убитому. Опрос «свидетелей» тоже ни к чему не привел, так как все в один голос твердили, что каждый мог совершить это убийство, тем более что у *каждого* в доме был крысиный яд — как самое главное средство в борьбе с грызунами.

Следователь Ухабов с самого начала знал, что расследование ни к чему не приведет, но, как истинный любитель своего дела, старался изо всех сил и до самого конца. Он ещё неделю ходил по всем соседям в попытке узнать какую-нибудь действительно стоящую информацию. Но все его силы были потрачены зря, так как это ровным счетом ни к чему не привело. Артур, его правая рука, тоже пытался выглядеть профессионально и исподлобья задавал разные компрометирующие вопросы, но и у него шансов на успех было немного. Изрядно устав, два милиционера решили положить всю ответственность на хрупкие плечи мисс Джеймс, которой полагалось не спускать глаз с соседей и любым способом выяснить полезную информацию.

Мисс Джеймс сидела на кухне в доме Лены и в десятый раз перечитывала дело об убийстве Леонида Павловича Нахлабыстина. Она просто не могла поверить, что не существует никакой зацепки или улики. Она сидела одна и думала, прокручивая в голове возможные варианты убийства. Детективщица до сих пор не могла представить, что кто-то из этих добрых людей — жестокий убийца. Мотив у всех есть и нет алиби, но представить кого-то в роли потенциального преступника очень сложно. Мисс Джеймс всегда сталкивалась с такой проблемой: она легко могла указать на убийцу, но вот смириться с этим было действительно сложно. В раздумьях женщина просидела около часа, когда её отвлекла Кристина:

— Мисс Джеймс, я прочитала детектив... не могли бы вы дать мне ещё?

— Да, конечно, возьми любой из чемодана, — как стихотворение, проговорила Кетлин, не отрывая глаз от «дела».

— А инспектор Ухабов больше не приедет? — спросила Кристина, всеми силами пытаясь скрыть интерес.

— Приедет, но только тогда, когда я что-нибудь узнаю, — Кетлин, наконец, подняла глаза и пристально посмотрела на девочку, — я вижу, тебя очень интересует это дело, — Кристина ничего не ответила, — хочешь помочь мне в расследовании? — мисс Джеймс задала вопрос, который был так важен для девочки.

— А вы думаете, что я смогу? — засияла Кристина, улыбнувшись во все свои тридцать два зуба.

— Думаю... да, — мисс Джеймс улыбнулась ей в ответ.

— Ну, и что вы обо всем этом думаете? — Кристина зря время не теряла и тут же занялась исследованием, — или вы, как все детективы, не любите рассказывать о своих соображениях, чтобы в последний момент поразить всех?

— Нет, я не такая. Я, конечно, расскажу о своих соображениях, но только тогда, когда они у меня будут.

— Мисс Джеймс, неужели у вас нет никаких мыслей? — не унималась Кристина, которая только сейчас осознала, что реальное расследование не всегда соответствует книжному.

— Мысли у меня, конечно, есть, но не по поводу убийства, — мисс Джеймс уже пожалела, что попросила Кристину о помощи, эта болтушка совершенно не давала работать.

После расспросов Кристины, которые не привели ни к чему положительному, мисс Джеймс, наконец, осталась одна. Из кухни она перешла в гостиную и расположилась в удобном кресле. Она больше не изучала дело об убийстве, но все равно думала о нем. Кетлин вспоминала то время, когда у неё ещё была счастливая семья, когда она была маленькой, и жизнь казалась легкой и беззаботной. Но очень скоро все закончилось из-за... из-за этой ведьмы — тети Вали. Именно её Кетлин винила во всех своих неудачах, именно её — ту, которая разбила семью и поломала детство. Мисс Джеймс знала, что в глубине души хочет «повесить» преступление на неё, ведь именно Валентина Сергеевна так подходит, по мнению и ассоциациям мисс Джеймс, на роль убийцы. Это показалось ей настолько очевидным и правильным, что она даже улыбнулась. Но пусть читатель не думает, что Кетлин была жестокой и злой, нет, и ещё раз нет. Просто ещё маленькой девочкой ей пришлось пережить много неприятных моментов, за которые она обязана именно этой женщине.

Будучи уже вполне состоявшимся детективом, мисс Джеймс быстро выкинула эту мысль из головы, ведь главное правило любого детектива — в работе никогда не переходить на личности (тем более без каких-либо доказательств).

Чтобы окончательно избавиться от своей, честно скажем, довольно глупой и самонадеянной мысли, мисс Джеймс закрыла глаза и попыталась представить что-нибудь радостное и светлое. Она вспоминала свои детские годы в России, друзей и товарищей. Но радостным воспоминаниям она предавалась недолго, ей помешал громкий стук в дверь. Кетлин с минуту колебалась, надеясь, что сейчас кто-нибудь откроет и впустит незваного гостя, но на это надеяться было глупо, так как две хозяйки этого дома ушли за покупками. Вторая надежда у мисс Джеймс заключалась в том, что стук вскоре прекратится (уж очень не хотелось вставать из удобного кресла), но стук не прекращался, поэтому мисс Джеймс лениво поднялась и медленно заковыляла к входной двери.

«Непрошеным» гостем оказалась Аделаида Алексеевна Грозина. Не спрашивая разрешения, старушка молча зашла в дом и жестом приказала мисс Джеймс закрыть дверь. Мисс Джеймс, ничего не понимая, исполнила ее просьбу и «установилась» взглядом в Грозину.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказала Аделаида Алексеевна, не выдержав «упорного» взгляда детективщицы.

— Конечно, присаживайтесь, — мисс Джеймс, наконец, поняла, что разговор будет очень важным и довольно интересным, так как по пустякам Аделаида Алексеевна никогда не приходит.

— Это касается убийства Леонида Павловича.

— Продолжайте, — мисс Джеймс только убедилась в своих догадках.

— По-моему, я знаю, кто во всем этом замешан... — Грозина глубоко вздохнула и затем продолжила, — сегодня утром Петечка рано ушел из дома, он очень умный и воспитанный мальчик и посещает авиамодельный кружок, а не слоняется без дела по улицам. Так вот, сегодня его занятия начались раньше обычного, поэтому, совсем замотавшись, он забыл сходить в аптеку и купить для меня таблетки от боли в голове. Вы, наверное, знаете, как тяжело людям в моем возрасте обходиться без них. Последнюю таблетку я приняла только вчера, поэтому сегодня утром я почувствовала страшную боль в висках. Сама в аптеку я не хожу, потому что это довольно далеко, и мне ничего не оставалось,

как попросить у кого-нибудь эти таблетки, пока Петечка не придет из кружка и не купит их. Я пошла к своей соседке Вале — Валентине Сергеевне Мурской. Она всегда выручает меня в таких ситуациях. Очень хорошая женщина, добрая...

— Аделаида Алексеевна, давайте все-таки вернемся к делу, касающемуся дяди Лени, — мисс Джеймс не очень — то хотелось слушать про всеми любимую тетю Валю.

— Ах, да, конечно, но это как раз касается Валентины. Понимаете, когда я шла к ней, то услышала не совсем нормальный разговор. Говорила Валентина, хотя нет, она не говорила, она почти кричала... что-то подобное: «Если денег не будет, милиция узнает всю правду об убийстве. Тебе ясно?» Голос второго человека я не слышала, я даже не разобрала, мужской он или женский.

В кухне послышались шорохи, и в комнату зашли Кристина и Лена, по их лицам было трудно определить, слышали они разговор или нет, но мисс Джеймс решила, что нет. Тем более она не хотела впутывать в эту историю Кристину, ведь дело приобретает все новые и новые обороты и может быть опасным для девочки.

После важного и довольно интересного разговора с Аделаидой Алексеевной мисс Джеймс поняла, что для продолжения расследования необходимо ещё раз поговорить с Валентиной Сергеевной Мурской, поэтому самое время заняться этой женщиной вплотную.

Глава 7

«Главное — это выяснить у неё, что она знает об убийстве. Но как это сделать? — думала мисс Джеймс по пути к дому тети Вали. — Эта женщина никогда не захочет помочь мне, тем более, если она сама причастна к этому преступлению. Шантажировать кого-то... это так мерзко!»

— Кто там? — из-за двери раздался строгий голос.

— Валентина Сергеевна, это мисс Джеймс, я могу с вами поговорить? — нехотя залюбезничала Кетлин.

Послышался щелчок, и дверь открылась. На пороге стояла какая-то женщина, естественно, что это была тетя Валя, но она была какой-то другой. Её глаза, всегда презрительно смотревшие на мисс Джеймс, сейчас были печальными, и их «владелица» даже не скрывала проступавших слез, что тоже, в общем-то, не было отличительной чертой для Валентины. Увидев мисс Джеймс, она со словами: «Ах, ты уже знаешь!» — бросилась ей на шею. Детективщица стояла как вкопанная, ничего не понимая, она обняла женщину. Тут вдруг она, наконец, поняла поведение дяди Лени, когда сама, как сейчас тетя Валя, рыдая, кинулась на его шею.

— Ну что ж мы тут стоим, давай в дом! — после минутного «помешательства» приказала тетя Валя.

Мисс Джеймс покорно повиновалась. Зайдя, она быстро села на первый попавшийся стул и ждала объяснений от так быстро изменившейся тети Вали.

Валентина, в свою очередь, замешкалась, по её поведению Кетлин сразу определила, что она не очень-то хочет возвращаться к теме произнесенной фразы «Ах, ты уже знаешь!». Мисс Джеймс молчала, ей хотелось, чтобы тетя Валя сама все рассказала. Но Валентина, похоже, не спешила этого делать. Сначала она поставила чайник, потом накрыла стол и принесла все сладкое, что только было у нее дома. А затем вдруг зачем-то стала рыться в шкафу. Мисс Джеймс наблюдала за ее действиями спокойно, пытаясь не спугнуть «добычу», детективщице очень хотелось узнать как можно больше об убийстве дяди Лени. Вытащив из шкафа вещи, тетя Валя, наконец, найдя то, что искала, села около мисс Джеймс.

— Знаешь, я ведь сначала даже поверить не могла, — начала она свой рассказ, — столько времени прошло, а от него ни слуху, ни духу. Но я все равно верила, что он жив. Понимаешь, это было моей последней надеждой!

Потихоньку мисс Джеймс стала понимать, кто такой ОН, и что с НИМ произошло. Делая вид, что слушает тетю Валю, мисс Джеймс ушла в себя. Она вспоминала детство, а главное отца... Потерять

последнего самого близкого человека для нее, как, впрочем, и для любого другого, оказалось очень сильным потрясением. Она, как в тумане, взяла у тети Вали ее находку — это был старенький пыльный фотоальбомчик. Мисс Джеймс открыла его на первой странице, где красовалось фото высокого молодого bruneta с голубыми глазами — её отца. Увидев это изображение, мисс Джеймс больше не смогла сдержать чувств и разрыдалась...

Когда Кетлин шла домой к Лене, она уже немного успокоилась, поэтому могла думать и о делах. Хотя она и не узнала ничего нового о шантаже, зато подружилась с тетей Валей. Мисс Джеймс, наконец, перестала винить ее во всех смертных грехах, потому что поняла, что Валентина действительно любила ее отца. Но все-таки в этой ситуации были и минусы, так как Кетлин всю дорогу корила себя за то, что разрыдалась. Ведь сколько раз она видела, как кто-нибудь умирал, а сколько раз она сама была в шаге от смерти. Мисс Джеймс была на сто процентов уверена, что уже не боится этого, потому что, как она думала, успела привыкнуть ко всему. Но на самом деле это оказалось не так. Подходя к дому Лены, мисс Джеймс вытерла слезы и свыклась с мыслью о смерти отца. Но такое состояние детективщицы было недолгим.

— Что с тобой, Кетлин? — мисс Джеймс обернулась и увидела Эдуарда Федоровича Заботина, с которым они (после печальных рассказов об их детстве) перешли на «ты».

— На тебе лица нет, ты что — плакала? — допытывался мужчина.

А мисс Джеймс, услышав нотки жалости в его голосе, почувствовала некое давление внутри и опять разрыдалась...

Глава 8

В городе N информация передается со скоростью света, поэтому никто не удивился, когда в тот же самый вечер о смерти отца мисс Джеймс и гражданского мужа тети Вали узнали все. Да, это было большим потрясением для мисс Джеймс, но, безусловно, очень помогло следствию, так как все жители городка оказались безумно чуткими и предлагали свою помощь. Кристина и Лена выслушивали все душещипательные истории из жизни мисс Джеймс, чего прежде никогда не делали. Францис, чтобы морально поддержать человека в трудную минуту, еще раз пригласил мисс Джеймс, Лену и Кристину к себе на ужин. Марианна Бяльковская пообещала помочь Кристине написать биографию мисс Джеймс, так как в Москве у нее много знакомых писателей. Конечно, непонятно, в чем тут вообще помощь для мисс Джеймс, но это было всем, что она могла сделать. А семья Разумовых каждый день приносила мисс Джеймс пироги, как предлог, чтобы побыть в гостях у великой детективщицы. Тетя Валя тоже почувствовала необходимость чем-то помочь мисс Джеймс, поэтому, наконец, пришла к ней, чтобы рассказать все, что знает о смерти дяди Лени.

— Кетлин, я должна тебе кое-что рассказать. Это касается Лени, — именно с такими словами она зашла в дом.

— Конечно, тетя Валя, проходите в гостиную, — Кетлин, как истинный профессионал пыталась скрыть свою радость, потому что по долгу «службы» научилась предугадывать, насколько полезными могут оказаться показания того или иного свидетеля. Тем более что, по словам Аделаиды Алексеевны, тетя Валя не только знала о чем-то, но и шантажировала этим убийцу.

— Мы можем поговорить наедине? — тетя Валя взглядом смерила Кристину и Лену.

— Мы будем на кухне, — шепнула детективщице Лена и удалилась. Она сказала это на случай, если что-то произойдет, потому что Лена, повидавшая на своем веку «и огонь, и воду», не верила во внезапно разыгравшуюся дружбу между двумя женщинами.

— Кетлин, я хочу тебе рассказать обо всем, что знаю. Возможно, это нужно было сделать раньше, но я не решалась. Понимаешь, на старости лет захотелось поиграть в детектива. Помнишь, как я

сказала, что обнаружила дядю Леню убитым, когда убирала его ноги с дороги. Так вот — это неправда. Я придумала это перед самым допросом, дело в том, что я шла к дяде Лене со знанием того, что он убит. Я подслушала разговор... Сначала я не вмешивалась, потому что, если честно, этот старик мне ужасно надоел, как и всем. От такого количества алкоголя, который он принимал, он скоро бы сам умер, а они ему просто помогли.

— Так дядю Леню убил не один человек? — закричала мисс Джеймс.

Почувствовав свое превосходство над ничего не знающей детективщицей, Валентина засмеялась:

— Да! Их было двое. Убийцы Лени...

Женщина не договорила и замерла на мгновение, а в следующую секунду ее голова упала к плечу. Мисс Джеймс, ничего не понимая, подбежала к ней. Из виска тети Вали сочилась кровь. Пытаясь что-то сказать, она схватила мисс Джеймс за руку. Придвинув детективщицу поближе к себе, женщина прошептала: «Лена». А затем уже навсегда закрыла глаза.

— Еще одно убийство! — констатировал факт следователь Ухабов.

— Вы думаете, они как-то связаны? — спросил Артур.

— Похоже на то, — сказал следователь, а затем обратился к Кетлин, — мисс Джеймс, вы говорите, что убитая шантажировала убийцу?

— Да, она мне хотела рассказать о том, что знает.

— И рассказала? — следователь Ухабов начал свой излюбленный допрос.

— Она сказала, что все знала с самого начала. И шла к дяде Лене, зная, что он убит.

— Она сказала, кто это сделал?

— Нет... она не успела назвать их имена, — соврала мисс Джеймс.

— Их? Я не ослышался?

— Нет, не ослышались. Убийц было двое.

— Михаил Петрович, я могу рассказать, как она умерла, — в комнату зашел врач.

После кивка следователя врач начал:

— Валентина Сергеевна Мурская умерла от попадания пули в зону виска.

— Пули? — опешила мисс Джеймс. — Но как?..

— Мисс Джеймс, ну вы и впрямь, как маленькая, — улыбнулся Ухабов, — в этой комнате окно нараспашку, и вы спрашиваете, как?

Мисс Джеймс подошла ко все еще открытому окну и посмотрела на улицу. Ее глазам открывался вид на дорогу, ближайший лесок и даже озеро.

— Да, в этом случае очень сложно определить, где именно находился убийца, — к окну подошел следователь, — я думаю соседей допрашивать бесполезно, так как единственный свидетель — вы. Поэтому, что нам остается? — спросил Ухабов и сам же ответил: — Признать, что мы в тупике!

После подробных инструкций следователя Ухабова мисс Джеймс, наконец, осталась одна и смогла обо всем подумать. В ее голове вертелась куча мыслей, одна страшнее другой. Еще Кетлин было очень стыдно, что она соврала следователю, не рассказав о последнем слове тети Вали. Но детективщица тут же стала себя успокаивать, думая, что тетя Валя могла вспомнить Леню, потому что она к ней очень хорошо относилась, а не потому что Лена была жестоким убийцей бедного старика дяди Лени. Но мисс Джеймс тут же отказалась от этого предположения, ведь какой человек за две секунды до смерти, говоря об убийцах, вдруг скажет имя того человека, к которому он просто хорошо относился? «Да, стоит признать тот факт, что имя Лены было произнесено тетей Валей не случайно» — думала мисс Джеймс, но ее сердце не могло с этим согласиться. Лена — ее лучшая подруга, она знает ее с раннего детства. Лена просто не могла бы сделать этого. «А вдруг ее заставили?» — это было единственным утешением мисс Джеймс.

Кетлин, Лена и Кристина ужинали на кухне. Разговор не клеился, поэтому женщины делали вид, что увлечены едой, только Кристина болтала без умолку, рассказывая мисс Джеймс о планах Марианны:

— Марианна хочет, чтобы один известный писатель взялся за вашу биографию, но, конечно, основные главы напишу я, а он только отредактирует содержание. Мы хотим также, чтобы в книге были цитаты, а лучше целые абзацы из вашего дневника. Вы ведь ведете дневник?

— Вообще-то нет, — мисс Джеймс впервые за всю трапезу подняла глаза на Кристину.

— Нет? Это плохо, вы должны вести дневник, потому что все детективы в книгах ведут дневники. Вы обязаны начать вести дневник, тогда мы запишем в книгу ваши сегодняшние мысли. Хотя это будет уже не то, ведь мы хотели, чтобы в биографии были ваши детские впечатления, ваши переживания. Но ничего не поделаешь, придется довольствоваться вашим сегодняшним. Или... да, точно, я придумала, давайте вы напишите то, что вы говорили тогда своим фанатам, ну детям, которые приходили. Вы еще говорили про свое детство, о том, как вы стали детективом, в этом случае даже дневник заводить не придется...

— Кристина, замолчи хоть на секунду! Тебе нужно учиться хоть иногда закрывать рот! — закричала вдруг Лена.

От неожиданности мисс Джеймс оставила свои мечтания и, вернувшись в реальность, посмотрела на подружку. Сейчас Лена очень смутно напоминала ту женщину, которую знала мисс Джеймс. Ее лицо исказила гримаса, в глазах светился злобный огонек, от которого Кристина тут же замолчала. «Такая Лена могла совершить эти убийства!» — подумала мисс Джеймс, но тут же попыталась выкинуть эту мысль из головы.

Глава 9

Было около часа ночи, когда Францис выходил из бара, в котором впервые попробовал популярный русский напиток. За годы, прожитые в России, француз перенял черту характера этого народа — заливать горе одной-двумя рюмками алкоголя. Но причина, по которой парень решил на такой «отчаянный» шаг, была в том, что он разочаровался в человеке. А разочарование, в свою очередь, было следствием того, что Францис «случайно» узнал, кто убийца тети Вали. Он мог подумать на кого угодно, но только не на этого человека. Францис был растерян и подавлен, он хотел немедленно собрать вещи и уехать из этого города и из этой страны навсегда. Сейчас он не мог идти домой или просто гулять, он сел на лавку и продолжал думать. Ему было страшно представить, что бы сделал этот человек, если бы узнал, что ему, Францису, все известно. Француз представил, как жесток был бы этот человек с ним, сколько бы ненависти и злобы он почувствовал в свой адрес. Единственное решение, думал Францис, — ничего не рассказывать и просто жить, как будто ничего не произошло. Но он не мог и не может так жить, его совесть и воспитание не позволят ему существовать спокойно. Францис посмотрел на часы, было три часа утра. На улице никого... Только он... Свет фонаря бил ему прямо в глаза, поэтому Францис отвернулся от него. В ближайших кустах послышались шорохи. У французца екнуло сердце. Шорохи прекратились, а его взору представился человек.

— Ах, это Ви, — успокоился Францис, — ох и напугать Ви меня! Но, что Ви делаете? Зачем Вам нож?..

На следующее утро мисс Джеймс проснулась с самым хорошим настроением, ей вдруг показалось, что все случившееся — лишь дурной сон. Но вскоре ее настроение заметно ухудшилось, так как страшный сон оказался реальностью. В гостиной сидел следователь Ухабов и его помощник Артур, а Кристина с Леной уже успели подать им чай, поэтому сейчас о чем-то тихо беседовали.

- Доброе утро, мисс Джеймс! Если можно так выразиться, – пробасил следователь.
 - Доброе, – сонно пробормотала мисс Джеймс, – вы что-то разузнали?
 - Вообще-то да. И это очень поможет нашему делу. Читайте! – следователь подал мисс Джеймс газету и указал на небольшую статью.
- Мисс Джеймс прочла:

**Будьте осторожны на дорогах,
или наша милиция не знает что предпринять!**

Сегодня в 5 часов утра на перекрестке двух главных дорог произошло страшное ДТП. В нем приняли участие грузовик и «Жигули» шестой модели.

Проехав на красный свет, «Жигули» встретились «лицом к лицу» с грузовиком, который, к несчастью, не успел затормозить. «Жигули» вынесло на обочину, при этом машина закрутилась и врезалась в ближайшее дерево.

Водитель грузовика (Прокопов Николай Александрович) не пострадал, лишь перенес легкий шок, а водитель «Жигулей» (Грозин Петр Семенович) умер в больнице.

Но главным потрясением является то, что в багажнике машины был найден труп молодого француза, который проживал в России уже несколько лет!

Наша милиция не знает что предпринять. Чтобы замять это дело, они наверняка свяжут его с чередой убийств в подмосковном городе N.*

* Дело в том, что двое убитых как раз из этого города.

Мисс Джеймс закончила читать и посмотрела на следователя.

– Экспертиза показала, что Франциса сначала ударили острым предметом по голове, а потом перерезали горло. Газета не права, что мы из-за нераскрытая убийств повесим все на Грозина, но ведь очевидно, что этот парень убил француза. Поэтому мы решили закрыть дело.

– Но ведь убийц двое? – сказав это, Кетлин искоса посмотрела на Лену – та сидела не шелохнувшись.

– Ну, мисс Джеймс, а я думал, что вы сами до этого додумаетесь. Ведь ясно, что убийцы Нахлабыстина и Мурской – Петр и Францис.

Закрытие дела должно было бы успокоить мисс Джеймс, но она никак не могла выкинуть его из своей головы. Детективщица все еще подозревала Лену. Кетлин с каждым днем чувствовала, как они отдаляются друг от друга, и это было не только по ее вине, сама Лена как-то по-другому стала относиться к своей подруге.

Весь день Кетлин сидела дома и думала. Она просто не могла сейчас видеть заплаканную Аделаиду Алексеевну, потерявшую «свою гордость», тем более знавшую, что все убийства повесили на её внука. Мисс Джеймс не могла смотреть в глаза соседям, а тем более Лене.

Вечером мисс Джеймс приняла решение больше не думать обо всем этом, поэтому достала детектив Агаты Кристи и заперлась в комнате. Около девяти часов в ее дверь постучали. Это была Кристина.

– Мисс Джеймс, Петя не убийца! – кричала запыхавшаяся девочка.

– Что? – опешила мисс Джеймс. – Почему?

— Я гуляла, и увидела луч света в заброшенном здании в конце улицы. Я зашла туда и услышала голоса. Они обсуждали убийства уже совершенные и те, которые нужно совершить. Эти люди все еще там! Давайте поймаем их с поличным!

В заброшенном здании было холодно, пыльно и очень грязно. Паутина свисала почти до самого пола, и хотя мисс Джеймс очень боялась пауков, они с Кристиной пытались ступать медленно и тихо, чтобы не спугнуть преступников. Всю дорогу Кетлин думала о том, кого увидит. «Это может быть кто угодно, даже Лена...» — подготавливала она себя.

— Мисс Джеймс, дальше я не пойду, — пройдя длинный коридор, сказала Кристина, — мне страшно.

— Жди меня здесь, а если меня долго не будет, беги домой и вызывай милицию! — приказала Кетлин и пошла дальше.

Пройдя немного, мисс Джеймс услышала шаги. Обернувшись, она увидела Кристину.

— Мне и там стоять страшно! — объяснила свое внезапное поведение девочка.

Уже вместе они зашли в комнату, где, по словам Кристины, находились убийцы. Там никого не было, а свет шел от небольшой свечи, стоявшей на маленьком деревянном столике.

— Кристь, здесь никого нет, — сказала мисс Джеймс и почувствовала ужасную боль в затылке.

Глава 10

Когда мисс Джеймс очнулась, она сидела уже связанной с кляпом во рту. Голова и шея ужасно болели. Кетлин огромной силой воли заставила себя повернуть голову. Рядом с ней так же связанной и с кляпом во рту сидела Лена. Ничего не понимая, мисс Джеймс выплюнула тряпку.

— Ну, наконец, вы очнулись! — из глубины комнаты раздался до боли знакомый голос. И из темноты вышла Кристина.

— Кристина, что случилось? — тут же закричала перепуганная мисс Джеймс.

— А вы не поняли? Я вас облапошила! — говорила девочка злобным ненавистным голосом.

— Что? — мисс Джеймс решила, что просто спросенок не расслышала слова девочки.

— Хватит прикидываться, вы все поняли! Я убийца! — засмеялась Кристина.

Мисс Джеймс смотрела на Кристину, как завороженная. Девочка была совсем другой... На ее лице читались злоба и презрение. Мисс Джеймс не верила своим глазам.

— Я убийца! — ликовала девочка от произведенного эффекта.

Мисс Джеймс не отреагировала на это, лишь слезинка покатилась по ее щеке.

— Сейчас вы должны спросить, как я все это сделала! — закричала Кристина, но мисс Джеймс продолжала молчать, — ну ладно, от вас ничего не добиться, я сама обо всем расскажу.

Как себя помню, все постоянно восторгалась вами. Никому неизвестная пятнадцатилетняя девочка после развода родителей переехала в Америку и стала настоящей звездой. Все восторгалось вашему успеху, а я завидовала! Мама постоянно твердила, как она гордится, что ее подруга известна на весь мир. Она ставила вас мне в пример, а я плакала по ночам, потому что всем сердцем ненавижу вас. Я даже не хотела быть детективом, как вы. Я всего лишь хотела затмить вас — облапошить по всем правилам.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, я решила действовать. Я во что бы то ни стало решила повторить вашу судьбу. Сначала нужно было развести родителей. Я долго думала, как это сделать. И, наконец, у меня появился план. Я стала обливать папины вещи женскими духами, но это не помогало, тогда я подложила в папину куртку записку — как будто от его любовницы. Я старалась изменить почерк, чтобы мама не узнала, и у меня получилось. Мама, найдя любовное послание, выгнала отца из дома. Первый пункт своего плана я выполнила, но мы не уехали из России. И это было ужасно,

ведь я не знала, что еще сделать. Знаете, я даже свыклась с мыслью о вашей славе, зависть куда-то ушла, я больше не грезила воображаемой известностью.

Но тут приехали вы, и все началось сначала. Ваше признание и популярность не давали мне покоя. Осознав, что мне не суждено повторить вашу судьбу, я решила идти по своему пути, создавать свою жизнь. И тут вы, сами того не подозревая, помогли мне в этом, подкинув идею — почитать детектив. И тогда я поняла, что самый лучший способ переиграть вас — играть по своим правилам. А как это сделать с детективом — да очень просто, дать ему такую головоломку, чтобы он никогда не смог справиться с ней. Чтобы люди признали вас неудачницей! Я решила совершить убийство!

Кто мог оказаться жертвой, да любой! Но я выбрала дядю Леню. Он был единственным, кто раздражал каждого, о нем никто бы не заплакал, при этом никто бы не осмелился его убить. Но интересней, когда у убийцы есть сообщник, некая шестерка, делающая за него грязную работу. Я долго искала такого, но, наконец, нашла. Петя был самым подходящим на эту роль, ведь он тоже раздражал меня. «Вечная гордость» своей бабушки, а на самом деле ничтожество, каких еще поискать. Я быстро убедила его в том, что он должен делать. Я сказала, что он должен перестать быть слабаком, ему восемнадцать, а значит, он должен стать настоящим мужчиной! А как этого добиться — облапошить всем известного детектива, всеми любимую мисс Джеймс. Я заверила его в том, что славу мы поделим пополам, и все будут считать нас героями. Убедить его убить никчемного старика оказалось проще простого. Я просто сказала ему, что дядя Леня всех достал, что все будут рады, если он умрет. Петя вошел в роль шестерки, поэтому согласился. Достать крысиный яд не составило никакого труда, а тем более подмешать его в водку. Поэтому это преступление прошло хорошо, но было только одно «но», наш разговор подслушала эта вечно сующая во все свой нос тетя Валя. Хорошо еще, что она перепутала мой голос с маминим, поэтому подозревала во всем ее. Но шантажировать она стала Петю, вымогала деньги, грозя, что все расскажет. Так не могло больше продолжаться, ее следовало убить. Мы ждали только случая, как сделать это красиво, с настоящим шоу. И такой случай подвернулся, она пришла обо всем рассказать вам. Я сразу поняла ее намерения, когда она сказала, что хочет поговорить с вами наедине. Я тут же побежала к Пете и предупредила, что шоу начинается. Он неплохо стреляет, поэтому мы приняли решение убить ее именно таким способом. У нас все получилось, даже момент был подходящим: «Убийцы дяди Лени...» и выстрел. Классно! Это наше лучшее убийство! Но проблем возникло сразу две: во-первых, мама заметила мое внезапное исчезновение, а во-вторых, Петю видел Францис. Маме я что-то наврала, хотя я и знала, что она не поверила мне, я перестала обращать на это внимание, а Франциса нужно было убить. Мы решили сделать это по-другому. И момент опять подвернулся отличный, когда он сидел ночью на лавке, как раз никого не было. Я подошла к нему, он даже сначала обрадовался, но потом, увидев нож в моих руках, испугался. Петя со спины ударил его камнем по голове, а я перерезала горло. Петя должен был отвезти тело куда-нибудь, чтобы сделать вид, что француз пропал. Но случилась авария, и милиция, во всем обвинив Петю, закрыла дело. Эта была игра уже не по моим правилам, поэтому я решила ее прекратить.

Когда я сюда шла, чтобы все подготовить, мама увязалась за мной, поэтому ей пришлось оглушить, чтобы не мешала. (Услышав про себя, Лена зашевелилась). Вот и все, — закончила свою историю Кристина. — Мне остается только доиграть свою игру до конца и остаться победителем. Я уже приняла решение, как это сделать, — с этими словами Кристина достала из кармана небольшой перочинный ножик. Лена, догадавшись, что она хочет сделать, сильнее зашевелилась на своем стуле и попыталась кричать, но кляп приглушил звук. А мисс Джеймс не смотрела на девочку, она сидела, опустив голову, и о чем-то думала. При этом из ее глаз текли слезы. А Кристина, поднеся перочинный ножик к руке, вскрыла себе вены.

Часть 2

Дуновение поэзии

Марина Трегубова

ПАПЕ

Он не скажет много слов,
Он не будет спорить,
Он просто счастлив,
Он просто жив
С огнем внутри него,
С огнем, как спичка.
Спичка, что как помощь —
Помощь в мрачной темноте.
Огонь этот — идея,
Его талант.
Ты всегда спокоен,
Ты всегда прекрасен.
О, как же ты поражаешь меня!
Твой талант ты в себе
Таишь, но ты всё сможешь,
Сможешь, что захочешь.
Может, это немного,
Немного приносит,
Но это делает тебя,
Тебя моим героем.
И ночью, лунной ночью,
И утром, ранним утром
Ты будешь что-то делать.
Ты будешь счастлив.
Ты будешь жить
Душевно вечно.
В тебе есть она —
Частица,
Та самая, что делает тебя,

Тебя моим героем.
В тебе есть цель.
Хоти! Стремись! Живи!
Восхищая меня!
Ведь я так люблю тебя.

Анастасия Колесникова

ЗАЧЕМ ТЫ ПРИШЕЛ, МИЛЫЙ...

Солнце! Но небо серо. Тучи.
А солнце пробивает их.
Ты просто стоишь и смотришь,
Ждешь от меня ответа,
Взгляд свой нежно бросаю
В сторону тени моей.
Хочешь услышать слово,
Но слов уже больше нет.
И вот, я обернулась,
Мой неласковый взгляд.
Зачем ты пришел, милый?
Ведь снова уйдешь назад!

МАЛИНОВЫЙ СОН

Малина была сладка,
Веселы были голоса.
И только взгляды мои
Все так же были грустны.
Ты там сидел с другой,
И ваш разговор пошел.
И не было места мне
В этом малиновом сне.

ОН

Так душно было в доме,
Я вышла погулять,
Увидела взгляд знакомый,
Хотелось убежать.
Повернуть я не успела —
Он за руку схватил.
Посмотрел в глаза уныло,
Сказал: «Прости!»

ОСЕНЬ

Сегодня надела пальто,
Ведь солнце уже не светит.
Холодный осенний ветер
Колышет траву в саду.
Не знаю, зачем смотрю,
Ищу тебя нежным взглядом.
Мне жизнь будет не нужна,
Если не будешь рядом.

КРУГ

Ты можешь себе представить,
Как жизнь стала мне трудна,
Как не славословить
Уже не смогла рука.
Как тихо текли недели,
Минуты ползли, как день.
Не выйти из этого круга,
Без окон и без дверей.

ПОТЕРЯННЫЕ МЕЧТЫ

Привычных черт уже не узнаю,
Как будто не мое это отражение.
Терпенье и любовь — вдвойне
Все потеряло для меня значение.
Все — пустота, бессмысленны слова,
И фонари мелькают из-за стенок.
Потеряна моя мечта,
Сожжена от тягостных сомнений.

ПУСТОТА

Мы ушли, никто не вернулся,
Нам нечего дальше ждать.
Теплотой, хоть и без надежды,
Нам друг друга не согревать.

Мы давно научились прощаться,
И прошлого нам не жаль.
Только будущее непонятно,
Вдалеке лишь густой туман...

ЕМУ

Так ласково шуршит листва,
А я шагов своих не слышу.
Моя душа давно мертва,
А ты, наверно, не услышал.
Ты не заметил, как одна
Я в этом мире растворилась.
Ты руку протянул, а зря —
Я о предательство разбилась.

ЗИМА

Уверена, что одна.
Уверена, время лечит.
Наверное, зима —
Далекие эти встречи...
Руки мои холодны,
Не знаю, где же согреться.
Прости, я не смогла
С этой болью сжиться.

* * *

Теплота рук давно не моя.
Я забыла, как выглядит лето.
И, наверно, не только я
Должна отвечать за это.

Николай Головки

I CLOSE MY EYES

Your image is right now before my eyes.
Because of you I do possess so much reflexion.
And I am thankful, as I said, to higher skies.
No one had ever been for me so special.

And what's the matter? What is special,
tell me, please?
You know... there is always something plain
and simple.
It's better not to start than try to search in dears
Some reasons to love them — it's truly
something deeper.

I'm not afraid of using word «to love»,
As only stupid won't get sense of this expression.
I do not mean my older feeling –
that's enough.
It's known – there is love without passion.

What does it mean? It means you love a human,
Not woman, not a man – the person and his soul.
For no reason – just for manner of his doing.
You love the person giving colour to the world.

And that is definitely right for my reflexion.
I'm trying to explain why I'm a friend for you.
There is a kind of personal attraction
Between two minds. Or souls. However –
that is true.

NOT FEELING YOU

Some time has passed. A song again and now –
Another situation, but the mood's the same.
It simply comes to me, and I don't know how.
May be, it's music in attempt to burn the flame.

Some traces of that feeling, still existing,
Aren't capable of ruling anymore.
I've said a lot about this already – finish!
Affection of a friendship – nothing more.

But why I am returning to this feeling?
Why trying to explain it once again?
I can't avoid it, so again I'm singing.
I don't know, what is now and will be then.

I haven't seen you since the day of Christmas.
All I possess is hope... and my common sense.
But it's uneasy – without feeling your existence
And having nothing but just guesses. Hence

I'm sorta anxious. It is natural, I think.
It's normal if you lack the information.
I practically know: once you will come in
And say: «That's me. Thank you for being
so patient».

But I don't know when it's gonna happen.
I simply pray to see you – at least once.
I am not sure that I will be happy.
That will be other situation, mood – and rhymes.

Асият Швыдкова

* * *

Волной накатила вода,
Солёная древняя жизнь,
А рыбка пыталась дышать,
Всем телом стремилась плыть.

И шлёпала по песку
Зелёным своим хвостом,
Будто он слышал её,
Будто он мог помочь.

Когда-то давным-давно
Он сам был большой скалой,
Теперь у подножья шумит,
Играет с морской блохой.

* * *

Своё поломанное стулом тело,
Я уложила в ворох простыней.
Под одеялом и подушкой гетто,
Моих отравленных бессонницей ночей.

* * *

Я в вечность серую не верю,
Привычку презираю я.
И обещаний бесполезных крылья,
Уносят лживость дальше от меня.

Красивая, удобная свобода
В теории надёжнее зависимой любви.
Я говорю с тобою громко,
Смеюсь и позволяю мне грубить.

И ты уходишь, закрывая солнце,
И всё молчит, и оглушает свет.
И каждая безмолвная минута,
Затянется в сто миллиардов лет.

Ежом свернувшись в тёмной спальне,
Я ревностью страдаю, я тону.
И ненависть в больном мозгу рождая,
В измену верю подлюю твою.

Иголки выпускаю я наружу,
И всем надоедаю со своей бедой
Я мыслей монотонных ритм считаю,
Я по тебе скучаю...

* * *

Секущие призмы сознания,
За рамки тетрадей ни шагу!
Цветущие праздно создания,
Над вами мираж нависает.

И липкое синее небо
Пакетом к ноздрям прилипает.
Здесь жёсткое, властное вето
Нам вызов, смеясь, бросает!

Ему, да и тем, кто пониже,
Тиранам, беспечно жующим,
Мы судьбы свои заложили
И ждём от без чести живущих,

Когда нам ответят достойно,
Вложив в руки правду святую,
Дадут умереть спокойно,
Море сомнений потушат.

* * *

На красной догорающей стене
Ползти за теплым летним снегом,
За стилем и безумством в темноте.
Молчать и ждать, не получать ответов.

Шептать тебе из темноты,
Ловя остекленевший взгляд от ветра,
На отмороженных ресницах в ноябре,
О долгих сильных «Дальше что?»
и километрах...

* * *

Расплывусь полумесяцем глаз,
Зажую чёрствый крекер на завтрак.
Приходить за неделю, на час.
Точно вовремя, чтобы не ждали.

Блеском приторно-сахарных страз,
Полумраки свобод освещаая,
Я вольюсь тёплым чаем в матрас,
Пальцев жестами, страх предвещаая.

Пью за смерть! Пью за грех! Пью за нас!
Я пришла. Я ушла. До свиданья.

* * *

Ожидание — это болезнь.
Ожидание смерти подобно.
Тихо в норке сидеть и не лезть.
Плакать молча, смеяться не громко.

* * *

Я ни о чём не жалею.
И равнодушьем не мщу.
Трудно скрывать потери,
Лишь потому я молчу.

В тетрадах моих время
Ручкой зарезано вспять.
Свободное поколение,
Мы не привыкли ждать.

* * *

Не стоит показывать слёзы.
Слёзы это о тех,
Кому никогда не услышать
В биении сердца помех.

О тех, кто прошёл не заметив,
О тех, кто оставил свой след
В глаза задувает мне ветер.
Я жду, я хочу перемен.

Никита Новик

СЧАСТЬЕ

Не думайте, что счастье — состоянье,
Не допускайте мысли, что оно
За деньги вам достанется иль, может,
Оно у вас в руках уже давно!

Ведь счастье же не плод и не монета,
Его ты не отдашь и не займешь.
Оно всего лишь то, что вы на свете
Должны дарить всем круглый год:

Своим родным, товарищам и близким,
Чтоб счастье заглянуло в каждый дом
И чтоб оно дарило радость в жизни
И был учаством каждый окружен!

УЧИТЕЛЯ

В жестокий мир вошли мы неуклюжие.
И что потом? Учились мы ходить,
Играли мы, смеялись, беззаботные,
Не думали, а как потом нам жить?

Учителя! Пред вами преклоняясь,
Я говорю вам, не кривя душой,
Всем тем, что мы сегодня знаем,
Мы вам обязаны, обязаны судьбой!

Учителя! Вы те, кто нервы тратили
На нас, оболтусов, на нас, учеников.
Учителя! Вы те, кому мы первыми
Спасибо скажем, радуясь душой!

Учителя! Пред вами преклоняемся.
Безмерен труд, что вы вложили в нас.
Учителя! Мы вами восхищаемся!
Учителя! Хранит Господь пусть вас!

Ксения Баластрова

* * *

Жить без тебя я научусь,
Жить, не грустя ночами.
При встрече я не улыбнусь,
Едва пожму плечами.

Я научусь тебя не ждать,
И на тебя не злиться.
Но вот удастся ль мне опять,
Опять вот так влюбиться?

ТВОРЧЕСТВО

За строчкой — новая строка.
Стихи бегут рекою.
И за слезой бежит слеза,
И нет душе покоя.

За строчкой — новая строка.
Стихи на свет выходят.
И на душе не слез река,
А солнце на восходе.

Максим Букин

Ю...

Повезло же с другом мне,
Он один меня поймет
Средь людей и в тишине.
В трудный час ко мне придет,
Не забудет никогда
О товарище своем.
Вольных мыслей череда
Зазвучит, где мы вдвоем.

ИСКУССТВО

Оно не дух, оно не ветер,
Оно есть в каждом человеке.
С картинок первых на листах
Творим мы новый мир в мечтах.
В искусстве наше продолженье.
Настал черед, пришла пора!
Нам мир прекрасный — вдохновенье.
И жизнь закружит, как ветра.
Духовный мир мы открываем,
Судьбы счастливей, лучше нет,
Творить — прекрасней нету права!
Нам истины доступен свет!

Елена Мельникова

НА ИГЛЕ

Ты слышишь шепот вдалеке
Идешь на зов, ты одержимый
Берешь иглу, ты на игле,
И перед ней ты уязвимый.
Ты видишь, как твоя родня
Пред нею опускает руки
И даже младшая сестра страдает от тебя.
И звуки, вдруг раздаются вдалеке,
Ты ловишь кайф необъяснимый.
И понимаешь про себя,
Что без нее ты несчастливый.
Ты чувствуешь: пора бросать,
Но от того лишь боль сильнее.
Ты забываешься опять,
И потому тебе грустнее.
Но все-таки, в конце концов,
Бросаешь чертов ты наркотик,
И потому пронзает боль и сердце

Кажется спокойно.
Тебя ломает пополам
Не понимаешь ты, в чем дело:
Душа все тянется назад,
Но в жизни есть всему пределы.
И вот прощаешься ты с ней,
Взглянув судьбе своей в глаза
И понимаешь ты во тьме,
Что не проснешься никогда.

Мария Постоногова

МЫ ВСЕ В ОТВЕТЕ ЗА ПРИРОДУ

Как-то дед оранжевому внуку,
Сидя на оранжевой скале,
Объяснял не сказку, а науку —
Как же жили люди на Земле...

Здесь росли леса, шумело море,
На поляне земляники цвет,
И не знали наши предки горя,
Жили так бы миллионы лет.

Жажда денег мир наш изменила,
Лес срубили, обменяв на тлен,
Власть наживы разум им затмила,
И попали мы в пустыни плен.

Обмелели все ручьи и реки,
А затем и высохли моря,
Кислород исчез, увы, навеки,
Поменяла цвет свой и заря.

Старый дед оранжевому внуку,
Сидя на оранжевой скале,
Объяснял не сказку, а науку —
Вот как жили люди на Земле.

Как вам перспектива этой сказки,
А какую мы напишем быль?
Как посмотрим нашим деткам в глазки,
Что оставим: лес, моря иль пыль?

Если не изменим отношенья
Мы к природе — матери своей,
То уже, без всякого сомненья,
Катастрофа ждет нас у дверей.

Олег Приходько

НА ПУТИ К РАССВЕТУ

Все живем. Свежими попытками
Век живем — хоть глаза нам выколи.
Спим да пьем. Сутками и литрами.
Не поем. Петь уже отвыкли мы.

Долго ждем. Все ходили грязными.
Оттого сделались похожими,
А под дождем мы оказались разными.
В большинстве — честными, хорошими.

Нас ведь много таких —
Сумасшедших и больных.

Мы не знали, сколько длятся ночи,
Мы гуляли на пути к рассвету,
Мы искали путь всегда короче,
Покупали новые билеты.

Мы бродили — все по разным тропкам,
Мы искали счастья под ногами.
Каждый шел всегда своей дорогой,
Обогретый теплыми лучами.

Ирина Саввина

ЗВЕЗДЫ

Загорелись огни нежно-белой зари,
Словно тысяча ярких созвездий...
Я прошу, хоть одну мне звезду подари,
Чтоб в моем засияла подъезде,

Чтоб согрела площадку закрытых дверей
И пустое молчание лестниц...
Но исчезла заря, и полоска огней
Забирает с собою чудесниц —
Эти милые звезды в соседнем дворе...
Я прошу, подарите мне их в сентябре!..

Дарья Дмитриенко

ЧУТЬ-ЧУТЬ

Морозец за ночь чуть окреп,
И утро стало чуть светлее.
А на снегу кошачий след,
И чуть на сердце веселее.

Чуть улыбнулась, взяв стакан,
Чуть-чуть себе плеснула чаю,
Чуть скрипнул подо мной диван.
Кот чуть мякнул, день встречая...

Наталья Фоменко

ЗАРИСОВКИ ХУДОЖНИКА

Возьму я свой этюдник
И побегу в луга,
На ясном небе вспыхнет радуга-дуга.
Ее я нарисую,
Под ней просторов ширь,
И речку голубую, и лес, и монастырь,
И три березки белые
Меж изумрудных нив;
У речки-невелички – толпу плакучих ив,
Стогов душистых сена
Веселый хоровод.
И с гор бегущих с ревом
Каскад прозрачных вод.
Красу родного края
Запечатлеть хочу,
По стежке золотистой
С этюдником лечу.

Мария Артемова

* * *

Положу я письмо
В белоснежный конверт
И отправлю его
Я подальше от бед.

Эх, в такие края,
Где от счастья светло,
И где праздник всегда,
На душе хорошо!

И, быть может, его
Там откроют, прочтут.
И узнают про то,
Как живем все мы тут.

Так лети же, конверт,
Сквозь жару и мороз.
Принеси мне ответ
На тревожный вопрос...

Марина Борисова

НЕБО

Я люблю тебя, небо бездонное.
Что ты прячешь в своей синеве?
Неужель в глубине твоей сонное
Стынет озеро в дымчатой мгле?

Неужели в нем птицы купаются,
Иль купаются в солнце они?
Только стружкой лучи проливаются
И касаются влажной земли.

Неужель облаков твоих пенные
Кудри белые любишь вздымать?
А уж ночь придет – звезды надменные
Будут синюю ткань прожигать.

Но затянет след алая зорюшка,
И не станет от звезд и следа.
А в лучах позолотится полюшко –
Значит, зреют мучные хлеба.

Я люблю тебя, небо бездонное,
Я люблю твоих недр синеву.
Только слышно молчание томное,
И как ветер колышет листву...

С.А. ЕСЕНИНУ

Небо зализано тучами –
Плотной белесою мглой.
Листья созревшие кучами
Курыт под ветхой сосной.

Небо, закутавшись, прячется
В рыхлый, заоблачный мех.
Только сегодня не плачется –
Твой заливается смех.

По дороге, листвою забросанной,
Ты идешь, улыбки даря.
С головою как сено, нечесаной,
Ты идешь посреди ноября.

Александра Воронина

* * *

Край любимый! Для сердца отрада
Невесомый румяный закат,
Предрассветная птиц серенада
И рассвет, что, как ветер, крылат,

И ручей, меж корней протекающий,
Свежий ветер и шелест травы,
Нежный май, на часок забегающий,
В светлой зелени юной листвы.

Ароматом лугов некошенных
Манят тысячи дальних дорог;
И подарит мне, гостье непрошеной,
Чудный звон колокольчик-цветок.

* * *

В бешеной смене дней и ночей
Путаем тень и реальность,
Плавимся в дрогнувшем блеске свечей,
Храним в себе ревность и ярость.

Ловим глазами негаснущий свет
Звезд и планет в пустоте беспредельной.
Нет уже страха, и ужаса нет
Пред безграничным простором Вселенной.

Блеснет где-то близко – исчезнет совсем
Яркий хвост одинокой кометы.
А мы убегаем от бед и проблем
В страну бесконечного лета.

Ангелина Голикова

* * *

Журчит река, шумят деревья,
Гуляет ветер по степи,
Все замирает на мгновенье,
И тучи прячутся вдали.

И мчится осень, спотыкаясь,
Несет листву, приносит страх,
И зной сменяет на прохладу...
А после прячется в прудах.

Зима приходит очень быстро
И гонит осень по снегам –
Скользит усталая плутовка
По зимним скользким синим льдам.

И лишь на память оставляет
Листву, замерзшую во льду,
Хоть быстро осень пролетает,
Но все равно ее люблю.

Анастасия Дворкина

ВОЙНА

Слышу я, пули звенят
В этой недружной стране.
Много хороших ребят
Гибнут в Чечне на войне.

Бедные дети кричат,
Мертвые люди лежат,
Всюду дымится дома –
Это пришла к ним война.

Мы не должны забывать
Эти ужасные дни,
Книги, стихи написать
Люди об этом должны.

Кристина Дрожжа

ОСЕНЬ

Она, что сон прекрасный,
Что груда писем желтых.
Прошепчет тихо: «Здравствуй!», –
Собой наполнив воздух.

Мы с ней едва знакомы,
Ее о чем-то спросим,
Живущую у дома,
Загадочную Осень.

Легка необычайно,
Все мысли наши слышит,
В ней ветер так печально
И так тоскливо дышит.

Вновь в вальсе, дымку сбросив,
Как тень, как сон кружится.
Загадочна ты, Осень,
И ветрена, как птица.

ЭТО ВЕСНА!

Шум, стук,
Смех детворы,
Птиц перемешаны трели,

Вновь звук
Чьей-то игры,
Скрип поржавевших качелей.

Вновь май.
Красок полна
Песня летит над поселком.

Ты знай –
Это весна
В каждом кричит без умолку!

Лилия Жидкова

* * *

Дрожь по телу, и буря, и трепет...
Златокудрая осень, чертовка,
Будоражит и мучит, и светит,
Но не солнцем, а листьями робко...
А порою стремительным вихрем
Унесет в край далекий, не спросит.
А потом безмятежно и тихо
У обрыва скалы бросит.

Виталий Зуев

СОБАКЕ

Бездомным собакам так плохо живется,
И им выживать с трудом удается,
Жестокие люди не знают пощады –
Собакам бродячим ни капли не рады.

Но если бродягу возьмешь ты домой,
Еду отработает псина с лихвой,
И преданна будет, и дом охраняет,
При виде тебя она радостно лает.

Собаки без дома глупы не бывают –
Они человека всегда понимают.
Им всем не помочь, но если возможно,
Кусочек печенья собаке дать можно.

Одинокая тень

О, черный ворон одинокий!
О чем ты думаешь, старик?
От трудной жизни кривобокий,
Ты издаешь противный крик.

Ты много видел, много знаешь,
Поговорил бы я с тобой,
Но нет, людей ты избегаешь,
Всю жизнь провел ты сам с собой.

По жизни хмурый одиночка
И весел не был никогда,
Ты таешь в небе, словно точка,
И улетаешь навсегда.

А вдруг Создателя ты очи,
И видишь все вокруг себя?
Понять тебя не хватит мочи,
Ты есть, а может, нет тебя...

Николай Когай

ДОЖДЬ НАДЕЖД

Неясным, мутным светом утро льется,
Лениво ткнут дождевки сеть...
Мне как-то грустно, не хочу смеяться,
Хочу весь день в окно смотреть...

Пробарабанят маршем капли
Победный осени мне гимн,
Я, может, выйду им навстречу
И тут же стану там своим...

Надежду дождь вселяет людям,
Он очищает их от зла...
Вдруг на Земле случится чудо –
Беды не будет никогда?..

Юлия Колодченко

ВОЙНА

Война горит, как пламя,
Горит не жаром,
А сраженьем и пожаром
Воюющих полков,
Горит она душами сынов,
Горит она слезами матерей,
Что отдавали сыновей
В ее бушующее пламя.

Марина Кривко

* * *

Возьмите в руки кисть и краски,
Взгляните вы на белый лист.
На нем быть может клоун в маске,
А может быть эквилибрист!
Возможно, небо голубое
Прольется из-под ваших рук.
И может конь промчат стрелой,
И журавлиный клин лететь на юг.
Разбудить вулкан – в ваших силах
И девятый вал укротить,
Оказаться на горных вершинах
И судьбу под откос пустить.
Не спешите листок испачкать,
Подберите верно цвета.
И в ваших руках окажется
Вселенной вся красота!
Чистота родников зеркальных
И роса на зеленой траве,
И миллионы планет печальных
Улыбнутся вам в синеве.
И костер никогда не погаснет
В вашей пылкой и яркой душе,
Если жизнь свою цветом счастья
Раскрасили вы уже.

ЗИМА

Вот осень тихо отступила,
Зиме дорогу уступила.
Теперь под каждым нашим шагом
Волшебный скрип мороза-мага.
Он нам свои подарки дарит,

Красотами своими манит.
Одной лишь только белой краской
Рисует мир, как будто сказку.
Вот справа терем расписной,
Нам не найти его весной.
Укрыт он сверху палантином
Из нежной белой паутины.
И бубенцы разбудят на рассвете,
И тройка мчит нас по лесу, как ветер.
Сквозь серебро снегов и леса красоту,
Даруя нам прекрасную мечту.

БРАТ С СЕСТРОЙ

Они, возможно, брат с сестрой
Или влюбленных пара.
Есть у наук секрет такой,
Он очень-очень старый.
Мы разгадать хотим секрет:
Что же на самом деле
Русский язык – из слов букет
Иль нежный звон капели?
Литература без него,
Как речка без истока.
И нам не написать стихов
Если не знать предлогов!
Роман, поэма и рассказ –
Литературы дети.
Но строгий есть наук указ:
Язык за них в ответе.
Они с собой нас позовут,
Отказ не принимают.
Вам за усердье отдадут
Все то, что сами знают!
Примите с честью этот дар,
Храните пуще ока.
Тогда ваш жизненный бульвар
Окажется широким!

Александр Логинов

ДОЖДЬ

Пулями дождь стучит по броне,
А в БТРе темно.
Холодно, холодно мне!
Ну а ему все равно.

Небу вообще наплевать,
Чем мы сегодня больны.
Надо дождю спасибо сказать,
Спасибо — за ночь без войны.

ПОСЛЕ БОЯ

В пологе туч света не видно,
Чаши весов, наклонившись, застыли.
Нам за державу уже не обидно,
Мы все это время ненужными были.

Идем, не спеша, через силу ступая.
Медленно, вяло, молча идем.
Гудит голова, как будто пустая.
Тянется гущей второй батальон.

В красном тумане не видно дороги.
К спинам от крови тельняшки присохли.
Теперь мы не люди, не духи, не боги.
Исполнили долг, а попросту — сдохли.

Как свечи у наших крестов, догорают
Дома. Под ногами трупы гниют.
Где-то в тумане снова стреляют,
Но нам все равно. Теперь не убьют.

А страх вяло тлеет, сжимаясь пружиной,
Душа подсознание колючей петлей.
Все-таки ждешь выстрела в спину.
Мертвый-то мертвый, но не герой.

«А получилось не очень удачно...»
Но, прерывая все мысли мои,
Скомандует прапор устало и мрачно:
«Хорош, оттоптали. Привал, мужики!»

Елена Мальцева

РАЗГОВОР С ОСЕНЬЮ

— Почему так много плачешь, осень?
— Грусть наводят голые поля.
— Но покой земле дается краткий очень.
— Жду конца со страхом ноября.
— Не всегда же ты была унылой,

Солнечной слыла и золотой.
— Ах, оставь, земля уж вся остыла,
Позолота смылася водой.
— Но ведь снова красками зардеешь,
Дай вернуться только сентябрю.
— Ты права, и если пожелаешь,
Бабье лето снова подарю!

Татьяна Мохова

ДЫХАНИЕ ЗИМЫ

Спустилась осень...
Солнце ниже.
И снова ночка так длинна.
Дыхание зимы все ближе,
Уже почти пришла она.
В саду лежит ковер из листьев,
И снег ночной, кристально чистый
Впервые видит человек.
Сверкают солнца переливы,
И благородные порывы
Вскипают, кажется, навек.

Анастасия Никитина

КАПА

У меня есть собака Капа,
Она белая, как снег.
Но у Капы есть черная лапа
И рыжий под ухом мех.

Один раз моя шустрая Капа
Убежала во двор на снег.
И не видно тут стало Капы,
Только лапа и рыжий мех.

Юлия Осипова

НЕБО В БЕСЛАНЕ

Скорбно в Беслане, скорбно на свете,
Там, где погибли школьники, дети.
Плачет дождями небо в Беслане
За детские души, что угасали.

Три дня в осаде, три дня в кошмаре.
За что их мучительно долго держали?
В траурный цвет облачилась Россия.
Черным туманом приспущены флаги.
Жаждут помочь им все люди посильно,
Все наши души, как на бумаге.
Мы не всесильны, но не замкнулись,
Чтобы несчастья вновь не вернулись,
Чтобы по-прежнему были мы вместе,
Нам не поможет капсула мести...
Скорбно в Беслане, скорбно на свете,
Там, где погибли школьники, дети.
Плачет дождями небо в Беслане.
Мы с вами рядом, вас не оставим!

Маргарита Перехода

СТАВРОПОЛЬСКИЕ НОЧИ

Расплескалось небо краской алою,
Наступает вечер, время нежное.
И стихи – лишь частица малая
Той любви, какой люблю безмятежные
Ночи длинные ставропольские,
Ночи темные, ночи звездные.

ОСЕНЬ

Осень. Что-то хочется писать –
Меня переполняет вдохновенье –
Исписанные души пролистать
И вновь принять души перерожденье;
Узнать себя через стихи других,
Понять, в чем смысл осени пугливой,
Пока веселый щебет жизни не затих
Зимой, на землю опустившейся лениво.

Элеонора Пономарева

* * *

Холодные ночи безлунные,
Такие же мы охладевшие.
Былыми годами да юными,
Казалось, любить не умевшие.

А ныне, в годах поумневшие,
Очнулись с весенними струнами,
А яркости в краски померкшие
Добавить не в силах и умные.

И сладости прежней не выманить,
Не пробовать самого краешка.
Глоточка дождя век не вымолить –
Испито до самого доньшка.

А в сердце одни многоточия:
Невысказанность.., незаконченность..,
А значит еще не просрочено,
Хоть слово мелькает «испорченность».

* * *

Вы не видели человека?
У него большие глаза...
Вот единственная примета
Вот, все, что я могу сказать.
Он приснился мне в этот вторник,
Он мне что-то на ухо шепнул,
Но сейчас и слова не вспомню.
Он там был, а потом утонул,
И толпа его захлестнула,
Как жестокая злая волна,
Закружила и затянула,
И исчезла потом сама...
А потом она возвращалась,
Приносила других людей,
Но среди пены ее не встречались,
Те глаза, что мне всех милей...
И бурлила волна и кипела,
Предлагая мне пары глаз,
Мое горло от споров хрипело,
Не поверила ей ни раз.
Стольких глаз за него выдавала
Бессердечная эта волна,
Я не верила ей, ведь я знала,
Что, бесстыжая, врет она...
И с тех пор волна невзлюбила
Ту, с кем спорила целый сон,
И, стараясь, меня обходила,
И кривила мне в след лицом.
Вот такая история, люди,
Про толпу и глаза в толпе,
Сон мой завтрашний после обсудим,
Все сейчас. Спать пора мне.

Любовь Семчина

ВСЮДУ СНЕГ...

Всюду снег, все бело,
Город весь замело.
В снежно-белом плену
Глубочайшему сну
Тополя предались.
С другом мы понеслись
К снежной горке скорей:
Кто успеет быстрее?

Город тих, город бел.
Он под снегом сомлел.
Я смотрю из окна,
А в саду тишина,
Только падает снег,
Замедляя свой бег,
И фонарь на углу
Вдруг мигнет на луну...

Екатерина Соборова

О МОЕЙ СЕСТРЕ

Посмотри на меня, мама:
Вот и я большая стала.
Я иду сегодня в первый класс.
Утром для меня пропел будильник
И цветок расцвел для меня.
Двери распахнула школа –
В жизнь ступенька первая моя.
Первую ступеньку эту
Постараюсь я преодолеть.
Ты поверь мне, мама, обещаю:
Ты не будешь за меня краснеть!

Мария Захарова

ЛЕТО

Знойное лето. Мучит жара,
Но до рассвета спадает она,
Воздух дурманит палящим теплом,
Тела касаясь безжалостным злом.

СЕНТЯБРЬ

Желтый листочек с ветки слетает,
Так же неслышно сентябрь ступает.
Осень крадется тихо, как кошка,
Серебряным ветром стучится в окошко.

ПЯТЫЙ ЛЕПЕСТОК СИРЕНИ

На столе букет сирени.
Может быть, в нем есть
Цветок, на котором, словно тени,
Вырос пятый лепесток.

Если есть такой цветочек,
Я, наверно, съем его.
И во мне пойдет росточек
Счастья, может, моего.

Марина Геладзе

НОВЫЙ ГОД

Новый год пусть всех порадует,
Несмотря на холода.
И снежинка с неба падает,
Как прекрасная звезда.

НОВЫЙ ГОД

Я не волшебница, а всего только учусь,
Но основы всех чудес уже я знаю наизусть.
Я не волшебница, но в Новый год
Я наколдую: вам всем повезет!

Оксана Денега

ИДЕЯ

У меня появилась идея.
Осуществить ее было нелегко:
Нужно было долго работать
Над идеей и надо мной.

НОВЫЙ ГОД

Новый год – веселый праздник
Дед Мороз мне скажет: «Здравствуй!».
Игрушки, елочки, снежок,
Подарков красненький мешок.

И все это новый год.
2007 — мое счастье,
Конечно, будет в нем ненастье,
Но мы переживем.

Екатерина Романова

ИГРА

Мы шагали, мы шагали,
Захотели мы сандалии.
В магазин потом пришли
И сандалии нашли.
А затем купили свинку —
Мы нашли ее на рынке.
А потом нашли мы кенгуру.
Догадайтесь, что мы делали?
ИГ-Р-Р-У!

Ирина Шуляк

* * *

Здравствуйте, люди дорогие!
Прилетели в гости к вам!
Привиденья мы не злые,
Улыбайтесь дружно нам!
С Вилой* черт и наваждение,
Мышь летучая летит,
Фея, Ночь и тот вампир
Прилетели к вам на пир.
Начинаем наш концерт.
Вам понравится сюжет!

Надежда Усенко

БИБЛИОТЕКА

Кто любит прогуляться по аптеке,
Кто ходит по музеям и кино,
А я люблю побыть в библиотеке,
Ходить в нее я буду все равно.
Встречает нас не летчик и не пекарь,
Скажу — и мне поверят без порук,
Что это — просто наш библиотекарь,

Помощник нам и самый верный друг.
Найти материалы к сочиненью
И на пятерку написать доклад
Всегда поможет кто? Библиотекарь.
Такую даст нам книгу, просто клад!
А ум его, с компьютером сравнимый,
Нас поражает памятью своей:
Ну, как же можно столько книг, нам милых,
Запомнить? Это чудо, ей-же-ей!
Кто любит прогуляться по аптеке,
Кто ходит по музеям и кино,
А я люблю побыть в библиотеке,
Ходить в нее я буду все равно.

Оксана Цимбалова

* * *

Ноябрь месяц, ночь, и тихий теплый дождь,
И окна нараспашку в старом доме,
Рябины бриллиантовая гроздь
Купается в объятьях сладкой дремы.
И ветерок-шалун едва-едва
Прошелестит — и в воздухе растает,
Прислушайся — услышишь, как трава
Растет и добрый дождь благословляет.
Лист тополя застыл в прозрачной мгле,
В росе искрятся лепестки у розы...
Зачем?! Зачем же ходят по земле
И ненависть, и зло, и боль, и слезы?

Ирина Чаплыгина

* * *

Веткой клен взмахнул стыдливо.
Оторвался золотист
И кружит неторопливо
Желтый лист, последний лист.

Осень — милая девчушка
С золотистой косой —
Все засыпала, подружка,
Пожелтевшею листвою.

* Вила — сказочное существо из рода эльфов.

Я домой спешу. Уроки...
Но совсем уж оголен:
— Ах, какой ты одинокий,
Милый, добрый, старый клен.

Оксана Шевченко

ОПЯТЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ!

Хоть волком вой, ну право слово!
Опаздываю в школу снова!
Печенье на ходу жуя,
Несусь во все лопатки я.

Пришел я в класс, нет, прибежал,
Точнее будет, залетел.
Учитель в кресле мирно спал,
Но только было я присел,
Проснулся он и зажужжал:

— Дражайший Сидоров! Что вдруг
На четверть часа опоздали?
Ах, нет! Простите, милый друг!
Вас, вероятно, задержали!

Опять правительство? Нахалы!
Свободно не дадут вздохнуть!
Скорей несите опахало!
Владимир, чаю вам плеснуть?

Ну что ж, теперь, когда все в сборе,
Начнем, пожалуй, наш урок.
Запишем фразы: «капля в море»,
«Пустить дела на самотек»,
«Бить мимо цели», «мыкать горе»...

Не слышал ничего я боле —
Сидел да дурака валял:
Подергал за косички Олю,
Алешке подзатыльник дал.

Эх, скучно, люди! Мухи дохнут!
Скорей бы перемена, что ли!
Ура! Звонок! Ан нет — будильник...
Опять опаздываю в школу!..

Анастасия Соловьева

МЕДВЕДЬ-ШАТУН

По слухам, поднимаясь из берлоги,
Без страха на морозе околеть,
Почти всю зиму ходит по дороге
Страдающий бессонницей медведь.

По всей округе темными ночами
В ужасный холод, зимнюю пургу
Лесные звери бурого встречали
На ледяном застывшем берегу.

Мохнатой лапой обметая плечи,
Совсем устав, сквозь вьюгу напролом,
Идет медведь совсем по-человечьи,
Весь занесенный снежным серебром.

ЛЕТО

Приляг на изумрудную траву,
Душою посмотри на небеса.
Красиво... Будто бы не наяву...
Природа дарит миру чудеса.

Ты слышишь: листья тихо шелестят,
О скалы днем и ночью бьет прибой.
Смотри, как чайки в гнездышки летят
И бабочка порхает над тобой.

А воздух терпкой сладостью пропах,
Вокруг такая красота и тишь.
И, как бывает в самых сладких снах,
Ты дышишь и, не двигаясь, лежишь.

Светлана Балакина

МОРСКОЙ ЛЕВ

Семен Семеныч — лев морской отважный,
Уже давно он цирковой артист.
Выходит на арену очень важно
Под громкий хохот и веселый свист.

Играет в мяч с ребятами искусно,
Жонглирует мороженой треской,
А по ночам ему бывает грустно,
И снится берег ледяной родной.

КОТЕНОК

Я из школы шла домой,
Лился дождик проливной.
Вижу — маленький котенок
Плачет, как больной ребенок.
Мокрый, грязный и голодный
На земле сидит холодной.
Я взяла его домой.
И теперь котенок мой.

ПАМЯТИ ДЕДУШКИ

Я не верю, что дедушка умер, не верю,
Я хочу возвратить все назад,
Чтоб услышать опять его голос за дверью
И поймать добрый, ласковый взгляд.

Чтоб могла я пятеркой своей похвалиться,
Попросить мне задачу решить.
Если этого больше уже не случиться.
Как же я без него буду жить?

ВЕЧЕР

Солнце по небу скатилось,
Как золотое зерно.
Тьма и вечерняя сырость
Тихо укрыла село.

Дремлет в сарае корова,
Свесив лениво свой хвост.
Месяц, как будто подкова,
Ярко сияет средь звезд.

Первый снежок замечает
Белой крупую дома.
Робко на землю ступает
Русская наша зима.

Олег Жарков

ПЕЙЗАЖНЫЕ ЗАРИСОВКИ

* * *

Стою и вижу сказку из окна:
Береза белая в серебряной накидке
Снегурочкой застыла у калитки,
Светла душой и чувствами нежна.
О чем задумалась, о чем грустит она?

* * *

Снег словно сказочный ковер
Под небом ясным бирюзовым —
На нем сверкающий узор
Волшебной кистью нарисован.
И, в снежный облачась убор,
Спит лес, зимою околдован.

* * *

Ходит осень по земле нарядной,
Золотыми листьями шуша,
Красотой чаруя ненаглядной.
Осень, осень, как ты хороша!

* * *

Листья на деревьях как цветы.
Это осени причуда и фантазия.
Смешивая с солнцем краски разные,
Заставляет сад она цвести.

Ирина Кулина

ВETERАНАМ

Вы выстоять сумели в Сталинграде,
Не захлебнулись волнами в Крыму,
Но словно снайпер, спрятанный в засаде,
Вас выбивала смерть по одному.

Пока в обойме есть еще патроны,
Покуда бьются старые сердца,
Займите круговую оборону.
Держитесь, ветераны, до конца!

И вот снаряды рядышком ложатся,
И свист от пуль разносится уже.
Но надо было все же удержаться
На этом, на последнем рубеже.

Когда земля дрожала, как живая,
Когда от вашей крови таял лед,
Вас выручала дружба фронтовая,
Она и нынче вас не подведет.

В огне сражений вместе вы горели,
Вы не умели вполнакала тлеть.
И если это все вы одолели,
То старость тоже надо одолеть!

Людмила Сотникова

СИНЕГЛАЗЫЙ АНГЕЛ

У меня есть свой Ангел Хранитель незримый, что стоит за спиной и идет след во след.
Всепрощающий, добрый он и терпеливый, серебристым крылом закрывает от бед.
Он спасает меня от коварства и сплетен, от завистливых глаз и от споров с судьбой.
И пускай для других он совсем незаметен, только чувствую: он за мою спиной.
У него голубые глаза, как озера, отражается в них яркий солнечный свет,
Ветер в локонах русых играет задорно, и, конечно, он модно, со вкусом одет.
Он приносит мне веру, любовь и удачу, и ведет меня вдаль по дороге прямой.
Если я спотыкаюсь, то Ангел мой плачет, если верно иду – он ликует со мной.
Перед сном я опять прочитаю молитву, у и Бога опять попрошу одного:
Пусть от бед и несчастий незримо хранит он синеглазого Ангела моего.

Я ЖДУ ВЕСНУ

Зима замерзла. Под окном дрожит, сутулясь, снеговик,
И ни души, лишь старый клен под гнетом белых снов поник.
Мороз рисует на стекле снежинок сказочную сеть,
А я мечтаю о весне, когда ручьи начнут звенеть,
Когда услышу птичий крик, увижу первую капель.
То я забуду в тот же миг, как страшны ветер и метель.
Я солнцу руки протяну, в мир красок поселившись вдруг,
И окна настезь распахну, пусть май заполнит все вокруг.
Так пусть свирепствует зима, не зная отдыха и сна...
Так важно, чтоб в душе жила у каждого из нас весна!

Я ВИДЕЛА ВОЙНУ

Я видела войну не только на экране: мой прадед защищал Марухский перевал.
В высоких тех горах он был смертельно ранен и кровью истекал, и снег кровавым стал.
Остался от него лишь медальон солдатский, конвертиком письмо и фото на стене,
Где обнимает он своих друзей по-братски и из сороковых рукою машет мне.
Ему лишь двадцать пять, и он не постареет, и не увидит он, как дочка подрастет,
Как сын пойдет служить и рано поседеет, когда в Кабуле взвод в засаду попадет,
Как внук его, старлей, в Чечне прикроет друга и будет ровно год менять госпиталю.
Три фото на стене. Похожи друг на друга солдаты разных лет. Они моя семья.
Я видела войну в глазах отца и деда, в скупой мужской слезе и в плаче матерей.
Зачем нужна война? Я не найду ответа.
Так дай нам Бог вовек не повстречаться с ней!

Часть 3

Поразмышляем

Дарья Лебедева

ДОРОГА К ХРАМУ

Восстанет из пепла и бездны греховной
Новая Русь — Русь, давшая миру многих подвижников
Веры и благочестия, Русь, созидаящая храмы
в городах, весях и сердцах...

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

Возрождение страны... Все говорят об этом, все хотят этого. Русь поднимается, но медленно и трудно. Пробуждение, обретение духовности и веры в вечное помогут разбудить патриотизм в народе и возродить Россию.

На мой взгляд, интерес к своим православным корням, к религии предков как раз и показывает, что мы на верном пути. Годы лихолетий и исторических потрясений стали суровым испытанием для Церкви. Каждый раз после различных катаклизмов она собирала под свои своды самых верных, самых стойких сыновей и дочерей. Сложный и тернистый путь прошла Церковь с момента прихода православия на Северный Кавказ.

Я хочу рассказать историю одного храма, появившегося десять лет назад на минераловодской земле. Собор Покрова Пресвятой Богородицы был построен в удивительно короткие сроки — с 1992 по 1997 год. Всего за пять лет над городом Минеральные Воды засияли золотые купола, зазвонили колокола. Прежний храм под этим именем был освящен в 1900 году, действовал он до начала тридцатых годов, затем был закрыт и разграблен, а в 1937 году — разрушен. Вот и задумали священнослужители и верующие города во главе с батюшкой Ильей построить новый храм, лучше прежнего.

О том, как все начиналось, решила я узнать у настоятеля нынешнего храма батюшки Ильи. Договорилась о встрече. Волнение меня переполняло, ведь батюшка в нашем городе — человек известный: кого-то он крестил, кого-то венчал, исповедовал, кому-то просто помог важным советом. Каждый день батюшка в храме, несмотря на возраст и здоровье. И каждый знает, что красавец храм строился по благословению и под непосредственным руководством настоятеля митрофорного протоиерея отца Ильи Агеева.

Вышел ко мне невысокого роста седой старичок с доброжелательной улыбкой, как потом выяснилось, очень скромный. Как может человек быть одновременно так известен и так застенчив? Не ждет батюшка Илья похвалы и воздаяний. Не любит говорить о себе. Более того, похвалу о себе слышать не хочет. «Горе вам, если вас хвалят! — говорит батюшка. — Если у человека много почестей на земле, то ему может быть плохо там, на небе, в будущей жизни».

О том, как строился храм, говорил трепетно, с удовольствием.

Покровский собор был построен по благословению Высокопреосвященнейшего Гедеона, митрополита Ставропольского и Владикавказского.

Место под строительство храма выделили городские власти, и случилось это в день памяти Преподобного Сергия Радонежского. Этому знаменитому святому посвящен северный придел храма. А южный придел построили в честь Великомученика Иоанна — воина.

25 декабря 1990 года освятили участок, выделенный под строительство храма, поставили большой деревянный крест. И закипела работа. Строили, как говорится, «всем миром». Не захотел батюшка Илья рассказывать о том, как он организовывал и руководил строительством четырехпрестольного собора. А вот о людях, помогавших строить, говорит: «Не смогли бы мы храм построить без женщин пожилых, старушек немощных и детей. В любую погоду, случалось и под дождем, перебирали бабушкины руки кирпичики. Никто их не принуждал, сами приходили». Создавался Покровский собор творческим трудом людей различных профессий: строителей, архитекторов, мастеров живописи и колокольного искусства. Говорит батюшка, что люди эти возвели себе вечный памятник. Пока храм будет стоять, не забудут их имена, и вечно добрым словом прихожане их поминать будут.

Рассказал мне батюшка Илья удивительный случай, происшедший во время строительства храма. Шли как-то три женщины по лесопосадке и увидели, что на том месте, где землю под храм освятили, стоит под деревом маленькая иконка. Пригляделись, а это икона Тихвинской Божьей Матери. Неспроста это, значит, угодны богу дела наши. И отнесли иконку в сторожку. И сейчас она в храме хранится. А весной 1998 года, на Пасху, митрополит Гедеон подарил храму старинную икону Тихвинской Божьей Матери, которой уже двести лет. Икона эта чудотворная. В годы Великой Отечественной войны хранилась она в одном из смоленских храмов. Сильно бомбили Смоленск, мало что уцелело, а вот храм остался стоять невредимым, ни одна бомба на него не упала. Вот и решили иконе Тихвинской Божьей Матери посвятить нижний престол нашего храма.

Собор строили по проекту инженера-архитектора из Владикавказа Каурбека Михайловича Макеева.

Большую помощь оказала в строительстве собора администрация прядильно-ткацкой фабрики: бригаду рабочих направили, технику, стройматериалы, и все бесплатно. Стены собора из красного кирпича сложили, купола покрыты листовым железом. Отец Илья специально летал в Челябинск, где заказал этот редкий металл, обработанный нитротитаном. Храм имеет девять куполов, изготовленных из прочной стали. Сияют на солнце купола благодаря нитротитановому покрытию под цвет золота.

Трудностей и преград было немало. Но потихоньку, как говорит наш батюшка, с Божьей помощью, храм рос, обустривался, хорошел. Позже я узнала от старушек в храме, что батюшку Илью бесребреником называют, потому что не берет он никогда и ни от кого денег.

На глазах рос Покровский собор. В основании собора — восьмиконечный крест как видимый знак нашего спасения. Сам Покровский собор представляет собой комплекс, состоящий из самого храма, административного здания, различных служебных помещений и келий для паломников. С особой любовью рассказывал батюшка Илья о звоннице. «Это наша гордость», — говорил он. В ней восемь колоколов, один из них самый большой, а остальные семь поменьше. Заказаны были колокола в Москве на заводе имени Лихачева, где отливались колокола и для храма Христа Спасителя. Технология производства колокола очень сложна. Малейшее нарушение в линиях и пропорциях или же неправильный выбор профиля колокола ведут к искажению звука. Колокола настраивал главный

звонарь России Коновалов Игорь Владимирович. Специально приезжал из Москвы, трудился усердно, искал нужный звук, тональность. Все восемь колоколов полного звукового ряда мажорного тона на Покровском соборе имеют очень чистое и красивое звучание. Звонят в колокола пономари — служители церкви. Каждый день жители города наслаждаются этим прекрасным звуком. Нет в городе человека, которому бы не нравился колокольный перезвон. А иначе и быть не может, ведь колокольный звон тяжел для дьявола. К тому же в старину во время эпидемий в городах и деревнях непрерывно звонили колокола. Сейчас ученые доказали, что колокольные звуки разрушают микробы, поэтому и болезни отступают. Так что колокольный звон — это и благо, и исцеление.

Внешний вид храма Покрова Пресвятой Богородицы поражает воображение своим величием и одновременно простотой. Внутри храма торжественно и уютно. Роспись выдержана в цельной академической манере. Все сюжеты понятны и выразительны. Строки молитв написаны древнейшим церковно-славянским шрифтом. Над внутренним убранством храма работали московские иконописцы — реставраторы. Внутри собора, находится нижний храм, где производится обряд крещения. В подсобном помещении имеется библиотека и церковная лавка.

14 октября 1997 года было совершено освящение храма Покрова Пресвятой Богородицы высокопреосвященнейшим митрополитом Ставропольским и Владикавказским Гедеоном в сослужении Ставропольского и Кавминводского духовенства.

Утром в праздник Покрова Пресвятой Богородицы у храма собралось множество людей. Со всех сторон как ручейки стекались к собору людские потоки.

Звучало песнопение, звонили колокола. Лица всех светились радостью. Был совершен крестный ход вокруг храма, стены собора окропили святой водой. Митрополит, молясь о здравии всех, поблагодарил Бога за совершающееся чудо — возрождение поруганной, униженной и оскорбленной Руси. Владыка Гедeon выразил благодарность за благословенные труды всем, кто строил храм. Отцу Илье за возведение храма он подарил икону Казанской Божьей Матери и кадило, привезенное из святой земли Иерусалима.

В этом году храму Покрова исполняется десять лет. Но это не единственная дата, которой гордятся верующие жители города. Восьмое августа 1998 года — исторический день для всего Ставропольского края. Свершилось величайшее событие современности — перенесение мощей святого преподобного старца Феодосия Кавказского из Михаило-Архангельского храма в новый Покровский собор.

Многотысячным и торжественным был крестный ход. Перенесение честных мощей старца поистине стало актом торжества православия. «Наша кавказская земля хранима Господом, а старец Феодосий — покровитель здешних мест и народов. Его мощи обладают удивительно целебной силой», — поведал мне батюшка Илья. Но не только мощи преподобного Феодосия Кавказского покоятся в храме. Покровский собор уникален еще и тем, что в нем хранятся частицы мощей более пятидесяти святых в иконах и мощевике, в том числе и святых Сергия Радонежского и Серафима Саровского.

Часто можно видеть вереницу легковых машин и автобусов возле собора. Это паломники издалека приезжают, чтобы поклониться святыням, помолиться, послушать пение хора. В храме можно забыть обиды и горе, болезни и неудачи, поставить свечи «о здравии» и «за упокой». Здесь всегда прохладно и спокойно. Слегка слышен шепот молящихся и потрескивание свечей. Для кого-то храм стал родным домом, для кого-то это место отдыха души. Чаще стала и молодежь в храм заходить. Отец Илья отметил, что необходимо начинать приобщение к вере с юных лет. В эпоху общественных потрясений, когда утеряны все идеалы добра и справедливости, нужно искать пути для сохранения социального здоровья нации. Важно, чтобы и дома, и в школе сохранялись православные традиции, воспитывалась в детях основа евангельской нравственности.

Вот и я вышла из храма после беседы с батюшкой Ильей, задумалась. Храм мне показался каким-то другим, одушевленным, как будто живет он своей особенной жизнью. И люди, идущие мне навстречу, добрее, приветливей кажутся. И тут вспомнила я слова батюшки: «Жизнь проходит три стадии: первая в утробе, вторая на земле, третья — на небе у Бога. Душа обязательно возвратится к Богу». Хоть раз в жизни каждый задумывается, что ему важнее: материальные ценности или духовное благополучие? Как лучше жизнь на земле прожить — с Богом или без него?

Поэт Юрий Левитанский писал так:

Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу,
Дьяволу служить или пророку —
Каждый выбирает для себя...

Каждый выбирает для себя.
Выбираю тоже — как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя.

Я считаю: пусть лучше молодые люди историей своей страны интересуются, а не наркотиками. Пусть лучше они путь свой жизненный начнут с посещения храма, а не с выпитой бутылки пива на улице. Поверьте, дорога к храму не такая уж и длинная.

Замечательные люди

Лусине Варданян

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО: НЕЗАМЕНИМАЯ АНДРЕЕВНА

Много интересных людей работает в самом крупном зерноводческом хозяйстве района — СПК «Октябрьский», но такую женщину, как Софья Андреевна Висарева, пожалуй, трудно где-либо сыскать...

С половины пятого она уже на работе. Неутомимая и неугомонная женщина привыкла к своему особому распорядку дня. До появления машин на весовой учетчица успевает полностью подготовить необходимую документацию — все номера машин она помнит наизусть. С водителями обычно разговор короткий, ведь слушают Софью Андреевну беспрекословно. И это — не только уважение к возрасту. В твердости ее характера, принципиальности многим пришлось убедиться не раз: за «крепким словом» Софья Андреевна в карман не полезет. Но начальник участка кормозаготовок ПУ №3 А.В. Жуков ею полностью доволен: «Мимо весовой и птица не пролетит. Все учтено до грамма!».

В июле Софье Андреевне исполнилось 80 лет! Но в это трудно поверить: на работу женщина приходит всегда с накрашенными губами, следит за прической, а уж бодрости духа ей не занимать. Хотя в последнее время все чаще поговаривают об отдыхе. Но Александр Васильевич Жуков не спешит ее отпускать, вот и в этом году вновь попросил: «Дайте еще времени найти Вам замену...». А нам заметил, что сделать это будет нелегко: кто захочет так рано вставать, возиться с отчетами... Одним словом, работа — кропотливая. Кстати, готовые отчеты Софья Андреевна доставляет бухгалтеру прямо домой, не дожидаясь следующего дня и тем более крайних сроков.

Она до сих пор живет по старым понятиям, когда каждый человек знал и верил, что он — самое нужное звено в цепи бесконечных трудовых будней. Потому не может представить, как можно опоздать на работу, ведь с кормоучастка развозят зеленую массу по всем животноводческим точкам. «А попробуй вовремя не покормить коров... Они и молока не дадут», — рассуждает Софья Андреевна.

Такая она и есть — за дело переживает, как за свое личное: хотя на самом деле «о личном» совсем не печется. Всего пять лет назад в ее двор был подведен водопровод, а до тех пор она каждое утро ведрами носила воду от соседей, чтобы огород полить, постирать, приготовить... В разговоре с начальником участка как-то поделилась: «Ох, Васильич, и натаскала я сегодня с утра воды...». Тот уди-

вился: «А что, у Вас дома крана нет?» В тот же день отправил рабочих из бригады исправить ситуацию. Воду не только во двор, но и в дом провели.

На сезон кормозаготовок, когда работы прибавляется, Софье Андреевне на весовую направляют помощницу — все же годы... Но кто бы мог ее заменить полностью, начальнику и в голову не приходит.

В свои восемьдесят она легко взбирается в кабину попутного трактора, чтобы добраться до участка, а порой это расстояние — в пять километров — преодолевает пешком.

Вот сколько сил у пожилой женщины. Родом Софья Андреевна из Ленинградской области. Вместе с матерью попала на Левокумье во время эвакуации. Отец погиб на фронте. Ее собственная семья не стала поддержкой и утешением — у детей давно сложилась своя собственная жизнь. А она, не зная усталости, продолжает работать в хозяйстве, с которым ее связывает уже более 60 лет трудовой биографии.

Коллектив участка подарил ей на день рождения цветной телевизор, и это для Софьи Андреевны стало настоящим счастьем.

Ольга Гунариди

БАБА МАНЯ

За окнами слякоть. Сыро. Под одеялом хорошо. Где-то сверху, под потолком, захрипело, затрещало радио. Полились знакомые звуки: торжественно звучал российский гимн.

Бабушка заворочалась в своем углу:

— Гимн играет... Слышишь, Олька, вставай, корову выгоняй!

Я лежала, укрывшись с головой. На улицу идти не хотелось. И я притворилась спящей: все-таки каникулы!

Заолав, баба Маня поплелась к двери...

А я все лежала и слушала удивительные, возвышенные звуки гимна... Невольно поймала себя на мысли, что я уже не лежала, свернувшись клубочком, как бабушкина кошка Муська. Я будто стояла по стойке «смирно», вытянув руки по швам.

Встав на пол босыми ногами, я беззвучно шевелила губами, повторяя слова, воспевающие нашу страну, великую Россию:

Славься, страна! Мы гордимся тобой!

Как замечательно начинать день с гимна! Мне вдруг вспомнились глаза спортсменов, полные слез: с каким уважением, с каким благоговением, с гордостью слушали наши мастера спорта, встав на верхнюю ступеньку пьедестала, государственный гимн. И здесь, в деревенской избе, торжественные звуки гимна тоже вселяли чувство гордости за свою Родину.

В углу, у окна, в комодке, баба Маня хранила старые фотографии, вырезки из газет советской эпохи, старые деньги, которые бабушка не успела обменять: деревня-то далеко от города! Я всегда с любопытством перебираю пожелтевшие страницы, разноцветные бумажки, бывшие некогда деньгами. На удивление среди них я нашла двести пятьдесят рублей, возможно, еще времен гражданской войны: в центре купюры был изображен двуглавый орел. Оказывается, наш российский герб похож на тот, что существовал почти столетие назад, только «наш» орел, подняв вверх распущенные крылья, увенчан малыми коронами.

В избу, гремя ведрами, вошла баба Маня:

- И что ж это делается! Ни свет ни заря — она уже с бумажками! Как корову выгонять — она спит!..
- Ба-а, не ворчи! Гляди, что я нашла! А герб-то прямо как наш, современный! Прикольно!
- Угу...
- А правда, у нас гимн классный?
- Молодежь... слова-то какие... Прикольно! Классный! Никакого уважения ни к старшим, ни к государству!

— Бабуль, да ладно тебе!

— Чего ладно-то! В телевизор посмотришь — страшно-то как! Идут... все пьяные... флагами размахивают...

— Ба, так это ж болельщики за любимую команду «болеют».

— А флагами зачем махать?! Флаг уважать надо. Вот в войну... девчонкой тогда была да партизанам помогала. Отступали наши... А знамена боевые как бросить-то? И попросили нас с Нюркой (подруга моя была, умерла в конце войны) спрятать флаги эти подальше, чтоб не нашли их фашисты. А в сорок четвертом, весной, приходит тот солдат, что на хранение-то знамена, стало быть, оставил. Я за печку — отдаю ему... У него... руки трясутся... слезы катятся. Встал на колени и целует край знамени...

Бабушка отвернулась к окну, а я даже не знала, что ей сказать, и тихо позвала ее:

— Бабуль, а ты знаешь, что наш современный флаг существовал еще в конце семнадцатого века? Красный цвет считался символом отваги и мужества, голубой был символом Богоматери, а белый цвет олицетворял мир, чистоту, благородство!

Баба Маня повернулась ко мне: на лице ее были заметны слезы:

— Чистота... Благородство... Этого сейчас не увидишь... Ничего не осталось святого... — она направилась к двери, пробурчав что-то про корову.

Я поняла, что мне надо было быстро одеваться и идти выгонять корову.

С тех пор мне не давали покоя ее слова. А спросить о них я не решалась. Может, меня останавливало осознание того, что бабушка прожила тяжелую жизнь, и любое упоминание о прошлом только огорчало ее.

Летом, на каникулах, я снова открыла заветную коробочку, хранившуюся в комод. К моему удивлению, я нашла газетную вырезку тридцатых годов (как я ее раньше не заметила!); в статье рассказывалось, как деревенский совет постановил уничтожить церкви близлежащих районов. «Как же так? Церкви-то маленькие, обветшалые, деревянные, построены давно, никто точно год не назовет. Много ли зла они приносили?» — думала я, и передо мной возникали страшные картины: падающие вниз соборы Кремля, огромные костры, в которых плавятся двуглавые орлы, а вокруг люди, яростно рвущие у бело-сине-красных флагов две верхние полосы...

Как страшно люди боролись со своим прошлым! Мои прародители в деревне сохранили вырезку как горькую ошибку времени, но смирились и стали относиться к новым символам государства, как относились тогда, во времена патриархальной России. Но все почему-то изменилось... Девяностые годы внесли хаос в жизнь общества, наши души очерствели, мы стали жить по принципу «каждый сам за себя». Сегодня молодой человек, размахивающий флагом, даже не догадывается, что совершает кощунство. Наш флаг отображает «небесный» порядок, который нужно уважать, почитать, охранять.

Нам, молодому поколению, важно не только знать наши государственные символы. Главное: мы должны измениться внутренне, стать духовно чистыми, благородными. Об этом, видимо, и хотела сказать баба Маня...

Жанна Пшенко

ДИНКИНЫ ПРЯНИКИ

Динка чистила картошку. Она торопилась, поэтому очистки из-под ножа не вились тонкой лентой, как им полагалось, а обрывались толстыми неуклюжими кусочками и падали в ведро. Хозяйка ругала Динку за слишком толсто снятую кожуру. Но с некоторых пор картофельные выговоры прекратились: в ведре были только тонкие очистки. Объяснялось это не тем, что одиннадцатилетняя прислуга научилась ловко обращаться с ножом. Все было гораздо проще. Дом стоял в центре старой Казани, где улицы очень крутые и дома косо врастают в землю. Окно кухни было наполовину скрыто землей, и слишком толстые шкурки выбрасывались хитрой Динкой в форточку. Дело было зимой, и грязная куча около окна не привлекала особого внимания, поэтому Динка часто позволяла себе думать не о картошке, а о том, как было раньше, когда еще не умер папа.

Он был завмагом. Это слово ничего не говорило четырехлетней Динке, но его часто повторяли взрослые. Когда отец приходил домой с работы, как хорошо было зарыться лицом в его пахнущую морозом доху, подбитую ярко – рыжими лисами. Там у нее был свой мир: теплый, темный и пушистый, а главное, такой же добрый и веселый, как папа. Потом был тиф. Болели все, кроме старшей сестры Кати. Отца увезли в больницу, а мама, брат Андрей, Динка и совсем еще маленькая Рая переболели дома и выжили. А папа умер, его привезли из больницы и положили на пол в гостиной. Больше об отце Динка не помнила ничего. После его смерти из дома стали потихоньку уплывать вещи: у мамы больше не было шубы, а отцовскую доху продали еще раньше. Мама работает уборщицей в магазине, где раньше заведовал отец. Саму Динку отдали в прислугу к чужим людям. А ведь раньше они жили совсем по-другому. Мама была весь день дома и ходила в тонких белых перчатках, которые сейчас лежат в самом дальнем ящике. Если бы был жив папа, то Динке не надо было бы с утра мчаться в очередь за хлебом, потом в школу, потом сюда – чистить эту опостылевшую картошку и следить за очистками. Если бы был жив папа...

Разоблачение наступило неожиданно. Соседка, заметив странную кучку у окна, проследила за ее возникновением и рассказала об этом хозяевам. Те, понятное дело, не слишком обрадовались динкиной изобретательности... Следить за ее добросовестностью стали тщательнее. Но скоро пришла Катя и забрала Динку домой. Там тоже не хватало рабочих рук – некому было стоять в очередях за хлебом и керосином. Динке не было еще и двенадцати, когда началась война.

Шел 1942 год.

Динка привычно потянулась под одеялом и открыла глаза: в комнате было оглушительно темно. Зимой и так рассветает поздно, а кроме того, на всех окнах маскировка – ни один лучик света не выбьется наружу. У них дома все окна занавешены одеялами. Говорят, что из самолета летчик видит в окне даже горящую спичку. К Казани немцы еще не подошли, но иногда над городом летают немецкие самолеты.

Динка выскочила из постели и подбежала к окну, сдернула одеяло. На столе пряники. Их надо разложить по кучкам, на три сорта: большие, средние и маленькие. Цена у них тоже разная – в зависимости от размера. Теперь хлеб. Динка покупала буханку за пятьсот рублей. Если ее нарезать на шесть кусков, по сто рублей каждый, то получалось лишняя сотня. Но буханки должны быть низкие, но длинные, чтобы куски казались больше; Динка иногда даже ругалась из-за этого с продавцами в магазинах.

Уже половина седьмого – пора на базар. Динка схватила свое добро, проверила подкладку пальто – там деньги и карточки – и тихонько выбежала из дома, осторожно прикрыв за собой дверь. К семи она уже была на базаре.

Хлеб продавался быстро, как обычно, осталась одна буханка, а один кусок девочка съела сама. Пряников же оставалось еще много. Динка громко подзывала покупателей. Но большинство людей шло мимо, не обращая внимания на динкины пряники. Все думали о своих делах, у каждого были свои заботы, по-видимому, далекие от сладкого. Время приближалось к половине первого, Динке пора было идти в школу. Она уже собрала пряники в сумку, когда к ней подошла женщина в огромном мохнатом полушубке и спросила: «Что продаешь?». Дина показала содержимое сумки: около килограмма пряников и одна целая буханка хлеба. Только когда женщина строго сказала: «Пойдем со мной!», — девочка поняла, что это милиционер.

Динка, конечно, знала: то, чем она занимается, называется спекуляцией и запрещено законом. Но что ей оставалось делать, когда однажды за ужином старшая сестра заметила, что динкин аппетит увеличился. Катьке показалось, что сестра берет слишком много хлеба из общего, который лежал на столе. И с тех пор у Динки была своя, отдельная хлебная карточка. А дома она все ела без хлеба. Есть же хотелось постоянно: девочка росла. Поэтому и пришлось Динке заняться своим противозаконным «бизнесом». Она покупала в магазине хлебные и сахарные карточки, а потом меняла их на товар. По сахарным карточкам давали пряники или конфеты, что было в магазине; один раз дали даже шоколад, правда, очень — очень мало. Сейчас у нее была своя бухгалтерия, зашитые в подкладку пальто дебет и кредит. Ей было всего двенадцать, но она прекрасно знала, как достаются деньги, работала, как взрослая, на морозе. И за это ее забирают в милицию?

Пока Динка мысленно сокрушалась, они уже подошли к железным воротам и вошли в огромный двор перед старинным деревянным зданием. Во дворе изгибалась и шевелилась громадная очередь. Динка быстро сообразила, что это ее товарищи по несчастью. Пар от дыхания такого количества людей стоял, как в бане, и девочке казалось, что он не летит в небо, как ему полагается, а стелется под ногами, как противный осенний туман. На душе у Динки было пасмурно. Милиционерша поставила ее в очередь и велела стоять, а сама куда-то ушла. Обернувшись, девочка поняла, что убежать не получится, и, чтобы себя отвлечь, принялась разглядывать очередь. Здесь были самые разные люди. Кто-то одет в шубу, кто-то в тулуп, а женщина перед ней — вообще в старенькую телогрейку с дырой на рукаве. Но не это поразило Динку — в военное время главное не красота, а тепло, вот и накручиваешь на себя, что ни попадя, чтобы не замерзнуть. Странно было другое. Все в очереди что-то ели, причем делились друг с другом едой. Динка стояла и удивлялась, когда женщина в рваной телогрейке повернулась к ней и весело спросила:

- А тебя с чем поймали?
- Вот тут пряники и хлеб, — ответила оробевшая Динка.
- Ну и чего же стоишь? Ешь их!
- Я их не ем, я их продаю, — растерялась девочка.
- Вот дурочка! — расхохоталась женщина. — Ешь, все равно отберут, даром пропадет.

И Динка, пожалуй, впервые за множество дней, наелась досыта. Все в очереди делились друг с другом, разговаривали, шутили и смеялись. И пар от дыхания очереди уже не казался застывшим у земли болотным туманом. Белый и веселый, он улетал в небо и растворялся там, нежно тая.

Когда подошла ее очередь, стояли глубокие зимние сумерки. Динка поднялась на второй этаж, куда ей показали, и вновь увидела «свою» милиционершу, только уже без полушубка и в очках. Та выглядела очень бледной и усталой. Она не узнала Динку и грустно спросила:

- Чем торговала?
- Ничем, — ответила «преступница» (в очереди ее научили, как нужно отвечать).
- А что в сумке?
- Ничего, — вновь хитро улыбнулась Динка.

Милиционер, конечно, все давно уже поняла и лишь с легким вздохом попросила сказать фамилию, имя и адрес, пообещав прийти и поговорить с динкиными родителями. С первым и вторым у девочки проблем не возникло, а вот над третьим она серьезно задумалась. Вряд ли действительно придут, но вдруг... Как расстроится мама, как будет ругаться Катя! Немного подумав, Динка назвала адрес директора школы...

Когда она вышла из ворот, было семь часов вечера. В школе шел последний урок — смысла идти туда не было, и Динка, как обычно делала после уроков, пошла в магазин, где работала мама.

Это был магазин от завода № 404. Сразу же, как пришла, Динка села клеить талончики на карточки. Зеленые — дети, 300 граммов; розовые — иждивенцы, 300 граммов; синие — рабочие, 400 граммов, желтые — особые рабочие, 800 граммов, красные... Потом она, как обычно, выкупила оставшиеся карточки и тут же отоварила их. Сегодня на сахарные карточки дали конфеты. Завтра она опять пойдет на рынок, конфеты расходятся хорошо. Аккуратно сложив товар в сумку, она пошла мыть полы. Мама возила мокрой тряпкой грязь, а Динка вытирала начисто. Наконец все было закончено. Мать и дочь шли домой, крепко прижавшись и держась друг за друга, чтобы не упасть. Был час ночи. На улице было не просто темно, а ужасно темно. Светомаскировка. Когда они пришли домой, было два часа ночи.

Сегодня все шло просто замечательно. Динка продала уже все и летела в школу. Прибежав, она с разбегу плюхнулась за парту и достала из сумки (ее приносила в школу младшая сестра) учебник. Сразу же прозвенел звонок, и в класс вошла учительница. Динка сидела за своей третьей партой около окна и тихонько считала заработанные за день деньги. Учительница нахмурилась: «Панова! Что ты там делаешь? Опять деньги считаешь? Быстро к доске!». Это был урок литературы. Динка старательно читала отрывок из какой-то повести. Все вроде бы было хорошо, но учительнице не понравилось, как ученица выговорила пару слов. Динка прочитала еще раз, но от волнения вышло еще хуже. Учительница была в плохом настроении.

— Панова, ты надо мной издеваешься?

— Нет, — прошептала Динка

— Тогда говори правильно.

— У меня не получается, — еще тише сказала девочка.

— Если ты сейчас же не прекратишь паясничать, я поставлю тебе «двойку»! — пригрозила учительница.

— Ну и ставьте! — с неожиданным вызовом бросила Динка.

— Я тебе пять «двоек» подряд поставлю в журнал!

— Ставьте, ставьте! — задрала подбородок девчонка.

Раскисневшая учительница тут же вывела в журнале напротив динкиной фамилии пять «двоек» подряд.

В то время в школе был оригинальный способ борьбы за успеваемость. Если кто-то получал «двойку», то был обязан пилить дрова для школьной котельной. Портфели двоечников забирались в учительскую до окончания работы. Получалось, что Динка должна была пилить дрова пять дней подряд. И все бы ничего, но на улице было очень холодно: всю зиму стоял мороз сорок градусов, а у Динки не было валенок, их давали только тем, у кого отцы погибли на фронте. А ее папа умер за долго до войны. Валенки у них были одни на всю семью, да и те сплошь дырявые.

Когда Динка вышла на улицу, то чулок, которым она затыкала дыру на пятке, вылез, и теперь он тянулся за ней, как змея. Все вокруг начали смеяться над Динкой и показывать на нее, как на чучело. Чертов чулок замерз, его было совершенно невозможно свернуть и засунуть на место. На глазах у Динки выступили злые слезы, и она убежала обратно в школу. Немного поплавав под лестницей,

она решила, что не будет пилить эти проклятые дрова. Осторожно выбравшись из-под лестницы, она подошла к полуоткрытой двери в учительскую. Заглянув, она увидела, что там никого нет. Динка быстро схватила свою сумку из кучи на столе и побежала в туалет. Там она выкинула ее из окна прямо на снег, а потом вылезла из того же окна сама. Подобрав сумку, она пошла домой. Ей было двенадцать лет, и она училась в четвертом классе. Больше в школу она не пошла. Никогда.

Потом она вырастет, будет работать. Выйдет замуж, у нее родятся две дочери. И ее заветной мечтой будет дать им образование — то, чего не было у нее самой. Только она будет знать, чего ей это стоило, для этого она будет работать днем и ночью. И ее мечта исполнится. Обе дочери закончат вузы (одна из них станет моей матерью), и она по праву будет гордиться ими.

И глядя на эту, такую полную жизни, теперь уже старушку, никто не сможет представить, каким было ее военное детство. Она не озлобилась, а, наоборот, открылась навстречу людям. Испытав на себе, как тяжело бывает, если никто не поддерживает, она всегда и всем готова помочь. И ее всепокоряющая доброта, как солнце, притягивает к ней всех, кто ее знает. Я горжусь своей бабушкой и очень ее люблю.

Анна Лапшова

УЧИТЕЛЬ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Это было четыре года назад. Я тогда училась в шестом классе школы № 3 Пятигорска (там продолжаю учиться). Моему брату, одиннадцатикласснику учительница истории Миланя Яковлевна Осипова предложила участвовать в олимпиаде «Будущее государственной службы», которая проходила в Пятигорске. Вся наша семья с радостью восприняла это предложение: по достоинству были оценены Сашины знания. Много работала Миланя Яковлевна с братом. Результат превзошел все ожидания — победа в олимпиаде. Сашу без экзаменов приняли в Северо-Кавказскую академию государственной службы.

С тех пор я стала мечтать о том, чтобы и меня учила Миланя Яковлевна Осипова. И, наконец, мечта осуществилась.

Очень хорошо помню 5 сентября 2003 года. С этого дня историю в нашем классе стала преподавать М.Я. Осипова.

Она вошла в кабинет стремительной походкой, задорно улыбнулась и начала урок. Я не спускала с нее глаз: учительница просто пленила меня своим обаянием. Невысокая, полноватая Миланя Яковлевна легко двигалась возле доски, руководя нами, как опытный дирижер. За каждым учеником наблюдали ее глаза, большие и очень внимательные. Они умели смотреть из души в душу. Весь облик учительницы излучал теплые, облагораживающие нас, живые волны. Никогда раньше я не встречалась с такой зримой, такой говорящей красотой. Это удивительный человек!

С каждым учеником у нее сложились свои отношения: никого не выделяя, любит всех одинаково.

— Этот закон любви естественно заложен в самой природе, — часто говорит она.

С таким мироощущением вошла Миланя Яковлевна в мою жизнь. Итак, первый секрет ее учительского мастерства — закон любви.

— Любовь — неведомая страна, в которую мы плывем каждый на своем корабле, и каждый сам себе капитан. Что есть любовь? Это единение человека с другими людьми, со всем сущим, это стремление к вечности.

Как жаль, что ее слова, такие живые, искрящиеся (у нашей учительницы молодой голос, хотя ей немного больше сорока), сейчас, когда переносу их на бумагу, тускнеют, как морские камешки, вынутые из воды. С этим нужно, наверное, смириться, ведь главное — донести смысл слов.

Ее уроки истории, обществознания — откровение в любви к России, к миру в целом. Миланя Яковлевна учит нас бережно, осторожно относиться к прошлому — тогда тоже жили люди со своими радостями и печальями.

Вырастить своих учеников достойными гражданами России — второй секрет учительского мастерства. Когда она рассказывает о том, что когда-то было, ее глаза излучают тепло, всепроникающую любовь. Учительница словно хочет в каждого из нас вложить частицу своей большой души. Какая Миланя Яковлевна красивая в такие минуты! Я рада, что в нашей школе есть учитель с большой буквы, перед которым хочется склонить голову в знак огромной любви и уважения.

Мы не просто изучаем историю, обществознание, мы учимся жить, понимать прошлое, настоящее и будущее огромной страны.

Миланя Яковлевна часто говорит нам:

— Если жизнь не представляется вам великим, незаслуженным счастьем, ищите вину в себе. Вина — в эгоизме, в желании радости только для себя.

Это не просто слова, это убеждение.

Наша учительница — солнечный человек. Ее душевное тепло расходуется, как лучи, высвечивая самое потаенное в душах учеников. Рядом с ней всегда чувствуешь окрыленность, желание дерзать. Ведь неспроста многие воспитанники стали призерами, победителями как краевых, так и всероссийских олимпиад, конкурсов.

Миланя Яковлевна умеет открывать талантливых ребят. И они, соприкоснувшись с ней, обретают жизненную стойкость и великую тягу к знаниям. Общаясь с таким учителем, каждый испытывает тревожное ощущение, какое бывает будоражащей весной, зовущей человека подняться во всю его высоту. Ее ученики не пропустили весну, сумели определиться в жизни. Среди выпускников Милани Яковлевны нет неудачников: в каждом из них живет стремление к познанию себя, окружающего мира. И все это сумела вложить в ребят наша замечательная учительница. И это третий секрет ее педагогического мастерства.

Что бы она ни делала, чувствуется творческое парение ввысь. Все вокруг нее находится в движении. Так, благодаря усилиям Милани Яковлевны в школе появилась своя газета. Учительнице удалось убедить около тридцати учеников принять участие в краевой дистанционной и обнинской олимпиадах. Этот удивительный человек считает, что мы (воспитанники) должны постоянно развивать свой интеллект, обогащать внутренний мир.

На уроках истории, обществознания Миланя Яковлевна часто нам говорит:

— Каждый может стать художником своей жизни и установить с миром отношение взаимотворчества.

Сама она яркий пример этих слов. Как художник, наша учительница расписывает радужными красками полотно своей жизни. На ее полотне нет серых, блеклых разводов, потому что талант не бывает бесцветным.

Миланя Яковлевна умеет и урок прекрасно дать, и любое мероприятие провести так, что душа встрепенется. А уж если она готовит кого-нибудь для участия в олимпиаде, конкурсе, значит, ученик либо станет победителем, либо призером. И ведь не случайно М.Я. Осипова стала победителем конкурса лучших учителей России в рамках приоритетного национального проекта «Образование».

Она настолько живет для других, что даже пришедшая к ней известность отягощает.

Человека большей душевной щедрости и жизненной силы — не знаю. Ей все в жизни нужно и дорого. Думая о Милане Яковлевне, все чаще применяю к ней забытое слово «просветитель». Как высока жизненная миссия таких людей!

Мария Крюкова

ГОРЯЩЕЕ СЕРДЦЕ ДАНКО

Все помнят эту прекрасную легенду о смелом самоотверженном юноше, принесшем себя в жертву людям. Как хотел он помочь им! Не жалея себя, он отдал им всю свою душу, а потом и пылающее сердце. Невзирая на грозные недоверчивые взгляды глупых жестоких людей, светило его сердце миллионами звездных искр и сгорело дотла, во имя счастья, во имя любви...

Но истина не в любви, не в счастье. Самопознание и самопожертвование — вот высшие нравственные достижения человека. Только жертвуя собой, понимаешь, где твоя истина, каковы твои приоритеты. И только познав себя, осознаешь, что ради ценностей пойдешь на самые отчаянные и, возможно, бессмысленные поступки. Но нет! Ведь есть результат, есть самоутверждение, а желание достичь чего-то большего появляется вновь и вновь. Это и есть истинное самопожертвование, которое делает сильными и смелыми не только нас, но и тех, ради кого мы сжигаем свое сердце.

Быть учителем — значит снова и снова быть бесстрашным Данко.

Пожалуй, скажу за весь 11 «А» класс, ученицей которого являюсь: в одну ногу с нами шагает самый прекрасный, самый смелый и самый дорогой нам проводник. Ее сердце не просто освещает путь, оно освещает и наши сердца, греет и хранит их. Никогда мы не видим ее грустной — только счастливой, только с улыбкой на лице...

Как описать человека, которого знаешь практически с детства и образ которого занял твое сердце, обосновавшись в нем навсегда? Мало сказать: «Она очень красивая». Нет, это совсем не то. Можно, конечно, и так: «Высокая, стройная, молодая. Всегда веселая, и глаза ее всегда улыбаются». Но если уж по-настоящему, то я бы сказала: «Это не просто человек, это огромный мир, полный любви ко всем окружающим. Она очень молода, но глаза ее такие мудрые. Такие пронзительные... они располагают к себе собеседника глубиной, блеском, вниманием. Когда впервые встречаешься с этим взглядом, то слышишь в голове простые и успокаивающие слова: «Не бойся, я с тобой».

А улыбка? Такие улыбки из разряда «маминых» — не смеющиеся, но приветливые, чистосердечные, способные и успокоить, и разговорить, и подбодрить. Порой, несмотря на нашу детскую дурь, улыбнется вот так, и весь класс замолкает, не в силах перечить такой улыбке, таким глазам...

Она с нами с пятого класса, с того самого дня, когда мы впервые собрались у расписания старших классов, не зная, где какой кабинет, как куда пройти. Она вышла навстречу, и каждый из нас подумал: «Это помощь». Семь лет она помогала во всем, делая из природного алмаза прекрасный бриллиант детской души. Моральные принципы, основы толерантности, коллективизм, коммуникабельность — все это она открывала для замкнутых пятиклашек, как совершенно новый мир. Успела провести десятки классных часов на самые разные темы, начиная от «Духовных ценностей человека» и заканчивая «Основами выбора будущей профессии», причем каждый классный час — это новое представление, новая грань, которую не только она проявляла в нас, но и мы сами для себя открывали впервые. Каждый классный праздник мы запомнили на всю оставшуюся жизнь, потому что каждый год наш классный руководитель, или, лучше сказать, друг, придумывал что-то новое или подбрасывая нам свежую идею.

А мы, в свою очередь, не уступали и тоже делали незабываемыми ее дни рождения. Чего только не было! И в кабинете запирались, а потом кричали на всю школу: «Happy Birthday to you!», и у школы встречали с кучей цветов, и домой к ней в шесть утра приходили с серенадами. Улыбнется «маминой» улыбкой и угостит всех чаем. А нам это и надо! Все за ее прекрасные глаза, за теплую улыбку.

Она всегда рядом. Если вдруг что, то сразу в ее 327 кабинет. «Оксана Николаевна, голова!», «Оксана Николаевна, живот!», «Оксана Николаевна, выгнали с урока!», «Оксана Николаевна, двойка!». И никаких «мне некогда» или «попозже». Пять минут — и твоя проблема решена. Бросит все дела, пой-

дет куда угодно, но отстоит права каждого из своих детей. Да-да, своих. По-другому нас в школе и не называют, только: «дети Оксаны Николаевны», а однажды я даже услышала: «Мирошничата».

Возможно, кто-то скажет, что школьники должны решать свои проблемы сами. Что на то она и школа — воспитывать в ребенке самостоятельность. Но ведь Оксана Николаевна — не просто воспитатель, она — классная «мама»! А какой же маме чужды проблемы ее ребенка?

Говорят и такое: «Зачем так привязываться, так приручать детей, зная, что они скоро уйдут и, возможно, даже не вспомнят о тебе?» Но скажите, разве это не есть самое настоящее, самое истинное самопожертвование? Она отдает работе (а работа ее — мы) все свои силы, всю свою энергию. И тогда работа становится жизнью. И для нее, и для нас. Чем ближе выпускной, тем больше начинаем понимать, как крепко сердце привязалось к стенам школы, к нашей «маме». Мы совсем разные — такие максималисты, упрямые и амбициозные — но у нас не бывает ссор. Оксана Николаевна научила нас видеть в людях только хорошее и прощать им ошибки.

В этом году Оксана Николаевна получила звание «Самый классный классный». Мы так болели за нее, так переживали! Даже немножко ревновали, когда она проводила классный час у другого 11 класса. Но наши переживания не прошли даром. Она стала лучшей!

Оксана Николаевна, простите за то, что бываем по-юношески упрямы: мы знаем, что неправы. Но Вы, Вы наш Данко, наш пример, наш самый близкий друг. Ваше сердце, огромный горящий маяк, не позволило ни одному из нас свернуть с дороги. Вы покорили навсегда наши детские души!

Екатерина Старенкова

ПЕВЕЦ ЖУРАВЛИНОГО СЕРДЦА

Время не стоит на месте, оно стремительно движется вперед. И люди ставят перед собой задачу — не отставать!

Бурными темпами развивается наука, внедряются новые технологии. Человек озабочен обустройством быта, созданием благоприятных условий проживания. В этом ли смысл жизни? А как же душа?

Неужели мы, люди, превращаемся в простых производителей и потребителей? Нет, нет и нет!

Человек отличается от всего живого на Земле прежде всего тем, что ему дан не только непосредственный инстинкт выживания, но и сознательная память искусства, очищающая, облагораживающая. Если эта глубинная память, связывающая времена, отсутствует, человек становится дикарем, как бы современно он ни выглядел. И наша задача — сохранить культурную преемственность.

Живопись, музыка, поэзия — основные источники эстетического наслаждения. Они наделены одухотворяющей силой, учат переживать, чувствовать. А это так важно в суровом мире действительности. Порой привычные глазу вещи в художественных творениях становятся предметами философских размышлений, нравственных поисков.

Певцом нашей Ставропольской земли стал Андрей Бахтинов. Этот человек по-новому заставил взглянуть на столь знакомые реки, горы, поля..., на человека. Имя творца не так значимо в широких читательских кругах, но талант самодельного поэта не может остаться незамеченным.

Так кто же такой Бахтинов? В чем особенность его творчества?

Никто в простой рабочей семье Бахтиновых в победном сорок пятом не мог представить себе, что через год у них родится необыкновенный одаренный мальчик. Семья была большая: трое парней и одна девочка. Андрей с детства отличался от своих братьев. Он был тихий, застенчивый. Всем было невдомек, что он там увидел на ночном небосводе. А мальчик видел Вселенную.

Андрей был красив: высокий, статный, с правильными чертами лица. Темные, густые волосы, по моде зачесанные назад, открывающие высокий светлый лоб. Тонкий прямой нос, выразительные губы, в уголках которых спрятана легкая, обаятельная улыбка. Лицо красивое и задумчивое, сосредоточенное. Но главное — глаза: ясные, внимательные, лучистые. Они смотрят пристально, кажется, видят все, и все, что видят, вбирают в себя, чтобы потом снова отдать, вернуть нам, но уже в своем творчестве.

Юноша стеснялся своей красоты. А она была не только внешняя, но и духовная. Все хвалили его за прекрасный голос, но никто не догадывался, какие стихи слагаются в его голове. Сначала они были робкие и нескладные, но постепенно обрели правильную форму и глубокое содержание. Увереннее и выразительнее зазвучало слово:

Вот и снова, как прежде,
непросто,
след мой бьется
в дорожной пыли,
и курлычут вдали
синезвездной
над судьбою моей журавли.

Здесь история целой жизни человека, ищущего приют на земле, и поэта, чья душа парит над миром. Не зря Андрея Бахтинова называют «певцом журавлиного сердца».

В поэзии полностью раскрывается талант художника. Стихи поражают неподдельной искренностью, образностью, мелодичностью. Это происходит от умения автора не только видеть окружающий мир, но и принимать чужие чувства, как свои. Читая стихи нашего земляка, кажется, что переносишься в другое измерение.

Таким впоследствии и запомнят Андрея Бахтинова окружающие: понимающим, добрым, настоящим. 12 февраля 1993 года поэт ушел из жизни. Он оставил после себя богатое творческое наследие — добрую память, которую хранят в сердцах все жители нашего края.

Спустя шестьдесят лет со дня рождения Бахтинова сбылась его мечта: вышел в свет сборник «Журавлиное сердце». Это маленький подарок поэту от земляков — труновцев.

В книге есть нежность, неистощимая сила, размах души человеческой — все то, что может поддержать в мгновение печали и в минуту радости. А еще в ней таится память. Память пройденных дорог и промчавшихся лет. Наша с вами память!

Проблемы... Проблемы... Проблемы...

Асият Швыдкова

ИСПОВЕДЬ ПОДРОСТКА

Из далёкого тридцати-сорокалетнего возраста жизнь подростка кажется смешением эмоций...

Заляпанный моими отпечатками стакан препротивнейшего сока уже давно пуст больше чем на половину, но, собрав всю глупость в кулак, я упрямо твержу, что я оптимист...

Открытые двери шкафов вытягивают из меня всю радость и понимание происходящего вокруг. Всё кажется глупым и лишённым смысла лишь потому, что я ни к чему не привязана и ни от чего не получаю удовольствия. Сказав, что мне нечем заняться, я совру. У меня тысячи планов, некоторые из них даже достойны слёз, потому что уж слишком они невыполнимы. Сотни возможностей, которых я никогда не использую. И множество людей с переливающимися обложек журналов, которым я могла бы завидовать, но от усталости забывала этим заняться. На самом деле, моя жизнь — это отдельные обрывки плёнки разнообразных художественных фильмов, объединённые под одним названием, которого нет... Монтаж всемирного кинематографа... Обидно, что всё, что я чувствую, уже чувствовал кто-то другой. Когда я стану старше, этот секунд-хенд не будет так задевать мою дутую гордость. Я просто привыкну к своей нише в жизни и буду выдавливать ложные слёзы другими методами, например, напомнив себе, какая отвратительная у меня работа, или стервозная подруга, или шеф-неврастеник...

Больно, по-привычному больно, будто надоевшее дежавю. Почему я улыбаюсь, не спросите вы меня, а я не отвечу вам, что мне не спится, как и каждую ночь...

Что-то начинается от меня. Что это, жизнь подростка в 15 лет или моё собственное выживание в этом мире, не касающееся никого, кроме меня одной. Читая этот бред, вы не понимаете, где система размышлений, где смысл того, что я сотворила. А о каком смысле может идти речь, когда мои мозги заполнены не правилами лингвистики и стилистики, а криками, доносящимися из колонок...

Знали бы вы, знали, о чём они поют, эти дети перестройки, мученики столичных клубов и просто хорошие люди, на которых почему-то принято закрывать глаза. Рок-музыка в России — это вообще отдельная тема, о которой я не могу говорить без слёз и сожаления...

Мне стыдно за свои слова, потому что они не несут блага общественности, стыдно за то, что они касаются только меня, но желание рассказать, быть услышанной настолько велико, что я слепну перед собственной бескрылой мечтой обывателя.

У меня не осталось других обходных путей в мир правды. Сексуальная революция, время протестов и Sex Pistols ушли в историю и превратились в легенду... Желание быть оригинальным уже настолько попсо, что слова: «Я не такой, как все!» вызывают лишь смех или наталкивают на мысль о вашей симпатии к Гарри Поттеру. А заметили ли вы, что молодёжи больше не нужны ваши советы, она сама придумывает себе правила, сама их нарушает и вполне органично сосуществует с различными вариациями самой же себя.

Оттенки характеров отдельных людей превращаются в субкультуры. Интернет уже десять лет как не заменяет людям живого общения, а всё потому, что это пресловутое общение стало его частью. Моих друзей не бросает в пот, когда я говорю, что я почти два дня не выключала компьютер только потому, что они сидели в сети вместе со мной. Мы не сражаемся за развлечения и отдых, у нас всё есть, мы осознаём это и лишь используем. Ну, максимум, создаём похожее, как бы освежая труды и достижения отцов. Мы не геройствуем, лишь оттого что знаем, что у Человека-паука от подвигов одни проблемы. А вопрос: «Откуда появляются дети?» давно никого не смущает.

Мальчики и девочки, может, и мечтают стать космонавтами, но всё же предпочитают сначала выгодно вложить стартовый капитал или удачно сыграть на бирже. Взрослые обвиняют меня в чёрствости, а мне просто жаль, что им уже никогда не разглядеть романтики моей жизни. Эти чудесные таблички на дверях уборных в клубах: «Во время проведения концертов просьба не закрываться в кабинках туалетов. Штраф 1000 рублей. Администрация». А эти признания в вечной любви после перебранки... Тогда-то и просыпаются самые нежные чувства. Наши деды сражались за покой, но знали ли они, как сложно забивать свою душу в рамки и не покушаться на свободу ближнего? Как невыносимо жить по расписанию и хотеть того же для своих детей.

Чего же я хочу? Показать читателю, что человечество (как всегда, незаметно) повзрослело. Произошла эволюция нашего сознания, не революция, заметьте. Мы научились сосредоточиваться на себе, научились исполнять свои желания, строить мир таким, каким мы хотели бы его видеть. И начинаем мы с самих себя, а не вопим на весь класс, чтобы Иванов, Петров и Сидоров заткнулись. И всё вроде бы прекрасно: умненькие подростки, которые знают, чего хотят от жизни, к тому же, уже способные позаботиться о себе. Но, взрослые, смотрите внимательней! Не рано ли вы назначили нам «День непослушания», отдали наши судьбы в наши же руки? Мы знаем слишком много, чтобы расслабиться, сосредоточиться на каком-то чувстве... Уж очень велико желание любить, да и вообще испытывать какие-либо эмоции. Всё в порядке, пока на свете люди умные и рассудительные преобладают над довольно переменчивым в своих настроениях слоем полулюдей, который не в состоянии отвечать за свои поступки. Но как же так получилось, что все мы — одинокие сердца, картонные коробки, ищущие любовь в смайлах?

Я иду по улице, в лицо брызжет мелкий дождь, и такое ощущение, будто капли находятся на дистанционном управлении у кого-то очень вредного и весёлого, потому что, как бы я ни уклонялась, они достигают своей цели, то есть меня. Во рту я держу сигарету. И я уже как бы не одна... я и сигарета... нас двое, и мы понимаем друг друга без слов...У нас свой маленький мир, в который мы никого не пускаем... Либо с её, либо с моим последним вздохом этот мирок умрет, но мы ничуть не сожалеем об этом, мы просто рады, что есть друг у друга.

Улыбка-рефлекс промелькнёт на моём лице, услышь я выкрики: «Сволочи! Они убили Кенни!». Сигарета упадет, разбив свое маленькое хрупкое бумажное тельце в искры. У неё у одной талант умирать красиво, подумаю я, вытаскивая следующую из пачки...

Надежда Барячина

«ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ, БЕЗУМНЫЙ МИР»

Утверждение о том, что современный мир радуется новыми технологиями и открытиями, стало почти аксиомой, но состояние общества, к сожалению, не только не улучшается, а вызывает тревогу, рождая все новые и новые заботы и проблемы, среди которых одна из самых острых — употребление молодежью наркотиков. В последние годы об этом стали говорить чаще, однако число молодых людей, попадающих в наркозависимость, лишь печально увеличивается.

Зачем подростки ступают на путь, который ведет в никуда, разрушает личность человека и редко отпускает того, кто одумается? Почему полноценной жизни они предпочитают уход от реальности в мир бездуховности и галлюцинаций? Чаще всего в зависимость от наркотиков попадают люди, обремененные на судьбу, недополучившие любви, чувствующие себя одинокими и никому не нужными. Они выбирают новую среду, чтобы забыться, смягчить разочарование, возможно, им хочется увидеть мир в новых красках, чуточку лучше и приятней. Или, наоборот, они хотят бросить вызов тем, кто подтолкнул их к отчаянному шагу. И как ни страшно это звучит, все чаще виновниками такой трагедии являются неблагополучные семьи, в которых родители ведут разгульный образ жизни, забывая о детях, уделяют время только себе и своим развлечениям, не обращая внимания на самое дорогое, что есть у них, — на своего ребенка. Подросткам, которые пытаются заглушить употреблением наркотиков боль, причиненную безразличием родителей, можно лишь посочувствовать. Но как объяснить то, что молодежь пробует наркотики, для того чтобы веселиться? Насколько узким и ограниченным должен быть мир человека, который видит радость в медленном самоубийстве!

Сейчас есть возможность заниматься в различных спортивных секциях, посещать кружки по интересам, участвовать в различных Интернет-олимпиадах. Да просто украшать свой двор, заботиться о бездомных животных. Доброе дело всегда нуждается в своем созидателе!

Бывает и так: подросток неосознанно решается на этот шаг, поддаваясь чьему-либо влиянию из-за слабой воли. Кто-то таких людей жалеет. А я думаю, что человек не должен делать то, что считается неправильным, пагубным. Самое ужасное в том, что молодой человек осознает, на что он идет, понимает, как влияют эти «интересные штучки» на здоровье, и уже не раз слышал о последствиях этого опасного занятия. Но стремление выделиться из толпы, стать лидером, показать свое превосходство, почувствовать себя крутым или взрослым побуждает подростка пойти на риск, платой за который будет жизненный тупик. Каждый из нас уверен в своей неповторимости и хочет это доказать, вот только способы следует выбирать верные.

Не секрет, что любую болезнь легче предупредить, чем заниматься ее лечением. Тем более что от наркозависимости очень трудно избавиться. Профилактика этой болезни «цивилизации» требует комплексного подхода. В городской администрации Нефтекумска разработана программа «Наркотик у вашего дома», которая привлекает различные организации города к борьбе с употреблением молодежью наркотиков. Только действуя совместно, можно достичь каких-то результатов. Каждый коллектив предприятий и учреждений города должен задуматься о том, что в его силах сделать для профилактики наркомании. А ведь реальные примеры такого равнодушного отношения общества к заблудшим молодым душам есть. Известно, что Православная церковь боролась и продолжает бороться за исцеление наркозависимых. Так, при Ставропольской и Владикавказской епархии уже в пяти городах Ставропольского края (Невинномысск, Георгиевск, Новопавловск, Михайловск, Ставрополь, Темнолесская) действует Православное братство «Святого духа». Очень жаль, что в нашем районе таких центров пока нет. Почему бы при нашем храме не организовать нечто подобное или хотя бы поддерживать связь с такими центрами и направлять в них больных людей?

Мария Кондратьева

ВЫБОР ЗА ТОБОЙ

«Чем я хуже других? Я тоже могу попробовать! Родители никогда не узнают, а я никому и не скажу... Да ничего не случится, всего один раз...», — думал мой хороший знакомый пятнадцатилетний Костя* перед тем, как принять в первый раз «легкий наркотик», который дал ему новый друг.

Прошло всего две недели с тех пор, как Костя попал в его компанию. «Попробуй, ты что — слабый? Это легкий наркотик, даже привычки не будет, тем более от одного раза... попробуй! Ощущения незабываемые!» — уговаривал его друг. И вот по телу Кости разлилось тепло, мысли смешались, голова закружилась, на душе стало легко, все вокруг казалось до невозможности прекрасным, в глазах появился туман. Он никогда не чувствовал себя так хорошо, но и не подозревал, что это ощущение уже никогда не повторится.

Прошло пять месяцев. Случайно встретив Костю, я просто не узнала его. Лицо было бледным, с серым оттенком, глаза окантовывали темные круги. Он сильно похудел. Мы столкнулись с ним в переходе, и он пробормотал мне: «Привет...», едва взглянув на меня. Самым страшным в нем был его потухший, совершенно пустой взгляд. Трудно было распознать в нем человека, некогда радовавшегося жизни и имевшего большие цели. Оказывается, как позднее рассказывал Костя, с ним произошло следующее. Он сидел в своей маленькой комнатке, забившись в угол, как загнанное животное, его трясло, голова кружилась, кости ломило, зрачки сузились, глаза покраснели и под ними появились темно-синие круги, временами подкатывала тошнота. На лбу проступил холодный пот, сердце бешено билось, и испепеляющая, жутко сильная боль ломала все тело, казалось, что суставы выворачиваются наизнанку. У него не было сил даже встать, рядом лежал шприц с героином... Костя смотрел на него, как одержимый, пытаясь всеми силами побороть желание. «Один укол, и мне станет лучше...» — казалось весь мир вращался вокруг этой маленькой вещицы. «Мне было уже ничего не нужно, кроме нее. Все, чему меня учили, все, что было дорого — сошло на нет», — рассказывал после Костя. «В жизни был только я и героин. «Но надолго ли это? — продолжал я борьбу, — завтра все начнется сначала... Нет! Так нельзя! Я больше не хочу так! Я не такой! Я сильней!» — и в этот момент я понял, что делаю важный выбор». Из последних сил он встал, взял шприц, опираясь о стены, зашел в ванную и дрожащей рукой вылил содержимое в раковину.

Невероятными усилиями после трех месяцев лечения он вернулся к нормальной жизни, перестал пропускать школу, но его память была уже не такой, как прежде, ему стало тяжелее учить уроки, запоминать тексты, друзья смотрели на него иначе, родители перестали ему доверять... Да и те недели в реабилитационном центре он не забудет никогда. «Это был ад, — говорил Костя, — это было хуже ада, я даже всерьез подумывал о самоубийстве, часами сидел и смотрел в одну точку, ничего не хотелось: ни пить, ни есть, ни жить...». Восемь месяцев приема наркотиков и лечения наложили огромный темный отпечаток на всю его жизнь. Приняв наркотик, он никому ничего не доказал, не стал лучше или умнее, не приобрел силу или власть, зато упал в глазах близких людей и подорвал свое здоровье... За все приходится платить. Но, к сожалению, не у всех такая сила воли, как у Кости.

В беседе с врачом-наркологом я выяснила, что страшная статистика показывает: подростки, употребляющие «легкие наркотики», приходят к героину и амфитамину за 1-2 года. А героиновый наркоман живет не более 5 лет. «Все начинается с «дешевых понтов» или же с простого интереса. Ма-

* Имя изменено.

ло кто из подростков осознает, что такое «легкий наркотик», и каково его реальное действие, — говорит врач, — курение гашиша, которое уже очень давно распространено среди подростков в России, — это лишь первый шаг. Обычно его употребление начинается с 1-2 раз в неделю. Через некоторое время прием учащается. Самое страшное то, что привыкание приходит очень незаметно».

Мои знакомые, употребляющие гашиш, ананас, марихуану, утверждают, что зависимости не будет. Но многие из них просто не осознают, что они уже зависимы. Я думаю, что пример Кости должен послужить нам хорошим уроком. Наркотик ничего хорошего ему не принес и не принесет вам. Главное, что Костя нашел в себе силы не переступить страшную грань: от гашиша к героину.

Думаю, крайне важно, чтобы каждый понял, что наркотик — он и есть наркотик, и какие бы прилагательные ему ни приписывали, «легкий», «слабый», он принесет не меньший вред, чем сильный. И для любого начинающего наркомана — это первый шаг к героину! А второй шаг будет смертью...

УЗНИКИ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА

«Не расставайтесь с иллюзиями, без них жизнь ваша превратится в тоскливое существование», — завещал еще в XIX веке известный детский писатель Марк Твен. Но, похоже, современные детишки злоупотребили его советом. Компьютерные игры и чаты породили психологическую зависимость, которая приняла угрожающие масштабы...

Несмотря на то, что наши великовозрастные собратья не менее подвержены этому заболеванию, я хочу посвятить данную статью именно детской и подростковой зависимости. Нередко бывает так: что должно служить во благо, для удовлетворения потребностей человека, напротив, губит его. К примеру, та же атомная энергия. Интернет оказался не исключением. Конечно, нельзя говорить, что всемирная паутина — зло. Несомненно, она имеет преимуществ не меньше, чем недостатков. Да хотя бы то, что письмо нужно ждать всего несколько минут, а не несколько недель. Интернет — это иное пространство, в нем нет времени и расстояния. В этом, пожалуй, и состоит главная особенность. В чатах одновременно общаются миллионы людей со всего света. А мир виртуальных ролевых игр затягивает. Ребенок перестает ощущать течение времени. Это сложное психическое явление. О нем знают все психологи, но поддается ли такого рода зависимость лечению, является ли тяга к ролевым играм и уходу от реальности наследственной и, наконец, как лечить эту зависимость? — во мнениях о способах решения этих трех проблем ученики расходятся. Одни утверждают, что кибермания и чаторная зависимость неизлечимы и не стоит даже стараться. Другие, напротив, создают специальные отделения в клиниках для лечения этой болезни. Но, как говорится, лучше предупредить болезнь, чем лечить ее.

Психологи считают, что уход от реальности порождают какие-то внутренние проблемы человека. Это может быть отторжение ребенка окружающими, непринятие его специфических черт, конфликт с родителями, учителями, сверстниками, избиение, издевательство, унижение. Понятно, что когда человек не решает проблемы, а бежит от них, — это признак слабохарактерности. По мнению психологов, к группе риска относятся люди с неустойчивой психикой, слабой нервной системой и патологией развития личности (замкнутость, агрессивность). Зависимость у таких людей зарождается тогда, когда они начинают осознавать, что «виртуальная реальность» для них лучше действительности. Суть приманки проста: в ней не требуется прилагать больших усилий, проявлять силу воли, идти на компромисс, решать серьезные проблемы, испытывать страх. Прежде огромная красочная реальность сжимается до крошечных размеров, а маленький виртуальный мирок становится на ее место. Психика человека так устроена, что он начинает действовать активнее, когда видит результаты своей

деятельности. Виртуальные игры и чаты сохраняют этот принцип, они всегда дают возможность игроку продвигаться дальше, тем самым затягивая его хуже болотной трясины. Сетевые игры и чаты особенно страшны тем, что человек в них берет на себя определенную роль, да не абы какую, а ту, которая его морально удовлетворяет. Происходит стирание личности.

Ярким примером кибермании оказалось поведение шестнадцатилетнего Альберта из Санкт-Петербурга. Он отказался комментировать свою историю. Но его мать и друзья рассказали мне, что произошло. Мальчик, точнее уже юноша, сейчас в 9 классе. Два раза оставался на второй год и своим развитием недалеко ушел от пятилетнего ребенка. Уже около полутора лет он играет в «Time Zero». Это ролевая игра. Увлёкся ею после того, как ему сломали нос и чуть не проломили голову. Он стал бояться выходить на улицу. Отца у Альберта нет, а мать работает до 11 вечера, так что он весь день предоставлен самому себе. В школе появляется не чаще, чем раз в месяц. Окружающие его побаиваются и стараются обходить стороной. Он неадекватно себя ведет, часто ни с того ни с сего может громко заорать во время разговора или сесть посреди улицы и делать вид, что достает оружие и стреляет по всем. Его двенадцатилетний брат тоже играет в «Time Zero», хоть и не так увлеченно. Альберт обещал избить его, если тот не вернет ему долг игровых монет. А однажды киберман вбежал в комнату, сшиб ногой со стула своего младшего брата и вошел в игру, чтобы проверить, как там его любимый персонаж. А всего у него их около пятнадцати!

Альберт — далеко не единичный случай. Все чаще СМИ сообщают об избиении киберманами подростками невинных людей, о пополнении психиатрических клиник детьми, страдающими этой зависимостью...

Власть и отсутствие страха — главные, наиболее привлекающие аспекты ролевых игр и чатов. Но страшная ловушка поджидает каждого кибермана: пока в «виртуальной реальности» его статус растет, в реальной жизни он уходит в минус.

Самое ужасное, что подростки, предпочитающие иллюзорный мир реальному, даже не испытывают ни малейшего желания освободиться от него. Виртуальная реальность полностью удовлетворяет все их потребности, так что к реальному миру они обращаются только, чтобы удовлетворить некоторые физические нужды (поесть, поспать, сходить в туалет, принять душ и т.д.). Выходом могло бы быть увеличение количества психологов в общеобразовательных учреждениях. Проведение индивидуальных бесед и тестирование детей, ежемесячное анкетирование учащихся, их родителей и учителей по вопросам проведения досуга и межличностных отношений могло бы обеспечить контроль за детьми и укрепить обратную связь. Особый упор стоило бы сделать на индивидуальном подходе к каждому ребенку, вплоть до составления персональных анкет. Анкетирование родителей стоило бы проводить отдельно по таким вопросам, как, например, где обычно ваш ребенок проводит внешкольное время. И те же самые вопросы задавать их детям. Затем сравнивать ответы и делать выводы о внимании, доверии и взаимопонимании в семье. Часто в придуманном мире (он может быть не только виртуальным) подростка удерживает страх вернуться к реальности со всеми ее сложностями и неприятностями. Побороть этот страх очень нелегко. Но, как говорил Шиллер, лучше страшный конец, чем бесконечный страх. Я считаю, главная задача психологов в таких случаях — помочь ребенку избавиться от страха и показать, что проблемы решаемы.

Мечты, надежды — это, конечно, хорошо. Но отторгать реальный мир, жить только иллюзиями — это чревато серьезными последствиями. Рано или поздно в зависимом пробудится желание вернуться к этому миру, живому общению, реальным чувствам, но, очнувшись, он увидит руины и пустоту. Упущенное время дорого ему обойдется: нарушенная психика, больное сердце, интеллектуальная деградация, отсутствие друзей, презрение окружающих... Как бы ни было вам плохо, как бы ни ладились ваши дела, нужно бороться за реальный мир, а не придумывать себе новый.

Дарья Моздор

НАШИ МЕХАНИЧЕСКИЕ «ДРУЗЬЯ»

В наше время известная поговорка про собаку — друга человека стала неактуальной, сейчас компьютеры — вот лучшие друзья любого школьника, подростка, людей разнообразных профессий, а собакой в российском компьютерном жаргоне мы называем специальный значок — @, который выступает в качестве разделителя имени пользователя и сервера, при общении по электронной почте.

Безусловно, ПК делает наш мир проще, а жизнь легче. Современный компьютер — это источник информации, развлечений, незаменимый помощник в учебе, работе и творчестве, универсальное средство общения.

Еще долго можно описывать плюсы этой популярной «машины» и даже, наверное, не хватило бы и целой книги, чтобы описать все одобрительные слова и пожелания людям, создающим компьютеры.

Но никогда не стоит забывать, что ПК наряду с огромнейшим множеством достоинств имеет и недостатки. Перед каждым стоит выбор — удобство жизни или здоровье.

Но моя статья не о достоинствах и недостатках ПК, как покажется на первый взгляд, а о всемирном поклонении этому «божеству». Сегодня мы даже не задумываемся, что полностью зависим от наших механических друзей. И жизнь представляется невозможной без их помощи.

Ведь так просто скачать реферат из Интернета или сочинение о том, «Как я провел лето», организовать электронный домашний офис с бизнес-приложениями, создать музыку или звуковой эффект, перевести текст с английского, посмотреть фильм, нарисовать картинку, пообщаться с другом или поиграть в любимую игру.

Компьютер — это своеобразный наркотик, от которого невозможно оторваться. Я тоже часто «зависаю», общаясь в чате или скачивая фотки моих любимых актеров и музыкантов, время с компьютером летит с огромнейшей скоростью, и я не замечаю, как быстро уходят деньги с Интернет-карты.

Мы все так привыкли к этому, что воспринимаем наши поступки обыкновенными и вводим в привычку.

Многим школьникам кажется смешным существование учеников, тратящих свободное время за бумагомаранием, описывая свои мысли и чувства в школьной тетрадке по русскому языку. Многие не верят в существование людей, которые пишут письма друзьям без использования электронной почты. Мы забыли точное определение слова «библиотека» — ведь это не просто нудное место, из раздела «что бы было», как думают некоторые люди, а здание, хранящее в себе интересную и полезную информацию, намного более достоверную, чем во всемирной паутине Интернет.

О своеобразной человеческой зависимости я знаю не понаслышке, так как сама недавно испытала это, как говорится, «на собственной шкуре». У меня сломался компьютер. И это действительно были самые ужасные три дня в моей жизни! Я не знала куда себя деть в прямом смысле этого слова. И для себя открыла одну важную вещь, ПК — это огромная, но, к счастью, заменимая часть моей жизни.

Вот еще один пример: привожу точный разговор моих одноклассников на перемене:

- Почему ты не сказал, что сегодня не будет геометрии, я, как дурак, всю домашку сделал?
- Когда я узнал, уже было поздно звонить.
- Зря не позвонил, я вчера с компа только в два ночи ушел.

Мне кажется, что нам стоит задуматься о растущей человеческой зависимости от ПК, тем более не воспринимать его как друга. Нельзя предпочитать «общение» с ним общению с живыми людьми. А чтобы не зависеть от компьютера, к нему следует относиться как к обыкновенному механическому прибору. Ведь главное, никогда не стоит забывать, что самый ценный компьютер находится у нас на плечах!

ГОГОЛЬ — ПОТОМОК НОСТРАДАМУСА?!

«В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка», — именно так начинается моя любимая книга замечательного русского писателя Н.В. Гоголя «Мертвые души». Мне кажется, что эта поэма на все времена, ее будет интересно читать и через двести, даже триста лет.

Гоголь мастерски изображает героев — таких людей «себе на уме», но с главной целью — в любой ситуации найти выгоду для себя. Это очень ироничное произведение. Именно через высмеивание людских пороков Гоголь и добивается мирового признания своего произведения. Каждый может найти в героях что-то близкое себе, кто-то наполовину — Манилов и Собакевич, а кто-то — вылитая Коробочка, просто следует (как говорится в одной сказке) посмотреть на себя со стороны.

Это, по праву, великий памятник литературы, ведь с момента создания поэмы прошло уже полтора столетия, но мы и по сей день восторгаемся мастерством Гоголя-писателя, Гоголя-сатирика, Гоголя — потомка Нострадамуса?!

Почему-то и это хочется приставить к знаменитой фамилии. Может быть, «Мертвые души» — это что-то вроде «Центурий» известного врача и предсказателя древности?

В этом произведении слишком много совпадений, чтобы не задуматься. Как говорил сам Гоголь в 1843 году: «...один за другим следуют у меня герои один пошлее другого».

Так происходит и в мире. Хотя люди всегда остаются одинаковыми, но из поколения в поколение все больше проявляется их жестокость, злоба и алчность, так присущие «мертвым душам». Конечно, добрых людей большинство, но почему-то это большинство с каждым годом как-то заметно уменьшается.

Николай Васильевич описывал ужасные характеры людей, которые для своей выгоды готовы на все, даже на преступление. В нашем мире тоже существуют такие, только выгода для них заключается в количестве денег, полученных за содеянное. Неужели «мертвые души» считают, что за эти «бумажки» можно купить все: свободу, счастье, человеческую жизнь, да и весь мир? Неужели, по их представлениям, за это ничего не жалко заплатить?

Вспоминаются строчки из песни моего любимого певца Джастина Тимберлейка:

Woke up this morning
Heard the TV sayin' something
'Bout disaster in the world and
It made me wonder where I'm going
There's so much darkness in the world.

Примерный перевод такой: «Проснувшись утром, слышал, как по телевизору передают о катастрофе в мире, и это заставило меня поразиться, сколько темноты во Вселенной».

Я полностью согласна с этим, стоит только проснуться и включить телевизор, и тут же: «Срочное сообщение. Террористы захватили магазин, тридцать человек — заложники, лишь пятерым удалось спастись!» или «Взорван самолет!!!», «Убит министр внутренних дел!», «Захвачена школа!». И так изо дня в день происшествий все ужаснее и ужаснее, и их все больше и больше. Многие люди, чтобы лишний раз не расстраиваться и не волноваться, уже больше не смотрят «Новости». А если случайно наткнутся на них, переключат канал.

Конечно, мы не в состоянии переделать мир. В истории было много людей, пытавшихся совершить невозможное, и все помнят, к чему это приводило.

Но разве мы можем оставить все как есть? Я думаю, что нет, и если так пойдет и дальше, люди будут вроде Плюшкина — пределом деградации общества, «прорехой на человечестве» — самыми ничтожными существами во вселенной!

Мне кажется, чтобы избежать такого трагического «конца», необходимо верить, что Гоголь — совсем не предсказатель, то, что он описал — просто «черная полоса», и мир в недалеком будущем станет светлее, добрее и чище. В нем не останется места для насилия и жестокости! Но, конечно, чтобы это случилось, каждому человеку необходимо приложить некоторые усилия: любить свою семью, честно зарабатывать деньги и ни за что не уподобляться «мертвым душам».

Анна Логачева

УЛИЦЫ РАЗБИТЫХ ВИТРИН

Тема, на которую мне бы хотелось с вами поговорить, на мой взгляд, похожа на сценарий американского боевика, где все друг друга убивают, взрывают. Да, в кино мы привыкли видеть всякие бандитские разборки. Да и в России это не новшество. Сейчас человека, который вам негоден или просто ваш конкурент, можно легко «убрать». А еще лучше, как сейчас говорят, «заказать». Ведь за чем тебе самому марать руки, да и репутацию свою как-то подмочить не хочется — дал человеку деньги, указал пальцем, а он, как зомби, беспрекословно подчиняется.

Деньги, деньги, деньги... Разве какими-то бумажками измеряется человеческая жизнь?! Говорят, раз у человека есть деньги, значит, он состоялся в жизни. Как, а добрая душа, чистая совесть, разве не это — богатство человека?! Нет, к сожалению, в наше время это уже не ценится.

Вернемся к началу. Ранее — убийство мэра нашего города Виктора Бондарева, потом — известного всем предпринимателя Владимира Четверякова. И вот буквально на прошлой неделе — покушение на жизнь атамана Нижне-Кубанского отдела Терского казачьего войска Андрея Ханина, который от полученных пулевых ранений скончался в реанимации городской больницы. И все это, представляете, в нашем маленьком, забытом Богом провинциальном городке! На следующее утро люди ужаснулись, увидев, что произошло с фирменными магазинами «Гурман». Жители города были очень недовольны: ведь всем нравилась продукция нашего мясокомбината, да и была она всегда по доступным народом ценам.

Все думают, что это совершили казаки, хотя они сами все это отрицают. Как заверил атаман Ставропольского округа Терского казачьего войска Михаил Серков: «Казаки никакого отношения к событиям той ночи не имеют». Хотелось бы верить, что это так. Тогда кто же, за что?! Ведь после этого в городе могут созреть конфликты на национальной почве. И почему такая неприязнь к людям другой нации? Ведь Россия всегда была многонациональным государством. Разве если у человека другой цвет кожи или разрез глаз, то он не гражданин России? Или сразу «плохой», «чужой» и «враг»? Зачем, ведь раньше все было хорошо?! Разве можно не любить задорного, неунывающего одноклассника корейца Олежку или спокойную, ответственную армянку Аню, или всех «хохлов» (а таких в классе чуть ли не половина)?! Если я русская, у меня «русская» фамилия, так что — на всех смотреть свысока? Мы все имеем одинаковые права, и для многих других народов Россия считается Родиной.

Сейчас молодежь из других стран боится ехать учиться в Россию, потому что расисты и скинхеды могут их просто-напросто убить. Ненавидя другие народы, на секундочку представьте бедных русских девушек, которые находятся в рабстве в западных странах. Как там обращаются с нашими русскими девушками — не считают их за людей, зарабатывают на них миллионы. Жалко стало своих девушек? Так вот поэтому не надо так плохо относиться к людям другой нации. Ведь мир и дружная планета всегда лучше, чем война и смерть.

Олег Касатонов

И НЕТ ЧИСЛА ПРОБЛЕМАМ...

В последнее время общественность все больше волнуют проблемы молодежи. А какие проблемы могут быть у нашего молодого поколения? Все у молодежи в порядке. Достаточно вспомнить о том, как заботится о ней наше государство. Вот, например, наша Дума «надумала», как сделать получение высшего образования более доступным, и осчастливила будущих выпускников тем, что приняла решение о введении Единого Государственного Экзамена.

С помощью ЕГЭ планируется повысить общий уровень образования и грамотность учащихся. Пока что благодаря ЕГЭ ученики смогли только почувствовать себя в шкуре подопытного кролика, ведь их никто не спрашивал, хотят ли они вообще этот самый ЕГЭ сдавать. А судя по всему, для всех учеников нет лучше на свете подарка, чем возможность сдать Единый Государственный Экзамен. Но убойная сила ЕГЭ кроется далеко не в вопросах, которые, кстати, довольно сложны, а в бланках ответов. Работы будет оценивать компьютер, который не делает разницы между учащимися, потому проверяет работу абсолютно справедливо и честно. Теперь, если нерадивый ученик случайно выйдет за рамки квадратика для ответа или вздумает поменять слова в ответе местами, то получит щедрую, а главное — справедливую оценку беспристрастного компьютера. Встает закономерный вопрос: а не проще ли всех учителей заменить компьютерами? Вообще, зачем нам учителя, компьютеры же гораздо лучше! Даешь высокие технологии в повседневную жизнь! Не справился с заполнением бланка ответов — твои проблемы, даже если большинство заданий выполнены правильно.

А ведь все больше молодых людей и девушек стали осознавать всю бесполезность и бессмысленность образования. Зачем оно нужно? От знаний толку мало — их на хлеб не намажешь. Куда легче и проще купить аттестат или диплом, и не надо дни и ночи сидеть зубрить уроки подобно всяким «ботаникам», лучше в какой-нибудь клуб сходить. Это куда веселее. А для того, чтобы работать, особых знаний не требуется.

А кем работать-то? Сейчас нашей стране требуются высококвалифицированные специалисты, особенно ученые и инженеры. Однако среди молодого поколения данные профессии признания не получили: все стремятся стать юристами и программистами. Эти профессии являются престижными. Конечно, ни без юристов, ни без программистов обойтись нельзя, но если посмотреть на количество людей, претендующих на данные специальности, то можно смело предположить, что наша страна готовится к решающей схватке со Страсбургским судом или международному вторжению хакеров, к последующей за этим глобальной компьютеризацией.

Ну а в свободное от «напряженной» учебы время можно и выпить, и покурить, а может даже наркотиками побаловаться. Популярность табакокурения и алкоголя стремительно растет. Появляться на людях без сигарет скоро станет признаком дурного тона. Потребление подростками алкоголя уже превысило все допустимые нормы, но это еще не предел. Нам есть куда стремиться! Скоро во всех странах мира гордое слово «Россия» будет ассоциироваться с не менее гордым словом «водка». Если очень повезет, это случится уже в ближайшие десятилетия!

Многие молодые люди стали употреблять наркотики. Они пытаются привлечь к этому «полезному» и «нужному» делу побольше окружающих. Они убеждают: «Попробуй, ты сможешь бросить, когда захочешь» или «Живешь ведь только один раз, значит, в жизни нужно все попробовать!». Ну да, правильно, в жизни нужно попробовать все: и прыжок из самолета без парашюта, и поездку на велосипеде по минному полю. На все предупреждения о том, что курение, алкоголь и особенно наркотики наносят вред здоровью, можно услышать вполне логичный и правильный ответ: «Жить тоже вредно, от этого умирают».

Закономерно, что значительная часть молодых людей становится не пригодной к военной службе из-за чрезмерного количества выкуренных сигарет, выпитого алкоголя или, что гораздо хуже, употребления наркотиков. Да и от тех, у кого еще достаточно здоровья и сил защищать свою страну, все чаще и чаще можно услышать лозунги типа: «Пусть служат тупые!» или «Зачем мне это вообще нужно, я – пацифист, миру – мир!». Вот и правильно! От кого Родину защищать? Можно подумать, кто-нибудь собирается на нее нападать! Нашу маленькую страну вообще на карте найти невозможно, кому мы нужны? Наблюдается очень интересная ситуация: в годы Великой Отечественной войны молодежь рвалась на фронт, чтобы защищать свою Родину, а сейчас – наоборот. Где же те патриоты, сражавшиеся с немцами в упорных и кровопролитных боях? К сожалению, в тех боях многие из них и сложили свои славные головы, а повторять их подвиги в наше время, похоже, собираются лишь немногие. Конечно, можно возразить: государство не заботится обо мне, так зачем мне заботиться о государстве? Может, они и правы, но только кто-то же должен Отечество защищать, а кто, кроме нас? И мне очень неприятно, что во многих кинофильмах можно увидеть смешную, по мнению сценариста, картину, где призывник разыгрывает перед врачами слепоглухонемого идиота, лишь бы не идти в армию. А ведь многие воспринимают эту картину как руководство к действию!

Как уже отмечалось выше, здоровье призывников часто оставляет желать лучшего. Если из числа пригодных к воинской службе исключить и тех, кто не хочет идти в армию, то становится ясно, что служить практически некому.

Однако среди молодежи еще сохранилось достаточное количество людей, ведущих здоровый образ жизни, занимающихся спортом и стремящихся получить хорошее образование. Остается надеяться, что вскоре они осознают всю ошибочность своих убеждений и примкнут к рядам «прогрессивной» молодежи. И вот тогда-то Россия превратится в настоящую сверхдержаву с «самым образованным, здоровым и патриотичным» населением в мире.

Михаил Сухарев

МОЙ ВЗГЛЯД НА ПРОФИЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В наше время каждый человек стремится получить лучшее образование. Этому можно найти несколько объяснений. Во-первых, образование – это, прежде всего, знания об окружающем мире, умение им пользоваться. Во-вторых, это умение поставить себя в мире и найти свое место среди других людей. В-третьих, образование предоставляет доступ к высокооплачиваемой и престижной работе, определяет положение в обществе. После окончания школы 9 из 10 выпускников стремятся поехать в вуз. Причем далеко не каждый из нас уже точно определился, чего он хочет добиться.

Конечно, ребенок, идущий в первый класс, вряд ли задумывается о том, где он будет учиться, сколько и когда это обучение закончится, выбросив его в жизнь. Даже если он уже и решил, то это не серьезно, потому что первоклассник еще не знает, на что он способен, к чему предрасположен и что ему будет интересно в будущем. Зато с возрастом он понимает, что не хочет стать пожарным или космонавтом, а если и хочет, то это не всегда возможно. Он выбирает для себя наиболее нравящуюся ему профессию и начинает понемногу брать уклон к тем предметам, которые ему будут необходимы. Затем он решает, что ему мало школьной программы, что в ней все изучается слишком обобщенно.

Именно для этого во всех современных средних учебных заведениях после девятого класса вводится профильное образование. Оно имеет очень много направлений, к примеру: гуманитарное, физико-математическое, химико-биологическое и т.д.

Комбинаций огромное множество: предположим, ученик средней школы обнаруживает в себе интерес к компьютерам, к программам, работе с ними. Ему проще решить сложнейшую задачу по информатике, чем написать маленькое сочинение по литературе. Он определяется в своем выборе и хочет стать программистом. Но того объема знаний информатики, что дают в обычном классе, ему не хватает. Так вот в крупном городе ему не составит труда отыскать класс, в котором профилирующим предметом будет информатика. В неделю будет не два, а двенадцать уроков нужного предмета. Так почти с любой профессией.

Одной из главных задач таких профильных классов является подготовка будущих абитуриентов к поступлению в высшие учебные заведения. В зависимости от уклона количество предметов и часов в неделю на их изучение изменяется, а во многих случаях вообще добавляются элективные курсы и спецкурсы, не входящие в программу средних школ. Сразу понятно, что в первую очередь это очень важно для самих учеников, так как вряд ли профессиональному спортсмену интересна история или музыканту захочется учить реакции поликонденсации на уроках химии.

Однако есть у системы профильного образования и яркие минусы. Ни в одной школе нет всех видов классов. Стандартный набор — это гуманитарные и физико-математические классы. Поэтому ученики могут столкнуться с частой проблемой: ни один класс им не подходит, а возможности перейти в другую, специализированную в нужном направлении школу — просто нет. Приходится терпеть и углубленно изучать предметы, которые, в общем-то, не пригодятся для работы по выбранной специальности.

Раньше значительная часть учеников, получивших основное общее образование (9 классов), уходила в ПТУ, колледжи, училища, техникумы и прочие средние специальные учреждения. Теперь же все отчетливее видна тенденция к получению полного среднего образования и поступлению в вузы.

Нельзя точно сказать — хорошо это или плохо. Кто будет работать на заводах и полях нашей страны? Кто будет собирать урожаи и добывать полезные ископаемые? Какое будущее постигнет Россию, если каждый будет получать высшее образование и станет гордо отворачиваться от физического труда, без которого никак нельзя обойтись?

Но, возможно, именно благодаря профильному образованию человек может вовремя отказаться от своего выбора и поменять его. Это очень и очень важно, потому что никто не хочет делать то, что неинтересно, и никому не нужны такие работники, которые только и думают, как бы поскорее «слинять» домой. В результате качество их работы будет намного ниже, чем у работников, имеющих склонность к данному виду работы, а заработную плату они будут требовать такую же.

Можно уверенно сказать, что профильное среднее образование, являясь собственным выбором каждого человека, несет огромную пользу, закладывая фундамент базовых знаний будущей профессии, и соответственно повышает профессионализм в сфере будущей деятельности.

Екатерина Низовцева

МОЙ ПЕРВЫЙ ОПЫТ ИНТЕРВЬЮ

Выбор профессии, наверное, самый трудный на пути становления личности. Каждый человек решает эту проблему перед окончанием школы. И от правильности принятого решения зависит судьба человека.

Вот и передо мной сейчас стоит эта сложная задача. Как определить, что будет важным для меня в будущем и какую профессию выбрать? Эти вопросы я задавала себе, когда еще училась в восьмом классе. Меня очень заинтересовала профессия журналиста. Ведь журналист должен не только

нести правдивую информацию в массы, но и должен объяснять сложившуюся в мире ситуацию людям, далеким от политики и других проблем современного общества. Мама, видя мой интерес к журналистике, посоветовала мне написать небольшую заметку в районную газету «Вестник Прикумья». Заметку, к моему удивлению, напечатали. После этого я стала писать небольшие сообщения о событиях, происходящих в нашей сельской школе.

Но серьезно о профессии журналиста я задумалась в конце десятого класса. В это время в школе мне предложили принять участие в краевом конкурсе начинающих журналистов. Мы отправили заметки. По результатам этого конкурса меня пригласили на Первый открытый фестиваль детских СМИ Ставропольского края «На 45-й параллели». После встречи и интереснейших бесед с ведущими журналистами края я загорелась желанием посвятить себя журналистике.

Правда, у меня еще оставались вопросы, касающиеся реальности моего выбора. Ведь журналистика – это такая сложная профессия! Меня мучил вопрос: «Будут ли интересны мои работы людям?». За советом обратилась к главному редактору газеты «Вестник Прикумья» Алле Михайловне Апальковой. Она посоветовала мне в рамках своеобразного редакторского задания провести мини-исследование на тему: «Почему надо читать книги?»

Я, посоветовавшись с мамой, решила написать эту работу в форме интервью. Мне вдруг вспомнился мой первый опыт. Его я получила, когда еще училась в седьмом классе. Тогда учительница русского языка дала нам домашнее сочинение – интервью. Я решила проинтервьюировать своего папу. Составила ряд вопросов, касающихся его профессии.

В воскресенье обратилась к папе с просьбой дать интервью, объяснив, что это домашнее задание. Он согласился и ответил на все интересующие меня вопросы. Я, как настоящий журналист, старалась подробно записывать все ответы. Но к седьмому классу меня еще не научили быстро писать, поэтому все точно записать не удалось. После беседы я обработала полученные ответы и заново все написала. Конечный текст дала на рецензию папе. Но... результат интервью его не удовлетворил. Пришлось все переписывать. И опять не получилась беседа интересной. Как некий сказочный персонаж, я в третий раз стала просить папу еще раз дать интервью. Но он наотрез отказался. Никакие мои доводы его не убедили. Папа сказал, чтобы я сама ответила на все свои вопросы, а написала, что это он отвечал.

Вот так я брала свое самое первое интервью. Опыт оказался не очень удачным. Ведь в конечном результате на все свои вопросы мне пришлось отвечать самой.

Именно по этой причине я не очень «горела желанием» вновь брать у кого-либо интервью. Но пришлось согласиться с мнением мамы. Ведь настоящий журналист должен уметь общаться с людьми. А интервью – это и есть беседа, которая потом записывается на бумагу. Но в этот раз у меня было маленькое преимущество перед прошлым. Ведь теперь у меня был новенький диктофон, который я получила месяц назад в качестве подарка на олимпиаде в Москве.

Чтобы написать статью «Почему надо читать книги?», я решила взять интервью у школьных учителей. Причем меня заинтересовало мнение не только учителей-словесников, но и преподавателей совсем не гуманитарных предметов, например, математики или физкультуры.

Придя в школу после занятий, я застала в учительской только двух учительниц. Остальные были на уроках. Это были преподаватели русского языка и литературы. Я попросила их дать интервью. Но обе учительницы ответили отказом, потому что были заняты проверкой контрольных работ. Я предложила побеседовать в удобное для них время. Но они опять отказались, объяснив, что в конце четверти у них совсем нет времени из-за проведения полугодовых контрольных работ. В следующий раз, когда я решила взять интервью, свободной оказалась только учительница английского языка. Она сначала отказывалась, объясняя это тем, что не может сразу ответить на мои вопросы. Ей надо продумать ответы. Но все же мне удалось уговорить ее дать мне интервью. Учительница поделилась своим мнением о том, какие книги и в каком возрасте должны читать современные школьники. Но для написания статьи мне было необходимо узнать мнения людей разных специальностей и воз-

растов. Я обратилась к учительнице математики. Но и здесь меня ждало разочарование. Учительница сказала, что она «математический сухарь» и ее мнение не может заинтересовать кого-либо. Учительницу переубедить не удалось.

Я совсем растерялась, не зная, как провести исследование, ведь никто не хотел делиться своими мыслями. Одни объясняли свой отказ занятостью на работе, другие не хотели отвечать на вопросы, потому что были убеждены — их мнение не интересно другим, в частности, школьникам.

Спасли мое положение классная руководительница Федорова Людмила Николаевна и старейшая учительница нашей школы Цыс Алла Ивановна. Они обе работают в нашей школе более полувека преподавателями русской словесности. Учительницы с огромным удовольствием дали независимо друг от друга интересные интервью. Они ответили на все мои вопросы, а также высказали пожелание о том, что хорошо бы напечатать результаты моей исследовательской работы и в школьной газете-многотиражке. Тогда, может быть, некоторые «несознательные» ученики начнут читать книги.

В интервью Алла Ивановна на вопрос «Зачем надо читать книги?» рассказала: «Невольно вспоминаю первые послевоенные годы, когда я была школьницей. Радио в наш дом пришло в 1955 году, электричество — еще позже. А вот книги в нашей семье были всегда. Их я брала в сельской библиотеке, получала от отца в качестве дорогого подарка. Именно он, обыкновенный колхозник, воспитывал в детях трепетное отношение к книге, открывающей окно в неведомый мир. Общение с ней для меня и сегодня — самое любимое занятие. Книги дали мне возможность испытать восхищение красотой земли, где жили наши деды и прадеды, где нам суждено повторить себя в детях. Именно книги мне помогли понять, что такое Родина. Книга помогла «найти себя», а значит, найти смысл своей жизни. А главное, именно книги с детства и юности, войдя в нашу жизнь, сопровождают человека до тризны. Они помогают нам понять простую истину: жить — значит чувствовать, мыслить, страдать, держаться с достоинством, быть внимательным к людям и беречь все, что нас окружает».

А Людмила Николаевна, которую всегда волновали проблемы чистоты родной речи, поделилась своими многолетними наблюдениями: «Давайте посмотрим, что с нашей речью, что с нашими взаимоотношениями. Ведь как мы грубы, как бестактны, как мы некрасиво говорим. Это следствие того, что мы мало читаем. Многие политики, ведущие радио и телевидения произносят слова неправильно. Это говорит о том, что мы малокультурны, малообразованны, плохо владеем своим родным языком. Чаще используем иностранные слова, нежели русские. Почему? Мне, например, как учителю-языковеду, очень обидно за наш язык. Книга всегда была источником знаний. Книга — это тот предмет, та вещь, которая содержит накопленное человечеством знания и опыт. Что может быть более ценным, чем опыт предыдущих поколений? Мы не должны каждый раз «изобретать велосипед». Можем только его усовершенствовать. Плюс ко всему, наш уровень культуры зависит также от того, насколько правильна наша речь, насколько хорошо мы владеем фразеологизмами, крылатыми выражениями. Где всему этому мы можем научиться? Все это мы можем узнать, почерпнуть только из книг. Поэтому книга — это бесценный источник информации. И не читать ее, конечно, нельзя. Нельзя уходить от классики. Стыдно, когда мы не знаем, кто такие Ромео и Джульетта. И вроде бы знаем, вроде бы что-то слышали, но... Поэтому современному молодому человеку, наравне с чтением газет и беллетристики, нужно обращаться к классической литературе серьезного содержания, пусть даже это будет всего несколько книг в год. К той литературе, которая заставляет думать, которая приобщает к произведениям высокого искусства».

Мое интервью закончено. Какой же вывод я смогла сделать? Доверительная беседа с преподавателями трех поколений позволила мне еще раз утвердиться во мнении, что книги — это бесценный источник знаний. И, конечно же, молодежь должна их читать, потому что лучшие произведения русской и современной российской литературы могут «достучаться» до души каждого.

Так, основываясь на мнениях учителей английского и русского языков, я смогла написать свое первое интервью на тему, актуальную для всех нас.

И еще я смогла понять, что труд журналиста — тяжелый и требует огромной самоотдачи. Настоящий журналист должен уметь общаться с людьми, уметь их убеждать. Иначе можно оказаться в такой же ситуации, какая случилась со мной уже дважды. Теперь я знаю: чтобы стать хорошим журналистом, мало уметь грамотно писать и интересно излагать свои мысли. Оказывается, важнее для этой профессии — умение убеждать людей доверять свои мысли, иначе ты никогда не сможешь написать статью, достойную прочтения и обсуждения людьми.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Прошло уже почти два десятка лет, как наша страна вошла в новую эпоху демократических отношений. И, как бы мы ни относились к прошедшим годам, именно они многое дали России. Постепенно приходит сознание ответственности за происходящее в стране. Ею проникаются не только правозащитники, но и отдельные граждане. Сегодня мне семнадцать лет. По российскому законодательству, в соответствии со статьей 54, пунктом 1 «Семейного кодекса Российской Федерации», мой социальный статус «ребенок». Но всего через несколько месяцев я стану совершеннолетней, закончится «официальное» детство. С чем я вступлю в мир взрослых? Беззаботной девчонкой, не способной понять сложность современной жизни и готовой плыть по течению, или человеком, осознающим, что все в обществе, его благополучие зависит от социальной позиции каждого отдельно взятого гражданина? Иллюзия, что детство — лишь время подготовки к жизни, серьезно ущемляет права ребенка. Мы живем в реальном мире, читаем прессу, смотрим телевизор, думаем. А поэтому имеем право участвовать в преобразовании жизни. Именно так мы, молодое поколение, сможем подготовить себя к тому моменту, когда нам придется решать вопросы общечеловеческого уровня.

Одним из фундаментальных институтов общества, придающих ему стабильность и гарантирующих восполнение населения в последующих поколениях, является семья. Семья и дети — залог развития человеческой личности. В дружной семье человек находит свое счастье, дети вырастают здоровыми и достойными членами общества. От обстановки в семье во многом зависит, как человек учится, работает, ведет себя в обществе и быту. А Конституция Российской Федерации установила соответствующей статьей (ст. 38) государственную защиту семьи, материнства и детства.

Как бы ни был занят человек, если у него есть дети, значит, есть и заботы о здоровье и воспитании. И это — главное, составляющее личную жизнь родителя. Эти заботы и тревоги касаются практически каждой семьи в обществе, а значит, они становятся общественным явлением. Помочь семье вырастить достойного гражданина — прямая обязанность государства. А право и обязанность гражданина — не только быть законопослушным, но и заботиться о формировании правового общества, добиваться разными, не противоречащими Конституции способами создания новых законов на благо государства.

До недавних пор считалось, что главным воспитателем должна быть школа, коллектив. А семья — сколько у родителей хватает времени на общение с детьми. Однако сегодня ясно, что коллективное воспитание не приносит желаемого результата. Наиважнейшие свойства личности, основа социального «я» в школьном коллективе только развиваются, а закладываются в раннем возрасте, когда ребенок получает жизненный опыт вместе с любовью матери. Воспитание ребенка начинается с рождения. В первые пять лет жизни он впитывает жизненные впечатления от родителей. Это позже появляются другие, весомые факторы. Не случайно выдающийся педиатр А.Ф. Тур подчеркивал, что до 5 лет ребенок непременно должен воспитываться в семье. А что же получается на деле? Да, государство позволяет матери заниматься только ребенком и не выходить на работу три года. Многие ли могут этим воспользоваться? Отнюдь! И причина до банальности проста — зарплаты отца и мизерных пособий матери на достойную жизнь не хватает. Вот и приходится отдавать дитя в младенческом воз-

расте в ясли, к чужим тетям, пусть даже самым квалифицированным, но чужим. Ясли — это если повезет, а чаще маму заменяет няня, нанятая через агентство или по объявлению. Возможно, государство при данном положении вещей имеет финансовую выгоду. Но так может быть только у недалёковидного экономиста и политика. Что же предложить в подобной ситуации? Наверное, лучше дать возможность матери спокойно заниматься воспитанием и здоровьем своего ребенка, чтобы через два десятка лет в стране жило поколение, здоровое и телом, и духом, способное легко и быстро решать проблемы государственной важности.

Что конкретно можно предложить? А надо спросить у самих матерей. В первую очередь, поднять зарплату отцам, на которую он сможет содержать семью. Мужчина может работать несколько больше на основном предприятии — все равно почти все мужчины ищут «подработку». Если он знает, что дома его ждет супруга, спокойно занимающаяся воспитанием детей, уют, вкусный обед не из замороженных полуфабрикатов, здоровые дети с выполненными уроками — ради этого любой мужчина готов работать и на пару часов больше за достойную оплату труда. И это не утопия. В такой семье и такой обстановке проходит моя жизнь уже 17 лет. Папа работает, заботится о материальном достатке семьи из четырех человек, а мама занимается проблемами детей. В нашей, отдельно взятой семье царит гармония. В такой обстановке просто неприлично совершить проступок, подвести родных. Одно огорчает — государство в нашем семейном миреке себя никак не проявило.

В газете «Московский комсомолец — Воскресенье» № 4 (467) от 21-27.01 2007 года опубликовано сообщение, что теперь и неработающие до рождения детей мамы будут получать пособия. И это правильно — роды для всех одинаковые, а вот отношение государства к роженицам разное. Так случилось в нашей семье — нашим родителям государство не помогало растить нас, детей. Я родилась в семье студентов, сестра появилась у нас в пору безработицы. Государству необходимо проявлять адресную заботу о молодых семьях, строго спрашивать с чиновников, виновных в недобросовестном выполнении законов и постановлений, вплоть до уголовного наказания. Совершенно несправедливо подходит государство и законотворческие органы к вопросу определения трудового стажа. Например, если женщина на производстве не всегда честно выполняет свои обязанности, рабочее время проводит за разговорами с подругами, чтением журналов, но при этом ежедневно приходит на рабочее место (что скрывать, подобных примеров немало), и при этом упускает вопросы воспитания детей, ей все равно в 55 лет начисляется пенсия. А матерям, занимающимся только домашним хозяйством и воспитанием, заботой о подрастающем поколении в отдельно взятой семье, готовящей настоящего гражданина, пенсия вообще не положена!

Почему домашний труд за труд не считается? Ведь в семьях, где у женщины есть возможность полностью посвятить себя дому и детям, мужа спокойней работают, а значит, больше пользы приносят обществу; дети реже болеют и лучше учатся; дома их всех ждет горячая здоровая пища и спокойная, уравновешенная хозяйка дома. В книге Никитиной Л.А. «Мама или детский сад» приведено интереснейшее высказывание: «Матери надо, по выражению Марка Твена, «самозатачиваться» всю жизнь, но при этом категорически нельзя уставать». Там же она пишет: «Два главных препятствия на пути наших женщин к достойному материнству: психологическая неподготовленность и непомерные перегрузки в профессиональном и домашнем труде. Неумение и усталость — две беды матерей и две вины общества перед ними, ибо есть следствие недалёковидной политики государства по отношению к семье, материнству и отцовству».

Сколько женщинам хотелось бы самим воспитывать своих детей, но усталость после трудового дня этого не позволяет. У прекрасного педагога математики сын едва усваивает программу по маминному предмету, у преподавателя музыки ребенок не знает расположения клавиш на фортепиано, дочь учителя по труду не умеет сварить борщ, подшить юбку. И таких примеров очень много. Пора государству понять: женщина, в первую очередь, — мать, способная лучше любого воспитателя подготовить ребенка к жизни в обществе, стать полезным этому обществу. А уже потом она — работ-

ница для создания материальных ценностей. Государство обязано, пока еще есть возможность не потерять целое поколение граждан правового государства, начать поднимать престиж женщины-матери. Это не ежегодный праздник «День матери», не чествование лучших работниц перед 8 марта. Это не кампания, а программа действий для улучшения быта, здоровья и укрепления статуса матери, давшей жизнь каждому из нас, научившей жить среди людей. Нужен закон, позволяющий женщине жить так, как ей предписано природой, — рожать и растить детей, заботиться о них и их отце, быть хранительницей очага. И нужен закон, карающий нарушителей Закона о Матери. Женщинам, предпочитающим работу на производстве, необходимо предоставить право выбора по их усмотрению при условии, что дети не будут страдать или испытывать какую-либо ущербность.

Семья — школа труда и жизни. Ничто не может сравниться по силе влияния в вопросах подготовки детей к будущей жизни с той огромной ролью, которую играет семья. Семейное воспитание индивидуально и безгранично по содержанию. Оно затрагивает те сокровенные стороны жизни детей, которые невозможно затронуть в общественном воспитании, например, в школе. Фундаментом социальной сферы личности может стать богатство эмоционально мира, заложить которые возможно только в семье. Именно семья воспитывает ребенка своим образом жизни на примере семейных традиций в той нравственной атмосфере, которая возможна лишь между близкими людьми.

Каждый из нас является членом семьи. Те, кто еще не создал свою, новую, чаще живут с родителями или родственниками. Человек — существо коллективное, для нормальной жизни ему нужны близкие люди, которые его поддержат в трудную минуту, не предадут, помогут. Но, помимо этого, человек нуждается в осознании, что и он кому-то может оказать поддержку, что от его поступков и решений зависит жизнь другого человека или группы людей. И сейчас, в начале уже XXI века, психологи обеспокоены проблемами одиночества людей. Конечно, много одиноких и среди людей брачного возраста. Но это проблема другого порядка. Важнее вопрос одиночества людей двух самых незащищенных категорий населения. И если о брошенных детях или детях, чьи родители лишены родительских прав, говорится много, их проблемы пытаются решать на самых высоких уровнях, то об одиноких людях преклонного возраста говорится и вспоминается не так уж часто. В основном, в случаях криминального порядка. А ведь что может быть страшнее ощущения ненужности? Одиночество отнимает у человека потребность отдавать тепло своей души, чувствовать, что оно кому-то необходимо.

Одиночество плохо не только для самого человека, но и для общества. Подрастающее поколение, глядя на пренебрежительное отношение к старикам со стороны и государства, и отдельных предстателей, приучает себя к такому же отношению и к своим близким. В результате происходит распад семейных отношений. Пока мы молоды, нам не верится в наше одиночество. Мы не задумываемся о том, каково престарелым родителям, оставленным без нашего внимания. Нет ничего печальнее, чем одинокая старость. Но печаль возрастает многократно, когда дети есть и их нет. Дорогу своим детям прокладывают их родители. Разве можно составить реестр того, что делают родители для своих детей? Приходит момент, и родители нуждаются в нашем участии. А в наше сложное время не только в моральном, но и в материальном. Необходима такая правовая обстановка в стране, при которой по отношению к старикам будут оцениваться моральные качества человека и состоятельность всего общества. Недопустимо оставлять людей преклонных лет один на один со старостью, которая в лучшем случае сулит унижительную немощь, ежедневный страх перед наступившим днем, боязнь элементарно остаться голодным из-за мизерных пенсий и непомерно огромных для пенсионера цен «на жизнь». Конечно, может прийти социальный работник, купить продукты или лекарства, если у опекаемого еще остались средства после оплаты коммунальных услуг и других обязательных платежей.

Но везде ли есть такая необходимая социальная служба, везде ли она работает «не за страх, а за совесть»? Тысячи одиноких пожилых людей живут в стране в полной заброшенности. Их обманывают проходимцы всех мастей. Не лучше бы, как положено в по-настоящему правовом государстве, позаботиться об этих людях, обеспечив им счастливую старость. И вовсе не в тех домах престарелых, кото-

рые редко соответствуют всем нормам и не унижают достоинство доживающих свой век людей, а в комфортабельных домах-санаториях с квалифицированным, специально обученным персоналом. Брошенных на старости лет матерей и отцов не должно быть, как не должно быть брошенных, «отказных», детей. Совесть не прощает подобного предательства. А если совесть спит беспробудно, значит, ей надо помочь проснуться, приняв закон, который будет гарантировать любому старику, всю жизнь законопослушному гражданину, достойную старость. Конституция РФ в статье 38 определяет обязанность трудоспособных детей заботиться о престарелых родителях. Но достаточно ли только этого? Ведь в законе указываются обязательства лишь материальной стороны вопроса. А духовный аспект? Милосердие нельзя определить рамками закона, но можно законом определить меру воздействия на неблагодарных детей. Наша прабабушка, жена репрессированного в 1937 году, одна, на крайне скудные средства, поднимала троих своих детей и сироту племянника. Всем дала образование, помогла создать крепкие семьи, нянчила внуков. И до конца своих дней, прожив долгую жизнь, была окружена вниманием и любовью. Для членов нашей большой семьи, всего рода, это было нормой жизни. Этому научила детей она сама, опекая так же свою мать. Подобное поведение не определит ни один закон. Но нужен закон, наказывающий, и очень серьезно, за неуважение к родителям. Ведь скольким старикам приходится нищенствовать, просить подаяние при живых детях. Должно стать законом утверждение, что по отношению к старикам и детям можно судить о душевном здоровье нации.

Не меньше стариков страдают от душевной черствости и дети. Почти полвека прошло с принятия ООН Декларации прав ребенка, которая провозгласила принципы защиты и благополучия детей. С 1990 года вступила в силу для нашей страны «Конвенция о правах ребенка». Права ребенка закреплены Гражданским кодексом РФ и Семейным кодексом РФ. Но всеми ли правами ребенок может воспользоваться в настоящее время? Даже живя в полной и благополучной семье, не всегда это возможно. Конечно, чиновники всему находят причины, чаще в слабом финансировании. Но ребенка это не должно ограничивать в реализации своих прав. Ему, допустим, нужна консультация или помощь врача определенной специализации, иногда немедленно, сейчас. А родителям предлагают в лучшем случае пройти «платно», потому что «врач один на весь район, а детей много». А уж если в дом пришла беда, ребенку требуется дорогостоящая операция — тут без обращения к посторонним людям с просьбой оказать финансовую помощь не обойтись. Неужели государству не нужно здоровое молодое поколение? Риторический вопрос, но ответ когда-нибудь придется давать. Аналогично положение с правами ребенка и на культурное развитие. Право на образование для многих означает всего лишь получение среднего, в ближайшей школе. О высшем образовании чаще приходится мечтать. И не потому, что способности не хватает — в семье нет финансовой возможности дать детям дальнейшее образование. Количество бюджетных вузов и училищ сокращается. Скольких «Ломоносовых» потеряло государство из-за невозможности для молодого человека поступить в учебное заведение по призванию! Отправить выпускника учиться после школы дальше — для многих семей непосильная, не решаемая проблема. Государство предпринимает шаги к решению вопроса, ввело Единый государственный экзамен (ЕГЭ) как шанс поступления. Но достаточно ли этого? Как содержать в чужом городе студента, которому надо питаться, где-то жить? На бюджетных отделениях дают стипендию. А пробовал ли кто-либо из законопослушных прожить на нее? Бремя содержать уже взрослого ребенка вновь лежит только на семье. Еще одно право ребенка — на культурный досуг — чаще остается только на бумаге. Вывести ребенка в театр, музей многим не под силу. Наши родители несколько лет копили деньги, чтобы мы могли десять дней провести в Москве, сходить на спектакли, в Третьяковскую галерею, Исторический музей. Конечно, туристические фирмы организуют поездки, но не многие могут ими воспользоваться. В прежние времена в отдаленные регионы приезжали и театры, и экспозиции музеев. Теперь — только цирк и зверинец. И подрастает поколение бездуховных людей. Парламентариям пора уже задуматься о том, кто придет им на смену. А эта смена подрастает в семьях. Нужны новые законы, поддерживающие благополучные рабочие семьи, семьи, из которых выйдет интеллигенция нового типа.

В результате своих размышлений после изучения нормативных документов, касающихся проблем семьи в современной России, сравнения печатного материала из общероссийских и местных газет с окружающей действительностью, анализа положения в своей семье и семьях знакомых мне людей я пришла к выводу. Он заключается в следующем. Семьи простых граждан нуждаются в поддержке государства при решении вопроса воспитания нового поколения. Нужны новые законы, определяющие статус женщины-матери со всеми вытекающими последствиями. Нужна реальная защита людей преклонных лет, которую должны определить новые законы о пенсиях, достаточных для нормальной жизни; о домах санаторного типа для одиноких пенсионеров; о наказаниях нерадивых детей, бросивших родителей, и чиновников с черствой душой. Нужны законы, позволяющие в полном объеме реализовывать детям права, определенные Гражданским кодексом РФ и Семейным кодексом РФ. И, конечно же, нужны законы, ставящие преграды бюрократам любого уровня в их порой некорректной деятельности.

Каринэ Антонян

ДАЛЬШЕ, ВО ВЗРОСЛЫЙ МИР

Что необходимо для того, чтобы семя цветка превратилось в прекрасное растение?.. Чтобы оно на протяжении своего цветения радовало очи смотрящего на него?.. Чтобы его отсутствие было заметно окружающим?.. Чтобы он после окончания жизни на Земле оставил память вечную о себе, как о чем-то незаменимом?.. Ему необходима надлежащая забота, уход, любовь, тепло, подкормка, внимание. Только тогда он сможет превратиться в прекрасное растение, неповторимое. Хотелось бы заметить, что существуют и такие, которые, несмотря на все неблагоприятные факторы, находят в себе силы стать красивыми растениями, но это бывает редко и зависит от врожденного характера цветка. А что необходимо для того, чтобы ребенок, входя во взрослую жизнь, стал неповторимым, прелестным человеком, чтобы все вышеперечисленные качества цветка были ему свойственны? Считаю, что ему также необходима любовь и внимание родителей, но разумная. Многие любят своих детей слепо, закрывая глаза на недостатки своего чада. Кто-то считает, что какие-то важные уроки жизни слишком рано давать ребенку, так как он еще маленький, а после того, как пройдет некоторое время, становится, увы, поздно. Ведь он уже вырос, характер в какой-то степени сформировался, и переделать его очень сложно, в отдельных случаях практически нереально. Я думаю, что вы согласитесь со мной, что после того как у цветка сформировался бутон, уже ничто не в состоянии повлиять на его цветение. То, каким он раскроется перед нами, зависит от того, как за ним ухаживали во время его роста и формирования. Я считаю неправильное воспитание главным фактором, оказывающим влияние на развитие характера человека, на становление личности, на то, что вырастет из маленького семени, какой бутон образуется и как будет цвести, то есть каким войдет в свою взрослую жизнь.

К сожалению, дети все чаще хотят быстрее повзрослеть. Это неплохо, но дело в том, что они еще не готовы к этому. И поэтому считают необходимым подражать людям старшего возраста. А перенимать такие качества, как трудолюбие, ответственность, добродушие, уравновешенность, не столько сложнее, чем такие, как пристрастие к курению, наркомании, алкоголизму и многие другие дурные привычки.

Что свойственно нынешним подросткам?.. Они зачастую эгоистичны, считают себя самыми-самыми лучшими, никто не вправе возразить им, упрекнуть, даже родители... Как часто на замечания матери или отца они реагируют агрессивно. «Следи за своей речью, когда разговариваешь со стар-

шими, и перестань употреблять матерные слова», — на что подросток отвечает: «Не твоё дело, как хочешь, так и разговариваю — это моя личная жизнь». Молодежь утверждает, что у нее есть право делать все, что придет в голову, но зачастую забывает о том, что ее права кончаются там, где начинаются права любого другого гражданина. Вокруг мы можем замечать множество случаев унижения достоинства человека, оскорбления и избиения. Молодые люди аргументируют свои подобные действия следующим образом: «пускай не брыкается», «он на меня не так посмотрел», «он задел меня на дискотеке», «потому — что он слабее меня, у него участь такая». Задумайтесь о том, что станет с нашей планетой через десятилетия, когда эти люди, войдя во взрослую жизнь, устроившись на какие-либо важные должности, не всегда правомерно начнут действовать. Я не говорю, что сейчас отсутствуют подобные чиновники, нет, просто с каждым годом их становится больше!

Подростки стремятся к лидерству, они целеустремленны. Похвально, если не быть в курсе, каким образом, какими методами они идут к своей цели и «авторитетами» каких группировок являются или стремятся стать. Они считают, что всегда и во всем правы, умеют и знают все необходимое для дальнейшей жизни. Например, сидит ученик на уроке и не выполняет задания, данные учителем. Ребенок даже не слушает, а думает о чем-то постороннем. Педагог поинтересовался, чем обусловлено подобное поведение, на что получил четкий ответ, сказанный вполне уверенно: «Мне этот предмет в жизни не пригодится!». По-моему, это звучит не только наивно и глупо, но и смешно, но что более странно — никакие доводы не убедят его в обратном. С каждым годом число подобных фактов увеличивается. Следовательно, становится все больше учеников, не только не стремящихся совершенствовать свои знания и умения, но и не желающих освоить школьный курс.

Не все подростки пытаются вступить во взрослую жизнь побыстрее, некоторая часть, пусть даже незначительная, боится этого. Причиной может служить недостаточная самостоятельность, которая возникает в результате неправильного воспитания. Может быть, конечно же, что ребенок в связи с неблагополучной жизнью одного из родителей, окружающих его старших людей думает, что его ждет та же участь. Другими словами, он напуган и имеет ошибочные представления о мире взрослого человека.

Оба эти явления сказываются негативно не только на формировании личности, но и на обществе, которое сложится в дальнейшем, в котором, как и в любом букете, гармония зависит от правильного подбора цветов. Во-первых, по внешним признакам, в связи с которыми можно судить об общем его облике, во-вторых, по совместимости, чтобы одно растение не начало отравлять другое — это выглядит подобным образом и в обществе. Подростки или ведут себя аморально, коверкая впечатление об общем коллективе, или же — еще хуже — начинают давить на другого человека, угнетая его, ущемляя в правах.

Как это ни плачевно, но происходит деградация населения в связи с неумением адекватно реагировать на происходящие события. Примеров может быть множество. Все чаще на какие-то замечания начинает проявляться «защитная реакция», сразу находятся тысячи оправданий, объясняющих ошибочное действие. В то время, как необходимо спокойно выслушать мнение другого человека, даже если оно неприятное, после чего, проанализировав, сделать вывод, и, быть может, постараться впредь не совершать подобного.

Обратите внимание на маленького ребенка, которому всего лишь три года. Его мнение об окружающем мире часто формируется от того, что ему говорят взрослые, люди авторитетные для него, в частности, родители. Маленькое сознание в силу своего возраста и знаний не всегда в состоянии иметь свое мнение по поводу серьезных тем. Но как глупо выглядит подросток, который не имеет собственного взгляда на жизненные ситуации, а, как попугай, повторяет увиденное или услышанное. С ним неинтересно общаться, ведь он, скопировав чью-то точку зрения, не в состоянии аргументировать ее, донести ее правдивость. Если у него хороший словарный запас, то он, конечно же, сможет сказать что-то, но основная мысль, в верности которой он не уверен, принадлежит не ему. Сейчас можно наблюдать, как люди носят то, что считается модным, популярным, гоняются за известными марками и уродуют не только внешность, но и душу. С обликом понятно — это одежда, аксессуары,

которые нередко не подходят по форме, цвету. Намного страшней — умирание внутреннего мира, происходящее по вине СМИ. Например, особенности поведения многих знаменитостей копируются, а те, в свое время, благодаря фальшивому блеску, аморальному поведению стали известными, всемирными кумирами. В умы подростков неосознанно «впечатывается» необходимая информация. И не только в их умы. Старшее поколение также поддается этому. Например, скоро предстоят выборы, и за счет рекламы, хорошо продуманной, грамотно сформированной, люди голосуют не за того, кого хотят, а за того, кого «говорит» ему подсознание, подвластное такой науке, как маркетинг. Я до сих пор не могу понять: неужели нельзя с помощью подобных методов поместить в разумы людей информацию, оказывающую положительное воздействие на формирование личности и общества.

Не следует слепо уповать на судьбу, ведь мы сами творим ее, от нас зависит наш путь. А также необходимо бороться с преградами жизни не только в теоретическом плане, нужно мысленно искать выход. Находить в себе силы для принятия реального решения.

Воспитание детей — долгий трудный процесс, а жизнь, в которую дети спешат вступить, очень сложна, непредсказуема. Следует внимательно относиться к своим детям, интересоваться их пристрастиями и увлечениями. Многие ходят в спортивные секции не для того, чтобы быть здоровым, — они хотят научиться драться, чтобы все решать силой, принимают разнообразные средства, которые негативно влияют на организм человека (иногда это кончается летальным исходом), чтобы нарастить мускулатуру, я бы сказала, своеобразный рекламный бренд своей правоты во всем.

Что происходит с цветком, если, прилагая физические усилия, раскрыть его бутон, который еще не до конца сформировался?.. Он раскроется, но цветок не будет красивым и жизнеспособным. А ведь люди, слишком рано ставшие взрослыми, похожи на такой цветок. Конечно же, существуют исключения. Подростки, которым в результате жизненных обстоятельств пришлось рано повзрослеть, иногда становятся прекрасными людьми.

Помните: еще никогда и никто не опоздал войти во взрослую жизнь, всему свое время. Спросите у своих родителей, хотя бы они вернуться в детство?.. Это один из самых прекрасных моментов жизни каждого человека, беззаботная, безоблачная жизнь, когда от всех невзгод тебя оберегают родители, даря самое лучшее и отменное. Дети — это цветы жизни, неужели вам не хочется побыть этим цветком подольше, чтобы сформироваться до конца и предстать перед многоликим миром во всей красе и надолго?..

Екатерина Старенкова

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ СОВРЕМЕННЫМ?

Накануне третьего тысячелетия всех волновали вопросы о том, какой будет новая жизнь, как изменится человек? И теперь, когда мы переступили этот порог, каждый по праву считает себя представителем новой эпохи.

Каков же он, наш современник?

По общепринятому мнению, быть современным — значит идти в ногу со временем. Молодежь в большей степени применяет эту аксиому к себе, но и старшее поколение не хочет от нее отказываться. Действительно, эпоха изменяет всех вне зависимости от возраста.

Атрибутом нового веяния стал сотовый телефон. Это не просто яркий аксессуар, но и необходимое в повседневной жизни средство связи. И ныне все с легкостью им пользуются.

Только не все изменения принимаются так легко. Сегодня обществу требуется человек компетентный, коммуникабельный. Профессиональная грамотность практически в любой области должна

быть подкреплена владением компьютерных технологий. Безусловно, юноши и девушки выигрывают в плане новаторства. В учебных заведениях обязательным стал предмет информатики. Даже заядлый двоечник может без труда выйти в виртуальный мир Интернета, мастерски владеет играми.

Сложнее приходится нашим родителям. Некоторые даже испытывают страх перед умной машиной. А стоит ли ее бояться? Ведь это всего лишь техническое средство, как пылесос или стиральная машина, которое послушно выполняет команды своего пользователя.

Большинство действует решительно: осознанно идут учиться. Целеустремленным проще освоиться в сложной современной жизни.

Хотя только знание компьютера не делает человека совершенным. И нам, молодым, предстоит еще длительный путь интеллектуального развития. Трудно противопоставить азы начинающего мудрости, накопленной годами. С этим нельзя не согласиться. Даже самый «продвинутый» направляется по жизни мамой и папой, бабушкой и дедушкой.

Следует обратить внимание и на другие аспекты современности. Одежда, музыка, манеры поведения — все меняется из века в век. Сейчас модно носить зауженные мятые джинсы, слушать клубную музыку...

Не каждый может принять новые правила. Трудно представить маму с пирсингом в животе, или бабушку, кумиром которой является Ксения Собчак.

Погоня за модой не должна перейти в манию. В человеке все должно быть гармонично. «Новое» и «старое» — не крайние полюсы. Недаром говорят: «Новое — это хорошо забытое старое».

Современность зависит не от количества прожитых лет, а от ощущения душевной молодости.

Екатерина Калинина

«ЖИВАЯ ВОДА»

Во всей Вселенной только наша планета обладает уникальным даром природы — водой. А если вы помните, то и мы с вами состоим из воды примерно на 80%. Это удивительное вещество имеет «талант» находиться в трех физических состояниях: жидком, газообразном, твердом. Но и не только это поражает. Ученые давно доказали, что вода — живое существо. Она чутко реагирует на все изменения, которые происходят в окружающем ее мире, и даже великолепно поддается программированию. Помните любимые сказки о живой и мертвой воде? О том, как одна водичка все раны мгновенно залечивает, а другая — с оживляющим эффектом. В древности знали люди о целебных свойствах воды. А мы, современные да занятые, только начинаем узнавать. Известно также, что под воздействием музыки вода меняет свою кристаллическую структуру. И все зависит от того, какую музыку «слышала» вода. Если это классическая музыка, то такой водой и лечиться можно, а если это тяжелый рок, то такую воду лучше не пить. Надо знать и о том, что вода в доме может тоже воздействовать на человека. А вот каким это будет воздействие, зависит только от вас.

Человечество уже расплачивается за тот негатив, который оно творит, разрушая природу. И вода мстит, и мстит жестоко, посылая наводнения, цунами. Достаточно вспомнить то наводнение, которое произошло несколько лет назад, в котором пострадали и районы Георгиевска.

Но не одно это должно послужить сигналом для всех живущих на Земле. Фабрики, заводы и другие промышленные предприятия сливают отходы деятельности в реки. Изменяется тогда и структура воды, где уже живое просто перестает существовать. В такой воде уже не будет вкусной, а главное, полезной (!) рыбы. И недосуг «акулам бизнеса» и чиновникам, которые не понимают са-

мых простых истин: «Не убивай живое (воду)! Не губи природу!» Что они оставят детям, внукам, правнукам? Неужели безжизненную планету?! Да и чему тут удивляться? Как мы проводим пикники на берегах родной реки Подкумок? Сколько мусора остается после приятного времяпрепровождения?! А разве природа нашего уютного городка достойна такого обращения? Конечно, нет!

Нам, ЛЮДЯМ, надо помнить, что, сея вокруг себя зло, мы программируем все ЧЕЛОВЕЧЕСТВО на вымирание! А так хочется жить!..

Дарья Ситовская, Елена Княгинина

«НЕ ПЛЮЙ В КОЛОДЕЦ — ПРИГОДИТСЯ ВОДИЦЫ НАПИТЬСЯ!»

«Вода» и «жизнь» — эти два понятия в наше экологически сложное время стали почти синонимами. Нам почти с первого класса известно, что там, где есть вода, есть жизнь. Именно вода делает уникальной планету Земля. Без воды наша планета была бы такой же пыльной и безжизненной, как Луна. Но лишь на Земле условия пригодны для жизни. Недаром люди с древнейших времен строили свои жилища только в тех местах, где поблизости находились источники питьевой воды.

Не стали исключением такого отбора и две реки, протекающие по территории Георгиевского района — Кума и Подкумок. Эти реки давали свою воду еще племенам скифов и сарматов, чьи захоронения найдены в окрестностях сел, расположенных по берегам этих рек.

В литературных и архивных источниках, которые дошли до нас, прямо говорится о полноводности рек, обилии вокруг них обширных густых лесов, где водилось много разнообразной живности. Но с развитием цивилизации и научно-технического прогресса, увеличением количества городов, сел и населения в них наши реки стали мелеть из-за повышения водозабора для нужд промышленности, сельского хозяйства и бытового потребления. Густые леса стали вырубаться, животных — безжалостно истребляют, либо они сами стали погибать, не имея достаточной для выживания среды обитания.

Но все это лишь верхушка огромного айсберга, только половина проблемы. Недаром русский народ придумал мудрость: «Не плюй в колодец — пригодится водицы напиться». Человек часто почему-то забывает о второй части этой поговорки. И может быть, из чувства противоречия или элементарной бездумности и эгоизма продолжает «плевать» в свои животворящие источники, а точнее, — спускать неочищенные стоки в реки, дающие ему питание и все блага современной жизни.

Многим нашим жителям знаком удивительно красивый уголок природы в том месте, где две главные реки нашего района сливаются в одну. Спокойная, неторопливая Кума принимает в свои «материнские объятия» резвого, быстрого, живого «мальчишку» Подкумка и, постепенно умеряя его пыл, несет свои воды к Каспийскому морю, «седому, но мудрому старцу».

В место слияния двух рек любят приезжать на отдых и рыбалку молодые и не очень георгиевцы. Вот и мне этим летом довелось побывать здесь. Предвкушая отличный отдых и купание, все такое необходимое в изнуряющую жару, я вышла из машины. Но искупаться в этот день мне так и не пришлось. Почему, спросите вы. Да потому, что в нос мне ударил такой отвратительный, неприятный запах. Приписав его происхождение по своей наивности ветерку, дующему со стороны находящихся поблизости очистных сооружений, я спокойным и уверенным шагом спустилась к Куме. На поверхности воды плавали какие-то мутные пятна, чему я сначала не придавала никакого значения. Возле коряги по-над берегом плавала небольшая рыбешка, которую я смогла поймать голыми руками!

«Глупая рыба!» — подумала я, бросая ее в ведро с речной водой и, взяв удочку, пошла дальше по берегу. Вернувшись с неудачной рыбалки и подойдя к ведру с водой, я увидела, что моя рыбка не

подает никаких признаков жизни и, более того, покрылась темными пятнами. В это время ужасный запах усилился, а по реке плыли уже не только мутно-серые разводы. Разозлившись, я решила выяснить, откуда же это все берется.

В Куму, в нескольких десятках метров от слияния с Подкумком и раньше стекала какая-то вода из узкого канальчика. Но то, что я увидела, водой назвать нельзя никак! И цвет, и запах этой жидкости говорили о том, что это — сток из канализации, который явно прошел мимо очистных, не подвергнувшись никакой дезинфекции. Я была поражена. Ведь несколько лет назад в абсолютно чистой воде этого канальчика я купалась. Так вот почему погибла рыба в моем ведре! Стало предельно ясно, что и есть эту рыбу, и купаться в этой воде — увы, уже небезопасно. Вот так, вода из источника жизни превратилась в источник болезней и даже смерти.

А все дело в том, что очистные сооружения перестали справляться с обрушившимся на них объемом грязных стоков и давно уже требуют переоборудования и достройки. А на это, как и на решение многих других важных проблем, как всегда, не хватает денег. Но парадокс — деньги находятся на строительство многочисленных баров, игорных заведений и других злчных мест.

Мы всегда находим средства на то, чего очень хотим. Так неужели мы не хотим, чтобы наши жизненные источники оставались чистыми? Почему мы экономим на своем здоровье, покорно бегая по врачам и выполняя — принимая всякие процедуры (часто очень дорогостоящие), сокрушаясь о плохой экологии? А кто же ее делает плохой? Разве не мы с вами?!

Александр Габов

АХ, ЭЛЕКТРИЧКА!

- Тук-тук, кто в электричке живет?
 - Я — бомж Василий.
 - Я — алкоголик Иван.
 - А ты кто?
 - Я — наркоман Петр.
- Давайте вместе жить?

К сожалению, персонажей данного эпитафия можно легко встретить ранним утром или поздним вечером в транспортном средстве, указанном выше, однако говорить о них вновь — тратить время впустую. В сравнении со многими индустриальными и постиндустриальными странами мира у нас в России за «просто так» жилье бездомному не подарят, а алкоголика или наркомана не вылечат. Но я не стану разбираться, кто и где, помимо благотворительных фондов и организаций, желает помочь бедолагам, я просто хочу поведать читателю несколько славных и милых историй, случившихся со мной или моими соседями по вагону в электропоезде Кисловодск — Минеральные Воды.

Вот, например, недавно еду я себе, скучаю. Заходит дядечка-газетчик и рекламирует свой товар. У меня в душе проснулась радость, и счастье переполнило сердце, когда этот «дядечка» сказал о газете с юморесками, которые я всегда готов почитать на досуге. Я сказал доброму человеку с пачкой прессы в руках:

- Дайте мне, пожалуйста, анекдоты.
- Конечно, — ответил он, — вот — всего 10 рублей.

Я протянул ему червонец и взял желаемое. Меня смутило название «Флирт», и прозвучал вопрос:

— А вы уверены, что она для детей?

— Безусловно, — сказал продавец.

Ну, что ж, поверил, что называется, на слово и отпустил купюру достоинством в 10 «рэ». Открыв купленное, я еще по иллюстрациям понял — мужчина ошибся в моей возрастной категории. Закрыл и отложил в сторону. Когда же он вернулся в мой вагон, я с неким сарказмом обратился к нему:

— Помните, вы только что продали мне детскую газету?

— Да, — ответил он.

— Но вы знаете, глянув на картинки, я убедился, что она даже не подростковая.

— Ну и что, — не растерявшись, сказал дядечка-газетчик, — ее ребята и помладше тебя читают.

Его слова не убедили меня, и я потребовал вернуть деньги и, к моему удивлению, получил их без особых усилий.

А чуть позже вновь еду я на электропоезде, и заходит немолодой человек в черном облачении и с позолоченным крестом на груди. Просит помощи на восстановление одной из минераловодских церквей, но тут встает женщина армянской национальности и, перебивая его, заводит речь:

— Граждане, не верьте ему: обманщик-алкоголик, он пудрит вам мозги. Сам-то совсем совесть потерял, у народа деньги просишь на свои пьянки-гулянки, а прикрываешься церковным саном...

И дальше тирада нецензурных слов и выражений. Наконец, долгожданная остановка, но «слушитель божий» выходил со мной на одной станции, и я стал свидетелем следующей картины. Он прямиком из электрички направился к трем ждавшим его людям. Пожал им руки, снял облачение, и они четверкой поспешили за бутылкой спиртного в ближайший киоск.

Список подобных случаев, произошедших в «теремочке на колесиках», можно продолжать, что и плохо и хорошо. Плохо, так как они подтверждают, что люди все еще пытаются заработать легкие деньги в большинстве своем обманом, а хорошо...

РАССКАЗ НЕ ЛОЖЬ, А В НЕМ НАМЕК — ДОБРЫМ ШКОЛЬНИКАМ УРОК

Начался обычный скучный учебный день. Я захожу в знакомый до боли белый, просторный, уютный, теплый школьный буфет. От сияния чистых, белоснежных, украшенных красочными, придающими аппетит натюрмортами стен на душе становится легко, и просыпается желание перекусить.

— Эх, — думаю я, — куплю-ка я ту пышную, свежую, еще теплую булочку и стакан сладкого крепкого чая. Но не тут-то было: взгляд буфетчицы, казалось, задержался на мне. В тех ангельских глазах разгоралось негодование демона. Создалось ощущение что вот-вот и своей беленькой аккуратной женской ручкой схватит что-нибудь потяжелее и, недолго думая, метнет в меня. Я растерялся и даже испугался ее, ведь раньше она казалась мне такой доброй, ласковой и приветливой, а тут ее вид пояснил, что она готова нанести мне большущий физический вред. По лбу стекли капельки холодного пота, и я замер в ожидании, что же будет дальше.

Внезапно мои ноги начали подкашиваться, но не от страха, а от радости: Татьяна Федоровна перевела свой угрожающий, пугающий, злостный и коварный взгляд (из-за него ее привлекательная внешность изменилась, она стала похожей на древнюю хладнокровную фурию) на моего одноклассника.

Из ее райских, а сейчас дьявольских уст сорвалось: «Пошел вон отсюда! Я тебе не ясно сказала, чтоб больше здесь я тебя не видела! Вон!». Как оказалось, совсем недавно ученик этот украл с витрины школьного буфета только привезенную, наисвежайшую, еще теплую булочку с повидлом, поэтому вход в это «святилище пицци» ему с этих пор воспрещен. Мистер вор понял, что «тетя Таня» случая с его участием не забыла, и он быстро, пулей, вылетел из буфета. Теперь он долго здесь не появится.

Путевые заметки, дневники

Марина Трегубова

ПИСЬМА ИЗ АМЕРИКИ

Сентябрь, 2007

Я еду учиться в Америку. Сажу в аэропорту, чтобы долететь из Атланты в Миннеаполис, жду, хочется спать, слушаю, о чем разговаривают люди. И вдруг обнаружила такое, чего в России никогда не увидишь. Все люди там путешествуют в одиночку. Они, не зная друг друга, ведут между собой интересные беседы и даже лезут в чужой разговор! И считают это нормальным. Даже когда я спала, меня толкнул один мужчина и начал мне что-то говорить и о чем-то спрашивать, а я сказала: «Я не спала две ночи». Да, некрасиво, я знаю, но я же как-никак русская... Надо меняться.

В самолете пыталась уснуть, но не вышло. Прилетела в Миннеаполис, штат Миннесота, иду забирать свой багаж, и там... моя семья меня встречает. Мы обнялись, мне подарили цветы, забрали вещи и поехали домой. Насчет понимания американской речи. Понимаю не все, если чего-то не понимаю, то догадываюсь по смыслу... В принципе, пока все в порядке, но как будет потом, не знаю. Думаю, мне будет сложно в школе.

Моя семья. Сестра не похожа на типичную американку, она довольно-таки модная. Мама, на мой взгляд, очень симпатичная, а папа — типичный американец!

Так, что было дальше... Приехали к ним домой: типичный американский дом, я им сказала, что в Америке все дома очень похоже друг на друга. Но они сразу же начали протестовать: «Нет, нет». У них очень красивый дом, мне нравится. Нет, не то чтобы красивый, он милый! Мне понравилась моя комната! Родители сказали, что она в стиле «гавай», только в ней всего очень мало. У моей сестры Натали хорошая комната, розовая с сиреневым. Эти цвета не очень сочетаются, но когдаходишь, такой вид, что ты находишься в замке, в комнате принцессы! Да, точно, это комната принцессы! Комната милая, но мне больше нравится моя комната. Надарили целый пакет подарков. А потом мы с Натали разобрали мои вещи, и я начала намекать на то, что нуждаюсь во сне.

На следующий день я встретила с бабушкой и дедушкой. Славные люди, мы с ними поужинали. Я многого не понимала, но старалась догадаться по смыслу. Потом приехали друзья Натали — девочка Сем и мальчик, не помню его имя. И тут сразу новые ощущения... Я вообще ничего не понимала, мне не понравилась эта девочка Сем. Она осталась на ночь, мы смотрели фильмы. Наверное, это любимое занятие Натали... Когда я в России, у меня нет свободного времени, а здесь наоборот. Или это пока... Не знаю.

Только второй день, а я уже хочу домой. Я сожалею, что приехала сюда, мне здесь неинтересно. Начинаю заболевать. Может, это даже к лучшему. Эх, пусть этот год меня многому научит и изменит в лучшую сторону!

Мне дали таблетки. Я была наслышана об американских таблетках. Таблетка и правда моментально помогла. Что же входит в эту таблетку? И почему в России таких таблеток нет?

Причина моей скуки в том, что я вечно сижу дома. Мы с Натали все время вдвоем и не знаем, чем нам заняться, а родители на работе. Я надеюсь, что, когда наступят выходные, мы куда-нибудь, наконец, съездим.

Так, наконец это случилось! Я вышла из дома, мы съездили в городок Елк Ривер. Посмотрели школу — большая, хоть и одноэтажная, учеников невероятно много. Школа мне понравилась, но идти туда я боюсь.

Сходили в какой-то магазин, в котором есть всё, но не помню, как такие гиганты называются. В общем, в них есть все — от прищепки и корма для собак до одежды и обуви. Родители сказали, что мы сюда заедем перед школой, чтобы я закупились.

Сейчас 11 вечера, и к нам пришел bookman. В России таких нет: ему заказываешь книги, и он приносит их. Этот парень оказался очень забавным, много говорил. Благодаря ему я узнала, что в 11 классе со мной будут учиться еще тринадцать школьников.

Мне уже тут начинает нравиться. На завтрак едим хлопья с молоком, потом едем играть в гольф. С нами играют брат Рида и Натали, двоюродные брат и сестра. Когда наше время закончилось, мы поехали в какую-то High School. Хочу уделить внимание американским машинам. У каждой семьи обычно несколько машин, и среди них обязательно будет какая-нибудь большая машина с кузовом. Таких машин у нас на родине почти не встретишь. А ездят машины на американских дорогах медленно — 60 км/ч.

Поехали на выставку старинных машин. Встретили дедушку Натали. У него тоже старинная машина, очень симпатичная. Мне там понравилось: красивые автомобили, и на многих наклейки с диснеевскими героями. Очень мило. Именно там я увидела настоящих американцев.

Следующий день был интересным. Я, Рид, Джастин, Натали и ее подруга Алекс ездили на реку Миссисипи. Я познакомилась с подружкой Натали. Она занимается гимнастикой и хотела научить меня красиво двигаться, но я повредила колено.

Миссисипи действительно красивая река. Мы сняли яхту. Вечером жгли на берегу костер. Кстати, все, наверное, видели американские фильмы, где люди сидят и греют что-то белое у костра. Я попробовала этот продукт. Не помню названия, но у нас в России его нет. На вкус очень приторное вещество, его надо класть между двумя ломтиками крекера вместе с ломтиком шоколада. Справилась и с этой едой. Ночевали на яхте. Здорово!

На следующий день собрали вещи и поехали впятером... Даже не знаю, как назвать место, куда мы поехали, в России такого нет. Думаю, вы видели в фильмах: очень много народу, аттракционы, кафе, ларечки и... парад. Можно сказать, что это парк развлечений. Весело! Говорят, когда человек смеется, продлевает жизнь. Американцы смеются очень много и должны жить долго. Но они постоянно едят жареное. Может, это и вкусно, но о здоровье, действительно, забывать нельзя.

На следующий день мы поехали в школу. Там собирались дети, которые учатся в девятом классе. Я тоже туда поехала, хотя учусь в одиннадцатом. Уверена, что мне в школе будет сложно: язык, учеба, отношения со школьниками и т.д.

Расскажу еще кое-что о еде. Есть еще одна причина, почему многие американцы полные. Здоровая еда стоит дорого, а нездоровая — дешево. Наверное, американцы ели бы здоровую пищу, но не все могут это себе позволить. Все в консервных банках. В России любят готовить, а у них все в баночках — от картошки до супа.

На следующий день, 4 сентября, я пошла в школу. Расскажу теперь про образование. Нет ничего странного в том, что американцев считают не слишком образованными. Я учусь в двенадцатом классе, хотя должна в десятом, программа обмена требует, чтобы я училась в двенадцатом. В школе учебный год делится на два семестра, а у нас в России — на четыре. Весь первый семестр ученики проходят шесть одинаковых предметов. Только шесть в течение всего семестра! А у нас предметы каждый день разные. Во втором семестре меняются один или два предмета, а остальное по-прежнему. Это означает, что дети могут получить знания только по восьми предметам! Хуже, чем в России, но намного легче. Кроме того, в России уже в первый день тебе дают большие домашние задания, а тут нет!

Расскажу, как я провела первый день в школе. Честно говоря, мне не понравилось. Может, потому, что я мало кого знаю. Сначала был школьный автобус, потом шкафчики, уроки, учителя... Я познакомилась с новыми ребятами. Потом ланч... В школе больше 2000 детей, ребята не понимают меня, и я не всегда или редко понимаю их.

Прошло две недели. У меня три друга: моя сестра Натали, девочка Тони и мальчик Колтен. Им всем по пятнадцать лет, кроме Натали. Здесь, как правило, общаются между собой ребята одного возраста. Надеюсь, скоро у меня будет больше друзей.

Январь, 2008

Привет, мама и папа! Пишу я вам, как вы, наверно, уже догадались из Америки. Давайте я сейчас расскажу, что случилось со мной за это время. Ну что ж, начнем. На этих листочках, которые вы держите в руках, я написала первое, что пришло на ум. Сначала я вам расскажу о школьной системе образования. Да, вот эти листочки, на которых я пишу, — это наши тетрадки. У нас очень много разных листов.... Не знаю, как объяснить. У нас, в общем-то, нет книг, а все темы занятий и задания учителя печатают на цветных листах. Если нам и дают книги, то громадного размера, но мы в них только картинки рассматриваем, ничего не читаем. Это сделано, чтобы слишком не загружать студентов американской школы. Мы вообще никогда ничего не читаем, как говорят учителя, «чтобы нам так сложно не было». Если мы хотим получить какую-то информацию, мы просто смотрим видео.

Как вы, наверно, знаете, у меня только пять учебных дней. По пятницам — это последний учебный день в школе — у нас школьные новости. Нам рассказывают, что случилось за прошедшую неделю и что нам предстоит на следующей.

В американских школах такое расписание занятий, что каждый день преподают одни и те же предметы. Я не могу говорить обо всех школах в Соединенных Штатах, но так учат в моей школе. В течение двух семестров каждый день — одни и те же шесть предметов. Но во втором семестре предметы немного меняются. Здесь нет букв в названии классов, как в России — 9 «А», 9 «Б» и т.д. Если это девятый, то все мы вместе учимся в девятом, ну, а я, как вы знаете, в 12 классе. И на каждом уроке ты встречаешься с разными людьми. Это не так, как в России: если ты в 11 «В», например, у тебя все уроки только с 11 «В». Как я уже сказала, каждый день шесть уроков, и во время четвертого урока у нас ланч. Школьники ходят на ланч группами: те, у которых первый ланч, идут до урока и первые 20 минут, потом вторые приходят и так далее. У меня третий ланч. У нас три линии, то есть очереди, где можно купить еду. Здесь очень много времени уделяется еде, а, как я помню, в России этого нет, так что не буду об этом.

Расскажу про опоздания, прогулы и все, что внутри школы. Опоздания: ты не можешь опаздывать: если ты опоздаешь больше чем три раза, после школы тебя накажут, и ты окажешься в комнате для наказанных. У меня такое было, но я в этой комнате не сидела, так как учительница меня пожалела. А чтобы не опаздывать, есть предварительный звонок, за одну минуту до основного. В течение урока ты не можешь просто пойти в туалет, тебе надо взять «pass», это может быть все, что угодно, с росписью или письменным разрешением учителя покинуть класс в течение урока. На этом «pass» написано время, так что ты не должен опаздывать — у тебя будут проблемы. Если же у тебя нет «pass», то считают, что ты прогуливаешь урок, и наказывают.

Дальше... Как у нас в России? К примеру, ты можешь болеть неделями и не ходить в школу или перед контрольной работой обмануть учителя и просто не прийти в школу. Так вот, здесь это невозможно. Насчет болезни так: неделями никто и не болеет — здесь другие лекарства, все проходит за один день. Если ты отсутствовал, когда была контрольная или самостоятельная работа, должен прийти и взять эту работу, выполнить задания. Если нет — провалишься и вылетишь из школы. Здесь все ходят в школу каждый день, потому что, если ты что-то пропустишь, то потом не хватит баллов, процентов для оценки, с которой ты можешь перейти в следующий семестр или следующий класс.

В школу я езжу на школьном автобусе, он забирает меня прямо около моего дома и в школу довозит за полчаса до занятий. Учителя не сосредоточены на том, чтобы дать ученикам знания, все больше для забавы. И очень часто можно слышать: «Не волнуйтесь, это весело» — или что-то в таком духе.

Здесь учителя бегают за учениками, а не наоборот. Основная цель в школе не знания и поэтому, например, вы можете принести в класс что-нибудь сладкое и есть это просто так на уроке, если, например, они исследуют еду. На многих уроках ты можешь просто что-то раскрашивать как раскраску или делать азбуку. Еще раз повторюсь: на знаниях школы не сосредоточены!

За партой мы сидим по одному, и никто не разговаривает, только иногда, а о записках здесь и не слышали. Учителя любят учеников, многие открыты для общения. Абсолютно все помешаны на спорте и еде.

Еще одна важная вещь, но речь уже идет больше не о школе, а о стиле одежды. Здесь ты можешь носить все, что угодно. Однажды девочка пришла в школу в традиционном японском костюме, никто ничего не сказал и не смеялся, и, больше того, и не думал смеяться. Здесь много людей, у которых сумасшедший стиль. И все это нормально. Я слышана о колледже искусств, но, к сожалению, лично там не была. Говорят, что это абсолютно другой мир. Все это очень сложно описать, но можно представить так: «Мой дом — мечта». Люди с самыми сумасшедшими волосами, с самым сумасшедшим стилем, с самой сумасшедшей внешностью — все там. Надеюсь, мне удастся туда съездить.

Что ж, давайте опять вернемся к школе, точнее, к первому месяцу школы. Во всех штатах во всех школах в сентябре у всех «Homcoming week», и в последний день — «Homcoming game». Что это такое? «Homcoming week» — это школьная неделя, когда все ученики школы должны одинаково одеваться. К примеру, в один день все должны надеть пижаму, на следующий — одежду защитного цвета, на следующий — цвета школы (каждая школа имеет свои цвета, название и символ), и так каждый день в течение одной учебной недели, то есть пять дней. И в последний, пятый день, в пятницу, проводится «Homcoming game». Для России это не понятно, так как это мероприятие связано со спортом. Но здесь спорту уделяют много внимания, в США все помешаны на спорте. В России, наверное, никто не стал бы носить одинаковую одежду, но здесь все одеваются с большим энтузиазмом!

Вернемся к игре. «Homcoming game» — это вечернее мероприятие, одно из самых важных в жизни школы: две команды из разных школ играют в американский или обычный футбол. К сожалению, я не могу понять, какой точно футбол, так как я не любитель спорта и во время игры просто ходила по кругу с друзьями. На эту игру все должны надеть одежду одинакового цвета, и это действительно «great day» в школьной жизни. Хотя для русских это не понятно, как и для меня. На Хэллоуин все надевают костюмы — иногда просто сумасшедшие, гигантские и неудобные. Но это очень весело, и в этот день проводится конкурс, у кого лучше костюм, с денежным призом. Еще один важный день для школы — выпускной, но я пока ничего о нем вам рассказать не могу.

Ну, и еще немножко о школе. 11 и 12 классы — «for fun» — для веселья. После 12 класса многие люди не сразу идут в колледж, а целый год просто ничего не делают. Подразумевается, что они не знают, куда поступать, и им нужно время на отдых. Ну вот, теперь вы немного знаете об американской системе образования и об американских школах.

Теперь перейдем к другой теме. Наверное, вы слышали, что американцы часто употребляют антидепрессанты и что у них вечно депрессии. Я немного разобралась в этом. Жизнь здесь нормальная,

не из-за чего паниковать или впадать в депрессию, и, мне кажется, в России это слово так часто не употребляют. Вот что я узнала о депрессии. Она приходит ниоткуда, но она оседает в тебе. В этот момент ты начинаешь что-то осознавать, все тебя приводит в раздражение, ты не хочешь ничего делать, не то чтобы ты хотел все бросить или поменять, но ты просто ничего не хочешь. Это звучит, возможно, немного по-американски, но это случается.

Теперь расскажу о самих американцах — о личностях и о характерах. Начну в сравнении с Россией. У нас люди шумные. В окружении, в общении они могут сказать какие-то открытые вещи и, вообще, намного эмоциональнее, чем граждане Соединенных Штатов.

Американцы, говоря друг о друге, употребляют слово «mean». Как это перевести на русский, я так и не поняла, но, открыв словарик англо-русского языка, я нашла значения «низкий, плохой, неблагородный, нечестный». Я не могу сказать, что эти значения соответствуют слову «mean», часто говорят: «You are so mean». И все же слово «mean» мы можем употреблять для описания многих американцев. И еще одно слово можно употребить для описания американской личности — «лицемер». Американцы — лицемеры, что нехорошо, но они все такие. Уверена, что о лицемерии американцев вы слышали и до меня.

Вернусь к теме эмоциональности, затрону тему речи. Когда американец говорит, он не размахивает руками, он уравновешенный, спокойный. Размахивать руками, делать жесты — это не по-американски. Когда говорит русский человек, его рот часто открыт. Возможно, потому, что ты просто не сможешь иначе произнести слово. Но, когда говорят американцы, они не открывают рот широко, могут говорить, не раскрывая губ. Да, мы можем думать: «Ха, мы тоже так можем!». Но будем ли мы так что-то понимать? Легко ли нам говорить так? К примеру, давайте возьмем пирсинг на языке. Когда у русского гражданина он имеется, то в течение беседы с ним ты можешь это заметить, но когда ты говоришь с гражданином из Соединенных Штатов, ты этого не заметишь.

Американец не будет от счастья бегать, прыгать, кричать. Нет, здесь лучше быть просто нормальным без всяких лишних эмоций, или же тебя будут держать за сумасшедшего. Как вы, наверное, знаете, американцы и считают русских сумасшедшими.

Что касается любовных отношений. Никто никогда не демонстрирует их публично. Я считаю, что это очень хорошо. Давайте представим мой пример номер 1. Снежный вечер мы идем вдоль аллеи. Красиво. Прохладно. Идем, а на лавках сидят влюбленные ребята, целуются. О, как это хорошо, что они влюблены, думаем мы. Пример номер 2. Школа или институт. Перемена. Мальчик и девочка бегут друг к другу и начинают, мягко сказать, обниматься и целоваться. Эти два примера — то, что вы никогда не увидите в США. Никто никогда не целуется прилюдно, это ваша личная жизнь. Возможно, многие граждане России меня понять не могут, но США меняют людей. Не только США, любая страна. Пожив там, привыкаешь к новым обычаям.

Тема «друзья». В России у нас есть два слова: «друг» и «знакомый». В Америке одно слово — «friend». Приведу пример из школьной жизни. Ты не должен каждый раз улыбаться встречному или заговаривать с ним. Мы просто можем идти и игнорировать друг друга. И это абсолютно нормально для Америки, но почему, я объяснить не могу. У нас при встрече ребята целуются в щеку, здесь никогда. Здесь мы можем просто улыбнуться или сказать «hey» — «привет». Если это хороший друг, ты можешь его приобнять. Но иногда того же хорошего друга ты можешь игнорировать. Вот такие американцы.

Хочу вам рассказать о том, как американцы проводят время. Будние дни начинаются с того, что ты садишься в машину или школьный автобус и едешь на работу или в школу, в колледж. После школы или института многие идут на работу, так как водить машину здесь можно с шестнадцати лет. У всех есть машины, но родители не дают деньги на газ или бензин — сам зарабатывай. Подростки тратят только те деньги, которые сами заработали, а не родительские. Работают здесь в кафе и на автозаправках. После школы или колледжа ты можешь поехать в кафе или магазин. Хочу подчеркнуть: поехать, а не пойти, так как здесь почти никто не ходит пешком. Все ездят. И если тебе нет шестнадцати лет и у тебя нет машины, то это очень большая проблема, так как общественного транспорта в США тоже нет.

На выходных американцы ходят на какие-нибудь спортивные игры, так как все любят спорт. Смотрят, например, как играют две школы в хоккей или футбол. Еще ходят в кино, или по магазинам, или на «party». Что такое «party»? Уверена, что многие думают, будто это нечто вроде дискотеки или вечеринки. Но это не так. Ты просто идешь к кому-то домой и напиваешься или принимаешь наркотики. Тему наркотиков я затрону позже. Объясню, почему я написала «идешь к кому-то домой». В США никто не гуляет по улицам, как в России, если американцы что-то делают, то делают дома. Если вдруг на улице вы встретите американца и он скажет: «Let's party!», — это не значит, что вы пойдете в клуб. «Let's party» можно перевести так: «Давай выпьем, напьемся, накуримся и т.д.». Но иногда американцы могут просто проводить целые дни дома: смотреть телевизор или сидеть в Интернете.

Теперь расскажу об американских домах. Многие называют американские дома «коробками», но только не сами американцы. Типичный американский дом строится за 4-5 месяцев. Все стены из гипсокартона. Если ты хочешь передвинуть стену, то сделать это очень легко. Практически в каждом американском доме в гостиных и столовых большие окна в человеческий рост и нет занавесок, так что все видно. Во многих американских домах есть комнаты под землей и гараж для двух машин, но это вовсе не значит, что машин должно быть две.

Теперь о наркотиках. Многие люди принимают их: не только тинейджеры — люди всех возрастов, но обычно до сорока пяти лет, потому что после сорока пяти они умирают. В подростковом возрасте дети начинают курить травку и принимать «легкие» наркотики, чтобы считаться «крутыми», что очень глупо. Взрослые люди сидят на серьезных наркотиках — «колются». Исход всегда одинаковый.

Еще одна тема — сексуальные отношения. По опросам, среди девочек тинейджеров 67% девочек или их друзей были беременны до восемнадцатилетнего возраста. Здесь до девятого класса в средней школе основной урок тот, где говорят о сексуальных отношениях и половом созревании.

Что ж, теперь расскажу о еде. В Америке не готовят домашней пищи. В основном, питаются в ресторанах быстрого питания. Если ты идешь в нормальный ресторан, там такая же еда, как и везде. Американцы ничего никогда не едят свежего. Даже свежий хлеб — это что-то странное. Он только нарезной в заморозках пакетах. Очень много еды из банок. Американцы любят поесть, но никто не волнуется по поводу полноты. В кафе ты никогда не получишь маленькой порции. Все блюда очень большие. В первое время я очень удивлялась, а сейчас ем, как американка.

Вот я вам и рассказала немного об американцах и их культуре. Это только маленькая часть того, что можно рассказать об этой большой стране и ее людях.

Никита Свенский

ХОДИТЬ НЕ ВРЕДНО — ВРЕДНО НЕ ХОДИТЬ!

Зима закончилась. Мы собрались всем классом идти на гору Бештау. Проснулась утром, смотрю: дождь. Думаю, для нашего класса это не проблема. Быстро собралась, выхожу, а там снег! Все равно ради интереса пойду. Прихожу к школе, а там уже все собрались.

Из сочинения моей одноклассницы Ани Погосян

Есть такие люди, которым просто не сидится на месте. Энергия в них бьет ключом, и они обычно бывают всюду и все знают. Они досконально изучили достопримечательности родного края и всегда жаждут новых приключений. К таким людям я могу отнести себя и своих одноклассников. Да и с классным руководителем, можно сказать, повезло. Нам очень нравится девиз Галины Николаевны: «Ходить не вредно — вредно не ходить!».

Мы с пятого класса много путешествуем. Каждую осень — традиционная прогулка на гору Змейка, у подножия которой и расположен наш родной город Минеральные Воды. С каждым годом мы поднимаемся выше и выше, исследуя холмы, родники, живописное озеро, причудливые скалы. Однажды обнаружили даже сердце нашей Змейки. Не верите? Взгляните на фотографию!

Весной, под яркими зонтами, по которым весело барабанил проливной дождь, мы бродили по Железноводску и любовались нежно-зеленым апрельским нарядом гор Железной и Развалки, в недрах которой скрыта таинственная пещера вечной мерзлоты.

Очень любим Пятигорск и его живописные окрестности. Не раз прошли мы по Лермонтовским местам, вспоминая замечательные строчки великого поэта, посвященные Кавказу:

Как сладкую песню Отчизны моей,
Люблю я Кавказ...

Нелегко пришлось нашим родителям, когда мы, тогда еще пятиклассники, решили штурмовать Машук, взбираясь крутыми каменистыми тропами на его вершину. Зато как они гордились тем, что вместе с нами покорили такую высоту! С тех пор наши мамы и папы запаслись кроссовками и спортивными костюмами, потому что поняли, что им тоже не придется сидеть на месте.

Запомнился поход на Бештау, где на одном из склонов восстановлен недавно Второафонский Успенский мужской монастырь. Слово сказочный терем, внезапно вырастает он перед глазами паломников.

А какой чудесный вид открывается отсюда на цепь снеговых вершин Кавказского хребта, на уютно расположившиеся в горных долинах города и села, на поля, сады и виноградники. Просто дух захватывает! Нечто подобное испытываешь, когда смотришь вниз, на землю, в иллюминатор самолета.

Нас совершенно очаровал осенний Кисловодск. Чудный парк, по дорожкам которого можно бродить без усталости часами. Хороша Долина роз в окружении деревьев в осеннем разноцветном уборе. Особенно трогательны хрупкие березки, которые так редко встречаются на юге... Преодолев сотни каменных ступеней и крутых подъемов, мы добрались до Малого седла, откуда весь Кисловодск виден как на ладони. Собравшиеся над головой тучи не только не испортили нам настроения, а наоборот, придали большее величие этой необыкновенно красивой панораме...

Облазив и объездив много интересных уголков родного края, мы решили начать «освоение» новых, далеких земель. Долго думали, куда бы поехать. Затем решили: в Петербург! И не когда — ни будь, а летом, в период белых ночей.

Недолгие сборы — и мы в пути. Ехать двое суток, поэтому времени хватает на все. Мы даже начали вести путевой дневник, в котором каждый записывал свои мысли и впечатления. Мимо проплывали чудесные пейзажи, а один из них особенно врезался мне в память: мы ночью переезжали по мосту через Дон. Величественная река, белая с серебром лунная дорожка на воде, черное беззвездное небо — все являло мне тайны мироздания, красоту России и немного пугало.

Но вот мы и в северной столице. Такое впечатление, что попали в XIX век: исторический центр Петербурга знаком нам до мелочей из русской классической литературы. Мощенные булыжником площади, удивительной архитектуры здания, узорные мосты через реки и каналы...

На Васильевском острове, где мы жили, возле спуска к реке, на страницах раскрытой каменной книги мы прочли знакомые пушкинские строки:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид.
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...

Было далеко за полночь. Один за другим разводили мосты на Неве. Со стороны Финского залива входили белые красавцы паромы, больше похожие на многоэтажные дома. И после наших темных южных ночей было странно смотреть на «прозрачный сумрак, блеск безлунный», на «спящие громады пустынных улиц», на шпиль Адмиралтейства в светлом небе...

За несколько дней Петербург стал каким-то своим, привычным. Мы восхищались величественными Казанским и Исаакиевским соборами, но храм Спаса на Крови показался роднее и ближе, потому что выстроен в русском стиле. Часами можно любоваться его золочеными и цветными куполами, фигурными наличниками, кокошниками, заполненными мозаичными вставками поясками, изразцами, разноцветной черепицей... Мой друг Никита был так очарован внутренним убранством храма, что отстал от группы. И пришлось нам изрядно поволноваться, пока мы его нашли.

Может, это несерьезно, но из всех памятников Петербурга (а их великое множество) нам больше всего понравился памятник Чижику-Пыжику на Фонтанке. Устав от избытка важной информации, мы с упоением бросали монетки в эту маленькую забавную фигурку — на счастье! Интересно, какой монеткой и по какому месту надо попасть, чтобы желание непременно сбылось? Экскурсовод, которому мы задали этот вопрос, лишь недоуменно пожал плечами, а про себя, наверное, подумал: «Какие практичные дети!»

Во время путешествия по рекам и каналам Петербурга мы обратили внимание на то, как похож этот город на театральные декорации: дома — зеленоватые, желтые, белые, голубые, бежевые — стояли, плотно прижавшись друг к другу, будто им прохладно было возле темной воды. Сколько же драм — и исторических, и личных — разыгралось на фоне этих «декораций»! Сколько всего интересного о человеческих судьбах мог бы рассказать каждый старинный особняк, каждое вековое дерево в скверах и парках города на Неве, каждый мост с неповторимым чугунным узором своих перил...

Жаль расставаться с Петербургом, но пора возвращаться домой. Родным не терпится узнать о наших впечатлениях, да и спать очень хочется: если признаться честно, в белые ночи нам было не до сна. Зато под перестук колес, убаюкивающий меня и моих друзей, спится хорошо. Перед мысленным взором встает знаменитый Медный всадник на опустевшей к полуночи Сенатской площади. Как выразителен он на фоне светло-серого с нежным розовым оттенком неба... И, конечно же, незабываемое зрелище разведенных мостов, когда блики огней ночного города плавно колыхнутся на темных волнах Невы...

Как только полпути осталось позади, мысли направились в другое русло — в домашнее! Хорошо, что дома ждут нас мамы и папы, младшие братья и сестры. Для каждого из них припасен сувенир! Все возвращается в обычную колею. Но ненадолго!

К зиме мы поняли, что нас снова тянет в дорогу. Куда теперь? В Москву! Дорожная сумка покидает антресоли, где она скучала полгода, и с удовольствием начинаем готовиться к новому путешествию.

Наша мечта — увидеть столицу в новогоднем убранстве. А еще хочется снега, много снега!

И снова вокзал, легкое и приятное волнение перед дорогой. И снова дробный перестук колес... За окнами проплывают родные картины: сначала горы и южные степи, большие города и маленькие станции, Азовское море и величественный Дон, потом — березовые рощи и сосновые боры, неторопливые реки и грустные деревеньки, которым очень хочется зимнего наряда, но его — увы! — нигде нет.

Запомнился пламенный закат над засыпающей землей: было около семи вечера, и солнце уже садилось, окрашивая облака и небеса в багряный цвет. На фоне пламенеющего огромным костром заката особенно четко выделялись ветви деревьев. Зрелище неповторимое! Сидя дома, ничего подобного не увидишь.

Но цель нашей поездки все ближе и ближе. Невольно вспоминаются строчки, которые задолго до нашего путешествия написал А.С. Пушкин:

Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.

Ах, братцы! Как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Как же был прав поэт! Удивительное волнение я испытал, подъезжая к древнему городу, который много пережил на своем веку и, словно птица Феникс, не раз восставал из пепла. Такие города с годами становятся лишь моложе и красивее, сохраняя при этом очарование старины. Бросается в глаза разительное отличие Москвы от Петербурга. Город на Неве с его прямыми, как стрела, проспектами и улицами продуман до мелочей. Москва же как своенравная молодая лошадь: никогда не знаешь, чего от нее ждать в следующий момент. А еще наша столица похожа на огромное дерево: она разрасталась кольцами, и это хорошо видно, если посмотреть на карту города или хотя бы на схему Московского метро.

Нельзя не поклониться тысячам талантливых мастеров, русских и иностранных, знаменитых и неизвестных, которые на протяжении восьми веков строили этот дивный город, украшенный белокаменными храмами, увенчанный золотой короной куполов.

На Красной площади я и мои друзья впервые, но нас не покидает чувство, что мы здесь уже были: так знакома она по фильмам, книгам, фотографиям. А во время экскурсии в Кремль мы заметили интересную вещь: кремлевские стены, могучие, величественные, грозные, вдруг исчезли, когда, пройдя через Боровицкие ворота, мы поднялись к Оружейной палате, а затем на Соборную площадь. Даже «ласточкиных хвостов», украшающих эти древние стены, не видно. Высок Боровицкий холм — самый главный из семи, на которых расположилась столица. Любуясь великолепной панорамой, вспоминаем известное выражение: «Москва — третий Рим, четвертому не бывать!». Да, как и Рим, раскинулась Москва на семи холмах, раскинулась привольно и даже вальяжно, что придает ей особый шарм и шик!

Третьяковская галерея и Поклонная гора, собор Василия Блаженного и храм Христа Спасителя... Обо всем этом можно рассказывать бесконечно. А как хороша Москва, празднично сияющая огнями новогодних елок! Одно плохо: снега мы так и не увидели. Ну что ж, будет о чем вспомнить: Новый год и Рождество в Москве без снега — это редкость.

До свидания, столица! Мы еще вернемся, чтобы пройти по твоим улицам, побродить по извилистым переулочкам, с замирающим сердцем подняться на мост, ведущий к златоглавому храму Христа Спасителя, который стал ярким свидетельством того, что наш народ учится возрождать свои святыни и хранить их. Нас ждут, Москва, твои театры и университеты. А пока нам пора домой. Может быть, на юге этой зимой снега больше, чем на севере, и мы еще успеем поиграть в снежки!

Дорога обратно кажется короче: не успели оглянуться — Минеральные Воды. Все такое родное, знакомое. И вдруг начинаешь понимать, что лишь в разлуке познаешь, насколько дорог тебе твой дом. А счастье — это встреча с дорогими и любимыми людьми после расставаний, без которых этих радостных встреч не было бы.

И снова школа: контрольные работы и конкурсы, спортивные соревнования и субботники... Но не за горами весна, а значит, мы с моими одноклассниками отправимся в новое путешествие! Куда? Это пока секрет. Но если вам тоже на месте не сидится, присоединяйтесь — мы будем рады!

Анастасия Аникина

НЕ ПОВЕЗЛО!

Каждое лето ребята начальной школы ждут с нетерпением. Конечно, ведь открывается детский пришкольный лагерь «Солнышко», в котором вожатые – учащиеся старших классов. Вот про одно из первых моих вожатств я вам расскажу.

«Вот не повезло: летние каникулы, а мы (я и Лиза) – в пришкольный лагерь «Солнышко»! Да еще с 8-00 до 17-00 каждый день! И зачем я согласилась? Сама не знаю. Не легче ли было практику отрабатывать: два часа – и гуляй сколько душе угодно», – так я размышляла в начале своего «вожатства». А мгновение спустя: «Нет, все-таки я правильно решила поработать вожатой: себя испытаю, новых друзей заведу...», – успокаивала я себя.

Первый день был самым трудным. Знакомство с ребятами. Беседую сначала с мальчиками. Узнав, чего я боюсь, они зашевелили меня, чуть ли не до смерти! С девочками дело обстояло проще: это же девочки! Народ более легкий, спокойный.

С воспитателями знакомиться не пришлось: они сами нас нашли и познакомились, оказались очень добрыми и отзывчивыми.

...И понеслись наши веселые лагерные деньки: игры, конкурсы, соревнования, походы в кино, в парк и даже в зооуголок, различные экскурсии. Но одно мероприятие – «кладоискательство» – особенно запомнилось и понравилось ребятам и нам. Сначала, естественно, потрудились мы, вожатые. Продумали задания, выбрали загадки, нашли укромные места, где спрятали записки и «клад» – конфеты. Понятное дело: записки были не простые, а...нет, не золотые, просто с загадками. Мы, вожатые, даже немного сомневались: отгадают ли их ребята. Конечно же, отгадали! Не сразу, но отгадали все.

В целом наш отряд «НЛО» (Необыкновенные, Любознательные, Озорные) был замечательный, время пролетело незаметно.

«Кладоискательство», да и вообще другие совместные мероприятия нас всех сблизили. Мы здорово подружились! Сейчас мне думается, что ребята не забыли своих вожатых, которые вспоминают их часто и даже немного скучают по ним...

ОРЛЯТСКИЕ ЗАМЕТКИ

Есть на свете такая сторонка,
Где у моря и солнечных скал
В такт седому прибору бьется сердце Орленка,
Паренька, что легендой стал.

Часть первая. Удивительный детский мир

Это удивительный детский мир, где отдыхают более 16 тысяч подростков из РФ, ближнего и дальнего зарубежья, который подразделен на несколько лагерей: «Стремительный» (я отдыхала именно здесь!), «Звездный», «Штормовой», «Солнечный», «Комсомольский», «Олимпийский» и «Дозорный». А какая здесь красота: то тихое, то бушующее море, прекрасная природа. (Кстати, отмечу, что здесь я жила с ноября по декабрь – 12 смена ушедшего 2006 года, самая длинная – 30 дней, тема «Я – гражданин России!») Удивительные растения «живут» в «Орленке»: так, возле «лестницы любви» рас-

тет дерево с интересным именем «Лох колючий». Погода здесь прекрасная, только, когда разъезжались, небо немножко промокло, пошел дождь, а на море был небольшой шторм. Вожатые нам сказали, что это всегда так бывает, когда дети уезжают... «Орленок» мне очень понравился и своей природой, и легендами (их не перечислять — так много!), и, конечно же, людьми, окружавшими меня...

Часть вторая. Завтра начинается сегодня!

Об «орлятах».

Здесь ты каждый день встречаешься с друзьями, которые к середине смены для тебя становятся самыми близкими людьми. Может быть, когда ты только-только прибыл в «Орленок», ты еще не совсем понимаешь своих новых знакомых, но уверяю вас, после нескольких дней все это пройдет. Здесь мы проверили на прочность силу воли, дружбу и товарищескую взаимовыручку. К тому же, в конце смены, когда ребят посвящают в «орлята», у каждого из них появляется брат или сестра, и мы превращаемся в большую дружную семью!

О вожатых.

Они самые любимые, они самые приветливые, они самые доброжелательные, они люди, готовые всегда помочь, они...этот список можно перечислять без конца! И это — наши замечательные вожатые! Мамачка (а у некоторых есть даже папочка) — ведь на время пребывания в лагере они стали для нас вторыми родителями! В каждом отряде стоят по двое вожатых. В моем же — это были Люба и Ира. Мы, «орлята», очень полюбили их и надеемся хотя бы на одну встречу с ними. Наши попечители живут в «Доме вожатых», у них там специальные комнатки, прямо как у нас. Вожатые научили нас многому: первыми говорить каждый день и каждому «Доброе утро», «Добрый день», «Добрый вечер» и «Доброй ночи», таким образом каждый день получался у нас «Добрым»! А почти каждый вечер, перед сном, весь дружный отряд становился в «орлятский круг» петь песенки.

О жизни в «Стремительном».

Оказались мы вовсе не в лагере, а в стране. С первых дней пребывания в лагере началась предвыборная кампания президента. Каждый пожелавший стать лидером большой страны представлял жюри свою программу. Я входила в группу поддержки одного из кандидатов. Предвыборные ночи были для нас нелегки! Мы что-то придумывали, рисовали, вырезали, клеили — нужно было успеть в сроки! Ложились спать в 2-3 часа ночи, а подъем в 6 часов утра... Два дня в лагере кипели предвыборные страсти — это и изготовление плакатов с призывами голосовать за конкретного кандидата, и листовки, и личное знакомство с избирателями. Итогом такой напряженной, но интересной работы стали выборы президента. Была собрана и администрация президента. Все было очень серьезно: у каждого из администрации были свои обязанности. Лично я занималась сбором социальных проектов и входила в состав министерства по региональному взаимодействию.

Учеба — наш главный труд.

Да...и здесь учеба! Каждый день мы ходили в школу. Учились 5 дней в неделю с загруженностью 5 уроков в день, без д/з! Нам просто некогда было его выполнять (мы даже не спали в тихий час, так как сбор министерств совпадал по времени, вот такой занятой мы народ!). А в остальном — все, как в обычной школе: алгебра и геометрия, химия и физика, история и литература и даже физкультура. Были и контрольные работы, и предметные олимпиады, и проверочные срезы знаний, и, конечно, оценки. Учителя — яркие личности, они запомнятся мне надолго. Так, учитель химии показал нам «аппарат курительщика», на географии нас научили собирать пазлы, но... с изображением карты РФ, а физик прочитал классу несколько эпиграмм на итальянском языке. Вот такие они, учителя орлятской школы!

«...Я вернусь к тебе, мой «Стремительный»...»

Скучаю...Мы, «орлята», часто переписываемся и созваниваемся. Когда мы уезжали, был назначен срок и место нашей встречи — в 12 часов 12 минут 12 декабря 2012 года на Красной площади

в Москве. Это будет не скоро, и может быть неправда. Но что-то мне подсказывает, что своих друзей я еще увижу. Мы еще долго будем вспоминать «Орленок» каждый день и каждую ночь!

... Вот так прошла моя жизнь в детском лагере «Стремительный». Вместе с вами я сейчас как бы вновь прожила каждый день этой насыщенной и необычной 12 смены 2006 года. Здесь я нашла много новых друзей из разных, далеких и близких, регионов России. А мои старые добрые друзья оставались здесь, в Невинномысске. Именно благодаря им, активистам Союза гайдаровцев, я имела возможность прожить эту незабываемую смену в ВДЦ «Орленок». Спасибо вам, ребята! Особая благодарность за трогательную встречу при моем возвращении! Все-таки друзья познаются в радости. Вы — настоящие друзья!

МИР ВОКРУГ НАС, И МЫ В ЭТОМ МИРЕ... В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ...

Что такое «Караван мира — 2006»? Это маленькая жизнь длиной в 10 дней. Его участники живут на берегу Черного моря, в замечательном месте под названием Назарова дача, что на территории Геленджикского лесничества, где с одной стороны — первозданный лес, а с другой — голубые просторы моря. Именно в этом году нашим активистам из Союза гайдаровцев посчастливилось побывать на «Караване». Каждый год ребята из разных городов собираются с одной целью: общими усилиями помочь экологии Черного моря.

Тема Каравана в этом году звучала так: «В поисках счастья...». Все эти 10 дней участники искали ответ на вечный вопрос «Что такое счастье?». Поиски вели, кроме наших тринадцати гайдаровцев из Невинномысска, активисты из других городов: организаторы «Каравана» из Центра экологического образования города Новороссийска, участники «Открытого дома — Детской службы спасения» из Ставрополя, волонтеры из Крымска. А всего нас было 72 человека.

Вот теперь вы имеете хоть и поверхностное, но более четкое представление о том, что такое «Караван мира — 2006». Будь на вашем месте, я бы не переворачивала страницу, а прочитала бы ее до конца. И так...

10 замечательных дней из жизни караванщика.

20 июля, ночь. ...Сажу на сумках и думаю: может, не ехать, остаться? Жить в палатках, цивилизация далеко, готовить на костре... Хотя нет, люди окружают меня хорошие, и время, надеюсь, проведу отлично. Всю ночь пели песни, не чувствуя усталости. Вовсе не хотелось спать! Но водителю явно не нравилось наше пение.

21 июля. Вот мы и на месте. Здорово! Море, солнце, свежий воздух! Ну, а где же лагерь? Лагерь был не очень близко — шли мы шесть километров. Нас встретили и показали дорогу новые друзья из Новороссийска. Шли весело: кричали кричалки, пели песни, пугая отдыхающих. Придя на место, разбили лагерь: поставили палатки, собрали дрова, принесли воду (а до родника-то путь неблизкий — 1,5 км!), развели костер, приготовили обед. Познакомились с местностью и, конечно же, искупались в море. А до обеда все завалились спать. На общем сходе мы познакомились со всеми участниками «Каравана мира — 2006». Вечером состоялась свеча. Что это значит? Все участники рассаживаются по кругу, зажигается свеча и передается от человека к человеку. Тот, у кого в руках свеча, может высказать свое мнение. Тема свечи выбирается караванщиками, сегодня — «Что такое для меня счастье?». Было интересно услышать, что счастье бывает разное, и у каждого оно свое...

Затем мы очень весело провели время, знакомились, общались, пили чай и пели песни...

22 июля. Ночью спали очень крепко, даже не слышали, как веселились ребята из других городов. А наутро перед нами предстала такая картина: все купальники и полотенца, висевшие для просушки на веревках после вчерашнего похода на море, были перевязаны между собой морскими узлами, а обувь болталась на веревках, которые укрепляли палатку. Начало хорошее... Так мы приняли крещение в караванщички. Молодцы ребята, задали нам тонус с самого утра! Дни на «Караване», как и на гайдаровских сборах, тематические, тема сегодняшнего дня: «Есть ли права у природы?». Сначала всем участникам выдали экологические паспорта, которые мы должны были заполнить и сдать организаторам «Каравана». Что такое экологический паспорт? «Хотите узнать, какой экологический след оставляете лично вы? Ответьте на вопросы теста». Мы честно трудились, отвечая на вопросы, хотя некоторые вызвали недоумение, например: «Вы едите мясо 3 раза в день» или «Вместо ванны вы ежедневно принимаете душ»... За каждый ответ получаешь определенное количество баллов. Чем больше баллов, тем более глубокий след оставляешь ты в природе. Оказалось, что порой мы, даже не задумываясь, как много значат наши действия...

Затем каждый город выбрал территорию размером 10 на 10 метров и исследовал ее. Как много интересного на 10 квадратных метрах! Это потрясающие муравейники, настоящий можжевельник, разные жучки и паучки. Ну, конечно, следы человечества: обертки от конфет, окурки и прочее. Исследовав территорию лагеря, подготовили отчет. Отчеты представляли по-разному: мы услышали монолог зайчика, отчет ученого-эколога, увидели спектакль-катастрофу «Последний день муравейника». И это было только начало занимательного дня! Дальше нас ожидала ролевая игра «К барьеру!». Анатолий представлял директора пивоваренного завода, продукты деятельности которого загрязняют окружающую среду, а Алеся — эколога. Начался ожесточенный поединок, имеющий каждый из них свой взгляд на проблему, они настолько вжились в свои роли, что страсти разгорелись нешуточные!.. Одним словом, было здорово, но дальше нас ожидало не менее интересное мероприятие — посвящение в караванщички.

23 июля. Какое замечательное утро! О, где же моя обувь?! Медленно выползавшие из своих палаток гайдаровцы не могли найти свою обувь, и по всему лагерю доносились вопросительные восклицания: «Никто не видел мои кроссовки?», а она (обувь) оказалась разбросанной по всей территории лагеря. Искать ее было одно удовольствие: то на дереве, то на палатке... Какое замечательное утро!

Сегодня «День бродячей собаки» (в защиту животных). Любители животных и их противники собрались в зале суда, и началось судебное расследование... (если вы заинтересовались, подробную информацию вы можете получить у наших гайдаровцев).

24 июля. Какой чудесный день! Его называли «Мир вокруг нас». Сегодня мы, активисты Союза гайдаровцев, проводили свои мероприятия. Начали с того, что провели знакомый нам, но незнакомый другим веревочный курс. Весь «Караван», а это, если вы помните, 72 человека из разных городов, перемешали и разбили на группы. Каждая группа имела возможность побывать на 9 станциях, поиграть в разные игры на сплочение! Сколько восторгов вызвали «Паутинка», «Бревно», «Монстр» и остальные!

Но это не все, чем мы караванщичков удивили. Дальше их ожидал диспут. Весь «Караван» разбили теперь на 5 групп и предложили сыграть разные роли: «зеленых» (защитников природы), животных, бизнесменов, потребителей, выступающих за идеи реинкарнации (теория перерождения). В нашей повседневной жизни, в этом мире потребителей, в котором материальные ценности преобладают над духовными, нет места размышлениям о смысле жизни, о счастье, о добре и зле, о тех, кто слабее нас, о природе... поэтому каждый имел возможность высказать свои мысли о месте человека в этом мире. Все без исключения участвовали в дискуссии, равнодушных не осталось. А вечером мы просто поиграли: снова «перемешаны» все караванщички, и началось! Конкурс буриме, слов на одну букву, кольцовка песен о природе!!! Самым лучшим результатом дня можно считать, что все-все перезнакомились!

Забыла рассказать о главном событии дня. В этот день мы отмечали и день рождения Саши Синециной, которой исполнилось 16 лет. По этому поводу гайдаровцы подарили Саше «Права 16-летней», а также часть нашей любви к ней! Караванщики тоже не забыли про Сашу: преподнесли ей кружку с лепными обитателями моря.

27 июля. Как красиво звучит тема сегодняшнего дня — «День Веры и Надежды»! Самым верующим и надеющимся человеком ребята из Новороссийска посчитали Робинзона. Поэтому первая половина дня прошла под названием «Робинзонада». Каждый город представил команду в количестве 7 человек. Наша команда называлась «Огурцы», ее девиз «Мы крутые молодцы, очень любим огурцы!». Строим шалаш из того, что находим в лесу (палки, ветки от деревьев, опавшая листва, то что растет — срывать и использовать нельзя!). «Огурцы» довольно-таки неплохо справились с заданием: до самого отъезда в тени нашего шалаша прятались Наталья Юрьевна и Кристина Юрьевна. Потом изготавливали ложки и вилки из природного материала, с чем мы тоже успешно справились. Замечательно прошел конкурс под названием «Мисс Четверг». У Робинзона Крузо был друг — Пятница. А организаторы «Каравана» решили: «Пусть у нашего Робинзона будет подруга!». Каждый город представил свою кандидатуру на «Мисс Четверг», от Невинномысска это была Саша Синецина. Девушки показали зрителям пластику в танце, спели песню, с чувством прочитали рассказ, ответили на вопросы жюри. Все участницы подарили зрителям массу впечатлений, и каждая была достойна звания «Мисс Четверг»! А победительницей стала Саша Синецина! Вечером, когда село солнце, мы собрались посмотреть представление «Вера, Надежда, Любовь», подготовленное ребятами из Ставрополя. Было очень красиво: в полумраке перед тобой оживает легенда...

28 июля. День детства и День открытых сердец. На общем сходе разбились на 3 команды «Ананасы», «Яблоки» и «Бананы». Команда руководителей делегаций, взрослых, назвалась «Погремушки». Днем строили замки из камней прямо на берегу моря, где строительного материала — море! (упс, каламбурчик!). А вечером нас ожидали яркие и интересные представления команд, по-нашему — визитки!..

29 июля. Необычный день! День всех праздников! Мы отмечали почти все известные нам праздники: 8 марта, 23 февраля, день Святого Валентина, Масленицу, день Ивана Купалы... 8 марта мы попробовали обед, приготовленный мальчиками (без комментариев), послушали попури из песен разных лет (хор Турецкого отдыхает!). 23 февраля были песни, были открытки, были голуби из бумаги на память каждому молодому человеку... Если описывать каждый праздник, не хватит ни бумаги, ни времени... Поверьте на слово, повеселились от души!

30 июля. Сегодня у нас КАРНАВАЛ! Все заняты делом: кто-то готовит себе костюм, кто-то трудится над блюдом (ведь вечером Пир на весь мир, а это значит, что каждый город должен представить на общий стол блюдо, причем так, чтобы хватило каждому караванщику, пусть капелька, но — каждому!), а кто-то репетирует лучшие номера художественной самодеятельности для гала-концерта. В общем, все при деле... Мы здорово провели время, но... потом начали понимать, что это наш последний вечер на «Караване», и завтра мы поедем домой, и что встречи с друзьями придется ждать целый год!!!

31 июля. Море слез...

«Караван мира — 2006» дал нам уникальную возможность не только остановиться и подумать о себе, о своем назначении на этой Земле, но и обрести счастье. И для меня стало счастьем то, что я побывала на «Караване» и нашла много новых друзей! А что стало счастьем для других гайдаровцев, можете спросить у них.

P.S. Общения не хватает не только нам... 13-14 августа в Невинномысск приезжали ребята из Ставрополя и Новороссийска. Было много радости, смеха и снова слез при расставании. Но зато теперь я точно знаю — для настоящей дружбы расстояние не преграда!

Александр Логинов

**ОПТИМИЗМ, ИЛИ В ЗАЩИТУ ЖИЗНИ.
ИЗ ДНЕВНИКА**

Я вот тут хотел мыслями поделиться, а их нет, придется делиться воспоминаниями.

Есть хорошие, есть не очень. Есть такие, что лучше бы и не вспоминать. Кстати, хорошие воспоминания, иногда действуют еще хуже, чем плохие. Последние чаще придают сил, мол: вон какую гадость пережили, а это уж и давно! А хорошие совсем расстраивают, думаешь: вот раньше жизнь была, а теперь хоть вешайся. (Вообще-то, я путь суицида не признаю, но иногда... Только чтобы потом проснуться, влезть в тапочки и почапать на кухню пить чай.) Поэтому я не вешаюсь, а выпиваю корвалол и ложусь спать.

Вообще-то, сон — это удивительная штука. Когда я сплю, я не знаю ни страха, ни надежд, ни трудов, ни блаженства, а есть только покой и правда души. И даже если во сне вижу какую-нибудь гадость (плод воображения на дрожжах дневных переживаний), я отдыхаю от самого себя, то есть это все вроде бы происходит, но отпечатка в мозгах, на сердце, и других органах, как-то: печень, почки, поджелудочная — не оставляет. Наверное, поэтому и говорили предки, что утро вечера мудренее, за эти противно короткие десять часов человек отдыхает от собственного воображения и логического мышления, которые до добра не доводят. «Какие сны приснятся в этом смертном сне?» — спрашивал Гамлет. Не хочу думать об этом. Потом ему расскажу.

Да что это я все о плохом, ведь хорошего в жизни все равно больше, только оно не так заметно. Вот случай из жизни.

Было это в позапрошлом году в лагере-санатории, название и город не важны. Меня поселили в номере с двумя пареньками, оба деревенские, не застенчивые (вообще, я деревенских больше люблю). Познакомились, поболтали, потом я нагло прошел через главные ворота и до вечера шатался по городу. А когда вернулся в номер: мать моя! Сидят ребята в компании двух девушек и о чем-то гламурно беседуют, у меня от злости аж дыхание в зубу сперло: сам себя перехитрил! Но злился я недолго. Думаю: «Девушки за собою ухаживания требуют, а для этого время и деньги надобны, да к тому же свободы нет». На том порешил и со спокойной совестью и чистыми руками лег спать. Когда уже потушили свет, ожил в темноте сосед по комнате, гражданин «А», как кукушка в часах, повторял одно и то же каждую минуту: «Нет, ну, правда ведь она красивая!». Уснуть он нам долго не дал. И вдруг меня разобрало: «Завтра будет он метаться, как тигр в клетке, и жаловаться на жизнь».

На следующее утро «А» влетает в комнату с диким криком: «Дура!», — я минут пять на полу валялся, аж живот надорвал. Он берет лист и пишет на нем имя своей «домашней» девушки, демонстративно падает на кровать и с умилением смотрит на это приятное глазу и слуху сочетание букв. А на меня снова озарение нашло... Вечером он сорвал с двери этот листок и повесил новый, с другим именем. Имен за все три недели было только два, но изорвал он листов десять. Мои предложения: написать с двух сторон и переворачивать понимания и поддержки не встретили, то бишь до реализации дело не дошло. А потом уже и разъехались. Гражданин «Б» от своей новой знакомой две недели по всем углам шараялся, совсем запугала ребенка навязчивостью и доступностью. И только я все три недели спокойно уходил в город, гулял, читал книги. В общем, отдыхал по-человечески. И всем было хорошо, несмотря на неурядицы и страдания!

История длинная, как собака, и несмешная, но является хорошей иллюстрацией к тому, что в любой гадости можно найти что-то положительное. Все будет хорошо, ведь все не так плохо, как нам кажется, все гораздо хуже, а значит, еще хуже уже некуда. Поэтому, если будете проходить мимо веревки с мылом, — проходите.

Школьная жизнь

Любовь Киричек

УЧИТЬСЯ ТРУДНО, А УЧИТЬ?

Иногда мы критикуем наших учителей: уроки скучные, оценки несправедливые, часто и нудно повторяющиеся фразы: «Работай», «Будь внимателен». «Слушайте», «Пишите». Тогда на последней и без того разрисованной странице тетрадки появляются всевозможные галочки, палочки, точки, точно фиксирующие количество этих выражений за урок.

А что, если поменяться местами?! На одном из сентябрьских заседаний Совета старшеклассников совместно с заместителем директора по воспитательной работе Пасечник Е.Ю. и вожатыми Шило В.П. и Терещенко О.П. было принято решение: провести день дублера и приурочить его к Международному дню учителя.

Необычно для учителей школы № 20 начинался этот день. Учителя-дети, завучи-дети, даже улыбающийся директор школы – тоже старшеклассница! Странно как-то! Который раз здесь проходит день самоуправления – единственный день в году, когда учителя почти отдыхают от своих обязанностей, а всю учебно-административную работу за них стараются выполнить старшеклассники. Последние при этом все же могут обратиться к своему преподавателю за советом, но проблемы приходится решать все-таки самим.

В школе царило радостное волнение. Интересно было всем. Ученики-старшеклассники стали теми, на кого они совсем недавно обижались за «несправедливые двойки», и смогли ощутить на себе всю сложность и ответственность этой профессии.

Со звонком суэта новоиспеченных «учителей» быстро сменилась деловым спокойствием. С опаской заходили они в классы, где им предстояло провести самые настоящие уроки с самыми настоящими учениками. Ученики-дублеры и ждали, и одновременно боялись этого момента. Да, они тщательно готовились к встрече со своими классами, осаждали учителей вопросами о том, как сделать урок интересным, веселым, запоминающимся. И учителя с охотой помогали своим «коллегам», делились с ними секретами своего мастерства. С улыбкой и радостью замечали, что ребята ответственно и серьезно подходят к доверенному им делу.

Прозвенел звонок на урок. Школа замерла. Все дети заняты делом: одни учат, другие учатся. Средние и младшие классы довольны: молодые у них преподаватели, а главное – свои же ребята.

Здорово! Теперь уже каждый дублер (так называли ученика, заменяющего преподавателя) ощутил себя частью большого дела – учебного процесса. И очень важно было не выдать своего волнения, не растеряться, собраться с мыслями и приступить к прямым обязанностям. Но утешала мысль – ты не один. Ведь каждого учителя заменяло два ученика, что позволяло делать урок более интересным, с точки зрения преподавания. Оба дублера одинаково хорошо знали учебный материал, и при каких-либо непредвиденных обстоятельствах один мог свободно заменить другого.

А что же делать настоящим учителям в этот день – день самоуправления в школе? Конечно же, не мешать своим ученикам, большим и маленьким. Дать старшеклассникам возможность почувствовать всю прелесть и серьезность работы учителя. Как знать, может кто-нибудь из них в будущем выберет именно эту профессию. А если и нет – не беда! В памяти детей все равно останется и первый проведенный ими урок, и то доверие, которое оказали им взрослые, отдав на целый день в их пока еще не очень умелые, но добрые руки родную школу.

День дублера прошел, настало время подведения итогов. За круглым столом своими впечатлениями делились и учителя – профессионалы, и учителя – дублеры, и ученики, ведь произошло много чего необычного. Главным в обсуждении стал вопрос: «Нужно ли делать день самоуправления в школе традиционным?». Вот мнения и настоящих учителей, и их «коллег» – «учителей на один день».

Виктория Ярошенко (11 класс) была в роли учителя литературы:

– Мне очень понравилось быть учителем! По-моему, день самоуправления нужно проводить в каждой школе. Ученики сразу поймут, какой это радостный и тяжелый труд, поэтому все мы очень благодарны директору нашей школы Н.В.Цуркиной за то, что она дает нам такую возможность.

«Учитель» английского языка Кищенко Андрей (11 класс)

– Обычно мы учимся и даже не замечаем, как трудно быть учителем. А тут словно включились в работу педагога. Как, оказывается, интересно работать с детьми!

Харченко Анна (11 класс), преподаватель музыки:

– Все было здорово! Дети слушались! Оказывается, это приятно. Мне кажется, что день самоуправления принес много радостных минут и ученикам, и учителям.

Акимова Юлия (11 класс), «учитель» русского языка:

– Я проводила уроки в шестых и седьмых классах. Ощущения непередаваемые! День самоуправления – это возможность понять учителей, хотя бы на некоторое время осознать их титанический труд, который выражается в умении установить контакт с каждым учеником и правильно оценить его способности.

Педагоги в «отставке на денек» во время вынужденного, но приятного безделья:

Цуркина Наталья Владимировна, директор МОУ СОШ № 20:

– Такой день позволяет понять «учителям», как непросто подготовиться к уроку: необходимо затратить время, в обязательном порядке просмотреть темы, подготовить, помимо учебника, дополнительную литературу, то есть ребенок становится на место учителя и понимает, что это психологически и физически нелегкий труд. Безусловно, ребята старались и проделали сложную работу. Если дни самоуправления доставляют ребятам удовольствие и приносят пользу, то они нужны. И пока у школьников будет желание проводить дни дублера, когда они имеют возможность ощутить себя полноправными хозяевами и абсолютно за все отвечать (а это значит, сочетают не только желание быть первым, но и огромную ответственность), дни самоуправления будут.

Пушкарская Анжелика Вячеславовна, заведующая информационно-методическим диагностическим кабинетом отдела образования администрации города, учитель физики и экономики:

– День самоуправления позволяет учащимся взглянуть на учебный процесс с другой точки зрения, с позиции учителя, ведь все, как известно, познается в сравнении.

Дунаева Ирина Ивановна, зам. директора по учебно-воспитательной работе, учитель химии:

– День самоуправления полезен. Ребята получают представление о нашей работе, а мы...узнаем новое о себе от учеников, которые нас замещают, потому что они все равно чуть-чуть нас копируют. И мы словно видим себя со стороны. И вообще, прекрасный день!

Не первый год в школе проходит день самоуправления, но каждый раз и Наталья Владимировна, директор школы, и весь педколлектив сильно волнуются. Ведь дети есть дети.

Да, школа после дня самоуправления бурлила, как улей. Довольные школьники обсуждали предыдущий необычный день. Вздыхали и радовались преподаватели: их ученики учились самостоятельно решать проблемы, которые возникли в процессе уроков, приобрели новый жизненный опыт, осознали значимость профессии учитель.

Для многих из них, надеются учителя, день самоуправления послужит уроком. И в будущем в родную школу, возможно, придут новые преподаватели – сегодняшние дублиеры. Опыт, хоть и небольшой, у них уже есть.

Александр Логинов

ПЯТИКЛАСНИКИ ПРИОБЩАЮТСЯ К ИССЛЕДОВАНИЯМ

17-19 января после выставки лучших творческих работ прошла их презентация в 5-6-7-х классах, организованная заведующей гуманитарной кафедрой Л.А. Куцевской.

Каждое прикосновение к миру малышей, пяти-шести-семиклассников словно возвращает меня в их годы и, как говорится, вспоминаю «молодость». Поэтому, когда предложили написать о презентации творческих работ в этой параллели, я с радостью согласился.

В общем-то, сама презентация – это что-то вроде показательных выступлений фигуристов, которые проводятся в последние дни олимпиады, когда соревнования уже позади, места на пьедестале давно заняты, медали розданы, и теперь можно, не стесняясь, не пугаясь, людей посмотреть и себя показать.

В кабинете, где собрались пятиклассники, не было свободного места, сидели по трое, по четверо за партой, я тогда подумал: «Эх, а ведь когда-то и мы так рвались. Молодость!». Видно было, что и те, кто читал свои работы, получали от них удовольствие, нравилось им работать, заниматься «настоящими» исследованиями. И неважно, что рядом с умными словами присоединились детские «вышина», «пришло в голову» – значит сами писали, сами рассуждали. Мне особенно понравилась работа Акима Ле Конга «Модель Солнечной системы» с наглядным макетом из воздушных шариков. Я по урокам труда в начальной школе помню, как это сложно. А Костя Нечта написал работу по теме «Семь чудес света». Он сравнивал данные сразу нескольких источников, а это уже маленькое исследование. Молодцы, пятиклассники!

В седьмых классах, самых старших, работы, несомненно, были интересные – ведь у авторов за плечами уже большой багаж знаний, им знакомы география, физика, алгебра. Очень интересным было выступление в форме теленовостей Маши Дудкиной (диктор) и Юли Сурковой (из племени масаи) о племенах Африки. Максим Василенко представил очень простую, оригинальную, а главное – наглядную модель движения литосферных плит. А больше всего меня удивил Даниил Неретин, создавший макет города на воде, в котором достаточно хорошо продуманы все сферы нашей суетной жизни. Кто знает, может быть, в будущем его удастся претворить в жизнь. Жюль Верн ведь тоже пи-

сал фантастику, а мы экскурсии совершать на подводных лодках скоро будем. Еще Даниил выполнил очень интересную работу по математике — «Алгебраический КВН». Свою последнюю творческую неделю он запомнит надолго.

Вот только жаль, что в седьмых классах не все слушатели были такими благодарными, внимательными, а скорее равнодушными, но все же заинтересованные составляли большинство. А поэтому я надеюсь, что традиция проведения творческой недели — подготовки к МАН — будет жить еще долго.

19 января состоялась презентация у шестиклассников. К сожалению, мне не довелось на ней присутствовать, но, по словам ребят, особенно неподражаем был Кирилл Игошин. В поварском колпаке и фартуке он разыграл, можно сказать, мини-спектакль: во время приготовления десертного блюда из фруктов и сметаны, он с юмором, по-английски, рассказал, как случайно, будучи голодным, избрал свой рецепт десерта из оставшихся в холодильнике продуктов.

Лучшие работы учащихся будут включены в сборник «Счастливые миг творчества», изданием которого занимается редакция вестника «ЛИК».

25 ЧИСЛО

Ну и что, что двадцать пятое января традиционно считается днем студентов. Чем мы хуже? Должен быть и на нашей улице праздник! В конце концов, гимназисты — будущие студенты, пусть смолоду привыкают к праздничной суматохе последней недели января, когда листки в календаре тускнеют после пестрых новогодних и рождественских дней. А выпускники — бывшие студенты, тоже вспомнят свои студенческие годы, а в купе с ними и школу — самое беззаботное время.

Вот уже который раз гимназия собирает друзей, выпускников, учителей, как поется в песне «25 число», прозвучавшей за вечер дважды: когда зал «Олимпа» был еще пуст и когда вышли из-за кулис все участники праздничного концерта. Конечно, сперва я довольно скептически отнесся к этой вступительной композиции (наверное, возраст такой), но потом представил, как спустя 5–10 лет приду в этот зал, с тем самым синим полотнищем с белыми звездочками, изображающим небосклон, услышу эту песню и с замиранием сердца вспомню себя, старшеклассника, молокососа, не знавшего жизни, сидящего где-то в восьмом ряду на тридцать шестом месте, снисходительно посмеивающегося над всем происходящим. Меня чуть слеза не прошибла, я решил, что песню мы оставим.

Конечно, запомнился танец учителей, было интересно увидеть их в новой роли, да мне кажется, им и самим было весело. Александр Петрович — просто сногшибателен, какая экспрессия! Поразили вокальные данные Насти Кониной (посчастливилось быть ее одноклассником), такого голоса я давно не слышал, тем более вживую. Не забывают нас и выпускницы — девушки, участвовавшие ранее в танцевальном ансамбле «Эдельвейс» (руководитель О.Н. Тимченко), подарившие нам замечательный танец. Малыши из этого же ансамбля тоже не лыком шиты. Их танец «Сиртаки», с которым они выступали на конкурсе в северной столице и заняли первое место, меня очень удивил: ребята чувствовали музыку и были как бы ее живым, наглядным воплощением.

Пусть простят за столь короткий перечень событий праздничного вечера все те, кто потратил свои силы, время для того, чтобы я запомнил надолго свой последний Татьянин день, будучи гимназистом. (Не скромно, но с моей точки зрения — верно).

Улицы нашего детства

Георгий Туз

МОЙ ЧУЖОЙ ДВОР. ПИСЬМО ДРУГУ ИЗ НИКОЛАЕВА

Привет! В прошлом письме ты рассказал мне, как интересно вы проводите время со своими друзьями в вашем школьном дворе. У меня в Ставрополе тоже есть одно место, которое я очень люблю.

С ранних лет я не приучился к обычной для всех детей дворовой жизни. Если я выхожу из дома погулять, то во дворе никогда не задерживаюсь. Почему? Может, просто не было тех, с кем бы я мог там проводить время. Да я, собственно, и не дворовый человек, даже если бы мне было с кем общаться в моем дворе, все равно я вряд ли туда бы вышел. Я часто гуляю во дворе одного из своих друзей, там мы собираемся все вместе и уже после решаем, куда нам идти, а бывает и так, что мы никуда не идем, а просто, лениво развалившись на лавочках, сидим и говорим о чем-нибудь. И этот двор стал мне почти родным: он в отличие от двора моего дома большой, с баскетбольной площадкой, турником и брусьями (во дворе моего дома ничего этого нет, есть лишь вешалка для белья, и то скошенная), но дело даже не в этом. В том дворе, помимо всего вышеперечисленного, есть детская площадка, и там постоянно резвятся совсем маленькие дети, а за ними приглядывают родители и бабушки. В этом дворе, кроме них, больше почти никого не встретишь, так что мы тут, считай, одни. Никаких тебе гопников и крутых заправляющих территорией, хотя, казалось бы, странно — такой шикарный двор, и «бесхозный».

Тут нам с друзьями никто не мешает — хочешь, хоть песни распевай, тебе никто и слова не скажет (хотя, смотря какие песни...). Сложности могут возникнуть тогда, когда мы с друзьями, вдоволь погуляв и поболтав, решаем поиграть в «21» или «33» (это игры для нескольких человек — играют баскетбольным мячом на одно кольцо). Мяч имеет обыкновение лететь не туда, куда надо, попадая за границы игровой площадки, чуть ли не в лицо людям пенсионного возраста, которые порой не преминут помянуть представителя «поганой молодежи» крепким словцом. Но что ж, с этим неизбежным злом нам приходится мириться, нет совершенства на этом свете.

И таких хороших дворов в Ставрополе много, да только, как правило, «закрытые» они все, да и шляться там порой бывает небезопасно. А у нас, в этом дворе, тут благодать. В жаркие июльские деньки мы скрываемся в тени, когда, ближе к вечеру, становится прохладнее — потихоньку выползаем. И все отлично.

Частенько к нашей компании присоединяются знакомые по двору моего друга, и тогда нас становится больше, следовательно — веселей играть, интересней разговаривать, к тому же, один из этих кентов — большой знаток анекдотов, и всякий раз он рассказывает новые, неизменно смешные байки, а если нет — мы часто вспоминаем старые, рассказываем друг другу любимые, а то в голове у нас это мало задерживается, приходится время от времени напоминать друг другу. Да и вообще тема «А помнишь..?» — вечная. Порой спокойно предаваться ностальгии гораздо приятнее, чем, взбодраженно размахивая руками и частенько приукрашивая, рассказывать какие-нибудь новости. Да, друзей у меня немного, но у нас всегда найдутся темы для разговора, и если кто не хочет вести нормальный разговор, всегда может от души побеситься.

Может, это неправильно, что у меня не было своей дворовой жизни. Но я приобщился к чужой. И если так посудить, то это место для меня совсем иное, чем двор для других людей. Для них это целый жизненный этап, а для меня просто место, где можно хорошо провести время с друзьями. Я не буду спорить со сверстником, который всю свою жизнь провел в своем родном дворе и знает там по именам не только всю малышню, но и всех собак и кошек, которые когда-либо проживали там. Не стану спорить просто потому, что мы не поймем друг друга. Мой двор мне чужд, меня никогда не тянуло туда, и он остался для меня чужим, ну и пусть. Зато у меня есть место, которое я могу назвать действительно «СВОИМ ДВОРОМ», пусть даже в своеобразном понимании, и это здорово. Мне ничуть не жаль, что все получилось именно так.

А все-таки здорово, что в нашем городе еще остались такие места. Значит, не все еще куплено и поделено, значит, в мире еще есть что-то, ради чего хочется жить. Что мы, собственно, и будем делать.

Мария Крюкова

УЛИЦА МОЕГО ДЕТСТВА

Пожалуй, самые приятные и теплые воспоминания остаются у человека с детства. Вот и я, каждый раз попадая на улицу моего детства, невольно вспоминаю, каким веселым и беззаботным было время, когда все вокруг казалось таким таинственным и бесконечным.

Но годы идут. И уже сейчас с тоской понимаешь, что многое не вернется никогда.

Моя улица всегда была самой «детской» в селе: посторонний человек, попав сюда, сразу понимал, что дети здесь — полноправные хозяева. Что это царство игр и веселья, смеха и розыгрышей. Я на этой улице не жила — здесь жили мои бабушка и дедушка. Но от этого мое положение было еще выгодней: единственная внучка, избалованная до невозможности, могла делать все, что ей вздумается, и оставаться абсолютно безнаказанной. Уж сколько бабушкиной посуды я перетаскала на наши извечные пикники, сколько ниток перевела на любимую детскую шалость «Паутинка» (поясняю: нитка натягивается через дорогу, и возможны два исхода: 1) спотыкаются прохожие и потом полчаса объясняют бабушке, какая невоспитанная внучка у нее растет; 2) останавливаются водители и... Ну об этом не будем) все мне сходило с рук. В детстве казалось, что бабушкина улица — это место, где всегда весело и всегда светит солнце, где забываются все детские обиды, хочется бегать, смеяться и играть.

Я выросла в компании мальчишек, поэтому кукольные чаепития и бантики на косичках были для меня самой страшной пыткой. В моем арсенале игрушек преобладали рогатки и пистолеты с пистонами.

Между прочим, наш «дружный полк» очень любил животных, и их охрана стала главной миссией подрастающего поколения. На каждом дереве красовался наш однобокий скворечник, вокруг каждого муравейника стояла картонная ограда. Взрослые знали, что стоит им обидеть кошку или со-

баку — и вся «зеленая» команда начинала игнорировать обидчика, а бедное животное изымалось и относилось в домашний гараж. Весело жила наша улица, крепкой дружбой связало нас детство.

И вот я попадаю туда, где совсем недавно пролетели мои беззаботные годы, оставив в душе самые счастливые минуты. Все здесь изменилось. Давно повзрослели те, с кем я делила радости и горести детской дружбы; старые деревья ореха и ивы, на ветвях которых мы строили деревянные шалаши, давно срублены. Нет звонкого детского смеха, нет «паутинок». Только бабушки, сидящие на скамейках, остаются неизменными — все такие приветливые и говорливые.

А где же все, что было так дорого? Где все, без чего детская жизнь не имела смысла? Почему дети, вырастая, теряют эту нить — связь с местом, где они выросли?

Я много раз представляла себе, как бы выглядела моя улица, будь она человеком. В детстве мне казалось, что она девушка с рыжими косичками и россыпью конопушек. Но, попав в это волшебное место сейчас, я понимаю, что лицо ее изменилось. Она постарела, осунулась.

Куда делась ее детвора? У современных детей есть развлечения поинтересней «паутинок». Компьютерные игры, Интернет и мобильные телефоны — достижения информационных технологий — стоят первыми в списке заветных желаний прогрессивного ребенка. Спросите любого третьеклассника, что бы он предпочел — воздушного змея или игровую приставку? Восемь из десяти выберут второй вариант. От этого становится печально. Не тянет детей на улицу, на свежий воздух; не привлекают их ни подвижные игры, ни строительство скворечников. Все изменилось на моей родной улице. И уже не кажется она такой шумной и веселой. А от этого тоска по ушедшему детству становится еще сильнее.

Куда уходит детство? Нет, оно не уходит. Оно остается там, где мы выросли. Уходим мы — однажды и навсегда. Но все так же ждет нас улица детства: приходит во сне, зовет и улыбается. И если при виде играющих детей что-то просыпается в душе — это не дежавю, это детство напоминает о себе. Чтобы вернуться в детство, в эту волшебную страну, я возвращаюсь на улицу моего детства. Ей принадлежит часть меня, часть всех нас. И от этого никуда не деться.

Рецензии

Виталий Жигалов

«ОТКУДА ОН ЗНАЕТ ТУ ВОЙНУ...»

ЛОГИНОВ А. «БРАТСТВО», МАЙ 2006 ГОДА

Саша Логинов обратил наше внимание как юный прозаик и поэт еще в 9 классе. Тогда впервые в газете «ЛИК» появился его рассказ «Две войны» и стихи, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне.

И нам, юным читателям, сразу стал заметен его литературный дар. Мы не могли не отметить, что Саша Логинов свое творчество посвящает самой волнующей его теме — человек на войне. Этой же теме посвящен цикл рассказов и стихов «Братство», вышедший в свет в мае этого года.

Первая книга А.Логинова повествует о реальных событиях и создана на основе воспоминаний и рассказов участников боевых действий на Кавказе. «Я попытался показать войну глазами ее участников — моих друзей и знакомых, прошедших Чечню, — говорит Саша. — Я не ставил своей целью описать бои, страдания, хотя без этого не обошлось: война ведь. Я не хотел показать супер-бойцов или безжалостных мародеров и мучителей мирного населения. Я хотел показать мальчишек, вчерашних школьников, которые быстро повзрослели, которые научились терпеть боль и смеяться даже сквозь слезы, потому что иначе ТАМ не выжить. Я стремился передать ощущение боевого братства, которое помогало выстоять в порой невыносимых условиях. И если мне удалось донести до читателей хотя бы какую-то часть правды, я буду счастлив».

Тепло отозвался в предисловии к циклу писатель и журналист Виктор Савельев о Сашиной книге: «Откуда он знает ту войну, о которой пишет? Ведь для того, чтобы создавать подобные произведения, явно недостаточно выслушать, пусть и крайне внимательно, воспоминания друзей — очевидцев и участников трагических событий. Здесь мало просто получить информацию. Ее надо прочувствовать, пропустить через себя, свою душу, свое сердце... Двигаясь вместе с автором по военным дорогам, знакомясь на них с самыми разными людьми, героями и подлецами, обретая друзей и теряя их, просто получаю огромный эмоциональный заряд и, наверное, становлюсь чище и мудрее».

Горькая, но одновременно жизнеутверждающая «Надежда», жуткая, страшная «Смерть», вызывающее праведный гнев «Чистилище», емкое, глубокое по содержанию «Немое кино»...

Читайте Сашины воспоминания. Переживайте. Верьте ему. И мужайтесь, ибо читать зачастую будет тяжело и горько. Приготовьтесь к тому, что строки молодого писателя заденут самые сокровен-

ные фибры вашей души, которая, оказывается, еще не потеряла лучших человеческих качеств, которая может болеть, страдать, сопереживать, гордиться и презирать, любить и ненавидеть».

Свою первую книгу Саша Логинов посвящает прошедшим горячие точки воспитанникам Невинномысского учебного кадетского центра. Фотография некоторых из них — прототипов героев цикла «Братство» — помещена на обложке книги.

Книга «Братство» подготовлена к печати редакцией вестника «ЛИК» на кафедре гуманитарного образования гимназии № 10 ЛИК (составление, подготовка текстов, редактирование — Л.В. Балясова и Э.Э. Герман, технический редактор К. Малеваный, 9 класс).

А выход в свет книги «Братство» стал возможным благодаря помощи и поддержке «Российской партии жизни», заместителя председателя Государственной Думы Ставропольского края К.К. Храмова и директора гимназии № 10 ЛИК А.А. Калкаева.

Книгу Саши Логинова «Братство» можно почитать в школьной библиотеке. Надеемся, что это не последнее Сашино творение.

Георгий Туз

ПОДВИГ

Слово «подвиг» у людей ассоциируется с каким-то выдающимся геройским поступком, чаще всего, запечатленным во всемирной истории. О таких поступках пишут книги, снимаются фильмы. Вот, к примеру, сравнительно недавно на экраны кинотеатров вышел фильм «300 спартанцев». Это фильм о подвиге трехсот спартанских воинов, которые во главе с царем Леонидом погибли в неравном бою с персидским воинством у Фермопильского ущелья. Между тем, если вдаваться в подробности, решение Леонида отправить силы союзников отступить к Афинам, а самому с маленьким отрядом принять бой, было лишено всякого военного смысла и имело лишь моральное значение, что никак не умаляет героизма спартанцев. Бой у Фермопил навсегда остался в истории.

Можно привести множество других примеров, причем, как правило, подвиги всегда были связаны с военным делом. Именно подвиги на поле боя восхвалялись бродячими певцами того времени, да и сейчас немало произведений на тему какого-нибудь славного подвига древнегреческого воина или средневекового рыцаря, показывающих героизм людей тех давних времен. Но неужели все подвиги совершены в прошлом, и сейчас их не случается вовсе? Нет, это не так. Подвиги совершаются каждый день, и часто прямо рядом с вами, просто они настолько незаметны, что не воспринимаются человеком, а ведь они бывают не менее достойными, чем подвиг тех же трехсот спартанцев.

Просто на самом деле подвиг — это совсем не обязательно какой-то гремящий на весь мир поступок, ведь он может быть совсем скромным, казалось бы, мало что значащим, но все же подвигом. В нашем мире редко обращают на них внимание. А подвиг на виду у миллионов вполне может оказаться гораздо менее славным, чем подвиг на виду одного-единственного человека. Например, какой-то богач пожертвовал большую сумму денег на благое дело: постройку нового храма (либо реставрацию старого) или на оказание помощи больным детям. Это, безусловно, благородный поступок. Но не подвиг! У богача денег навалом — и он может себе это позволить, ему от этого хуже не станет. А подвиг предполагает прежде всего самопожертвование. И нищий, снимающий с себя последнюю рубашку, чтобы укрыть замерзающего на улице сироту, совершает самый настоящий подвиг, ведь замерзая сам, этот нищий подарил человеку жизнь.

Не надо стирать грань между благородным поступком и подвигом, именно это и есть причина человеческого невежества в данном вопросе. Герой никогда не думает о себе — он думает о том, кому надо помочь, и как это сделать, он не загадывает, что с ним самим случится в случае удачи или неудачи. В этом и заключается истинный героизм, и героем может стать любой человек, если ЭГОИЗМА нет в его крови, если хоть раз в жизни он готов забыть о себе и подумать о других. Вот все то, что нужно для совершения подвига, а больше ничего: ни мускулатуры Геркулеса, ни ума Архимеда. Главное, чтобы была душа. Твоего подвига может никто не заметить, но разве это важно? Главное, что об этом будешь знать ты.

Некоторые люди просто не способны совершить подвиг — не потому, что они злые и подлые — они могут оказаться хорошими людьми, но слишком... трусливыми. Они боятся совершить подвиг, хотя и рады бы сделать добро, но трясутся за свою жизнь, свое благополучие, боятся что-либо менять. Таких людей вполне можно понять.

Но как омерзительны лицемеры, кичливо демонстрирующие всем окружающим свое «благородство» и прячущие свое истинное лицо под маской хорошего человека. Да этим в жизни не понять, что такое подвиг! Они привыкли думать только о себе, а если вдруг и совершат какой-нибудь добрый поступок, то кричат об этом на всех углах. С грустью наблюдаю, как таких становится все больше и больше, с каждым мгновением люди все усерднее забывают о ближних своих, и именно это порождает ненависть и злость, которые в конце концов разрушат наш и так насковзь прогнивший мир. Соверши подвиг — подумай о других, забыв о себе, и ты оттянешь этот момент, и, возможно, солнце пока еще не будет так сильно жечь нашу планету, хотя в конце концов жизнь на ней все равно прекратится. Только мы с тобой, уважаемый читатель, к счастью, уже этого не увидим.

Анастасия Каграманова

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КИНОМЮЗИКЛЕ

Среди многочисленных киножанров одним из наиболее любимых зрителями является мюзикл. Популярность киномюзикла огромна. «Вестсайдская история» и «Моя прекрасная леди», «Звуки музыки» и «Смешная девчонка», «Кабаре» и «Чикаго» — эти и другие названия известны миллионной аудитории во всем мире. Между тем вопрос, что такое мюзикл, каковы его особенности, всегда являлся предметом дискуссии. Действительно, определить границы мюзикла очень трудно. Ведь этот термин объединяет самые различные произведения. Несомненна связь мюзикла с опереттой, с музыкальной комедией, а также с шоу и ревю, в которых музыка является ведущим средством воплощения замысла. Но есть у них и существенные различия. Например, ревю отличалось тем, что было собранием отдельных, между собой не связанных музыкальных номеров.

Комедия и оперетта имели сюжет, эпизоды их объединялись сквозным драматическим действием, а музыкальные куски включались в движение интриги как вставные номера, время от времени прерывающие ход основного действия. Мюзикл от них принципиально отличен тем, что танцевальные и вокальные номера тут не являются вставками, они органичные и закономерные, внутренне мотивированные компоненты сценической постановки или фильма. Все эти элементы находятся в неразрывном единстве. Хореография, пластика становятся важнейшими элементами в системе выразительных средств мюзикла наряду с пением, помогают раскрыть характер персонажей.

Мюзикл родился в конце XIX — начале XX веков в США на сценических подмостках Бродвея. Он сформировался как самостоятельная театральная форма, выросшая на американской почве и вли-

тавшая в себя большой опыт эстрады. Мюзикл получил распространение сначала на сцене и только потом в кино. Кстати, именно музыкальный фильм открыл историю звукового кино. Одним из первых звуковых фильмов был «Певец джаза» (1927, режиссер А.Кросленд) с участием певца Эла Джолсона. Киномюзикл имеет прямой контакт с театром, часто использует его сюжеты. Заимствованные идеи он доносит до зрителя уже принципиально иными средствами. Органичный и умелый синтез драматургического материала, музыки, песен и танцев может создать яркое, выразительное, увлекательное зрелище.

В театре и кинематографе США мюзикл всегда был традиционным жанром, именно здесь были созданы лучшие образцы, получившие затем известность. Однако мюзикл — не столько специфически американский жанр, сколько жанр, рожденный потребностями «массового общества», и в США появившийся потому, что в этой стране рано сформировалась «массовая культура». Созданный для массового зрителя, тесно связанный с его сознанием, мюзикл обращался к нему на понятном и общедоступном языке.

Киномюзикл привлекал известных режиссеров, драматургов, композиторов. Но лишь немногим мастерам удалось создать подлинно художественные произведения в этом, на первый взгляд, «легком» жанре, требующем большого вкуса и профессионализма. Особые требования предъявлялись и к исполнителям. Актеры должны были обладать большой музыкальностью, чувством ритма, способностью через музыку, пластику, пение выразить характер. Мюзикл рассчитывал на актеров универсальной одаренности, умеющих объединять пение, речь, мимику, танец, подчиняя их задаче создания цельного образа, причем такими качествами должны были обладать не только «звезды», но и весь ансамбль. Профессиональный уровень исполнителей был очень высоким. С мюзиклом неразрывно связано творчество знаменитых Фреда Астера, Джинджер Роджерс, Джуди Гарланд, Джина Келли, Лайзы Миннелли и многих других.

Как уже отмечалось, развитие американского киномюзикла шло под влиянием постановок Бродвея. Некоторые из них, наиболее полюбившиеся зрителям и пользующиеся успехом, переносились на экран. Так было, например, со знаменитыми мюзиклами «Моя прекрасная леди», «Милая Чарити», «Вестсайдская история», «Кабаре». И сейчас мюзикл нередко приходит в кино с бродвейских сцен. Так, совсем недавно был снят фильм «Чикаго» (2002, режиссер Роб Маршалл), получивший несколько наград Американской киноакадемии («Оскар»). Задолго до этого мюзикл «Чикаго» поставил на Бродвее знаменитый режиссер и хореограф Боб Фосс, чья работа и была положена в основу фильма. Многие сюжеты и темы переходили из одного фильма в другой. Например, всегда любимой была «история Золушки», традиционная для кино США. Она нашла широкое распространение в музыкальных картинах. Герои благодаря таланту, душевным качествам и счастливым обстоятельствам добивались успехов. Очень часто сюжет фильма был связан с рождением звезды.

Киномюзикл все время искал свои выразительные средства. Он не мог оставаться неизменным, не рискуя при этом потерять привязанность зрителей. Необходимы были новые формы, сюжеты, исполнители. Этот поиск продолжался на всех этапах его развития. Во все периоды истории кинематографа США не ощущалось недостатка в значительных произведениях. Вот только некоторые из них: «42-я улица» (1933, режиссер Л.Бэкон), «Американец в Париже» (1951, режиссер В.Миннелли), «Пение под дождем» (1952, режиссер С.Донен), «Вестсайдская история» (1961, режиссер Р.Уайз), «Моя прекрасная леди» (1964, режиссер Д.Кьюкор), «Звуки музыки» (1965, режиссер Р.Уайз), «Смешная девчонка» (1968, режиссер У.Уайлер), «Кабаре» (1972) и «Весь этот джаз» (1979, оба режиссер Б. Фосс), «Чикаго» (2002, режиссер Р. Маршалл) и другие. Лучшие постановки связаны с именами режиссеров и хореографов Стенли Донена, Винсенте Миннелли, Джерома Роббинса, Боба Фосса, композиторов Ирвинга Берлина, Джорджа Гершвина, Джерома Керна, Кола Портера, Леонарда Бернштейна. В настоящее время успешно работает в жанре мюзикла британский композитор Эндрю Ллойд Веббер, автор таких известных произведений, как «Эвита», «Кошки», «Призрак оперы», и других. Некоторые из них были перенесены на экран.

Классический мюзикл 30–50-х годов в основном был чисто развлекательным зрелищем и отражал традиционный для кино США сюжет — путь к успеху. Он стал любимым зрелищем, так как именно в нем отражалась идея «американской мечты».

В истории мюзикла были мастера, определившие своим творчеством развитие жанра в те или иные годы. Среди актеров и танцоров, чье искусство неотделимо от музыкального фильма, несомненно, выделялся Фред Астер. Несколько десятилетий он оставался «королем» мюзикла благодаря таким фильмам, как «Полет в Рио» (1933), «Цилиндр» (1935), «Ритм свинга» (1936), «Потанцуем?» (1937), «Забавная мордашка» (1957). Актер обогатил мюзикл интересными художественными находками. Прежде всего это был его блестящий танец. Картины с участием Фреда Астера олицетворяли для зрителя романтический, увлекательный, условный мир, далекий от действительных забот и проблем, как и большинство мюзиклов 30-50-х годов. Его партнерами в разные годы были Д.Роджерс, Э.Пауэлл, Дж. Гарланд, О.Хепберн и другие.

К середине 50-х годов закончился так называемый «золотой век» мюзикла, начались новые поиски в области жанра. В 60-е годы произошел перелом, связанный с кризисом культуры. Бурные политические события тех лет не могли не затронуть хоть в какой-то степени жизнерадостный и оптимистичный киномюзикл, который постепенно шел от сценической условности к реальной жизни. В то же время появлялись фильмы, продолжавшие развлекательную традицию, как, например, одна из самых кассовых картин 60-х годов «Звуки музыки» режиссера Р.Уайза. Любопытно, что несколькими годами ранее тот же режиссер совместно с блестящим бродвейским хореографом Д. Роббинсом и композитором Л.Бернстайном снял замечательный фильм «Вестсайдская история». Обратившись к вечному сюжету Ромео и Джульетты, перенесенному в настоящее время, авторы сделали проникновенную подлинным драматизмом картину из жизни современного Нью-Йорка, подняли проблемы расовой вражды и молодежной преступности. С помощью музыки, выразительных танцевальных номеров и песен авторы пытались показать острые социальные проблемы.

Другое направление в мюзикле осваивало литературную классику, как, например, «Моя прекрасная леди». В основе фильма, ставшего событием благодаря замечательной игре Одри Хепберн и прекрасной музыке Ф. Лоу, была пьеса Б.Шоу «Пигмалион». А в мюзикле «Смешная девчонка» вообще появился новый тип героини. Фильм, рассказывающий о судьбе популярной в 20-е годы эстрадной актрисы Фанни Брайс с участием певицы Барбры Стрейзанд, для которой эта роль стала дебютом в кино, представлял зрителям героиню, совсем не похожую на сказочно красивых актрис прошлых лет. Наоборот, она напоминала обычную девчонку, живущую за соседней дверью и оттого близкую зрителям. Герои мюзикла от прежней условности шли к реальной жизни и актуальным проблемам.

В конце 60-х годов в кино США появился режиссер и хореограф, имя которого связано с новаторскими поисками в области жанра, — Боб Фосс. Замечательный хореограф, танцовщик, режиссер Бродвея, создавший знаменитые постановки, снял пять фильмов и три из них — мюзиклы: «Милая Чарити», «Кабаре» и «Весь этот джаз». В своих киномюзиклах он пытался уйти от бродвейской условности, выработать новый язык синтеза, движения, музыки и драматургии. Уже первый его фильм «Милая Чарити», созданный по мотивам картины Ф.Феллини «Ночи Кабирии», запомнился своей яркой хореографией, энергичной пластикой, музыкальными номерами, прекрасной игрой актрисы Ширли Маклейн.

Следующий фильм Б.Фосса «Кабаре» ломал традиционную драматургию мюзикла, сближал его с эпохой, показывал важные политические и социальные проблемы, доказывал, что и тематически для этого жанра нет непреодолимых ограничений. Фосс воссоздал на экране средствами мюзикла атмосферу Берлина 30-х годов накануне трагических исторических событий. Зрители увидели кабаре, где эстрадные номера становились сутью происходящего и служили как бы призмой, через которую можно было увидеть героев и окружающую их социальную атмосферу времени. Боб Фосс считал: «Пение под дождем», «Американец в Париже», все мюзиклы с участием Джина Келли и Фреда

Астера — это классика. Но они созданы в другое время. Сегодня мюзиклы, где люди поют, шагая по улице или развешивая белье, кажутся мне изжившими себя — по правде говоря, они выглядят, на мой взгляд, несколько комично. Это можно делать на сцене. У театра свой собственный — условный мир. В кино же самое фантастическое становится реальным. Когда я снимал «Милую Чарити», я особо подчеркивал реальность и, насколько возможно, удалял ее от атмосферы ателье. Киномюзикл должен создавать свой собственный мир... В реальной жизни мы не увидим ни одной любовной пары, поющей на скамейке в парке или танцующей. Публика знает это и все-таки принимает все как есть. Но я не уверен, что и сегодня нужно так делать. Как художественная форма. кино стало очень интеллектуальным. А вместе с ним и публика»*.

Главную роль в «Кабаре» сыграла Лайза Миннелли, дочь признанных мастеров мюзикла, кинозвезды Д.Гарланд и режиссера В.Миннелли. Большой талант Л.Миннелли, ее прекрасные музыкальные данные также немало способствовали успеху картины. Она блистательно справилась с ролью, продемонстрировав богатую палитру актерской выразительности. Фильм «Кабаре» получил заслуженное признание, любовь зрителей и 8 «Оскаров».

В 1979 году Б.Фосс поставил «Весь этот джаз», делая попытку создать «интеллектуальный» фильм средствами мюзикла. Это фильм — исповедь, осмысление режиссером своего пути в мире шоу-бизнеса, картина, где слились воедино образы и события из его реальной жизни и постановок, воспоминания и фантазии. Б. Фосс осваивал мир «серьезной» драмы средствами киномюзикла. Его творчество было прорывом к новым рубежам, он доказал, что мюзиклу доступны и актуальная тема, и изображение повседневной жизни с ее проблемами, и внутренний мир личности, и весь арсенал выразительных средств современного кино.

Конечно, помимо перечисленных фильмов, создавались и многие другие, более или менее удачные киномюзиклы. Режиссеры разных стран обращались к этому жанру, но все-таки именно для кинематографа США он стал традиционным и представлял подлинно талантливых режиссеров, хореографов, композиторов и исполнителей. И в данной работе хотелось бы проследить лишь некоторые направления развития американского киномюзикла, любимого зрителями и сумевшего в лучших своих образцах встать в один ряд с наиболее значительными произведениями мирового кинематографа.

*Action, Hollywood, Vol. 9, No. 3, May-June, 1974, p.24-25.

Наши авторы

Аникина Анастасия, 9 класс, гимназия № 10 ЛИК, город Невинномысск.
Антонян Каринэ, 11 класс, СОШ № 12, город Новоалександровск.
Артемова Мария, 8 класс, центр «Радуга», город Лермонтов.
Балакина Светлана, 7 класс, СОШ № 10, село Бурлаское.
Баластрова Ксения, СОШ № 3, станица Советская.
Барячина Надежда, 7 класс, СОШ № 2, город Невинномысск.
Борисова Марина, 9 класс, гимназия № 24, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.
Букин Максим, 7 класс, СОШ № 2, село Александровское.
Варданян Лусине, 10 класс, СОШ № 2 Левокумского района, село Левокумское.
Воронина Александра, 7 класс, гимназия № 30, город Ставрополь.
Габов Александр, 8 класс, лицей № 8, ЦТРГО «Поиск», город Кисловодск.
Геладзе Марина, литературно-художественный кружок «Планета детства», Ставропольский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Доверие», город Ставрополь.
Голикова Ангелина, 8 класс, СОШ № 18, город Невинномысск.
Головко Николай, студент Ставропольского государственного университета, факультет романо-германских языков, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.
Гунариди Ольга, 11 класс, СОШ № 111, город Минеральные Воды.
Дворкина Анастасия, 9 класс, СОШ № 9, город Георгиевск.
Денег Оксана, литературно-художественный кружок «Планета детства», Ставропольский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Доверие», город Ставрополь.
Дмитриенко Дарья, 7 класс, СОШ № 2, село Александровское.
Дрожжа Кристина, 11 класс, СОШ № 20, город Невинномысск.
Жарков Олег, 4 класс, СОШ № 13, поселок Светлый.
Жигалов Виталий, 11 класс, гимназия № 10 ЛИК, город Невинномысск.
Жидкова Лилия, 10 класс, СОШ № 2, станица Григорополисская.
Захарова Мария, 9 класс, лицей № 6, город Невинномысск.
Зуев Виталий, 10 класс, гимназия № 7, село Донское.
Каграманова Анастасия, 9 класс, СОШ № 1, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.
Калинина Екатерина, 8 класс, СОШ № 4, город Георгиевск.
Касатонов Олег, 10 класс, СОШ № 18, ЦДОД «Поиск», город Ставрополь.
Киричек Любовь, 11 класс, СОШ № 20, город Невинномысск.
Княгинина Елена, объединение «Юный журналист-эколог» Эколого-биологического центра города Георгиевска.
Когай Николай, 11 класс, СОШ № 1, город Прохладный Кабардино-Балкарской республики.
Колесникова Анастасия, студентка Ставропольского государственного университета, исторический факультет, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.
Колодченко Юлия, 10 класс, гимназия № 24, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.
Кондратьева Мария, 10 класс, гимназия № 10 ЛИК, город Невинномысск.
Кривко Марина, 7 класс, СОШ № 7, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.
Крюкова Мария, 11 класс, гимназия № 7, село Донское.
Кулина Ирина, 10 класс, СОШ № 37, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.

Лапшова Анна, 10 класс, СОШ № 3, город Георгиевск.
Лебедева Дарья, 8 класс, СОШ № 6, город Минеральные Воды.
Логачева Анна, 9 класс, СОШ № 12, город Невинномысск.
Логинов Александр, 11 класс, гимназия № 10 ЛИК, город Невинномысск.
Мальцева Елена, 8 класс, центр «Радуга», город Лермонтов.
Мельникова Елена, 9 класс, гимназия № 103, город Минеральные Воды.
Моздор Дарья, 10 класс, СОШ № 20, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.
Мохова Татьяна, 7 класс, СОШ № 4 Левокумского района, село Правокумское.
Низовцева Екатерина, 11 класс, СОШ № 3, село Прасковья.
Никитина Анастасия, 5 класс, гимназия № 30, город Ставрополь.
Новик Никита, 9 класс, гимназия № 7, село Донское.
Осипова Юлия, 11 класс, центр «Радуга», город Лермонтов.
Перехода Маргарита, 9 класс, гимназия № 30, город Ставрополь.
Пономарева Элеонора, 11 класс, СОШ № 29, город Георгиевск.
Постоногова Мария, 10 класс, СОШ № 29, город Георгиевск.
Пржиленский Игорь, студент Ставропольского государственного университета, юридический факультет, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.
Приходько Олег, 11 класс, СОШ № 2, село Кочубеевское.
Пшенко Жанна, СОШ № 7, город Минеральные Воды.
Романова Екатерина, литературно-художественный кружок «Планета детства», Ставропольский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Доверие», город Ставрополь.
Саввина Ирина, 11 класс, СОШ № 5, город Георгиевск.
Свенский Никита, 8 класс, СОШ № 7, город Минеральные Воды.
Семчина Любовь, 10 класс, СОШ № 1, город Михайловск.
Ситовская Дарья, объединение «Юный журналист-эколог» Эколого-биологического центра города Георгиевска.
Соборова Екатерина, 7 класс, гимназия № 7, село Донское.
Соловьева Анастасия, 7 класс, СОШ № 20, город Невинномысск.
Сотникова Людмила, 5 класс, СОШ № 1, город Ставрополь.
Старенкова Екатерина, 9 класс, гимназия № 7, село Донское.
Сухарев Михаил, 11 класс, лицей № 17, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.
Трегубова Марина, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.
Туз Георгий, 11 класс, гимназия № 25, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.
Усенко Надежда, 11 класс, СОШ № 5, село Прикумское.
Фоменко Наталья, 7 класс, СОШ № 29, город Георгиевск.
Цимбалова Оксана, 10 класс, СОШ № 1, город Прохладный Кабардино-Балкарской республики.
Чаплыгина Ирина, 9 класс, гимназия № 1, село Красногвардейское.
Швыдкова Асият, 11 класс, СОШ № 15, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.
Шевченко Оксана, 10 класс, СОШ № 26, литературно-художественная студия «Вдохновение», город Ставрополь.
Шуляк Ирина, литературно-художественный кружок «Планета детства», Ставропольский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Доверие», город Ставрополь.

Содержание

А.Ф. Золотухина. Обращение к читателям	3
Л.Н. Папенина. Обращение к читателям	4
К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. Предисловие составителей	5

Часть I. Фантазеры и реалисты

Туз Георгий. Как я отмечал свой день рождения	7
Туз Георгий. Ножи	8
Туз Георгий. Дед Прохор	12
Головко Николай. Война за мир: Наследники Света	17
Пржиленский Игорь. Awaken (Пробуждение)	26
Моздор Дарья. Тайная зависть	72

Часть II. Дуновение поэзии

Марина Трегубова. Папе	97
Колесникова Анастасия. Зачем ты пришел, милый...	97
Колесникова Анастасия. Малиновый сон	97
Колесникова Анастасия. Он	98
Колесникова Анастасия. Осень	98
Колесникова Анастасия. Круг	98
Колесникова Анастасия. Потерянные мечты	98
Колесникова Анастасия. Пустота	98
Колесникова Анастасия. Ему	98
Колесникова Анастасия. Зима	98
Колесникова Анастасия. Теплота рук давно не моя...	98
Головко Николай. I close my eyes	98
Головко Николай. Not feeling you	99
Швыдкова Асият. Волной накатила вода...	99
Швыдкова Асият. Свое поломанное стулом тело...	99
Швыдкова Асият. Я в вечность серую не верю...	99
Швыдкова Асият. Секущие призмы сознания...	100
Швыдкова Асият. На красной догорающей стене...	100
Швыдкова Асият. Расплывусь полумесяцем глаз...	100
Швыдкова Асият. Ожидание — это болезнь...	100

Швыдкова Асият. Я ни о чём не жалею...	100
Швыдкова Асият. Не стоит показывать слёзы...	100
Новик Никита. Счастье	100
Новик Никита. Учителя	101
Баластрова Ксения. Жить без тебя я научусь...	101
Баластрова Ксения. Творчество	101
Букин Максим. Ю...	101
Букин Максим. Искусство	101
Мельникова Елена. На игле	101
Постоногова Мария. Мы все в ответе за природу	102
Приходько Олег. На пути к рассвету	102
Саввина Ирина. Звезды	102
Дмитриенко Дарья. Чуть-Чуть	102
Фоменко Наталья. Зарисовки художника	103
Артемова Мария. Положу я письмо...	103
Борисова Марина. Небо	103
Борисова Марина. С.А. Есенину	103
Воронина Александра. Край любимый! Для сердца отрада...	104
Голикова Ангелина. Журчит река, шумят деревья...	104
Дворкина Анастасия. Война	104
Дрожжа Кристина. Осень	104
Дрожжа Кристина. Это весна!	105
Жидкова Лилия. Дрожь по телу, и буря, и трепет...	105
Зуев Виталий. Собаке	105
Зуев Виталий. Одинокая тень	105
Когай Николай. Дождь надежд	105
Колодченко Юлия. Война	106
Кривко Марина. Возьмите в руки кисть и краски...	106
Кривко Марина. Зима	106
Кривко Марина. Брат с сестрой	106
Логинов Александр. Дождь	106
Логинов Александр. После боя	107
Мальцева Елена. Разговор с осенью	107
Мохова Татьяна. Дыхание зимы	107
Никитина Анастасия. Капа	107
Осипова Юлия. Небо в Беслане	107
Перехода Маргарита. Ставропольские ночи	108
Перехода Маргарита. Осень	108
Пономарева Элеонора. Холодные ночи безлунные...	108
Пономарева Элеонора. Вы не видели человека?..	108
Семчина Любовь. Всюду снег...	109
Соборова Екатерина. О моей сестре	109
Захарова Мария. Лето	109
Захарова Мария. Сентябрь	109
Захарова Мария. Пятый лепесток сирени	109
Геладзе Марина. Новый год	109
Геладзе Марина. Новый год	109

Денега Оксана. Идея	109
Денега Оксана. Новый год	109
Романова Екатерина. Игра	110
Шуляк Ирина. Здравствуйте, люди дорогие!..	110
Усенко Надежда. Библиотека	110
Цимбалова Оксана. Ноябрь месяц, ночь, и тихий теплый дождь...	110
Чаплыгина Ирина. Веткой клен взмахнул стыдливо...	110
Шевченко Оксана. Опять двадцать пять!..	111
Соловьева Анастасия. Медведь-шатун	111
Соловьева Анастасия. Лето	111
Балакина Светлана. Морской лев	111
Балакина Светлана. Котенок	112
Балакина Светлана. Памяти бабушки	112
Балакина Светлана. Вечер	112
Жарков Олег. Пейзажные зарисовки	112
Кулина Ирина. Ветеранам	112
Сотникова Людмила. Синеглазый ангел	113
Сотникова Людмила. Я жду весну	113
Сотникова Людмила. Я видела войну	113

Часть III. Поразмышляем

Лебедева Дарья. Дорога к храму	114
Замечательные люди	
Варданян Лусине. Человек и его дело: Незаменимая Андреевна	118
Гунариди Ольга. Баба Маня	119
Пшенко Жанна. Динкины пряники	121
Лапшова Анна. Учитель с большой буквы	124
Крюкова Мария. Горящее сердце Данко	126
Старенкова Екатерина. Певец журавлиного сердца	127
Проблемы... Проблемы... Проблемы...	
Швыдкова Асият. Исповедь подростка	129
Барячина Надежда. «Этот безумный, безумный мир»	131
Кондратьева Мария. Выбор за тобой	132
Кондратьева Мария. Узники виртуального мира	133
Моздор Дарья. Наши механические «друзья»	135
Гоголь — потомок Нострадамуса?!	136
Логачева Анна. Улицы разбитых витрин	137
Касатонов Олег. И нет числа проблемам...	138
Сухарев Михаил. Мой взгляд на профильное образование	139
Низовцева Екатерина. Мой первый опыт интервью	140
Низовцева Екатерина. Размышления о роли семьи в современной России	143
Антонян Каринэ. Дальше, во взрослый мир	147
Старенкова Екатерина. Что значит быть современным?	149
Калинина Екатерина. «Живая вода»	150
Ситовская Дарья, Княгинина Елена. «Не плюй в колодец — пригодится водицы напиться!»	151
Габов Александр. Ах, электричка!	152
Габов Александр. Рассказ не ложь, а в нем намек — добрым школьникам урок	153

Путевые заметки, дневники	
Трегубова Марина. Письма из Америки	154
Свенский Никита. Ходить не вредно – вредно не ходить	159
Аникина Анастасия. Не повезло!	163
Аникина Анастасия. Орлятские заметки	163
Аникина Анастасия. Мир вокруг нас, и мы в этом мире... В поисках счастья...	165
Логинов Александр. Оптимизм, или в защиту жизни. Из дневника	168
Школьная жизнь	
Киричек Любовь. Учиться трудно, а учить?	169
Логинов Александр. Пятиклассники приобщаются к исследованиям	171
Логинов Александр. 25 число	172
Улицы нашего детства	
Туз Георгий. Мой чужой двор. Письмо другу из Николаева	173
Крюкова Мария. Улица моего детства	174
Рецензии	
Жигалов Виталий. «Откуда он знает ту войну...» Логинов А. «Братство», май 2006 года	176
Туз Георгий. Подвиг	177
Каграманова Анастасия. Размышления о киномузыке	178